ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального университета

Серия 2
Гуманитарные науки

2016. Т. 18 № 4 (157)

IZVESTIA

Ural Federal University Journal

Series 2
Humanities and Arts

2016. Vol. 18 № 4 (157)

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1920 г.

СЕРИЯ ВЫХОДИТ С 1999 г.
4 РАЗА В ГОД

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Т. Е. Автухович, проф. (Белоруссия)
В. В. Алексеев, акад. РАН (Екатеринбург, Россия)
А. Е. Аникин, акад. РАН (Новосибирск, Россия)
Д. Беннер, проф. (Германия)
Л. И. Бородкин, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)
Дж. Боулт, проф. (США)
М. А. Бусев, чл.-корр. РАХ (Москва, Россия)
П. Бушкович, проф. (США)
А. В. Головнев, чл.-корр. РАН (Екатеринбург, Россия)
С. В. Голынец, акад. РАХ (Екатеринбург, Россия)
Л. Инчуань, проф. (Тайвань)
С. А. Кибальник, проф. (Санкт-Петербург, Россия)
Н. Коллман, проф. (США)
Т. Краус, проф. (Венгрия)
К. Кроо, проф. (Венгрия)
Дж. Майклсон, проф. (США)
Е. П. Мартынова, проф. (Тула, Россия)
А. Мустайоки, проф. (Финляндия)
Б. Ю. Норман, проф. (Белоруссия)
М. Перри, проф. (Великобритания)
Ю. С. Пивоваров, акад. РАН (Москва, Россия)
Х. Рюсс, проф. (Германия)
Г. Саймонс, проф. (Швеция)
Ф. Сенешал, проф. (Франция)
Г. Торвальдсен, проф. (Норвегия)
А. Федотов, проф. (Болгария)
К. Хьюитт, проф. (Великобритания)
А. Х. Элерт, докт. ист. наук (Новосибирск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

Т. В. Кущ, докт. ист. наук, доц.

Заместители главного редактора

Е. П. Алексеев, канд. искусствоведения, доц.
Ю. В. Матвеева, докт. филол. наук, доц.

Ответственный секретарь

Н. В. Мосеева

Н. Н. Баранов, докт. ист. наук, доц.
Л. А. Будрина, канд. искусствоведения, доц.
Е. М. Главацкая, докт. ист. наук, проф.
Г. В. Голынец, канд. искусствоведения, чл.-корр. РАХ
О. В. Зырянов, докт. филол. наук, проф.
М. В. Капкан, канд. культурологии, доц.
А. В. Маркин, канд. филол. наук, доц.
А. М. Плотникова, докт. филол. наук, доц.
Ю. А. Русина, канд. ист. наук, доц.
Д. В. Спиридонов, канд. филол. наук, доц.
А. В. Шаманаев, канд. ист. наук, доц.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Индексирование: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science (WoS).

© Уральский федеральный университет, 2016

THE JOURNAL WAS FOUNDED IN 1920 ISSUED QUARTERLY SINCE 1999

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL

V. V. Alekseev, Full Member of RAS (Yekaterinburg, Russia)
A. E. Anikin, Full Member of RAS (Novosibirsk, Russia)
T. E. Avtuchovich, Professor (Belarus)
D. Benner, Professor (Germany)
L. I. Borodkin, Corresponding Member of RAS (Moscow, Russia)
J. Bowlt, Professor (USA)
P. Bushkovitch, Professor (USA)
M. A. Busev, Corresponding Member of RAA (Moscow, Russia)
A. V. Golovnev, Corresponding Member of RAS (Yekaterinburg, Russia)
S. V. Golynets, Full Member of RAA (Yekaterinburg, Russia)
A. H. Elert, Dr. hab. (History) (Novosibirsk, Russia)
A. Fedotov, Professor (Bulgaria)
K. Hewitt, Professor (Great Britain)
S. A. Kibalnik, Professor (Saint Petersburg, Russia)
N. Kollmann, Professor (USA)
T. Krausz, Professor (Hungary)
K. Kroo, Professor (Hungary)
E. P. Martynova, Professor (Tula, Russia)
G. Mikkelson, Professor (USA)
A. Mustajoki, Professor (Finland)
B. Yu. Norman, Professor (Belarus)
M. Perry, Professor (Great Britain)
Yu. S. Pivovarov, Full Member of RAS (Moscow, Russia)
H. Rüß, Professor (Germany)
P. Sénéchal, Professor (France)
G. Simons, Professor (Sweden)
G. Thorvaldsen, Professor (Norway)
L. Ying Chuan, Professor (Taiwan)

EDITORIAL STAFF OF THE SERIES

Editor-in-Chief
T. V. Kushch, Dr. hab. (History), Associate Professor Deputy Editors

Deputy Editors
E. P. Alekseev, PhD (Art Studies), Associate Professor
Yu. V. Matveeva, Dr. hab. (Philology), Associate Professor

Managing Editor
N. V. Moseeva

N. N. Baranov, Dr. hab., Associate Professor
L. A. Budrina, PhD, Associate Professor
E. M. Glavatskaya, Dr. hab., Professor
G. V. Golynets, PhD, Full Member of RAA
M. V. Kapkan, PhD, Associate Professor
A. V. Markin, PhD, Associate Professor
A. M. Plotnikova, Dr. hab., Associate Professor
Yu. A. Rousina, PhD, Associate Professor
A. V. Shamanaev, PhD, Associate Professor
D. V. Spiridonov, PhD, Associate Professor
O. V. Zyryanov, Dr. hab., Professor

The Journal is included into the List of Peer-reviewed Academic Journals and Editions publishing academic results of doctoral theses.

The Journal is indexed in Science Index (eLibrary); Russian Science Citation Index (RSCI), and the Web of Science™ (WoS).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМА ПОКОЛЕНИЙ В КУЛЬТУРЕ

К 60-летию издания книги
В. С. Варшавского
«Незамеченное поколение»

От редколлегии (*Ю. В. Матвеева*) 7
Васильева М. А. Категория места в эмигрантском сознании: пример Владимира Варшавского 8
Димитриев В. М. Повесть Ивана Болдырева «Мальчики и девочки»: к особенностям поэтики 26
Хадынская А. А. Акмеистические традиции в лирике А. Штейгера 38
Мосейкина М. Н. Судьба поколений литературной эмиграции в контексте российско-латиноамериканского диалога культур 55
Проскурина Е. Н. Мотив *недожитой жизни* как знаковый элемент в поколенческой драме революционной эпохи (на примере жизни и творчества А. Платонова) 68
Матвеева Ю. В. Поколение, прошедшее «одвуконь»: литературное наследие Г. А. Андреева (Хомякова) в контексте творческих судеб «молодых» писателей первой волны русской эмиграции 87
Антошин А. В. Русская интеллигенция на переломе эпох: поколение участников Освободительного движения конца XIX — начала XX в. в России и эмиграции 103
Меньщикова А. М., Снигирева Т. А. Поэтическое поколение в осмыслении Анны Ахматовой 115
Багдасарян О. Ю. Поколение, образовавшее субкультуру: репрезентации стиляжничества в произведениях 1990–2000-х гг. 127
Барковская Н. В. Поколение «застоя» в книгах Э. Кочергина «Ангелова кукла» и В. Любарова «Праздник без повода» 139

ФИЛОЛОГИЯ

Фролова О. Е. О метафоре в лексико-семантической группе *преступник* 154
Михайлова Ю. Н., Чжао И. Культурные коннотации зоонимов в русской и китайской фразеологии 168
Горбань О. А., Ильинова Е. Ю., Косова М. В., Шептухина Е. М. Жанровые особенности войсковых грамот середины XVIII в. (по материалам архивного фонда «Михайловский станичный атаман») 182

ИСТОРИЯ

Исэров А. А. От критики «метанарративов» к новым обобщениям: современные подходы к изучению всемирной истории 200
Боровков Д. С. Византийская гражданская знать в X–XI вв.: эксакиониты 220
Починская И. В. «Записка о раскольниках Глазовского уезда» В. А. Минха 232
Старостин А. Н., Главацкая Е. М. Мусульманская община Екатеринбурга во второй половине XIX — начале XX вв.: численность и институты 244
Брюханова Е. А., Сарафанов Д. Е., Владимиров В. Н., Колдаков Д. В. Подходы к изучению социальной структуры сибирского города на рубеже XIX–XX вв. (по материалам метрических книг Барнаула) 254
Галкина Ю. М. Позиция французской военной миссии в России в событиях марта-августа 1918 г. 271

РЕЦЕНЗИИ

Борисова В. В., Мотин С. В. «Аксаковы: семейная энциклопедия»: pros et cons. Рец. на кн.: Аксаковы: семейная энциклопедия / под ред. С. М. Каштанова. — М. : Полит. энциклопедия, 2015. — 536 с. 282

Список сокращений 292

TABLE OF CONTENTS

THE GENERATION GAP ISSUE IN CULTURE

For the 60th Anniversary of V. S. Varshavsky's *The Unnoticed Generation*

От редколлегии 7

Vasilyeva, M. A. The Category of Place in Émigré Consciousness: With Reference to Vladimir Varshavsky 8

Dimitriev, V. M. Ivan Boldyrev's Story *Boys and Girls*: On the Peculiarities of Poetics 26

Khadynskaya, A. A. Acmeist Traditions in A. Steiger's Lyrical Poetry 38

Moseikina, M. N. The Fate of Literary Émigré Generations in the Context of Russia-Latin America Dialogue of Cultures 55

Proskurina, E. N. The Motif of an *Underlived Life* as an Emblematic Element in the Generational Drama of the Revolutionary Era (with Reference to A. Platonov's Life and Creative Work) 68

Matveeva, Yu. V. Generation Gone "*Odvukon*": Literary Heritage of G. Andreev (Khomyakov) in the Context of the Creative Fate of the "Young" Writers of the First Wave of Russian Emigration 87

Antoshin, A. V. Russian Intelligentsia at the Turn of Epochs: Liberation Movement Participants of the Late 19th — Early 20th Centuries in Russia and Abroad 103

Menshchikova, A. M., Snigireva, T. A. Poetic Generation as Viewed by Anna Akhmatova 115

Bagdasaryan, O. Yu. The Generation that Formed a Subculture: "Stilyagi" and Their Literary Representations in the 1990s–2000s 127

Barkovskaya, N. V. The Generation of "Stagnation" in E. Kochergin's *Angel's Doll* and V. Lyubarov's *Feast without a Cause* 139

PHILOLOGY

Frolova, O. Ye. On Metaphor in the Lexical Semantic Group *Criminal* 154

Mikhaylova, Yu. N., Zhao I. Cultural Connotations of Zoonyms in Russian and Chinese Idioms 168

Gorban, O. A., Ilyinova, E. Yu., Kosova, M. V., Sheptukhina, E. M. Genre Characteristics of the 18th Century Military Charters (With Reference to the *Mikhailovsky Stanitsa Ataman* Archive) 182

HISTORY

Iserov, A. A. From the Critique of Metanarratives to New Generalizations: New Approaches to the Study of World History 200

Borovkov, D. S. Byzantine Civil Aristocracy in the 10th and 11th Centuries: The Hexakionitoi 220

Pochinskaya, I. V. An Essay about the Schismatics of Glazov Uyezd by V. Minkh 232

Starostin, A. N., Glavatskaya, E. M. The Muslim Community of Yekaterinburg between the Late 19th and Early 20th Century: Size and Institutions 244

Brykhanova, E. A., Sarafanov, D. Ye., Vladimirov, V. N., Koldakov, D. V. Approaches to the Study of the Siberian City's Social Structure at the Turn of the 20th Century (With Reference to Barnaul Parish Register Books) 254

Galkina, Yu. M. The Viewpoint of the French Military Mission in Russia of the Situation in May-August 1918 271

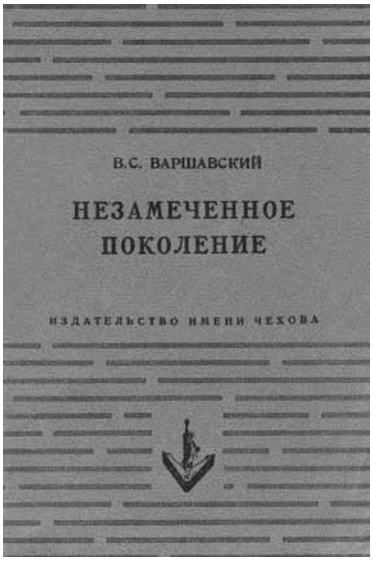
REVIEWS

Borisova, V. V., Motin, S. V. The Aksakovs: A Family Encyclopaedia: Pros et Cons. Review of Kashtanov, S. M. (Ed.). (2015). *Aksakovy: semejnaya ehntsik-lopediya* [The Aksakovs: A Family Encyclopaedia]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. 536 p. 282

List of abbreviations 292

ПРОБЛЕМА ПОКОЛЕНИЙ В КУЛЬТУРЕ

К 60-летию издания книги В. С. Варшавского «Незамеченное поколение»



В 1956 году в Нью-Йорке в Издательстве имени Чехова вышла книга редкой исторической и социокультурной значимости — «Незамеченное поколение» Владимира Сергеевича Варшавского. Уникальность ее состоит в том, что она впервые представила миру в качестве особого феномена судьбу целого поколения русских людей, родившихся на рубеже XIX–XX столетий и оказавшихся в результате исхода Гражданской войны за пределами Советской России. Это было, конечно же, поколение самого В. Варшавского, не случайно нынешний юбилейный для него год является также и годом 110-летия И. Кнорринг, З. Шаховской, В. Яновского. В эмигрантском сообществе их называли «молодым» поколением, «сыновьями» эмиграции. Однако, продолжив традиция А. де Мюссе, М. Лермонтова, А. Григорьева, А. Герцена, В. Варшавский не только начертал силуэт героев своего времени и сыновей века, но отразил их жизнь во всей ее полноте — социально-исторической, политической, эмоционально-психологической, религиозной, культурной. Вполне естественно поэтому, что глубина и масштаб книги В. Варшавского заставляют, с одной стороны, еще раз внимательно вглядеться в литературное и общекультурное наследие его ровесников, а с другой — вновь поразмышлять на философскую, но вечно актуальную тему соотношения человека и его поколения, на глобально значимую тему поколений в истории и культуре.

Ю. В. Матвеева

DOI 10.15826/izv2.2016.18.4.062
УДК

М. А. Васильева
Дом русского зарубежья им. А. Солженицына
Москва, Россия

КАТЕГОРИЯ МЕСТА В ЭМИГРАНТСКОМ СОЗНАНИИ: ПРИМЕР ВЛАДИМИРА ВАРШАВСКОГО

Автор рассматривает эволюцию концепта «своего места» в русской литературе через призму произведений Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского и молодых писателей «первой волны» русской эмиграции. В исследовании указывается значение романов «Бесы» и «Преступление и наказание», предложивших глубинные параллели между самовольной редукцией жизни (самоубийством) и редукцией «своего места» в мире (символичный отъезд в «чужие краи») и предвосхитивших целый ряд тем в литературе русского зарубежья. Указывается особая роль цикла работ Д. И. Чижевского, посвященных критике этического формализма, проблеме двойника и творчеству Достоевского и давших всесторонний анализ концепта «своего места» в этико-религиозной системе русского классика. Указывается особая роль мотива «своего места» в идейной и художественной системе В. Варшавского и его существенный вклад в обновление этого дискурса. Исследуются отдельные события и явления в истории русского рассеяния («исход», русский Монпарнас, Парижская нота, Вторая мировая война и т. д.) как важнейшие этапы эмигрантского искания своего места в мире.

Цель работы — показать особую роль категории места в эмигрантском сознании и в творчестве писателей русского зарубежья, отметить особый вклад литературоведения русской эмиграции в изучение этико-онтологического «вопроса о “своих местах”». Используя сопоставительный и герменевтический методы, автор отслеживает глубинную связь эмигрантского концепта «своего места» с традицией русской классической литературы. В результате проведенного анализа автор приходит к выводу о существенной трансформации концепта «своего места» в литературе русской эмиграции на фоне тотального исхода, утери родины, точки опоры и своего места в окружающем мире.

Ключевые слова: литература русского зарубежья; концепт «свое место» в русской литературе; исследования Д. Чижевского об этическом формализме и проблеме двойника; молодое поколение русской эмиграции; Парижская нота; Русский Монпарнас; автобиографическая проза В. Варшавского.

Молодым представителям «первой волны» русской эмиграции присвоен своеобразный «поколенческий код». Люди «без корней», или «голый человек, вырванный из земли, как мандрагора, смертельно остроумный, апокалипсически одинокий» [Поплавский, т. 2, с. 296]; «незамеченное поколение», молодые эмигранты, которым «веял в лицо ветерок несуществования» [Варшавский, 1950, с. 27]; «восточные Гамлеты» с «культом недотеп, мстительного презрения к удаче» [Яновский, с. 22]. Этот список определений со знаком минус обширен,

© Васильева М. А., 2016

и, что характерно, его авторство принадлежит не оппонентам из стана критически настроенных «отцов», но самим «детям русской эмиграции». В сущности, мы имеем дело с автопортретом на фоне эпохи.

Еще одно определение — поколение «без своего места в мире» — было предложено Владимиром Варшавским отчасти как аналог его же устойчивого термина «незамеченное поколение». Эта статья и будет посвящена проблематике «своего места» в художественной и философской системе писателя[1]. Образ поколения «без своего места» в мире возникает у него задолго до поднятой проблематики «незамеченности» и становится сквозным в творчестве. В первом же программном эссе, описывая новое поколение эмигрантских детей, «которым негде жить» [Варшавский, 1930/31, с. 220], Варшавский задает мировоззренческий вектор, где сплетаются время, место и сущность эмигрантского бытия:

> ...такой эмигрантский молодой человек внезапно, со страхом должен почувствовать, что он не помнит, не знает, где он находится, что у него не было настоящей жизни, что жизнь прошла мимо него, что он оторван от тела своего народа и не находится ни в каком мире и ни в каком месте (текстовые выделения разрядкой принадлежат автору статьи, курсивом — В. С. Варшавскому и оговариваются отдельно. — *М. В.*) [Там же, с. 221].

И дальше проблематику потери «своего места» Варшавский будет поднимать в художественной прозе, статьях и литературной критике с феноменальным постоянством. Так, в послевоенной статье памяти друга Бориса Вильде он снова опишет русского человека новой формации, который, вслед за «мечтателями» Ф. М. Достоевского, «измученный сознанием своей отверженности, с ужасом чувствуя, что ему нету места в окружающем его чуждом и враждебном мире, — замыкается в своем недуге, в своих неизъяснимо-сладостных безумных мечтаниях о жизни и любви» [Варшавский, 1947, с. 10]. Позже, в военной повести «Семь лет», а потом в «Незамеченном поколении» Варшавский поднимет ту же тему:

> ...одиночество эмигрантских сыновей было еще больше одиночества отцов. У тех <...> еще оставалась опора: воспоминание, эмигрантская общественность, место в экстерриториальной Зарубежной России, а у сыновей не было места нигде, ни в каком обществе [Варшавский, 2010, с. 149].

И, наконец, в главном, итоговом автобиографическом романе «Ожидание», вышедшем в 1972 г., писатель повторит положения своего раннего эссе 1931 г., посвященного эмигрантскому молодому человеку:

> А у нас не было никакого положения нигде, ни в каком обществе. Мы были чужими даже среди эмигрантов. Нас не связывали с ними заветные воспоминания о славе и счастье прежней жизни в России, нас увезли на чужбину детьми. Но все-таки мы были уже слишком взрослыми, чтобы чувствовать себя тут дома, как последующие

[1] Эта тема под несколько другим углом рассмотрена в работе: [Хазан].

поколения эмигрантских сыновей. Нам суждены были беспочвенность, отверженность, одиночество. Мы жили без обычных координат для определения своего места в мире, без всякой ответственности [Варшавский, 1972, с. 56].

Из приведенных цитат очевидно, что описанная В. Варшавским драма неукорененности была порождена беспрецедентным эмигрантским опытом. Этот исключительный социальный и личный опыт и, как следствие, особый менталитет детей русской эмиграции обернулись мощным обновлением содержания и формы в творчестве писателей. Благодаря младоэмигрантам в русскую литературу вошел новый архетип эмигрантского человека «без обычных координат» (герои Б. Поплавского, Г. Газданова, В. Набокова, В. Яновского, Б. Божнева, С. Шаршуна и др.). Между тем новейший герой обладал богатой генеалогией (в этом ряду: «герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова, упоминаемые В. Варшавским «мечтатели» Ф. М. Достоевского, «лишние люди» И. С. Тургенева и т. д.). Не менее богата предыстория поднятой В. Варшавским проблематики утраты «своего места» в мире. Эта глубинная связь чисто эмигрантской идеи «незамеченного поколения» с русской классикой представляет большой интерес для исследователя и помогает полнее понять эволюцию концепта «своего места» в русской литретауре. Здесь ограничимся лишь несколькими примерами.

* * *

«Нужно подумать теперь о том всем нам, как на своем собственном месте сделать добро. Поверьте, что Бог недаром повелел каждому быть на том месте, на котором он теперь стоит», — пишет Гоголь в знаменитом эссе «Женщина в свете» из «Выбранных мест из переписки с друзьями» [Гоголь, с. 225]. В русском зарубежье на проблематику «своего места» в творчестве писателя обратил особое внимание выдающийся философ и филолог Дмитрий Чижевский, определив ее как «центральную в мировоззрении Гоголя» [Чижевский, 1938, с. 187]. Наблюдение это крайне ценно особенно в контексте поднятой нами темы, и потому на разработках Д. Чижевского хотелось бы остановиться отдельно. Через призму проблемы «своего места» по-особому высвечиваются коллизии большинства гоголевских произведений («Петербургские повести», «Ревизор», «Мертвые души» и т. д.). Желание выдать себя за другого или присвоить чужое положение в обществе, потеря своего предназначения в мире, творческого дара, внешнего облика, постепенное разрушение душевных и нравственных основ жизни, разрушение гармоничной целостности личности и многие другие темы в творчестве Н. В. Гоголя, безусловно, могут быть поняты как разные формы этико-онтологической катастрофы утраты человеком «своего места» в мире. Чижевский возводил этот гоголевский дискурс к традициям святоотеческой литературы с ее пафосом «“духовного делания”, подвига, “духовной борьбы”» [Там же, с. 189], «душевного хозяйства» [Чижевский, 1951, с. 146] и сделал

предметом идейно-стилистического анализа в статьях «О “Шинели” Гоголя» [Чижевский, 1938] и «Неизвестный Гоголь» [Чижевский, 1951].

Еще в большей степени концепт «своего места» Д. Чижевский исследовал в творчестве Ф. М. Достоевского. В одной из программных работ, посвященных проблеме двойника, он заметит: «... главной проблемой для Достоевского является проблема “своего места”. Эта проблема, по сути, является одной из самых центральных для русской духовной жизни девятнадцатого века» [Чижевский, 2015, с. 444][2]. В то же время идеи философа не ограничивались только русской духовной жизнью XIX в. и выходили далеко за пределы анализа творчества Достоевского. Автор проводил многочисленные параллели между русской и европейской мыслью нового времени (А. Герцен, Д. Писарев, Вл. Соловьев, Н. Фёдоров, И. Кант, А. Смит, Ф. Ницше, М. Штирнер, С. Кьеркегор и др.). Сама работа о двойнике стала частью фундаментального замысла — обширного философского труда, реализованного лишь отчасти[3].

Широчайший контекст, в который исследователь помещал идеи писателя, по-новому поднимал вопрос об особой форме мысли «философской современности» [Чижевский, 2015, с. 428], крайне антагонистичной религиозно-этическим взглядам Ф. М. Достоевского. Отличительной чертой новой философской системы Д. Чижевский назвал этический рационализм (формализм). Основным предметом анализа в статье о двойнике стала агрессия абстрактной мысли, отвлеченной от «своего места», т. е. от всего живого, единичного, конкретного. По Д. Чижевскому, целый ряд героев Ф. М. Достоевского страдает именно такой умозрительностью этического бытия, утрачивает «онтологическую устойчивость своей конкретности» и в итоге теряет «“свое место”, свое “где”» [Там же, с. 449]. Подробно разбирая заложников этой отвлеченной идеи, не укорененной в живой конкретности (Голядкин, Ставрогин, Иван Карамазов и т. д.), Д. Чижевский делает крайне важное умозаключение: каждый из героев в разной степени являет собой «онтологическую пустоту» и подвержен душевному распаду («двойничеству»). Ярче всего эти черты проявлены в образе Николая Ставрогина:

> ...он оторван ото всего мира, обособлен, изолирован, он абсолютно уединен, не имеет в конкретном никакой точки опоры. <...> У него нет «душевного магнитного меридиана» и для него нет того «магнитного полюса», к которому, по мнению Достоевского, влечется всякая живая душа, — нет Бога! Живое, конкретное бытие человека, всякое его «место» в мире возможно лишь через живую связь человека с божественным бытием [Там же, с. 438].

---

[2] Статья Д. Чижевского на немецком языке «Zum Doppelgängerproblem bei Dostojevskij. Versuch einer philosophischen Interpretation» [Čyževśkyj] стала расширенным вариантом русскоязычной статьи «К проблеме двойника. (Из книги о формализме в этике)», вышедшей в коллективном сборнике «О Достоевском» под редакцией А. Л. Бема [Чижевский, 1929]. В немецком варианте статьи Д. Чижевский развил некоторые положения своей ранней пражской публикации, в том числе и «вопрос о “своих местах”» [Čyževśkyj, S. 433]. Здесь цитаты приводятся по переводу немецкого варианта [Чижевский, 2015].

[3] Отдельные главы книги были опубликованы в эмигрантской периодике: [Чижевский, 1928а; 1928б; 1928в; 1931].

Представляется крайне знаменательным, что именно в контексте исторических и социальных сломов, разрушения привычных основ жизни и масштабного изгнания стала возможна такая глубокая и разработка в достоевсковедении проблематики «своего места» с уяснением неразрывной, глубинной этической связи человека — «с конкретным окружением (родина, народ, сословие, семья)» [Там же, с. 444]. Принципиальный акцент в исследованиях Д. Чижевского на «не только “как”, но и “где” этического действия» [Там же, с. 445] был большим вкладом в эмигрантскую философскую мысль и в философию человека в целом. Не случайно его статья вызвала большой резонанс в русском рассеянии и активно обсуждалась в начале 1930-х гг. [см.: Бицилли, 1930а; 1930б; Гессен; Франк; Зандер; Лосский]. От себя добавим, что исследование Д. Чижевского о двойнике наметило целый ряд парадигм в изучении творчества Ф. М. Достоевского, однако при всей фундаментальности постановки вопроса некоторые темы были намечены философом лишь пунктирно. Сегодня они представляют большой интерес как посыл для дальнейшей разработки, в том числе и в свете заявленной нами темы. Одна из них — глубокая идейная связь в текстах Ф. М. Достоевского между символикой утери «своего места» и самовольным уходом из жизни[4].

* * *

Апогей потери своего этико-онтологического места в мире — судьбы Свидригайлова и Ставрогина, оба героя кончают самоубийством. Крайне символично описана эта редукция человеческого бытия у Достоевского. В обоих случаях намерение уйти из жизни прочно ассоциируется у героев с отъездом, по сути же напоминает эмиграцию (т. е. акт насильственного разрушения устойчивого миропорядка). В случае Ставрогина — это гипотетический отъезд в Швейцарию, в случае Свидригайлова — в Америку. «М е с т о о ч е н ь с к у ч н о, ущелье; горы теснят зрение и мысль. Очень мрачное. Я потому, что продавался маленький дом. Если вам не понравится, я продам и куплю другой в д р у г о м м е с т е», «мы поедем и будем там жить вечно» [Достоевский, т. 10, с. 513], — пишет Ставрогин Дарье Павловне, задумав свой инфернальный «отъезд». Акт самоубийства в «Бесах» становится всеобъемлющей метафорой, где иная страна и иное гражданство — ярко выраженные символы небытия: «Гражданин кантона Ури висел тут же за дверцей. На столике лежал клочок бумаги со словами карандашом: “Никого не винить, я сам”» [Там же, с. 516].

Та же символика самоубийства предстает в «Преступлении и наказании». Поговаривая о том, что намерен уехать в «Новый свет, в Америку», Свидригайлов не раскрывает замысел «путешествия». Его уход из жизни с комментарием нечаянного свидетеля в «солдатском пальто и в медной ахиллесовской каске» [Достоевский, т. 6, с. 394] максимально высвечивает проблему добровольной

[4] Эта тема исследована в целом ряде работ [см., например: Кибальник; Овчинников; Ренанский; Сараскина; Ситникова; и др.].

смерти как «исхода». При этом в сцене публичного самоубийства, представленной в виде парадоксального диалога между Свидригайловым и «Ахиллесом», многократные повторы слов «чужие краи», «Америка» и «место» и их смысловая стяженность, конечно, не случайны:

> Оба они, Свидригайлов и Ахиллес, несколько времени, молча, рассматривали один другого. Ахиллесу наконец показалось непорядком, что человек не пьян, а стоит перед ним в трех шагах, глядит в упор и ничего не говорит.
>
> — А-зе, сто-зе вам и здеся на-а-до? — проговорил он, все еще не шевелясь и не изменяя своего положения.
>
> — Да ничего, брат, здравствуй! — ответил Свидригайлов.
>
> — Здеся не места.
>
> — Я, брат, еду в чужие краи.
>
> — В чужие краи?
>
> — В Америку.
>
> — В Америку?
>
> Свидригайлов вынул револьвер и взвел курок. Ахиллес приподнял брови.
>
> — А-зе, сто-зе, эти сутки (шутки) здеся не места!
>
> — Да почему же бы и не место?
>
> — А потому-зе, сто не места.
>
> — Ну, брат, это все равно. Место хорошее; коли тебя станут спрашивать, так и отвечай, что поехал, дескать, в Америку.
>
> Он приставил револьвер к своему правому виску.
>
> — А-зе здеся нельзя, здеся не места! — встрепенулся Ахиллес, расширяя все больше и больше зрачки.
>
> Свидригайлов спустил курок [Там же, с. 394–395].

Метафора самовольной смерти, представленная как выпадение из «своего места» и отъезд в «чужие краи», была заявлена в отечественной словесности задолго до масштабной русской эмиграции. Значение литературы русского зарубежья здесь не столько в постановке вопроса, сколько в существенном его обновлении. Проблематика потери «своего места» в произведениях молодых эмигрантов далеко не статична, она наполняется новыми смыслами и нередко подвергается кардинальному пересмотру. Владимир Варшавский — один из авторов, преобразовавших этот дискурс. Его герой (как правило, *alter ego* самого автора) не просто пассивный свидетель и летописец нового опыта человека, заброшенного в пространство изгнания-небытия. Метафизика «своего места» в его творчестве проходит разные стадии становления и метаморфоз.

Иллюстрацией такой эволюции может служить автобиографический роман «Ожидание». С первых же страниц, с описания раннего детства автор намечает сквозной для всего романа мотив: «...я не мог себе представить смерть мамы, или папы, или брата Юры. Этого так же не могло быть, как не могла вдруг исчезнуть занимавшая *все место* (курсив В. Варшавского. — *М. В.*). действительность: небо, дома, земля» [Варшавский, 1972, с. 7]. Здесь — зачин произведения и важнейший ключ к пониманию проблемы. В чистом, «первозданном» сознании ребенка *свое*

место существует не только в пространстве, но и во времени — отсюда прямая логическая связь между устойчивостью мира и бессмертием.

Когда героя «Ожидания» настигает «ветерок несуществования»? Знаменательно, что отъезд семьи из Крыма в Константинополь, как и весь эмигрантский «исход» в глазах подростка — далеко еще не катастрофа, а только переход в неведомое: «Мне было странно: наша жизнь в России занимала *все место* (курсив В. Варшавского. — *М. В.*), а теперь начиналась новая, неизвестная земля» [Там же, с. 37]. Настоящий опыт «остановки жизни» герой познает вместе с уходом близкого человека — смертью брата. Это событие стало одним из самых острых переживаний и героя романа «Ожидание», и самого писателя. Старший брат Юра умер фактически на руках 16-летнего Владимира в марте 1923 г., когда братья, оторванные от семьи, оказались в русской гимназии в Моравской Тршебове. По большому счету, именно с этого года началась настоящая эмиграция Варшавского. «До тех пор я все еще жил, как в вечности. Только теперь я в первый раз почувствовал, что за привычной действительностью проступает что-то чудовищное, невместимое сознанием» [Там же, с. 39]. После трагического ухода брата главные слагаемые — выпадение из пространства (изгнание) и времени (смерть) — складываются в идеальную формулу эмигрантства. Все дальнейшее взросление героя и дальнейшие коллизии романа, как и события в жизни самого Варшавского, — это множественные попытки преодолеть прижизненное небытие.

* * *

Одной из форм такого преодоления для Варшавского, как и для многих младоэмигрантов, стал русский Монпарнас (ил. 1). Роль данного хронотопа в жизни молодой русской эмиграции показана в книге «Незамеченное поколение». Парижский бульвар с его открытыми всю ночь кафе и неизменной литературно-художественной богемой, с одной стороны, был настоящим социальным дном, по словам самого же Варшавского, здесь собирался «всякий сброд»:

> К двум часам ночи у стоек монпарнасских баров, казалось, воскресал знаменитый Двор Чудес. <...> Показательно, что в «Последних Новостях» Милюкова, лучшей в то время русской газете, сообщение о смерти Бориса Поплавского было напечатано под заголовком «Драма на монпарнасском дне». И Монпарнас был действительно одним из кругов парижского дна [Варшавский, 2010, с. 151].

С другой стороны, темная сторона монпарнасского опыта, где отщепенство и смерть (гибель поэта и друга Б. Поплавского), вроде бы, прочно переплелись, не отменяет какой-то особой созидательной миссии этого парижского топоса. Не случайно писатель неоднократно возвращался к монпарнасскому феномену в своих исследованиях, воспоминаниях, устных выступлениях, литературной критике и эссе. Что имел в виду Варшавский?

Значение русского Монпарнаса было отмечено многими писателями русского зарубежья, и Варшавский здесь не одинок. Достаточно привести слова

идейного вдохновителя молодых парижан Георгия Адамовича:

> ...Франция как бы не замечала и даже просто не видела этих чудаков, откуда-то бежавших, чего-то ищущих, чем-то недовольных и к тому же вечно меж собой ссорящихся. Франция их не отталкивала, но о них и не помнила <...>. Какое было ей в сущности дело до кучки молодых и среднего возраста людей, что-то сочиняющих на своем непонятном языке и мало-помалу растворяющихся в бездомно-интернациональной богеме, подлинным отечеством которой стал Монпарнас? [Адамович, 2002, с. 38]

Ил. 1. Владимир Варшавский. Париж, 1929 (ДРЗ, ф. 54)

Знаменательно здесь противопоставление равнодушной Франции Монпарнасу-отечеству. Поистине же фундаментальной точкой опоры и «отечеством» для молодой эмигрантской литературы стала провозглашенная Адамовичем Парижская нота, созданная во многом аурой Монпарнаса. Предложенный молодой эмиграцией (т. е. людьми «без координат») термин, в котором переплавились музыка и география (т. е. точные координаты), конечно, символичен. Ни берлинской, ни пражской «ноты» русское зарубежье не предложило (речь идет не о литературных объединениях, которых в русском рассеянии было немало, а о терминологическом феномене). Однако взаимоотношения новой эмигрантской поэтики с «адресом» своего пребывания крайне многосложны и неоднозначны.

Любопытно, что идейный оппонент Парижской ноты Марк Слоним ничего жизнеутверждающего в русском Монпарнасе не видел, хотя и проводил заседания своего «Кочевья» в одном из бульварных кафе («Taverne Dumesnil» — 73, bd. du Montparnasse). Значит, не только фактическая принадлежность к монпарнасским адресам превращала бульвар в «свое место». Антагонистичную позицию по отношению к монпарнасской среде Слоним четко декларировал в письме к Владимиру Варшавскому (24 янв. 1974 г.):

> Я «монпарнассцем» не был, и «нота» Адамовича — Иванова мне всегда была чужда и неприятна, они были певцами и идеологами уныния, безверия, поражения и разложения. Марксисты скажут, что они отражали психологию «побежденного класса». Монпарнас погиб не только во времени, но и в тех, у кого была душа жива и кто не хотел терять связи с Россией. И хотел на — Россию, для — России (а не эмиграции) работать» [М. Л. Слоним — В. С. Варшавскому].

Этот комментарий представляется нам крайне важным — в нем соединены в одно (хотя и со знаком минус) несколько основополагающих слагаемых русского Монпарнаса как феномена состояния, времени и места. Слоним трактует эти слагаемые как бы в обратной перспективе: Русский Монпарнас не «отечество», но жесткая альтернатива «связи с Россией» (редукция места); не обещание будущего, но яркий пример небытия: «Монпарнас погиб не только во времени» (редукция времени); не новое слово в литературе, а банальное повторение поэтики декаданса: «уныние, безверие, поражение и разложение» (редукция созидания, творчества). По большому счету, для Слонима русский Монпарнас был символом небытия, местом непригодным для тех, у кого «душа жива». Эта трактовка идеологии, монпарнассцев, Парижской ноты и шире — мировоззрения молодого поколения русских парижан — была поддержана многими представителями старшего поколения, а в современной исследовательской рецепции вылилась в формулу «искусство отсутствовать» (см. об этом: [Каспэ], а также полемические статьи автора этих строк: [Васильева, 2008а; 2008б]).

Остается задаться вопросом — что имели в виду сами молодые парижане, когда утверждали, что под влиянием Парижской ноты «родилось одно органическое сознание: нужного и ненужного, важного и не важного, вечного и временного» [Яновский, с. 102] или когда вспоминали «общую атмосферу, т. е. известный духовный климат, какой-то сговор о том “главном”, к которому хотели прийти, о том враждебном, от чего отталкивались...» [Терапиано]. На чем зиждилось «важное», «вечное», «главное» (очевидно, определения далекие от поэтизации «разложения», «отсутствия» или «пустоты»)? Что отстаивали младоэмигранты, так настойчиво доказывая созидательный пафос Монпарнаса и так жестко выстраивая бинарные оппозиции по отношению ко всему «временному» и «враждебному»? И если все эти завоевания были со «знаком плюс», то что означает категория отрицания, так устойчиво прописавшаяся в автопортрете молодого поколения?

По-своему этот ребус разрешается у В. Варшавского через сквозную в его творчестве проблему «своего места» (ил. 2). В «Незамеченном поколении» он дает описание русского Монпарнаса, которое, при всей документальности, фактографичности, несет в себе глубокую философскую составляющую:

> Но для нас в «Селекте» за обычными декорациями парижского кафе и за лицами грешников магически проступала глубина другой реальности. Наши составленные вместе столики, казалось, были отделены невидимой линией Брунгильды от всех других столиков, от Парижа, от всего враждебного внешнего мира, где для нас не было места: обломок другой планеты, перенесшийся через невообразимое расстояние. Капище орфических посвящений, Ультима Туле, особое призрачное царство [Варшавский, 2010, с. 151–152].

Этот пассаж во многом повторяет приведенное выше описание Г. Адамовича и в то же время несет характерные только для В. Варшавского родовые черты. В рисуемой здесь монпарнасской панораме явственно присутствует ментальная

Ил. 2. Обложка тетради В. Варшавского с выписками из книги А. Бергсона «Опыт о непосредственных данных сознания» (“Essai sur les données immédiates de la conscience”, 1889). Надпись рукой В. Варшавского: «Выбр<анные> места из Бергсона. Для теории псих. романа». Б. д. (ДРЗ, ф. 54)

граница («линия Брунгильды»), отделяющая враждебный внешний мир, где русскому эмигранту «нет места», от призрачного мира русской эмиграции («обломок другой планеты»); за этой чертой, или крайним пределом («Ультима Туле») рождается «другая реальность». Предложенное В. Варшавским описание важно для понимания двоемирия феномена русского Монпарнаса. Отверженность, пустота, отсутствие «своего места» — априорная эмпирическая данность, по крайней мере, для молодого эмигранта, который по историческим причинам никакой «настоящей былой России» как точки опоры не застал. Для молодого же эмигрантского писателя *небытие* — это первичный и неизбежный строительный материал. Между тем сознание и творческая воля способны очертить некий водораздел и не только отделить «враждебный внешний мир» от своего мира, но и построить «другую реальность».

В сущности, в этом пассаже речь идет о тайне художественного метода молодой эмигрантской литературы. Наблюдение В. Варшавского помогает по-новому увидеть многие «типичные» эмигрантские произведения, созданные, по определению Марка Слонима, «певцами и идеологами уныния, безверия, поражения и разложения». На поверхности этой литературы — подробное, бесстрастное аналитическое описание небытия, пустоты или отверженности, однако семантическая перспектива нередко меняет траекторию и начинает движение в обратном направлении.

Парижская нота являет массу литературных примеров такого зеркального опрокидывания «враждебной» данности и ее парадоксального преображения в «другую реальность». У Бориса Божнева это преодоление смерти в самом финале поэтического сборника «Борьба за несуществование» вопреки почти навязчивой аксиоме названия книги. У Бориса Поплавского это возникающая в самом финале знаменитого стихотворения «Рождество расцветает...», вопреки целому каскаду негативных лексем («пусто», «безучастно», «страшно» и т. д.), надежда на прощение и апокатастасис (возвращение, полное восстановление) [см. об этом: Васильева, 2014]. У Георгия Иванова это образы дома, России и «последнего приюта», которыми магически оборачиваются отчаяние, изгнание и смерть в стихотворении «За столько лет такого маяния...» [см. об этом: Васильева, 2015]. Приведенные примеры случайны и точечны, но в то же время показательны (с тем же успехом можно назвать «Ночные дороги» Гайто Газданова или «Приглашение на казнь» далеко не монпарнасского Владимира Набокова).

Для современного исследователя представляет большой интерес отследить на уровне предметного стилистического анализа текста — как, *какими средствами* из материала с негативной коннотацией в этих текстах создается новая жизнеутверждающая метареальность; *каким образом* «пустота», или «ничто», оборачивается воссозданием «своего места», а небытие — восстановлением своего настоящего «я». Очевидно, что в приведенных примерах ощутимо присутствует творческое и нравственное усилие диаметрально противоположное в своем этико-онтологическом пафосе самоубийству.

Сам В. Варшавский неоднократно указывал на эту парадоксальную особенность новой эмигрантской литературы. В набросках к программному докладу «Русский Монпарнас», который писатель прочел на склоне лет в «Русском кружке» Женевского университета (23 января 1974 г.) [см. об этом: Васильева, 2013], он фиксирует: «С исследованиями еще неизвестных областей сознания связана надежда, что вместе с мутными подземными волнами станет доступно темному зрению “оттуда” хотя бы самое низменное и темное, но приносящее реальное ощущение потусторонней жизни души: то есть все та же великая и безумная надежда человека — найти доказательства бессмертия. Ибо чем дальше сознание роет в глубину себя, тем сильнее проступает...» [Варшавский, Русский Монпарнас], — далее запись обрывается. Вектор философской интуиции В. Варшавского задает отдельное направление в исследовании феномена литературы русского зарубежья. Предметом изучения здесь становится мировоззренческая

и творческая способность целого литературного поколения вопреки эмпирической реальности (потери своего места, распыления, отверженности, несуществования) найти на уровне крайнего предела «Ультима Туле», онтологической глубины своего «я», новую точку опоры. Проще говоря, речь идет об «искусстве присутствовать».

Художественный метод Владимира Варшавского во многом отвечал принципам Парижской ноты. В русском зарубежье он стал одним из ярких представителей литературы человеческого документа и за ним закрепилось устойчивое определение «честный писатель»[5] — это значило: простота художественной ткани произведения, максимальная непредвзятость в описании событий и людей, выразительный аскетизм. В целом как художник В. Варшавский отвечал лапидарной формуле Адамовича: «Искусство тем чище, чем беднее на вид» [Адамович, 1924]. Однако в случае с Варшавским мы имеем дело с глубоко личным, индивидуальным становлением авторского почерка — не столько писатель следовал требованиям «ноты», сколько сама «нота» совпала с его мировоззрением. Впрочем, именно в «созвучности» (отзывчивости, диалогичности, неавторитарности) нового литературного течения кроется его невероятная популярность в среде молодой эмигрантской литературы. Для Варшавского же многое совпало в «ноте» с его родовой темой искания «своего места».

Фактографическую точность и документальность его произведений вряд ли можно объяснить ученическим буквализмом или неспособностью к вымыслу. Мировоззренческие истоки своего стиля писатель так объяснял в романе «Ожидание»: «Но я надеялся, усилие сосредоточиться поможет мне увернуться от небытия. Нужно только писать точно, что видишь, ничего не выдумывая. <...> Непосредственные впечатления не могут быть пошлыми или глупыми. Я для того и пишу, чтобы их *проявить*... (курсив В. Варшавского. — *М. В.*)» [Варшавский, 1972, с. 243, 246]. Вскоре после выхода романа в свет В. Варшавский запишет в дневнике с названием «Ионафан», отсылающим к библейским сюжетам: «...ведь самое трудное начать: потом начнется радость усовершенствования, или, как у Толстого, “снимания покровов”, открытие, непосредственное видение и воссоздание реальности, воссоздание, которое не может погибнуть» (запись 19 мая 1973 г.) [Варшавский, Ионафан]. Здесь во многом находится объяснение роли «писательства» в жизни Варшавского: точное фиксирование реальности было для него одной из форм объективного преодоления небытия. Здесь же — глубинные связи художественного метода Варшавского с феноменом русского Монпарнаса как места, где *воссоздавалась*, *проявлялась* «другая реальность».

Важнейшим опытом сопротивления небытию для русской эмиграции стала Вторая мировая война. В автобиографической повести «Семь лет», а затем

[5] Так, например, Г. П. Федотов по прочтении нескольких военных рассказов В. Варшавского так охарактеризовал в письме к автору его прозу: «Большая правдивость и объективность, даже какая-то прозрачность. Я думаю, что это должно было бы понравиться Толстому за абсолютную честность» (16 янв. 1947 г.) [Г. П. Федотов — В. С. Варшавскому...].

в романе «Ожидание» В. Варшавский описал заседания литературно-философского объединения «Круг» как места, где сошлись старшее и младшее поколение русского Парижа. Атмосфера, царившая на этих встречах накануне войны, была наглядным примером «сговора о том "главном", к которому хотели прийти, о том враждебном, от чего отталкивались» (здесь снова приводим слова Ю. Терапиано о Парижской ноте как подтверждение глубинной связи этических и эстетических установок нового литературного течения). Выбор завсегдатаев «Круга» — И. Фондаминского, Г. Адамовича, Б. Вильде, матери Марии, В. Алексинского и др. — в пользу Резистанса был еще одной, а в условиях войны — героической формой борьбы за «другую реальность».

Для Владимира Варшавского участие во Второй мировой войне было также принципиальным выбором. В сентябре 1939 г. он записался добровольцем во Французскую армию, в недолгой «странной войне» не только побывал в боях, но и стал примером солдатской доблести, оставшись последним на линии огня при защите Булонской цитадели. После поражения французских войск В. Варшавский провел пять долгих лет в немецком плену, а по окончании войны 8 января 1947 г. был награжден известной французской наградой — Военным крестом с серебряной звездой (Croix de guerre avec Etoile d'Argent).

Военные события писатель подробно воспроизвел в автобиографической прозе (цикл военных рассказов, повесть «Семь лет» и роман «Ожидание»). Символично описание боя в осажденной крепости и переживаний главного героя в эти дни. В момент бомбардировки цитадели, лежа под открытым небом, герой испытает глубоко онтологический страх смерти: «...перед тем, как страх занял все *место* (курсив В. Варшавского. — *М. В.*), я еще успел подумать: "Как хорошо, что в эти минуты опасности я не чувствую сожаления о моей неудачной жизни"» [Варшавский, 1972, с. 91]. Пройдя же эту роковую черту, он осознает: «В первый раз в жизни я делал что-то, признаваемое всеми нужным и важным, в первый раз у меня было место в человеческом обществе, и я не испытывал моего всегдашнего страха, что я живу не так, как все. Наоборот, у меня было теперь спокойное чувство укрепленности моей жизни в чем-то достоверном и прочном» [Там же, с. 113]. Здесь опять возникает сквозной мотив искания «своего места» в творчестве и в жизни В. Варшавского.

В то же время описание душевного переворота героя отсылает нас к исследованию Д. И. Чижевского, казалось бы, всецело посвященному иной тематике (проблема двойника, творчество Достоевского, этический формализм в русской и западной философской традиции). Связующим звеном здесь служит постановка вопроса об «онтологической силе и крепости конкретного бытия» [Чижевский, 2015, с. 449]. Непреднамеренная и в то же время почти дословная перекличка текста В. Варшавского с положениями статьи Д. Чижевского — наглядное свидетельство эволюции концепта «своего места» в литературе русского зарубежья. «...Достоевский ставит "*этико-онтологическую*" проблему устойчивости, реальности, прочности индивидуального человеческого существования. Эта проблема действительно является одной из существеннейших проблем

этики! — замечает Д. Чижевский. — Реальность человеческой личности не обусловливается простым ее существованием в эмпирическом плане бытия, но требует еще каких-то иных (вне-эмпирических) предпосылок» [Там же, с. 433].

Герой Варшавского, *alter ego* писателя возвращает себе «укрепленность», «достоверность» и «прочность» вопреки зримой реальности разрушения. Конкретность описываемого *места действия* — массовый обстрел цитадели, гибель друзей во время боя. Однако именно в этот момент начинается обратный отсчет в судьбе героя, его путь к этическому равновесию. В условиях войны (всецелого наступления «враждебного внешнего мира») извечное эмигрантское искание *своего места* обретает поистине эпические черты и становится в прямом смысле слова вызовом смерти.

Источники

Варшавский В. С. Русский Монпранас <доклад> // ДРЗ им. А. Солженицына. Ф. 54.
Варшавский В. С. Ионафан. <Дневник (1972–1976)> // ДРЗ им. А. Солженицына. Ф. 54.
Г. П. Федотов — В. С. Варшавскому. 16 янв. 1947 // ДРЗ им. А. Солженицына. Ф. 54.
М. Л. Слоним — В. С. Варшавскому. 24 янв. 1974 // ДРЗ им. А. Солженицына. Ф. 54.

Исследования

Адамович Г. Литературные заметки // Звено. 1924. 1 сент. № 83. С. 2.
Адамович Г. Одиночество и свобода / сост., послесл., примеч. О. А. Коростелева. СПб. : Алетейя, 2002.
Бицилли П. Нова светлина за творчество на Достоевски // Литературен глас. 1930а. 25. I. № 59. С. 4.
Бицилли П. [Рец. на сб. ст.: о Достоевском. Прага, 1929. Т. 1] // Числа. 1930б. Кн. 2/3. С. 240–242.
Варшавский В. Несколько рассуждений об Андрэ Жиде и эмигрантском молодом человеке // Числа. 1930/31. № 4. С. 216–222.
Варшавский В. Борис Вильде // Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. Париж, 1947. Февр. № 2. С. 9–15.
Варшавский В. Семь лет. Париж : Imprimerie Abécé, 1950.
Варшавский В. Ожидание. Париж : YMCA-Press, 1972.
Варшавский В. С. Незамеченное поколение / сост. О. А. Коростелева и М. А. Васильевой. М. : Рус. путь, 2010.
Васильева М. А. «Незамеченность»: опыт прочтения // Гуманитарные науки в Сибири: Рос. акад. наук. Сиб. отд-ние. Сер. : Филология. 2008. № 4. С. 28–31.
Васильева М. А. к проблеме «незамеченного поколения» во французской литературе // Русские писатели в Париже: Взгляд на французскую литературу: 1920–1940 : междунар. науч. конф. / сост., науч. ред Ж.-Ф. Жаккара, А. Морар, Ж. Тассис. М. : Рус. путь, 2008. (Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Материалы и исследования ; Вып. 8). С. 43–62.
Васильева М. А. Борис Поплавский как визави Владимира Варшавского // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2013. № 4. С. 265–279.
Васильева М. А. Между небом и землей: об одном рождественском стихотворении Бориса Поплавского // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2014. № 4 (133). С. 154–164.
Васильева М. А. «Взаимно искажая отраженья»: Мотив двойника в лирике Георгия Иванова // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. 2015. № 2. С. 22–27.

Гессен С. И. [Рец. на сб. ст.: о Достоевском. Прага, 1929. Т. 1] // Совр. зап. 1930. № 43. С. 503–505.

Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. : в 14 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 8 : Статьи. 1952. С. 213–418.

Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 6. Л. : Наука, 1973.

Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 10. Л. : Наука, 1974.

Зандер Л. [Рец. на сб. ст.: о Достоевском. Прага, 1929. Т. 1] // Путь. 1930. № 25. С. 127–131.

Каспэ И. Искусство отсутствовать. Незамеченное поколение русской литературы. М. : Новое лит. обозрение, 2005.

Кибальник С. А. Рассказ Гайто Газданова «Черные лебеди» как метатекст // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 8 : Литературоведение. Журналистика. 2008. № 7. С. 28–33.

Лосский Н. [Рец. на кн.: Dostojevskij-Studen: Veröffentlichugen der Slavistischen Arbeitsgemeinschaft an der Deutschen Universität in Prag. Reichenberg, 1931] // Совр. зап. 1932. № 49. С. 462–464.

Овчинников И. Достоевский, Страхов и Герцен: конфликт или согласие [Электронный ресурс]. URL: http://old.russ.ru/krug/00gerzen-pr.html (дата обращения: 06.09.2015)

Поплавский Б. Домой с небес // Поплавский Б. Собр. соч. : в 3 т. М. : Согласие, 2000. Т. 2. С. 227–430.

Ренанский А. Л. Метафизика антиамериканизма у Ф. М. Достоевского // Материалы глобального партнерства по развитию научного сотрудничества : [сб. ст.]. / под общ. ред. В. А. Должикова. М. : Глобальное партнерство по развитию научного сотрудничества, 2015. С. 163–186.

Сараскина Л. И. Америка как миф и утопия в творчестве Достоевского // Достоевский и современность : материалы XXII Междунар. Старорусских чтений 2007 года / сост. В. И. Богданова. Великий Новгород : Новг. Музей Достоевского, 2008. С. 199–213.

Ситникова Ю. В. Концепт «Америка» в произведениях Ф. М. Достоевского // Школа молодых ученых по проблемам гуманитарных, естественных, технических наук : [сб. ст.]. Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2014. С. 7–11.

Терапиано Ю. По поводу незамеченного поколения // Новое рус. слово. 1955. 27 нояб. № 15492. С. 8.

Франк С. [Рец. на сб. ст.: о Достоевском. Прага, 1929. Т. 1] // Руль. 1930. № 2709.

Хазан В. Без своего места в мире. («Отцы» и «дети» в прозе В. Варшавского) // Мир детства в русском зарубежье: III Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 25–27 марта 2009) : сб. докл. / сост. И. Ю. Белякова. М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 2011. С. 179–206

Чижевский Д. о формализме в этике // Труды Рус. нар. ун-та в Праге. 1928а. Т. 1. С. 195–209.

Чижевский Д. Представитель, знак, понятие, символ: (Из книги о формальной этике) // Философское общество в Праге, 1927–1928. Прага, 1928б. С. 20–24.

Чижевский Д. Проблема формальной этики // Философское общество в Праге, 1927–1928. Прага, 1928в. С. 9–11.

Чижевский Д. к проблеме двойника. (Из книги о формализме в этике) // о Достоевском / под ред. А. Л. Бема. Прага, 1929. Т. 1. С. 9–38.

Чижевский Д. Этика и логика. к вопросу о преодолении этического формализма // Научные труды Рус. нар. ун-та в Праге. 1931. Т. 4. С. 50–68.

Чижевский Д. о «Шинели» Гоголя // Совр. зап. 1938. №. 67. С. 172–195.

Чижевский Д. Неизвестный Гоголь // Нов. журн. 1951. № 27. С. 126–158.

Чижевский Д. И. к проблеме двойника у Достоевского. Попытка философской интерпретации / пер. с нем. М. Д. Кармановой ; публ. и коммент. А. В. Тоичкиной // Ежегодник дома русского зарубежья им. А. Солженицына, 2014–2015 / отв. ред. Н. Ф. Гриценко. М. : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015. С. 424–458.

Яновский В. С. Поля Елисейские. Книга памяти. СПб. : Пушкинский фонд, 1993.

Čyževśkyj D. Zum Doppelgängerproblem bei Dostojevskij. Versuch einer philosophischen Interpretation // Dostojevskij-Studien / Gesammelt und herausgegeben von D. Čyževśkyj. Reichenberg, 1931. S. 19–50.

Статья поступила в редакцию 07.09.2016 г.

Васильева Мария Анатольевна
кандидат филологических наук,
ученый секретарь
Дом русского зарубежья
имени Александра Солженицына
109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, 2
E-mail: marijavasil@mail.ru

Vasilyeva, Maria Anatol'evna
PhD (Philology), scientific secretary
Aleksandr Solzhenitsyn Center
of Russian Émigré Studies
2, Nizhnyaya Radishchevskaya Str.,
109240 Moscow, Russia
E-mail: marijavasil@mail.ru

THE CATEGORY OF PLACE IN ÉMIGRÉ CONSCIOUSNESS: WITH REFERENCE TO VLADIMIR VARSHAVSKY

The author considers the evolution of the concept of "one's own place" in Russian literature through the prism of works by N. V. Gogol, F. M. Dostoyevsky, and young writers of «the first wave» of Russian emigration. The article focuses on the meaning of *Demons* and *Crime and Punishment* which suggest deep parallels between the willful reduction of life (suicide) and the reduction of *one's own place* in the world (symbolical departure to the *outland*) that anticipated a number of themes of the literature of the Russian abroad. The author focuses on the special role of a cycle of works of D. I. Chizhevsky devoted to the criticism of ethical formalism, the issue of doppelgangers and Dostoyevsky's creative work that gave a comprehensive analysis of the concept of "one's own place" in the ethical and religious system of the Russian classic. The article emphasises the special role of the motif of "one's own place" in the ideological and artistic system of V. Varshavsky and his essential contribution to the renovation of this discourse. The article explores separate events and phenomena in the history of the Russian dispersion ("exodus", Russian Montparnasse, Parisian Note, World War II, etc.) as the most important stages of the émigré search for one's own place in the world are explored.

The author aims to show the special role of the category of place in émigré consciousness and in the works of writers of the Russian abroad, to note a special contribution of literary criticism of the Russian emigration to the study of the ethical and ontological "issue of places". Using the comparative and hermeneutical methods, the author traces the deep communication of the émigré concept of "one's own place" with the tradition of Russian classical literature. Following his analysis, the author concludes that there was an essential transformation of the concept of one's own place in the literature of Russian emigration accompanying the massive exodus, the loss of homeland, the point of support, and the place in the world.

K e y w o r d s: literature of the Russian abroad; concept "one's own place" in Russian literature; D. Chizhevsky's works on ethical formalism and the issue of doppelgangers; younger generation of Russian emigration; Parisian Note; Russian Montparnasse; autobiographical prose of V. Varshavsky.

Adamovich, G. (1924, Sept. 1). Literaturnye zametki [Literary Notes]. *Zveno,* 83, 2. (In Russian)

Adamovich, G. (2002). *Odinochestvo i svoboda* [Loneliness and Freedom]. Moscow: Aleteiia. (In Russian)

Bitsilli, P. (1930a). Rets. na sb. st.: O Dostoevskom. Praga, 1929. T. 1 [Review of the Coll. of Articles: About Dostoyevsky. Prague, 1929, vol. 1]. *Chisla,* 2/3, 240–242. (In Russian)

Bitsilli, P. (1930b). Nova svetlina za tvorchestvo na Dostoevski [New Studies of Dostoyevsky's Creative Work]. *Literaturen glas,* 59, 4. (In Bulgarian)

Chizhevsky, D. (1928a). O formalizme v etike [On Formalism in Ethics]. *Trudy Russkogo narodnogo universiteta v Prage*, *1*, 195–209. (In Russian)

Chizhevsky, D. (1928b). Predstavitel', znak, poniatie, simvol: (Iz knigi o formal'noi etike) [Representative, Sign, Concept, Symbol: (From the Book on Formal Ethics)]. *Filosofskoe obshchestvo v Prage, 1927–1928*, 20–24. (In Russian)

Chizhevsky, D. (1928c). Problema formal'noi etiki [The Issue of Formal Ethics]. *Filosofskoe obshchestvo v Prage, 1927–1928*, 9–11. (In Russian)

Chizhevsky, D. (1929). K probleme dvoinika. (Iz knigi o formalizme v etike) [On the Issue of Doppelgangers. (From the book *On Formalism in Ethics*)]. In A. L. Bem (Ed.), *O Dostoevskom* [About Dostoyevsky] (Vol. 1, pp. 9–38). Prague. (In Russian)

Chizhevsky, D. (1931a). Etika i logika. K voprosu o preodolenii eticheskogo formalizma [Ethics and Logic. On Overcoming Ethical Formalism]. *Trudy Russkogo narodnogo universiteta v Prage*, *4*, 195–209. (In Russian)

Čyževśkyj, D. (1931b). Zum Doppelgängerproblem bei Dostojevskij. Versuch einer philosophischen Interpretation. In D. Čyževśkyj (Ed.), *Dostojevskij-Studien* (p. 19–50). Reichenberg. (In German)

Chizhevsky, D. (1938). O «Shineli» Gogolia [On Gogol's *The Overcoat*]. *Sovremennye zapiski,* 67, 172–195. (In Russian)

Chizhevsky, D. (1951). Neizvestnyi Gogol' [The Unknown Gogol]. *Novyi zhurnal*, 27, 126–158. (In Russian)

Chizhevskii, D. I. (2015). K probleme dvoinika u Dostoevskogo. Popytka filosofskoi interpretatsii [On the Issue of Doppelgangers in Dostoyevsky's Works. A Philosophical Interpretation]. In A. V. Toichkina (Ed.), *Ezhegodnik doma russkogo zarubezh'ia im. A. Solzhenitsyna, 2014–2015* (pp. 424–458). Moscow: Aleksandr Solzhenitsyn Centre of Russian Émigré Studies. (In Russian)

Dostoyevsky, F. M. (1973). Prestuplenie i nakazanie [Crime and Punishment]. In F. M. Dostoevsky, *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works] (Vols. 1–30). (Vol. 6). Leningrad: Nauka. (In Russian)

Dostoyevsky, F. M. (1974). Besy [Demons]. In F. M. Dostoevsky, *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works] (Vols. 1–30). (Vol. 10). Leningrad: Nauka. (In Russian)

Frank, S. (1930). Rets. na sb. st.: O Dostoevskom. Praga, 1929. T. 1 [Review of the Coll. of Articles: About Dostoyevsky (Vol. 1). Prague, 1929]. *Rul',* 2709. (In Russian)

Gessen, S. I. (1930). Rets. na sb. st.: O Dostoevskom. Praga, 1929. T. 1 [Review of the Coll. of Articles: About Dostoyevsky (Vol. 1). Prague, 1929]. *Sovremennye zapiski,* 43, 503–505. (In Russian)

Gogol, N. V. (1952). Vybrannye mesta iz perepiski s druz'iami [Selected Passages from Correspondence with Friends]. In N. V. Gogol, *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works] (Vols. 1–14). (Vol. 8, pp. 213–418). Moscow; Leningrad. (In Russian)

Kaspe, I. (2005). *Iskusstvo otsutstvovat'. Nezamechennoe pokolenie russkoi literatury* [Art of Absence. The Unnoticed Generation of Russian Literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Khazan, V. (2011). Bez svoego mesta v mire. («Ottsy» i «deti» v proze V. Varshavskogo) [Without Their Own Place in the World. ("Fathers" and "Sons" in V. Varshavsky's Prose)]. In I. Iu. Beliakova (Ed.), *Mir detstva v russkom zarubezh'e: III Kul'turologicheskie chteniia «Russkaia emigratsiia XX veka»* (Moskva, 25–27 marta 2009) [The World of Childhood in the Russian abroad: 3rd Readings in Culture Studies "Russian Emigration of the 20th Century"] (pp. 179–206). Moscow: Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi. (In Russian)

Kibal'nik, S. A. (2008). Rasskaz Gaito Gazdanova «Chernye lebedi» kak metatekst [Gayto Gazdanov's Short Story *Black Swans* as a Metatext]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Series 8: Literary criticism. Journalism,* 7, 28–33. (In Russian)

Lossky, N. (1932). Review of the Book: Dostojevskij-Studen: Veröffentlichugen der Slavistischen Arbeitsgemeinschaft an der Deutschen Universität in Prag. Reichenberg, 1931. *Sovremennye zapiski,* 49, 462–464. (In Russian)

Ovchinnikov, I. *Dostoevskii, Strakhov i Gertsen: konflikt ili soglasie* [Dostoyevsky, Strakhov and Herzen: A Conflict or a Unity]. Retrieved from http://old.russ.ru/krug/00gerzen-pr.html

Poplavsky, B. (2000). Domoi s nebes [Home from Heaven]. In B. Poplavsky, *Sobranie sochinenii* [Works] (Vols. 1–3). (Vol. 2, pp. 227–430). Moscow: Soglasie. (In Russian)

Renanskii, A. L. (2015). Metafizika antiamerikanizma u F. M. Dostoevskogo [Anti-Americanism Metaphysics in F. M. Dostoyevsky's Works]. In V. A. Dolzhikov (Ed.), *Materialy global'nogo partnerstva po razvitiiu nauchnogo sotrudnichestva* [Materials of Global Partnership on the Development of Academic Cooperation] (pp. 163–186). Moscow: Global'noe partnerstvo po razvitiiu nauchnogo sotrudnichestva. (In Russian)

Saraskina, L. I. (2008). Amerika kak mif i utopiia v tvorchestve Dostoevskogo [America as a Myth and Utopia in Dostoyevsky's Creative Work]. In V. I. Bogdanova (Ed.), *Dostoevskii i sovremennost'. Materialy XXII Mezhdunarodnykh Starorusskikh chtenii 2007 goda* [Dostoyevsky and the Present. Materials of the 22nd International Old Russian Readings 2007] (pp. 199–213). Veliky Novgorod: Novgorodskii Muzei Dostoevskogo. (In Russian)

Sitnikova, Iu. V. (2014). Kontsept «Amerika» v proizvedeniiakh F. M. Dostoevskogo [The Concept of America in the Works F. M. Dostoyevsky]. In *Shkola molodykh uchenykh po problemam gumanitarnykh, estestvennykh, tekhnicheskikh nauk* [The School of Young Scientists on Issues of the Humanities, Natural, and Technical Sciences] (pp. 7–11).Yelets: Yelets State Ivan Bunin University. (In Russian)

Terapiano, Iu. (1955, November 27). Po povodu nezamechennogo pokoleniia [On the Unnoticed Generation]. *Novoe russkoe slovo,* 15492, 8. (In Russian)

Varshavsky, V. (1930/31). Neskol'ko rassuzhdenii ob Andre Zhide i emigrantskom molodom cheloveke [Some Thoughts on André Gide and a Young Émigré]. *Chisla,* 4, 216–222. (In Russian)

Varshavsky, V. (1947, February). Boris Vil'de [Boris Vilde]. *Vestnik russkikh dobrovol'tsev, partizan i uchastnikov Soprotivleniia vo Frantsii*, 2, 9–15. (In Russian)

Varshavsky, V. (1950). *Sem' let* [Seven Years]. Paris: Imprimerie Abécé. (In Russian)

Varshavsky, V. (1972). *Ozhidanie* [Expectation]. Paris: YMCA-Press. (In Russian)

Varshavsky, V. S. (2010). *Nezamechennoe pokolenie* [Unnoticed Generation]. Moscow: Russkii put'. (In Russian)

Vasilieva, M. A. (2008). «Nezamechennost'»: opyt prochteniia [*Unnoticeability*: an Experience of Reading]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri. Series: Philology*, 4, 28–31. (In Russian)

Vasilieva, M. A. (2013). K probleme «nezamechennogo pokoleniia» vo frantsuzskoi literature [On the "Unnoticed Generation" in French Literature]. In J.-F. Jacquard, A. Morar, & Zh. Tassis (Eds.), *Russkie pisateli v Parizhe: Vzgliad na frantsuzskuiu literaturu: 1920–1940: Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia* [Russian Writers in Paris: A View of French Literature: 1920–1940: International Scholarly Conference] (pp. 43–62). Moscow: Russkii put'. (In Russian)

Vasilieva, M. A. (2014). Mezhdu nebom i zemlei: ob odnom rozhdestvenskom stikhotvorenii Borisa Poplavskogo [Between Heaven and Earth: About a Christmas Poem of Boris Poplavsky]. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Series 2: Humanities*, 4 (133), 154–164. (In Russian)

Vasilieva, M. A. (2015). «Vzaimno iskazhaia otrazhen'ia»: Motiv dvoinika v lirike Georgiia Ivanova ["Mutually Distorting Reflections": The Motif of Doppelgangers in Georgy Ivanov's Lyrical Poetry]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2, 22–27. (In Russian)

Yanovsky, V. S. (1993). *Polia Eliseiskie. Kniga pamiati* [Champs Elysée. A Memory Book]. Saint Petersburg: Pushkinskii fond. (In Russian)

Zander, L. (1930). Rets. na sb. st.: O Dostoevskom. Praga, 1929. T. 1 [Review of the Coll. of Articles: About Dostoyevsky (Vol. 1). Prague, 1929]. *Put',* 25, 127–131. (In Russian)

Received on 7 September, 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.4.063
УДК

В. М. Димитриев
ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН
Санкт-Петербург, Россия

ПОВЕСТЬ ИВАНА БОЛДЫРЕВА «МАЛЬЧИКИ И ДЕВОЧКИ»: К ОСОБЕННОСТЯМ ПОЭТИКИ

В статье предложен анализ поэтики повести малоизвестного эмигрантского писателя Ивана Андреевича Болдырева (настоящая фамилия — Шкотт) «Мальчики и девочки» (1929). Внимание сосредоточено на технике включения образов прошлого в художественный текст и сюжете взросления. В основе анализа повести децентрированная сюжетно-композиционная структура, организованная смена точек зрения, стилистическая неоднородность, задаваемая автором обратная перспектива (взгляд из эмигрантского настоящего в советское прошлое). Композиционное фрагментирование лишает повествование определяющего центрального действия. Прерывистость, затрудненность речи, кинематографическая дискретность с чередованием планов, повторами и флешбэками, принципиальная установка на нецельность составляют в повести художественный эквивалент катастрофической истории пореволюционных лет Советской России. В повести создается портрет подростка, который, с одной стороны, фиксирует читательское внимание на вневременном характере юности, с другой стороны, отражает переломное время после революции, для которого сознание подростка оказывается как бы лакмусовой бумажкой. Эти особенности позволяют рассмотреть историю о первом поколении детей советской трудовой школы как прелюдию будущей трагедии «эмигрантских сыновей», представителей «русского Монпарнаса», переживающих глубокий разрыв исторического наследования и чувствующих необходимость зафиксировать последствия этого разрыва.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Иван Андреевич Болдырев-Шкотт; русское зарубежье; «эмигрантские сыновья»; советская школа; экспериментальная проза; временн*а*я организация повествования.

Эмигрантский писатель Иван Андреевич Шкотт (1903, Москва — 1933, Париж), известный под псевдонимом Болдырев, остался в памяти русской диаспоры как автор повести «Мальчики и девочки» (1929). В повести, которая, по отзывам критиков, носила «характер почти дневников-воспоминаний» [Зензинов, с. 526], Болдырев представил историю одного учебного года в единой советской трудовой школе в Москве в 1918–1919 гг. Повседневная жизнь бывших гимназистов, мальчиков и девочек, объединенных в общий класс по новым стандартам, а также жизнь педагогов, только начинающих осваиваться в пространстве нового политического строя, в повести сопровождаются зарисовками пореволюционной Москвы.

Отрывки из повести в 1928 г. появлялись в журнале «Воля России» М. Слонима, в чьей литературной группе «Кочевье» Болдырев принимал участие.

© Димитриев В. М., 2016

В 1929 г. повесть была отобрана М. А. Осоргиным для публикации отдельной книгой в рамках издательского проекта «Новые писатели», направленного на поиск новых молодых талантливых имен (в рамках проекта вышла еще только повесть В. Яновского «Колесо» в 1930 г.). Однако творческая судьба Болдырева не сложилась. Ученик и во многом стилистический последователь А. Ремизова, он был очень щепетилен и требователен к себе, и, как известно по воспоминаниям, уничтожал свои рукописи или не допускал к печати [Осоргин; Ремизов]. Кроме того, тяжелая жизнь в Париже, необходимость совмещать работу на заводе, в железнодорожном депо с литературной деятельностью, нищета, а впоследствии — прогрессирующая неизлечимая глухота, отрезают ему пути к сколько-нибудь сносной жизни и доводят его до самоубийства в возрасте 29 лет (передозировка вероналом в ночь с 14 на 15 мая 1933 г.).

Немногие сохранившиеся сведения о нем позволяют сказать, что и до эмиграции его жизнь была наполнена сложностями: как пишет про него З. Шаховская, «молодые русские писатели и поэты попали на Монпарнас из самых разных углов России, но ни один из них не успел — в тридцатых годах — узнать тяжесть советской ссылки» [Шаховская, с. 156]. Окончание советской трудовой школы (бывшей гимназии), учеба на физико-математическом факультете МГУ, участие в академическом кружке, направленном против политизации науки, арест за антисоветскую деятельность, ссылка в Нарымский край, бегство и пересечение советско-польской границы — вот краткая биография Болдырева до момента, когда он оказался в Париже[1].

Известие о его самоубийстве в напряженно-экзистенциальной атмосфере русского зарубежья вызывает, вероятно, б*о*льший резонанс, чем его проза: оно резче и четче обозначает судьбу поколения «эмигрантских сыновей» — нищету, существование на краю гибели, невозможность писать. Лидия Червинская в смерти Болдырева видела сгущенный образ общей судьбы, отчего обострилось, считает она, «смутное сознание какой-то общей, непонятной, невольной вины... Так близко рядом и никто не знал» [Червинская, 1933, с. 232]. «Такая смерть — считает она, — вызывает чувство не жалости, а сожаления, смешанного с невольным уважением к тому, что было “до”, к тому, что навсегда останется нераскрытым, непонятым (даже сочувствие до конца невозможно) — и все же какой-то тенью ложится на всех, кто узнал или узнает не о смерти Ивана Болдырева, а о тяжелой неразделенности нашей общей судьбы» [Там же, с. 233]. Болдырев так и остался для редких знавших и читавших его представителей русской диаспоры «подающим надежды» прозаиком, и его самоубийство как бы мумифицировало эту надежду, обращенную к никогда уже не возможному будущему[2], потому он так и остался «незамеченным», не в пример другим

[1] О биографии Болдырева-Шкотта известно очень мало, мемуарные заметки, некрологи и редкие упоминания о нем, по сути, дублируют одни и те же сведения, которые требуют дополнительной проверки, поскольку известны они только со слов самого Болдырева, например, в краткой автобиографии в письме З. А. Шаховской в связи с планируемой поездкой в Конго.

[2] См. о значимости самоубийства в литературном быте русской эмиграции: [Демидова, с. 123–135].

представителям поколения «эмигрантских сыновей», которых исследовательский интерес отвоевал у небытия (примером может служить двухтомник Юрия Фельзена, изданный Леонидом Ливаком).

Между тем, повесть И. Болдырева «Мальчики и девочки» представляет интерес сразу в нескольких отношениях. Во-первых, основанная на личных воспоминаниях, повесть приобретает во многом статус хроникального документа эпохи, художественной рефлексии переломного 1918 г., представленной с точки зрения школьников. Г. Струве видел в повести «как бы параллель к советскому “Дневнику Кости Рябцева” Н. Огнева» [Струве, с. 208], а современные исследователи М. А. Литовская и Ю. В. Матвеева сопоставили повесть Болдырева с повестью Г. Белых и Л. Пантелеева «Республика ШКИД» на основании того, что оба произведения предлагают ответ на вопрос: «каким оно было — последнее досоветское и первое послереволюционное поколение молодежи, чье становление пришлось на время тектонического разлома всей русской жизни» [Литовская, Матвеева, с. 313]; таким образом, текст Болдырева, построенный по жанровым лекалам «школьных повестей», вместе с тем оказывался вызван к жизни кардинальными социальными сдвигами, которые могла засвидетельствовать изменяющаяся школа.

Начинаются «Мальчики и девочки» с преамбулы, вынесенной на отдельный лист и напечатанной курсивом посередине:

> От века в век стоит камень белый в Москве: шаркали пудренные парики и камзолы, давнишнее-давнее, а на памяти — орел, золотые буквы: «Мужская классическая гимназия».
>
> Орла сняли в 18-м; чистый ото всего, строгий в колоннах — камень белый.
>
> На железных воротах нынче доска, вычернены молот и серп, вычернено: «Единая советская трудовая школа» [Болдырев, с. 7].

Резко обозначенная здесь перемена была переживанием самого И. Болдырева: тянущаяся от XVIII в. история классической гимназии в один год оказывается освобождена от признаков прошлого и включена в процесс построения новой истории («камень белый» представляет экран, на фоне незыблемости которого разыгрывается сцена исторических метаморфоз).

Название точно отражает возраст действующих героев и одновременно проблематику повести: история о юности, от лица юности, с минимальным проникновением сознания взрослого.

Однако, написанная уже в эмиграции, повесть не может восприниматься как аутентичный фактический материал пореволюционного времени, но прочитывается с ретроспективной позиции: *избыток видения* (М. Бахтин) как автора, так и читателя позволяет договорить то, что в повести затемнено, и достроить будущее бывших гимназистов. Об этой ретроспекции и свидетельствуют последние слова повести:

> ...несколько дней — запустеет школа: получат аттестаты, так, никудышные кусочки бумаги, одиночками пойдут по Москве, всем русским городам, по просторной

> Руси, всей земле — великим и жалким человеческим походом, через человеческие мытарства и утехи — люди дела, денег, люди служения и любви; некоторые никогда не станут людьми, никакими, но всякий будет искать свое счастье, всякий по-своему [Там же, с. 173].

Герои И. Болдырева еще ничего не знают о ждущем их будущем, основу которого составляет исход во внешнюю и внутреннюю эмиграцию, сделки с совестью, приноравливание к новому порядку и/или аресты, расстрелы, ссылки. Посредством антитезы подчеркивается бессмысленность в новой России этих аттестатов, а градационное увеличение пространства похода (от Москвы до всей земли) намекает на судьбу нового (или извечного) «русского скитальца».

В. Зензинов, в целом отрицательно отнесшийся к «Мальчикам и девочкам», считал, что повесть И. Болдырева важна, поскольку заключает сведения о людях, кому надлежит «творить ту жизнь, которая определит судьбы нашей родины в ближайшие десятилетия» [Зензинов, с. 526].

«Мальчикам и девочкам» Болдырева на момент действия 16–17 лет, следовательно, они родились в 1902–1903 гг., что в той или иной степени соответствует возрасту Г. Газданова (1903 г. р.), Б. Поплавского (1903 г. р.), В. Варшавского (1906 г. р.), самого И. Болдырева (1903 г. р.), представителей так называемого «незамеченного поколения»[3], русских монпарнасцев, кто, уехав из России, в эмиграции пережил глубокий кризис самоопределения, не найдя возможности диалога ни со старшим поколением, ни, зачастую, друг с другом. Несмотря на то, что повесть И. Болдырева концентрируется на советских, а не эмигрантских реалиях, современники, прежде всего молодые парижские авторы, обнаруживали уже в названии[4] «Мальчики и девочки» подобие мостика, переброшенного в эмигрантское настоящее. Во многом этому способствовал окказиональный статус молодости, свойственный межвоенному периоду: оказавшиеся в изгнании представители молодого поколения замыкались в молодости, не просто по причине отсутствия возможного разрешения конфликта «отцов» и «детей», но и потому, что делали из нее броню, и потому мальчики и девочки Болдырева могли быть вариантом тех же застывших в молодости мальчиков и девочек эмиграции. Как пишет И. Каспэ, анализирующая специфику возрастной самоидентификации в эмиграции, молодость в 1920—1930 гг. принимает «скорее компенсаторные, чем адаптивные функции» [Каспэ, с. 89], т. е. становится невозможным переход

---

[3] Термин «незамеченное поколение» ввел в обиход В. С. Варшавский в одноименной книге 1956 г. [Варшавский, 2010], попытавшийся посредством этого понятия подвести определенный итог межвоенному периоду русской эмиграции, особенное внимание уделив судьбе молодых эмигрантских писателей, чья жизнь и творчество прочитывались под знаком катастрофической ситуации метафизической безотцовщины. Дискуссионность данного термина мы оставляем за рамками статьи, предлагая читателю обратиться к современным источникам, предлагающим комплексный анализ поэтики представителей «незамеченного поколения» [Livak; Каспэ; Матвеева].

[4] М. А. Литовская и Ю. В. Матвеева акцентируют внимание на неслучайном совпадении названия повести Болдырева и вышедшей в 1926 г. одноименной статьи З. Гиппиус, в которой выдвигалась проблема (невозможности) наследования послереволюционного поколения дореволюционному [Литовская, Матвеева, с. 313–314].

к зрелости, молодость «можно только продлить» [Там же]. Отчасти потому складывается впечатление, что герои Болдырева не изменяются в течение рассказа, в отличие от прошедших «школу жизни» обитателей «Республики ШКИД» [Литовская, Матвеева, с. 318–319]. Кроме того, название отсылало к «русским мальчикам» Достоевского, чрезвычайно важному топосу молодой эмиграции, позволяющему назначить точку отсчета подлинного, достойного действия. Например, в описании одного из предвоенных собраний учрежденного И. С. Фондаминским-Бунаковым общества «Круг» в повести В. Варшавского «Ожидание» (1972) возможность самоидентификации с «русскими мальчиками» становится спасительной ниточкой, оправдывающей поколение:

> После собрания остались только свои. Мы обступили Манушу: Ваня, Володя Руднев, Володя Ельников, Боголюбский, Александр Шушигин, Полянский. Я смотрел на них с любовью. Отделенные от России годами жизни на чужбине, они все-таки выросли хорошими русскими мальчиками, как те — Ивана Карамазова. Сколько мы говорили о справедливости и о Боге, и вот теперь они готовы отдать жизнь за эту справедливость [Варшавский, 1972, с. 63].

Взятая из заглавия повести И. Болдырева формула могла также служить паролем, виртуально объединяющим метрополию и «беженские столицы» (Ю. Фельзен): говоря о литературной молодежи, Ю. Фельзен выражает надежду: «Представляю себе, что так же где-то собираются и что-то обсуждают “мальчики и девочки” (и, конечно, люди постарше) в Москве, в Петербурге, в загадочной для нас и, вероятно, мрачной, вероятно, жалкой советской провинции» [Фельзен, с. 213].

Отнесенность проблематики повести как к советскому, так и к эмигрантскому времени обусловлена обратной авторской перспективой, обнажаемой лишь в редких фрагментах, в частности, в повествовательной рамке, приведенной выше. Обратная авторская перспектива устанавливается, как кажется, благодаря конкретным способам работы с прошлым и технике включения образов памяти в текст. На этом мне бы и хотелось сосредоточить свое внимание.

Прежде всего, попробуем кратко обрисовать сюжетно-композиционную структуру «Мальчиков и девочек». Повесть состоит из девяти глав, соответствующих девяти месяцам учебного года: начиная с сентябрьской «сумятицы» до предшествующей каникулам «маевки». Подчиненные логике хронологического развертывания, события повести никак не маркируются по линии центральности — периферийности, но поступательно предлагают взгляд на один учебный год школьной жизни в разных аспектах: отношения дружбы и любви, участие в организационных и административных мероприятиях, отношения с педагогами и т. п.

Первые дни в школе, привычная суета и неразбериха, налаживание знакомств, формирование школьных иерархий и выделение в повести главных персонажей (первая глава «Сумятица», сентябрь) сменяются обсуждением в установившейся уже группке друзей проблематики романа «Преступление

и наказание» (вторая глава «Достоевский», октябрь). За второй главой следует вводная история: чтение несколькими мальчиками дневника одной из героинь повести Вали Лобазовой, иногда сопровождаемое комментариями читающих (третья глава «Дневник», ноябрь). Именно эта глава позволяет взглянуть на становление подросткового сознания изнутри. Намеченные в дневнике любовные линии ведут к следующей главе, где вновь от третьего лица повествуется о существующих школьных романах (четвертая глава «Роман», декабрь). Центр повести представлен небольшими зарисовками профессорской жизни, акцент в которых делается на меже, пролегшей между дореволюционной и пореволюционной жизнью учителей (пятая глава «Педагоги», январь). Заседание школьного совета, посвященное текущим делам, представляя, с одной стороны, бытовой факт из жизни школы, с другой стороны, несет в себе зерно будущего чиновничьего произвола, которому, не всегда вполне сознавая, уже готовятся присягнуть школьники (шестая глава «Продовольственники», февраль). В седьмой главе экспрессионистическое описание бедной и обкраденной Москвы 1919 г. сопровождают диалоги школьников, пытающихся определиться с тем, что они будут делать после школы, как они относятся к большевизму, к Добровольческой армии, как понимают действие (седьмая глава «Диалоги», март), после чего нагрянувшая весна, высвободившая в юношестве ярость, активность, нервность, приводит к ссоре нескольких персонажей и картинному рыцарству, оцененному самими бывшими гимназистами как поступок в духе Джека Лондона (восьмая глава «Джек Лондон», апрель). Наконец, описание поездки школьников в Люблино на майские праздники, ни к чему не обязывающие беседы и новые любовные интриги на фоне вечного противопоставления природной и городской жизни неожиданно завершают повесть (девятая глава «Маевка», май).

Девять месяцев, соответствующие девяти главам, в повести могут быть символом нарождающейся, вынашиваемой будущности, имеющей все меньше связей с дореволюционным прошлым. Невозможно найти в повести какое-либо центральное определяющее событие: разлом времени атомизировал ценностную реальность взросления — дети в повести продолжают жить словно бы вневременной жизнью подростков, однако повествование о них И. Болдырев строит, намеренно выделяя, как кажется, лишь фрагментированные события-знаки, следы, оставляемые прошлой жизнью и прошлой литературой: разговоры «мальчиков и девочек» о слове и деле или о книге и жизни, сокрушенное признание себя «созерцателями» и «лишними», или настойчивая решимость вступить в Добровольческую армию, разговоры о «последних вопросах», картинные истории влюбленности, «серьезные» любовные письма — эта потенциальная тематическая и сюжетная основа здесь подвергается композиционному фрагментированию, иронически маркируется как юношеская наивность.

Этот разрыв усугубляется стилистикой повести: языковая реальность неоднородна и как бы разломана надвое: на язык повествователя и язык персонажей. Это, как показывает А. М. Грачева, демонстрирует восприимчивость И. Болдырева к «урокам» А. Ремизова, в результате чего повесть выстраивается

«на полифонии голосов героев (учеников, учителей и автора-повествователя). Макросюжет произведения формировался из случайного, на первый взгляд, переплетения отдельных сюжетов, изложенных разными обитателями школьного микрокосма» [Грачева, с. 183]. Организующим принципом является установка Болдырева на ритмико-стилистическое усложнение, ведущее к затруднению чтения. Многочисленные эллипсисы, ритмические повторы, синтаксические параллелизмы, окказиональное построение фраз, использование окказионализмов — множатся на протяжении повести.

> Начальные дни в школе без затей: классы набиты битком, благоговейность [Болдырев, с. 9].
>
> Охотников ахинею слушать — ничтожность: осточертела книжная ахинея [Там же, с. 13].
>
> В первые дни кто пожелает, говори: начали безобразничать [Там же, с. 20].
>
> Цельный день Давид шатался по городу, среди людей искал размыкать, распылить свое горе [Там же, с. 75].

В свою очередь, речь персонажей выдержана в нормализованных синтаксисе и лексике, хоть и изобилует современным времени действия сленгом. Об этом несоответствии писала Лидия Червинская, говоря, что язык, на котором общаются гимназисты, все еще как бы дореволюционный, но реалии (и, в том числе, язык описания «реалий», добавим мы) уже революционные [Червинская, 1930, с. 253].

Это маркированное противопоставление двух стилистик находит выражение и в жанровой неоднородности: наиболее насыщенные речью подростков главы «Достоевский», «Дневник» и «Диалоги» написаны на перекрестье нескольких жанров. «Достоевский» почти целиком выдержан в драматической форме. «Дневник» уже своим названием указывает на выбранную эгодокументальную форму. «Диалоги» являются сочетанием сгущенной ритмической прозы в духе А. Белого или А. Ремизова с подчеркнуто разговорным стилем подростковых диалогов. Жанровая усложненность повести, связанная с выбираемым превалирующим языком, также может быть прочитана как знак исторического (и историко-литературного) разлома, где слово уже не вполне способно угнездиться в какой-либо жанровой монолитности. Особое внимание следует обратить на третью главу «Дневник», по мнению критиков, наиболее удавшуюся Болдыреву. В этой главе трое «мальчиков», главных действующих лиц — Сережа, Вовка и Шурка — читают украденный чуть ранее у их одноклассницы Вали дневник, сопровождая чтение редкими комментариями. В «Дневнике» предпринята попытка обрисовать портрет подростка, который, с одной стороны, останавливает читательское внимание на вневременном характере юности[5], с другой стороны, позволяет посредством устанавливаемого слога и тона отразить переломное время после революции, для которого сознание подростка оказывается как бы лакмусовой бумажкой.

---

[5] Это считал невысказанным выводом книги П. Пильский [Пильский, с. 6].

Дневник Вали охватывает время с 20 мая по 23 ноября 1918 г. Лейтмотивом дневника является поиск жизненного ориентира, который у героини оказывается выражен то в аскетической идее Аркадия Долгорукого из романа Достоевского «Подросток» [Болдырев, с. 37], то в идеале женщины в духе Джека Лондона [Там же, с. 42], то в открытии бессознательной дионисийско-русалочной сущности своего «я» [Там же, с. 43].

Первая запись от 20 мая начинается словами:

> Только что просмотрела прошлый дневник: ужасно глупый. <...> Так и кажется: теперь пойдет по-другому <...> Все, все, все по-иному! Я хочу.
>
> <...> А мой основной недостаток: больше о себе — и думаю о себе, и пишу. Я — эгоистка! к счастью, мне интересно и я не узкая.
>
> Тоже о себе: «я не узкая!» [Болдырев, с. 33].

Для Вали, как и для многих ее сверстников, решающим вопросом оказывается вопрос «что есть жить и действовать»: «Мне хочется самой жить! А тут изволь чужое, — нелепость: человек жить должен, а он других книжки читает» [Болдырев, с. 34]. Однако для нее, и это подтверждает дневник, книги составляют весомую часть жизни, их восприятие обусловлено глубоко личным характером появляющихся у героини вопросов. В записи от 5 июня приведен перечень вопросов, который Валя составляет вместе с Катей, еще одной «девочкой» повести И. Болдырева, приведем некоторые из них:

> 2. Почему, когда заглянешь в пропасть, хочется туда прыгнуть?
>
> 4. Нам кажется, что Бога нет, а гениальный Достоевский Бога видел: есть ли, наконец, Бог?
>
> 13. Прав ли Раскольников, убивши старуху? [Болдырев, с. 36].

Обсуждение последнего вопроса составляет предмет второй главы «Достоевский», разговор ведут шестеро главных персонажей — Сережа, Шурка, Вовка, Катя, Ала и Валя. Выбор И. Болдырева неслучаен: из сравнительного многообразия упоминаемых в повести писательских имен (Гюго, Толстой, Герберт Уэллс, Джек Лондон), именно Достоевский и проблематика его романа выведут подростков, в конце концов, к вопросу о современной им большевистской России. Валя считает, что из Раскольникова после «полезного» поступка «полился <...> нытик» [Болдырев, с. 25] и что «Раскольников — тряпка» [Там же, с. 26]. В то время как другой персонаж, Сережа, высказывается осторожнее, говоря, что «слабость» Раскольникова есть слабость живых людей, и что принять во внимание нужно причины его помешательства, связанные с нарушением гармонии между разумом, навыками и психологией. Но и он, когда разговор заходит о большевиках, которые, в отличие от Раскольникова, «не киснут в разговорах» и «имеют мужество не останавливаться» [Там же, с. 27], соглашается с мнением Вали и приравнивает образ Раскольникова к попрятавшемуся большинству. Шурка, Катя и Ала в разговоре о большевиках выражают несогласие. Важность этого спора вновь в *избытке видения* автора и читателя,

согласно которому абстрактный, казалось бы, разговор о «проклятых вопросах» приобретет в конкретно-исторической перспективе ужасающее (и ужаснувшее И. Болдырева) воплощение.

Главным героем повести является, тем не менее, язык, чью функцию можно уподобить свидетельству о времени. Поиск нового языка, который был бы способен выразить современность, вырождается в распадающийся, темный, вычурный язык в тексте Болдырева. Особенно выразительна глава «Диалоги», где индивидуализированная речь бывших гимназистов окружена гулом внеличной или, быть может, народной речи, проспективно готовящей детей к встрече с реальностью, пока ими не вполне замечаемой:

И они пошли по грязным московским улицам, не замечая нищенства города —
будто окатили Москву из помойного ведра,
из тысячи тысяч поганых ведерок плес-
нули на московские дома и улицы нечисть,
Москва в 19-омъ году такая.
<...>
Улицы в Москве пустынные.
Народ ушел в мешочники —
воевать с заградительными отрядами, тарах-
теть в теплушках, на буферах, на поднож-
ках и крышах, на паровозном тендере в
обетованную, преобильную, крестьянскую зем-
лю — выменивать у крестьян свое барахло —
на муку, зерно, жиры.
<...>
Народ ушел в торговцы.
<...>
Народ ушел в очереди.
<...>
Москва в 19-ом году такая.
Впрочем, все живут,
<...>
«Все можно! — не надолго.
«Никогда ничего похожего не было.
«мы не слыхали,
«и деды не помнят,
«и в книгах не сказано:
«что-нибудь случится!
И кто из народа принимал революцию все-
рьез!?
«А и чего поделаешь, оно не жить как же?!
«Перемелется все и надо терпеть! [Болдырев, с. 116–118][6]

[6] В приведенной цитате сохранена авторская графика.

Нарочитая прерывистость, затрудненность, косноязычность И. Болдырыва, кинематографическая дискретность с чередованием планов, повторами и флешбэками, принципиальной установкой на нецельность, свойственные тексту автора, предпринявшего попытку сделать это стилистическим обрамлением наивных первых мыслей и жизненных шагов подростков, черпает свою суггестивность в невольно угадываемом соответствии этого косноязычия будущему Советской России.

Основывая свою повесть на личных воспоминаниях, И. Болдырев создает иллюзию не прошедшего, а настоящего времени, следуя правде восприятия, как это было «тогда». Оттого, с одной стороны, у него есть возможность посвятить повесть исследованию психологии юношества, за рамками корректирующего взрослого взгляда, с другой стороны, его ценностное невмешательство в текст позволяет уже читателю провести ту вторичную проспекцию, взяв в помощники, прежде всего, разлом, зафиксированный И. Болдыревым внутри языка, и увидеть, как прошлое толкает вперед настоящее[7].

Прошлое «мальчиков и девочек» переходило в сферу *настоящего* «эмигрантских детей», таким образом, повесть могла служить местом их встречи, что стягивало внимание к импульсивности юности, интонационно схваченной И. Болдыревым в речи подростков, которая словно бы могла противиться хаосу межвоенных десятилетий.

Болдырев Ив. Мальчики и девочки. Повесть. Париж ; Берлин : Новые писатели, 1929.

Варшавский В. С. Ожидание. Париж : YMCA-press, 1972.

Варшавский В. С. Незамеченное поколение. М. : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына : Рус. путь, 2010.

Грачева А. М. Забытое имя русского Зарубежья: Иван Болдырев (к истории парижской литературной школы Алексея Ремизова) // Эпические жанры в литературном процессе XVIII—XXI веков: забытое и «второстепенное». VII Майминские чтения. 5—9 октября 2011 г. : в 2 т. / ред. Н. Л. Вершинина. Псков : ЛОГОС Плюс, 2011. Т. 2. С. 177–185.

Демидова О. Р. Метаморфозы в изгнании: Литературный быт русского зарубежья. СПб. : Гиперион, 2003.

Зензинов В. Иван Болдырев. Мальчики и девочки — В. С. Яновский. Колесо. Издательство «Новые Писатели». Париж — Берлин. 1929—1930 // Совр. зап. 1930. № 42. С. 525–529.

Каспэ И. Искусство отсутствовать: Незамеченное поколение русской литературы. М. : Новое лит. обозрение, 2005.

Литовская М. А., Матвеева Ю. В. Мальчики и девочки времен Республики ШКИД: о двух «школьных» повестях 1920-х годов // Семантическая поэтика русской литературы / ред. Н. В. Барковская и др. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2008. С. 313–322.

Матвеева Ю. В. Самосознание поколения в творчестве писателей-младоэмигрантов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008.

---

[7] Стоит, однако, помнить, что это была лишь первая «проба» Болдырева, который, по свидетельству М. Осоргина, уже понимал, что «Мальчики и девочки» — лишь начальный этап, который сам автор быстро перерос уже к моменту издания повести [Осоргин, с. 260], однако о (возможных) следствиях этого «вырастания» мы сейчас может только гадать.

Осоргин М. А. Памяти Ив. Болдырева // Осоргин М. А. Воспоминания. Повесть о сестре. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1992. С. 258–263.

Пильский П. Рец. на «Мальчики и девочки» И. Болдырева // Сегодня. № 7. 1930. 7 января. С. 6.

Ремизов А. М. Над могилой Болдырева-Шкотта. 1903—1933 // Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 9 : Учитель музыки: Каторжная идиллия. М. : Рус. книга, 2002. С. 265–268.

Струве Г. П. Русская литература в изгнании. 3-е изд. М. : Рус. путь ; Париж : YMCA-press, 1996.

Фельзен Ю. о литературной молодежи // Фельзен Ю. Собр. соч. : в 2 т. М. : Водолей, 2012. Т. 2. С. 212–214.

Червинская Л. Иван Болдырев. Мальчики и девочки // Числа. 1930. № 2–3. С. 252–253.

Червинская Л. Иван Болдырев // Числа. 1933. № 9. С. 232–233.

Шаховская З. А. Иван Болдырев // Шаховская З. А. В поисках Набокова. Отражения. М. : Книга, 1991. С. 156–158; 170–175.

Livak L. How It Was Done in Paris. Russian émigré literature and French modernism. Madison (Wiss.) : Univ. of Wisconsin press, 2003.

Статья поступила в редакцию 26.08.2016 г.

Димитриев Виктор Михайлович
аспирант
ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
E-mail: ganthenbein@gmail.com

Dimitriev, Viktor Mikhailovich
Postgraduate Student
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
4, Makarov Embankment,
199034 Saint Petersburg, Russia
E-mail: ganthenbein@gmail.com

IVAN BOLDYREV'S STORY *BOYS AND GIRLS*: ON THE PECULIARITIES OF POETICS

The article analyses the poetics of émigré writer Ivan A. Boldyrev's (real last name Shkott) story *Boys and Girls*. The author focuses on the techniques of incorporating images of the past into a work of fiction, as well as the story of growing up. The analysis is based on a decentered plot and compositional structure, organised by switching points of view, stylistic heterogeneity, and an inverse perspective provided by the author (the view from the émigré present of the Soviet past). The fragmentation of the composition deprives the narration of a defining central action. Discontinuity, difficulty of speech, cinematographic discreteness with alternating perspectives, and intentional intermittence function as an artistic equivalent of the disastrous history of the post-revolutionary years of Soviet Russia.

The story creates a portrait of a teenager who draws the reader's attention to the timeless nature of youth and, on the other hand, reflects the crucial nature of the time after the revolution, where a teenager's consciousness is a kind of a touchstone. The analysis shows how the story of the first Soviet schoolchildren generation becomes a prelude to the future tragedy of "émigré sons", the writers of the "Russian Montparnasse", who experience a deep rupture of historic legacy and feel the need to reflect the consequences of this rupture in their artistic works.

K e y w o r d s: Ivan Andreyevich Boldyrev-Shkott (1903—1933); Russian Abroad; "émigré sons"; Soviet school; experimental prose; temporal organization of narrative.

Boldyrev, Iv. (1929). *Mal'chiki i devochki. Povest'* [Boys and Girls. A Story]. Paris; Berlin: Novye pisateli. (In Russian)

Chervinskaia, L. (1930). Iv. Boldyrev. Mal'chiki i devochki [Iv. Boldyrev. *Boys and Girls*]. *Chisla,* 2–3, 232–233. (In Russian)

Chervinskaia, L. (1933). Iv. Boldyrev. *Chisla,* 9, 232–233. (In Russian)

Fel'zen Iu. (2012). O literaturnoi molodezhi [On Literary Youth]. In Iu. Fel'zen, *Sobranie sochinenii* [Complete Works] (Vol. 2, pp. 212–214). Moscow: Vodolei. (In Russian)

Gracheva, A. M. (2011). Zabytoe imia russkogo zarubezhia: Ivan Boldyrev (k istorii parizhskoi literaturnoi shkoly Alekseia Remizova) [A Forgotten Name of the Russian Abroad: Ivan Boldyrev (on the History of the Parisian Literary School by Aleksei Remizov)]. In N. L. Vershinina (Ed.), *Epicheskie zhanry v literaturnom processe XVIII—XXI vekov : zabytoe i « vtorostepennoe ». VII Maiminskie chteniia. 5—9 oktiabria 2011 g.* [Epic Genres in the Literary Process of the 18th—21th Centuries: The Forgotten and the "Secondary". 7th Maimin Readings, 5—9 October 2011] (Vols. 1–2). (Vol. 2, pp. 177–185). Pskov: LOGOS Plius. (In Russian)

Kaspe, I. (2005). *Iskusstvo otsutstvovat': Nezamechennoe pokolenie russkoy literatury* [Art of Absence: The Unnoticed Generation of Russian Literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Litovskaia, M. A., & Matveeva, Iu. V. (2008). *Mal'chiki i devochki vremen Respubliki SHKID: o dvuh shkol'nyh poves'tiah 1920-h godov* [The Boys and Girls of the Republic of ShKID Time: On Two School Stories of the 1920s]. In N. V. Barkovskaya et al. (Eds.), *Semanticheskaia poetica russkoi literatury* [Semantic Poetics of Russian Literature] (pp. 313–322). Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University Publ. (In Russian)

Livak, L. (2003). How It Was Done in Paris. Russian migr Literature and French Modernism. Madison (Wiss.): Univ. of Wisconsin press, 2003.

Matveeva, Yu. V. (2008). *Samosoznanie pokoleniia v tvorchestve pisatelei-mladoemigrantov* [The Self-consciousness of a Generation in the Works of the First Wave migr Writers]. Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Osorgin, M. A. (1992). Pamiati Iv. Boldyreva [In Memory of Iv. Boldyrev]. In M. A. Osorgin, *Vospominaniia. Povest' o sestre* [Reminiscences. My Sister's Story] (pp. 258–263). Voronezh: Voronezh University Publ. (In Russian)

Pil'skii, P. (1930). Retsenziia na «Mal'chiki i devochki» [A Review of *Boys and Girls*]. *Segodnia*, 7, 6. (In Russian)

Remizov, A. M. (2002). *Nad mogiloi Boldyreva-Shkotta. 1903—1933* [By the Grave of Boldyrev-Shkott. 1903—1933]. In A. M. Remizov, *Sobranie sochinenii* [Complete Works] (Vol. 9. *Uchitel' musyki: Katorzhnaia idilliia* [Teacher of Music: Prison Idyll], pp. 265–268). Moscow: Russkaia kniga. (In Russian)

Shahovskaia, Z. A. (1991). Iv. Boldurev. In Z. A. Shahovskaia, *V poiskah Nabokova. Otrazheniia* [In Search of Nabokov. Reflections] (pp. 156–158). Moscow: Kniga. (In Russian)

Struve, G. P. (1996). *Russkaia literature v izgnanii* [Russian Literature in Exile]. 3rd ed. Moscow: Russkii put'; Paris: YMCA-Press. (In Russian)

Varshavskii, V. S. (1972). *Ozhidanie* [Anticipation]. Paris: YMCA-Press. (In Russian)

Varshavskiy, V. S. (2010). *Nezamechennoe pokolenie* [Unnoticed Generation]. Moscow: Dom russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna; Russkii put'. (In Russian)

Zenzinov, V. (1930). Iv. Boldyrev. Mal'chiki i devochki — V. S. Yanovsky. Koleso. Izdatel'stvo "Novye pisateli". Paris—Berlin. 1929—1930 [Iv. Boldyrev. *Boys and Girls* — V. S. Yanovsky. *The Wheel*. Izdatel'stvo «Novye pisateli». Paris—Berlin. 1929—1930]. *Sovremennye zapiski,* 42, 525–529. (In Russian)

Received on 26 August, 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.4.064
УДК

А. А. Хадынская
Сургутский государственный университет
Сургут, Россия

АКМЕИСТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В ЛИРИКЕ А. ШТЕЙГЕРА

В статье прослежена эволюция акмеистических установок в лирике А. Штейгера, связанная с метаморфозами пасторального комплекса в экфрастическом его выражении. Анализируются его ранние книги с позиции ориентации автора на петербургскую поэтику, усвоенную через Г. Адамовича. Отмечается явная связь первых поэтических опытов Штейгера с лирикой Г. Иванова в плане наличия в них пасторального комплекса как варианта усадебной топики; ведущая роль при этом отводится экфрасису, соединяющему в себе слово и живопись, что в полной мере отвечает акмеистическим задачам. Лирика Штейгера рассматривается в ее развитии, осмыслении в ней основных идей «незамеченного поколения» (В. Варшавский). Характеризуется влияние на нее поэзии акмеистов метрополии (Н. Гумилев, О. Мандельштам), а также показывается освоение опыта переосмысления акмеистических традиций в лирике «старших эмигрантов» (Г. Иванов, Н. Оцуп). Кроме того, выявляются особенности интерпретации поэтом акмеистических традиций в рамках поэзии «парижской ноты». Выявляются экзистенциальные мотивы, доминирующие в более зрелых стихах поэта и определяющие антипастораль ные тенденции в его последних книгах; в этом можно увидеть взаимное влияние А. Штейгера и Г. Иванова, объясняемое их ориентацией на акмеизм как на общее культурное поле.

К л ю ч е в ы е с л о в а: А. Штейгер; «незамеченное поколение»; «парижская нота»; акмеистические традиции; пасторальный комплекс; усадебный топос; экфрасис; экзистенциальные мотивы.

Имя Анатолия Штейгера (1907–1944) прочно связывается с поэзией «парижской ноты». Современники были единодушны в оценке его лирики: воплощая творческие заветы Г. Адамовича, будучи верным его последователем, поэт, тем не менее, за недолгую жизнь (в 37 лет он умер от туберкулеза) сумел найти собственный путь в литературе и сказать негромкое, но твердое и выстраданное слово от лица своего поколения. Сам Г. Адамович, создатель и идейный вдохновитель «парижской ноты», близко знавший А. Штейгера, отмечал в своем ученике именно это свойство: «В своем долгом швейцарском одиночестве, больной, беспомощный, мало-помалу от всего отказывавшийся, одно за другим, даже в надеждах, терявший, Штейгер дотянулся, дописался до настоящих слов, горьких и чистых, вполне свободных от всякой литературы, в дурном смысле этого понятия, от всякой “литературщины” » [Адамович, с. 103].

А. Штейгер занимал особое место в числе представителей своего «незамеченного поколения», «успев» обрести признание еще при жизни. Его

© Хадынская А. А., 2016

аристократическое происхождение из древнего швейцарского рода давало ему небольшой доход в виде скромного содержания от правительства Швейцарии, он имел возможность лечиться в санатории на своей исторической родине, он рос в любящей семье и был особенно близок со своей сестрой Аллой Головиной, ставшей впоследствии заметной личностью в русской литературной эмиграции и приложившей все усилия для издания посмертной книги брата «2 × 2 = 4. Стихи 1926–1939» (1950).

При относительном благополучии на фоне куда более тяжелого положения многих собратьев по поэтическому цеху Штейгер, тем не менее, разделил судьбу своего несчастного поколения, ибо сердцем и душой принадлежал к когорте тех самых «русских мальчиков», для которых отечество, оставленное в юном возрасте, осталось единственной горячо любимой родиной, разрыв с которой он болезненно ощущал, хотя и сохранил о ней только детские воспоминания. На заре своей творческой карьеры он относился к эмигрантскому существованию со свойственным юности неравнодушием. Друзья и знакомые А. Штейгера отмечали его активное участие в жизни литературной эмиграции; несмотря на тяжелую болезнь, в периоды ремиссии он немало путешествовал, о чем свидетельствуют географические указания под многими стихотворениями (Париж, Ницца, Марсель, Грасс, Афины, Прага, Белград, Сараево, Загреб, Венеция, Рим, Брюссель и пр.); бывая в Париже, непременно окунался в кипучую жизнь знаменитого «русского Монпарнаса», что стоило ему порой серьезных ухудшений здоровья. Большую часть жизни А. Штейгер был вынужден пребывать в швейцарском санатории, но, находясь на лечении, вел активную переписку, жадно общаясь с поэтическими единомышленниками.

Из этих писем, помимо его политических и общественных воззрений (поэт считал себя монархистом и участвовал в движении младороссов), можно понять «программные установки» молодого автора, его взгляд на поэтическую ситуацию в среде своего поколения. Например, в письмах к одному из редакторов литературного журнала «Новый корабль» Владимиру Злобину он сообщает, что в прозе своим кумиром видит Зинаиду Гиппиус, с которой он сам не только переписывался, но и встречался на собраниях «Зеленой лампы», и ему же сообщает о своем восхищении поэзией Георгия Иванова, так как, с его точки зрения, она очень точно отражала ощущение жизни его сверстников, попавших в эмиграцию не по своей воле [Пахмусс]. Известны его письма к М. Цветаевой, их несостоявшийся роман она описала в цикле «Стихи сироте»; А. Штейгер же, искренне восхищаясь мощью и талантом поэтессы, выбрал себе в учителя Г. Адамовича, что М. Цветаева расценила как предательство.

Г. Адамович, оказавший на А. Штейгера неоценимое влияние и фактически вырастивший из него поэта, был свидетелем зарождения и развития в нем истинного поэтического дарования. Именно благодаря Г. Адамовичу в творчество А. Штейгера вошла петербургская поэтика: будучи южным жителем (он вырос в Николаевке под Киевом), в столице он бывал только в детстве, и Г. Адамович поражался жадному интересу А. Штейгера к подробностям

петербургской жизни, которые тот у него выспрашивал: «...утонченный, трагически-беспечный, обреченный богемно-литературный Петербург последних предреволюционных лет представлялся ему чем-то вроде потерянного рая, и не раз он вздыхал, что поздно родился» [Адамович, с. 102]. Петербургская поэтика особенно явно проявилась в ранних книгах поэта: «Этот день» (Париж, 1926) и «Эта жизнь» (Париж, 1932). В них ощутимо влияние акмеистических установок не только Г. Адамовича, но и Н. Гумилева, А. Ахматовой, О. Мандельштама, Г. Иванова. Многие критики справедливо указывали на подражательность этих стихов как на поиск своего пути в поэзии, но в этом случае показателен сам «локус» поисков, когда сообразно культурному «багажу» срабатывает генетическая память и духовной «меккой» для эмигрантских сыновей становится, как и для отцов, именно Петербург. Этот факт относительно А. Штейгера точно подметил, в частности, Ю. Терапиано: «Если говорить о поэтической преемственности, нужно назвать имена поэтов петербургской школы: Иннокентия Анненского, Анны Ахматовой, Георгия Иванова» [Терапиано, с. 97]. На это же указывает В. Крейд: «Штейгер начинал с подражаний Георгию Иванову, причем не эмигрантским его стихам, а старым, петербургским» [Крейд, 2004].

Следует отметить, что в центре внимания исследователей, изучающих творчество А. Штейгера, чаще всего оказывается его итоговая книга «2 × 2 = 4. Стихи 1926–1939», в которую он планировал собрать лучшее из им написанного [Налегач, 2013; Сараева 2014а] или все творчество в целом [Ратников, 1998; Крейд, 2003; Налегач, 2010; Кочеткова; Сараева, 2014б]. Но для нас важным показалось рассмотреть и ранние книги поэта с позиции отголоска в них акмеистических установок, перенятых от Г. Адамовича и других акмеистов, а также установить трансформации этих установок в последующем его творчестве.

Книга стихов «Этот день» по общей тональности и поэтическому настроению созвучна ранним петербургским сборникам Г. Иванова, имеющим отчетливую акмеистическую ориентацию: «Отплытие на о. Цитеру» (1912), «Горница» (1914), «Вереск» (1926), «Сады» (1921) и «Лампада» (1922). Общим местом при оценке ранней лирики Г. Иванова считается тезис о том, что в ней поэт проявил себя как адепт акмеизма, что проявилось в подражательности и даже некой «сделанности», а порой и демонстративном изяществе, доходящем до манерности. Во многом это действительно так, в полный голос Г. Иванов заявил о себе именно в эмиграции, став, по характеристике В. Заманской, первым русским экзистенциалистом. Но, по нашему мнению, в петербургский период акмеистические приемы получили у поэта интересное развитие, в них, в частности, своеобразно продолжена пасторальная традиция, явленная у Г. Иванова в экфрастическом выражении, чему посвящено одно из наших исследований [Хадынская, 2011]. Нами установлено, что многочисленные экфрастические описания у Г. Иванова воплощают традиционный для русской классической литературы пасторальный комплекс в различных вариациях, прежде всего, в рамках «усадебного текста», а также в поэтических

интерпретациях творчества любимых художников: Ватто, Гейнсборо, Лоррена, Ван Дейка и Кустодиева. Интерес к живописи был у Г. Иванова во многом биографического происхождения: дворянский усадебный быт семейного имения под Ковно окружал его с детства, он рос среди старинных картин, сервизов и гобеленов, а кроме того, имел художественные способности и прекрасно рисовал. Словесные пейзажи и портреты его ранних сборников явно литературного происхождения, экфрасис как художественный прием был для Г. Иванова прекрасной возможностью соединить в одном образе живопись и слово. Некая искусственность этих синтетических образов осознается самим поэтом, что проявляется в тонкой иронии, пронизывающей петербургское творчество поэта и во многом являющейся ключом к нему. Русский «доморощенный Версаль» становится у Г. Иванова символом уходящей великой культуры в преддверии страшных катастрофических событий — то «Титаником», уходящим на дно (один из его знаковых поэтических образов), то Эдемским садом, откуда поэта изгнала жестокая судьба эмигранта.

Поэтический диалог А. Штейгера и Г. Иванова уже находился в фокусе внимания исследователей [Сараева, 2014б; Миллер], нас же он интересует с позиции выраженности в нем пасторального модуса, отображающего акмеистические воззрения поэтов. В ранних стихах А. Штейгера этот модус легко обнаруживается, развернутый, так же, как у Г. Иванова, в экфрастическом выражении. Лирический герой созерцает картины природы, явленные в красках, на душе у него тихая радость, смешанная с грустью. Типичной приметой пасторальной топики в русском варианте станет земледельческий цикл, который включен в природный круговорот времени, его выразителями станут пашня и пахарь, пасущиеся стада, улетающие осенью птицы. У Штейгера мы это и находим:

Идти за светлым от росы
Холодным и звенящим плугом,
Поет последний вздох косы
Над голубым и влажным лугом.

[Штейгер, с. 4]

Я в горах. Улегся зной.
Ни о чем мечтать не надо,
В темно-синей чаще хвой
Бродит медленное стадо.

[Там же, с. 5]

На литературность образов в последнем фрагменте указывает «нефункциональность» изображенной картины пахоты, перед нами экфрастическое изображение типичных салонных картин рокайльной тематики, где пастухи и пастушки предаются веселым забавам, это же было и предметом изображения в пасторальных романах:

Запах праздничной земли —
Здесь смеются, а не пашут,
Яхта белая вдали
По волнам веселым пляшет.

[Штейгер, с. 5]

За белым домом сонный сад,
Дубы, зеленые поляны.
Веселый фавн потупил взгляд,
Слегка взволнованный и пьяный.

[Там же, с. 12]

В некоторых стихотворениях обнаруживаются явные пасторальные приметы в литературно-живописном контексте, поданные автором через экфрасис:

На блеклом шелке медальоны
А в них веселые пастушки,
И принц, поймавший Сандрильону
У развалившейся избушки.

[Там же, с. 15]

С легкой иронией автор резюмирует:

Жива идиллия Руссо —
Луга, барашек и качели.
Маркиза катит колесо,
А фавн играет на свирели.

[Там же, с. 14]

У раннего Г. Иванова мы находим обилие подобных образов («гобелены», те же «медальоны», «сервизы»), восходящих к эстетике рококо, очень много стихотворений с типичной пасторальной тематикой. Например, «Вот роща и укромная полянка...» (сб. «Вереск») в качестве лирической ситуации имеет сценку в том же ироничном стиле «а-ля рюсс», где героями в пикантной ситуации оказываются поселянка, «сбирающая клюкву в кузовок», и «охотник-барин».

Показательно у А. Штейгера стихотворение, в котором в комплексе содержатся все приметы ивановской ранней лирики: экфрастичность, пасторальность в контексте «усадебной поэзии», литературно-живописные аллюзии и тонкая ирония — «Миниатюры Изабэ...» [Штейгер, с. 11–12]. Лирический герой перечисляет «весь тот милый, старый хлам, // Что завещали наши предки»: «полуистлевшие гравюры», «дагерротип: на серебре», «и колоннады, и беседки»; вспоминает жуткую историю о «всяческой нежити», что водилась «в глубоких нишах темных стен» — дань традиции готических романов вкупе с древнерусской мифологией, а также «бедного Вертера» (отголосок романтизма). Живописный контекст (упоминание Жан-Батиста Изабе (1767–1855), французского художника-портретиста, известного автора миниатюр), вводит в текст рокайльную

тематику салонной живописи и интерьерного декоративного искусства. Финальный жест лирического героя выдает в нем ироничного созерцателя угасающих русских усадеб и переводит всю ситуацию в литературную игру: «...И, уходя, букетик роз // Я прикрепил к какой-то раме».

Встречаются у А. Штейгера и отважные «гумилевские» герои, поданные в утрированной романтической стилистике, с элементами балладного сюжета, за которым тоже проглядывает авторская ирония (стихотворение «Искатель жемчуга» [Штейгер, с. 12–13], отсылающее к «Жемчугам» Н. Гумилева и ко всей его ранней романтической лирике). Герой, прекрасный смуглый юноша-ныряльщик, рискуя жизнью, погружается за жемчугом для королевы в «разъяренные гребни» штормящего моря, зрители «с затаенным вниманьем» ждут его появления. Он появляется победителем («водные кони // Бьются в беспомощном гневе»), цель достигнута — «В новой жемчужной короне // Скоро блистать королеве!» [Там же].

История юноши-ныряльщика подана в явно экфрастическом ключе, об этом свидетельствуют описательность, картинность изображаемого, цветовые акценты («смуглое тело», «темно-зеленые волны», «жемчужная корона»), сам сюжет походит на иллюстрации-миниатюры к средневековым любовным романам, часто эксплуатирующим экзотику «таинственных дальних стран».

В книгу «Этот день» входит микроцикл из двух стихотворений под названием «Царское Село»; этот локус традиционен для петербургского текста, ему отдали дань все акмеисты. В эмигрантской поэзии микроцикл с таким же названием имеется у Н. Оцупа, он входит в его поэму «Встреча» (1928). Разработка темы сакрального для русской культуры места у Оцупа также дается через экфрасис, при этом он постоянно апеллирует и к известным литературным кодам (А. Пушкин, А. Блок, О. Мандельштам, А. Ахматова — их строки узнаваемы в тексте), и к живописным (эти «цитаты» взяты из полотен мирискусников, близким по эстетическим установкам к акмеистам и активно разрабатывавшим тему Царского Села).

Аллюзивное переплетение литературного и живописного текста в раннем творчестве Н. Оцупа рассмотрено нами в ряде статей [Хадынская, 2016а; 2016б]. Н. Оцуп, в отличие от А. Штейгера, может быть отнесен к старшему поколению эмигрантов, так как свой первый сборник «Град» (1921) он создал еще на родине, в Петербурге. А. Штейгер свою поэтическую деятельность начал во Франции, связь с родной культурной почвой осуществлялась у него опосредованно, через «старшее окружение» (Г. Адамович, Г. Иванов и пр.), но процесс освоения петербургского текста шел по тому же «сценарию», что и у них: апологетическое следование акмеистическим установкам в раннем творчестве явилось своеобразной «стартовой площадкой», этапом пути в настоящую поэзию.

В своем царскосельском диптихе А. Штейгер использует те же экфрастические акмеистические приемы, что и «старшие» собратья по цеху: лирическая ситуация «прогулки» по дорожкам, описание сада, деревьев, скульптур. Поэт выбирает осенний пейзаж, печально-элегический, он вполне отвечает его эмоциональному состоянию тоскующего эмигранта:

Червонный лист, беспомощно шурша,
На землю падает и умирает,
Осенний ветер в зарослях играет,
Надламывая стебли камыша.

[Штейгер, с. 10]

Далее появляется экфрастический портрет: «Из голубых полуоткрытых окон // Печальный силуэт...», это императрица, она в тоске, «...сумрачна, бледна, // Густые брови сведены сурово» [Штейгер, с. 11]. Упоминаемая в конце стихотворения могила Ланского с мраморным изваянием обращает нас к драматической любви Екатерины II к своему молодому фавориту: предположительно, он был отравлен придворными и по его предсмертному желанию похоронен в дворцовом парке; об этом напоминает стела с фамильным гербом Александра Ланского, надпись императрицы «В память дружбы». История, легшая в основу лирической ситуации стихотворения, вполне отвечает акмеистическим задачам, так как архитектурный контекст всегда был интересен представителям этого течения.

Во втором стихотворении микроцикла описывается картина умирающего сада: поздняя осень, статуи покрываются снегом, в пруду стынет последний лебедь; последнее четверостишие становится общей элегической кодой, созвучной осознанию эмиграцией Царского Села, Петербурга и всей России навсегда утраченным раем:

И зазвучит тогда, невесела,
Неповторимой песней лебединой,
Отходная пленительной, единой
И странной жизни Царского Села.

[Штейгер, с. 12]

Развитие лирического сюжета в этом микроцикле подчинено главной мысли эмигрантской лирики «первой волны»: прежняя Россия утрачена, но она может быть сохранена в памяти, именно такова интерпретация этого топоса у Н. Оцупа. Но А. Штейгер от лица своего «незамеченного поколения» вносит коррективы в этот тезис: им, «сыновьям эмиграции», история тоже дорога, они ее знают и помнят, но не чувствуют, ибо не имеют «тактильной памяти», их нога не ступала по царскосельским аллеям, они вынуждены в оценке чувств доверять рассказам «отцов», а суровая эмигрантская действительность, составляющая их жизнь, разительно контрастирует с легендами о былом величии их исторической родины.

К ностальгии у Штейгера примешивается удивительное чувство, неординарное в контексте эмигрантских страданий, им назван еще один микроцикл в этой поэтической книге — «Нежность». Как и «Царское Село», он состоит из двух стихотворений, но в корне отличается по идейному содержанию: с точки зрения поэта, вполне объяснимое недоверие к памяти у представителей его поколения должно быть компенсировано нежностью как единственно возможным чувством,

примиряющим с действительностью; только она поможет не очерстветь сердцем и даст возможность им, душевно израненным, хоть как-то существовать:

Не в памяти, а в нежности
Остался острый след,
Доныне по безбрежности
Лечу былому вслед...

[Штейгер, с. 9]

Во втором стихотворении диптиха этот постулат утверждается окончательно: доверие к памяти утрачено («Памяти изменчивой не верьте // Поседев, былое не отдаст»), она как связующее звено между поколениями не может выполнять своего предназначения, у «отцов» и «детей» нет общих воспоминаний, от этого и появляется пропасть между ними. Сам А. Штейгер в письме к В. Злобину писал об этом дорогом для него стихотворении: «Ведь в моей “Нежности” слова только намекают на самое главное, настоящее за ними. А то, что стоит за ними, никому до сих пор видно не было». Темира Пахмусс, автор публикации переписки А. Штейгера со Злобиным и комментария к ней, пишет, что поэт «свою тайну о “нежности”... не открыл» [цит. по: Пахмусс, с. 481]. Но исходя из контекста всего его творчества можно утверждать, что нежность у А. Штейгера становится синонимом христианской незлобивости, смирения перед жестокой судьбой, способом сохранить в себе человеческое, совестливое нутро, только она «сохранит от смерти», «никому на свете не предаст», только «ей одной изверившийся, — верю».

В следующей книге «Эта жизнь» тональность стихов меняется в сторону мортальной тематики, размышлений на пороге смерти, все чаще звучат обращения к Богу, упования на его помощь. Идиллических экфрастических пейзажей становится значительно меньше; в едва ли не единственном подобном стихотворении с сельским пейзажем типа «небо да поле» лирический герой, восхищаясь красотой чужеземной полуденной пашни с удивившим его васильком среди золотых колосьев, тем не менее в конце добавляет, что за всем этим он видит родные просторы и «что небесных волшебней и краше // На земле звезды синие есть, // Деревенские, скромные, — наши» [Штейгер, с. 27]. Еще одно примечательное стихотворение этого типа имеет красноречивое название — «Простой пейзаж». Ностальгические сельские картины родной природы из первой книги меняются в нем на французский пейзаж, в котором присутствует уже совершенно другое настроение — привычной, как ноющая зубная боль, эмигрантской тоски и горечи от неудавшейся жизни, знаком чего становится неожиданный урбанистический эпитет («чугунные облака»):

Слова печальны и просты,
Не хочет сердце слов заумных.
Да и к чему? — поля, кусты,
Полоска облаков чугунных...

[Штейгер, с. 25]

Последние строки стихотворения («Не каждый этот край поймет, // Не каждый путь в него укажет») [Там же] говорят о смерти как о предначертанном пути, но наградой она будет только избранным, кому этот путь ведом от Бога, себя к их числу лирический герой не относит, его удел — томительное ожидание смерти, в случае эмигранта сопоставимое с медленным умиранием: «полоска облаков чугунных», созерцаемая героем, и есть его прижизненная кладбищенская ограда. В этом проявляется трагическая ирония, мало ощутимая в первой книге поэта и нарастающая в последующих. Подобную иронию, только более «крепкого градуса», фактически доходящую до сарказма, находим у Г. Иванова в стихотворении «Летний вечер прозрачный и грузный...» (цикл «Портрет без сходства» в сборнике «1943–1958. Стихи»); в нем похожим образом, резко контрастирующим с общим пейзажем, станет «птица — крылатый булыжник»:

Летний вечер прозрачный и грузный,
Встала радуга коркой арбузной,
Вьется птица — крылатый булыжник...
[Иванов, т. 1, с. 342]

Подобные травестированные экфрастические пейзажи-автоцитаты с антиэстетическим центральным образом не редкость в позднем творчестве Г. Иванова, они носят антипасторальный характер и вербализуют тот же, что и у А. Штейгера, горький вывод о вынужденном пессимизме эмигранта, не находящего опоры ни в жизни, ни в искусстве (см. об этом в одной из наших статей [Хадынская, 2014]). В последнее время исследователями все чаще высказывается мысль, что не только Г. Иванов повлиял на А. Штейгера, но и наоборот (стихотворение Г. Иванова было написано позднее). Думается, что в данном случае отмеченное сходство идейных и эстетических установок объясняется общим культурным полем акмеизма, которое «взрастило» их как поэтов.

Очень «ивановским» выглядит стихотворение «В сущности так немного...»: в нем обнаруживается схожий со старшим поэтом образный комплекс, извечные розы (символ ивановской поэзии), кода с вопросом без ответа, общее метафизическое состояние лирического героя, находящегося вне пространства и времени. Единственной географической приметой реальности является зеленая Сена, сугубо штейгеровский образ («А в Сене бежит вода, // Зеленая, как и всегда»), все остальное (очень немногое!) герой хотел бы иметь, но не имеет: «Любовь и заброшенный дом, // Луну над старым прудом // И розовый куст у порога» [Штейгер, с. 15]. На робкий вопрос героя, можно ли ему это иметь, равнодушные небеса дают один ответ: «ни да, ни нет».

В рассматриваемом сборнике можно обнаружить и экфрастический портрет (стихотворение «Габсбург»), в котором лирический герой созерцает изображение эрцгерцога на коне и размышляет о тяжелой монаршей доле. Неясно, о ком из Габсбургов пишет поэт; логически следует, что это Франц Фердинанд, убитый в Сараево в 1914 г., что стало поводом к началу Первой мировой войны,

но, судя по сохранившимся фотографиям, он был крупным мужчиной. Скорее всего, это его дядя, император Австро-Венгрии Франц Иосиф; в молодости он был субтилен и светловолос («...бледен и худ, // Плечи сдвинуты детски-сутуло», «цвет волос — золотистее ржи»). Подданные неплохо к нему относились, во многом потому, что он был элементом привычной монархической системы и правил более 60 лет («За таких, как на праздник, идут // Под холодное вражее дуло...»). А. Штейгер дает обобщенный монарший портрет представителя великой династии, которому суждено потерять свою страну в эпоху глобальной социальной катастрофы, отсюда его детскость и надменность одновременно («Взгляд очей его — девичьи зыбкий. // Сколько нежности, горя и лжи // В незаметной надменной улыбке»). Франц Иосиф застал начало Первой мировой войны (он умер в 1916 г.), был ярым русофобом и мечтал отвоевать у России не принадлежащие ей, с его точки зрения, территории, в частности Крым. Лирическая ситуация стихотворения перекликается с подобной у раннего Г. Иванова (стихотворение «Беспокойно сегодня мое одиночество...», цикл «Лампада», 1922):

Беспокойно сегодня мое одиночество —
У портрета стою — и томит тишина...
Мой прапрадед Василий — не вспомню я отчества —
Как живой, прямо в душу глядит с полотна.

[Иванов, т. 1, с. 102]

Г. Иванов, как часто с ним бывало, мистифицировал семейную историю, приписав предку, «отставному военному» с «арапчонком у ног и турецким кальяном», заточение в подземелье первой жены. У Г. Иванова действительно был предок Василий, как и все мужчины в роду, военный, он приходился ему прадедом, но скорее всего это, по разысканиям Т. Зенн, прапрадед поэта по материнской линии Иван Осипович Бирбрауэр фон Бренштейн, чей портрет, предположительно кисти Левицкого, действительно хранился в доме как реликвия: «...в Константинополе Иван Осипович служил дипломатом, и “турецкий кальян” и “арапчонок”, о которых упоминает Георгий Иванов, возможно, оттуда и взялись... Правда, в “помещиках” ни прадед, ни прапрадед Георгия Иванова не были: по той причине, что пребывали почти до конца на своих службах и земледелием или “помещичеством” не занимались. Это стихотворение написано, по-видимому, чтобы прославить род, да и “навечно” сохранить память о Бренштейнах» [Зенн].

При всем сходстве лирической ситуации в рассматриваемых стихах есть в них и принципиальная разница. У Г. Иванова герой стар и брутален, он «хмурит брови седые над взорами карими», у него «опустились морщины у темного рта», «в заскорузлой руке — серебристого пенного ковш», но при этом он «как живой, словно в душу, глядит с полотна». У штейгеровского эрцгерцога тоже «возле губ две короткие складки», но в его облике доминируют детские и даже женские черты (плечи «сдвинуты детски-сутуло», «взгляд очей его — девичьи

зыбкий»), ивановский пенный ковш отзывается в нем взглядом, «как густое вино // В драгоценном налитое кубке».

Для раннего «акмеистического» Г. Иванова образ предка в фамильной галерее имеет иронический подтекст, на это указывают и исторические неточности, и якобы «страшная» семейная тайна. Этот портрет включен в воображаемую картинную галерею из ранних сборников поэта и играет важную роль при создании им «усадебного мифа» — уходящей России «дворянских гнезд»; настроение лирического героя можно назвать элегическим — это вариация «тоски по мировой культуре» в ивановском варианте. У А. Штейгера взгляд на портрет уже иного масштаба и с иной исторической дистанции: имперская Россия погибла в горниле Первой мировой войны, и перед ним — враг, последний император, начавший ее крушение; он умер, не увидев чудовищных последствий своих деяний, и в последнем четверостишии звучат горькие строки о трагическом отголоске этого события в судьбе самого героя — невольно он, навсегда покинувший родину, оказался последним пострадавшим в этой цепи злодейств: «Значит, могут быть нашей судьбой // Мертвецов неживые улыбки?» [Штейгер, с. 29].

Показательно, что Штейгер, развивая экфрастический портрет в «метафизическом» русле, обращается к его акмеистическому «прототипу» как к исходной форме. Акмеистические установки обрастают у него новыми «обертонами»: из сферы искусства его герой выходит в жизнь, страшную своей беспощадностью к человеку, и он уже не может спрятаться за искусство, он предельно беззащитен перед маховиком истории, оставаясь, по известной фразе, «голым человеком на голой земле».

В «Неблагодарности» (1936), третьей его книге, этот мотив беззащитности и упования только на Бога (Провидение) станет доминирующим. Но неужели нет на свете силы, способной противостоять вселенской энтропии? Для А. Штейгера это акмеистическая вера в Слово, Божественное по своей сути, даже если говорится всуе:

Мы верим книгам, музыке, стихам,
Мы верим снам, которые нам снятся,
Мы верим слову... (Даже тем словам,
Что говорятся в утешенье нам,
Что из окна вагона говорятся...)

Этот признанный шедевр штейгеровской лирики — высказывание «незамеченного поколения», созвучное известной ивановской строчке: «стихи и звезды остаются, // А остальное — все равно». Для старшего поэта, жившего только искусством и органически чуждого цивилизации, стихи — единственное оправдание жизни вообще; для него, выросшего из лона акмеизма, Слово осталось единственной реальностью, все прочее в мире эфемерно и уже подверглось распаду («Распад атома»). Но то, что у Г. Иванова непреложно, А. Штейгера порой заставляет сомневаться: для его поколения, существующего без собственной

культурной опоры, вопрос о том, стоит ли искусство жизни, решается неоднозначно: с одной стороны, безусловно, стоит, ведь за этим — весь путь русской классической литературы, но с другой стороны, реальность эмигрантской жизни ставит молодого поэта в экзистенциальную ситуацию «жизни на пороге смерти», ввергает в беспредельное одиночество, когда опоры перестают существовать в принципе и жизнь становится похожа на «смертный сон». Вероятно, только в минуты большого отчаяния можно было написать такие строки — отречение от Слова и от Эдемского сада, где это Слово человеку было даровано:

Мы, уходя, большой костер разложим
Из писем, фотографий, дневника.
Пускай горят...
Пусть станет сад похожим
На крематориум издалека.

[Штейгер, с. 41]

Экзистенциальные настроения значительно усиливаются в последней книге Штейгера, «2 х 2 = 4» (Нью-Йорк, 1982), изданной уже посмертно. У поэта даже возникает сомнение в силе Божественного Слова, на которое он уповал в предыдущих книгах. По мысли Т. Сараевой, вера в чудо, которая вела его по жизни, в прижизненных книгах только формируется, в посмертной же становится центральным мотивом; но «иррациональное (чудо) является лишь одним из множителей формулы «2 х 2 = 4», потому что поэтом предпринимается попытка математически высчитать появление сверхъестественного в жизни человека» [Сараева, 2014а, с. 166]. От себя добавим, что поэзия у А. Штейгера также относится к области чудесного, следовательно, есть сомнение в том, достигает ли поэта «Божественный глагол».

Интересующие нас экфрастические пейзажи также подвергаются экзистенциальной метаморфозе, нарастают антипасторальные мотивы:

А в поле сырость, сумерки, безмолвье,
Следы колес, покинутый шалаш.
Убогим хлеба, хворому здоровье
И миру мир Ты никогда не дашь.

[Штейгер, с. 45]

В микроцикле «Бессарабия» эти мотивы станут основными. Для жителя российской империи эта территория была своей, там проживало много русских и был тот же патриархальный уклад. После 1920 г. она отошла к Румынии, и, по словам Ф. П. Федорова, «эмигрантская ностальгия обострялась в Бессарабии... благодаря близости и одновременно недоступности России, родной страны» [Федоров, с. 270]. Бессарабский топос, в отличие, например, от петербургского, находился на периферии внимания литературы русского зарубежья. Известны упоминания о бессарабской земле, например, у А. Вертинского, В. Набокова. Центральное место эти южные края займут в творчестве Довида Кнута,

поэта, близкого к «парижской ноте», уроженце этих мест. У А. Штейгера интерес к молдавским землям вызван их посещением в 1939 г.

В микроцикле поэт последовательно развивает мысль об окончательном исчезновении пасторального мира. Все стихотворения скреплены общей идеей гибели «дворянских гнезд», что выражено единым принципом лирического сюжета в каждом из них: экфрастическое описание усадебных картин завершается размышлением о скором их исчезновении. В первом стихотворении дается типичная зарисовка помещичьего быта: «Две барышни в высоком шарабане, // Верхом за ними двое панычей», «Дворянский дом на склоне у реки, // Студент с начала самого “вакаций” // Фруктовый сад, покосы, мужики» — все это названо «удачной декорацией», конец всего этого очень близок и выражен у поэта в акмеистически точном вещественном образе «циферблата»:

Но в чём-то всё же скрытая подделка
И вечный страх, что двинется сейчас
По циферблату роковая стрелка...
Уж двадцать лет она щадила нас.

[Штейгер, с. 57]

Во втором стихотворении речь идет о вечерней встрече лирического героя со сторожем, и огонек папиросы у старика кажется «красным» и «тревожным», а самого героя охватывает «терпкая грусть». В третьем стихотворении описывается сидение героя у вечернего костра с пастушонком Ваней, и опять у первого возникает тревога («Я не знаю, что опять со мной. // Быть беде... И скоро. Неминучей»), связанная с предчувствием войны, от которой «уберечь уже не может чудо» [Штейгер, с. 57]. В последнем тексте печальный итог выражен в отрицании всего пасторального топоса:

Не откроют на окнах ставней,
Печи жарко не будут топиться.
И мечте нашей, очень давней,
Не судьба уж теперь воплотиться.

[Штейгер, с. 58]

По точному замечанию Ф. П. Федорова, в этом микроцикле «усадебный локус не только отодвинут на периферию... но и, в сущности, исключен из картины мира» [Федоров, с. 275].

Штейгеровский стих своей чистотой, прозрачностью и классичностью, безусловно, отвечает главному акмеистическому требованию «прекрасной ясности», но в то же время демонстрирует важнейшие постулаты «парижской ноты» — простоту, безыскусственность, отсутствие метафоричности и особую пронзительную интонацию. В его лирике акмеистические установки подверглись серьезным метаморфозам, порой принимая форму декларативного отрицания оных, «обросли» экзистенциальной «оболочкой», но не утратились, сохранившись в самой глубинной ткани стиха.

В предисловии к посмертной книге А. Штейгера Ю. Иваск написал проникновенные строки о нем, объясняя его жизненные и эстетические установки не только общей судьбой «незамеченного поколения», но и личным дарованием поэта, сумевшего в рамках, предписанных Г. Адамовичем, сказать свое «тихое», но настоящее слово: «...по самой своей природе поэзия “не может быть полным отрицанием <...>. Она — как свет по отношению к тьме”, писал Адамович в предисловии к антологии “Якорь”. Не значит ли это: есть в поэзии — скажем по-старинному — красота, которая зла и смерти не отменяет, но исключает их из своего мира. И в стихах “пессимиста” Штейгера — пусть и слабо, сияет свет, и слышится тихий напев флейты» [Иваск, с. 40].

Адамович Г. о Штейгере, о стихах, о поэзии и о прочем // Адамович Г. Одиночество и свобода / сост., авт. предисл. и примеч. В. Крейд. М. : Республика, 1996.

Зенн Т. Георгий Иванов: легенды и документы // Звезда. 2014. № 11. С. 137–157.

Иванов Г. В. Собрание сочинений : в 3 т. М. : Согласие, 1994.

Иваск Ю. Предисловие // Штейгер А. Мертвое «да»: Стихотворения, проза, воспоминания, письма. Рудня ; Смоленск : Мнемозина, 2009. С. 37–44.

Кочеткова О. С. Проблема внутреннего и внешнего пространства в судьбе и творчестве А. С. Штейгера // Вестн. Моск. ун-та. Сер. : Филология. 2010. № 2. С. 81–94.

Крейд В. В Россию ветром строчки занесет...: Поэты «парижской ноты» / сост., предисл., примеч. В. Крейда. М. : Молодая гвардия, 2003.

Крейд В. Что такое «парижская нота»? [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/slovo/2004/43/kr41.html (дата обращения: 22.08.2016).

Миллер Л. Анатолий Штейгер и Георгий Иванов [Электронный ресурс] // Миллер Л. О книгах, о поэтах, о стихах. URL: http://www.e-reading.by/bookreader.php/38904/Miller_-_O_knigah,_o_poetah,_o_stihah.html (дата обращения: 22.08.2016).

Налегач Н. В. Поэтический диалог А. Штейгера с И. Анненским в итоговой книге «2 × 2 = 4. Стихи 1926–1939» // Вестн. Новг. гос. ун-та. 2010. № 56. С. 48–52.

Налегач Н. В. «Поэзия обнаженной совести» и традиции И. Анненского в лирике поэтов «парижской ноты» // Сюжетология и сюжетография. 2013. № 2. С. 35–41.

Пахмусс Т. Из архивных материалов В. А. Злобина: поэт Анатолий Штейгер // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 26. No. 3–4, Juillet-décembre 1985. P. 479–492.

Ратников К. В. Вклад Анатолия Штейгера в поэзию «парижской ноты» // Ратников К. В. «Парижская нота» в поэзии русского зарубежья. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1998. С.

Сараева Т. В. Мотив чуда в лирике А. Штейгера // Вестн. Кемер. Гос. ун-та. 2014а. № 1 (57). Т. 2. С. 164–167.

Сараева Т. В. Поэтический диалог А. Штейгера и Г. Иванова // Диалоги классиков, диалоги с классикой : сб. науч. ст. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014б. (Эволюция форм художественного сознания ; вып. 4). С. 126–131.

Терапиано Ю. Встречи: 1926–1971 / вступ. ст., подгот. текста, коммент., указ. Т. Г. Юрченко. М. : Интрада, 2002.

Федоров Ф. П. Бессарабия в лирике А. Штейгера // Альманах Института компаративистики Даугавпилсского университета. Т. 27. Русско-латышские литературные контакты. Вып. 4. Чинновский сборник. 2012. С. 268–280.

Хадынская А. А. Пасторальная традиция в ранней поэзии Георгия Иванова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011.

Хадынская А. А. Антипастораль как способ саморефлексии в «Портрете без сходства» Г. Иванова // Пастораль вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр. / отв. ред. Т.В. Саськова. М. : Нобель-Пресс Edinburgh, Lennex Corporation, 2014. С. 60–66.

Хадынская А. А. Акмеистические традиции в сборнике Н. Оцупа «В дыму»: поэтический диалог с Н. Гумилевым // Международный научно-исследовательский журнал. № 5 (47). Ч. 2. Екатеринбург, 2016а. С. 66–68.

Хадынская А. А. Экфрастическая природа образа Царского Села в поэме Н. Оцупа «Встреча» // Международный научно-исследовательский журнал № 4 (46). Ч. 4. Екатеринбург, 2016б. С. 87–91.

Штейгер А. Мертвое «да»: Стихотворения, проза, воспоминания, письма. Рудня ; Смоленск : Мнемозина, 2009.

Статья поступила в редакцию 27.08.2016 г.

Хадынская Александра Анатольевна
кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации
Сургутский государственный университет
628412, Тюменская обл., Сургут, пр. Ленина, 1
E-mail: opus2000@mail.ru

Khadynskaya, Alexandra Anatolyevna
PhD (Philology), Associate Professor, Chair of Linguistics and Intercultural Communication
Surgut State University
1, Lenin Ave., 628412 Surgut, Tyumen Region, Russia
E-mail: opus2000@mail.ru

ACMEIST TRADITIONS IN A. STEIGER'S LYRICAL POETRY

This article traces the evolution of the acmeist pattern in A. Steiger's lyrical poetry, which is related to the metamorphoses of the pastoral complex in its ekphrastic expression. His early books are analysed from the perspective of the author's focus on Saint Petersburg poetics learned through G. Adamovich. There is a clear link between Steiger's first poetic experiments and the lyrical poetry of G. Ivanov in terms of the pastoral complex present in them as an option of manor themes; a leading role is given to ekphrasis that combines both word and painting, which fully meets the acmeist objectives. Steiger's lyrical poetry is considered in its development, and the poet's understanding of the basic ideas of the "unnoticed generation" (V. Varshavsky) in it. The author characterises the influence of metropolitan acmeists (N. Gumilyov, O. Mandelstam) as well as the development of the rethinking of acmeist traditions in the lyrical poetry of "senior emigrants" (G. Ivanov, N. Otsup). In addition, the article identifies the features underlying the poet's interpretation of acmeist traditions of the Parisian Note. The author singles out the existential motifs dominating in the poet's later works and defining the anti-pastoral trends in his last books; this can be seen as a mutual influence of Steiger and G. Ivanov, which is due to their focus on acmeism as a common cultural field.

K e y w o r d s: A. Steiger; unnoticed generation; Parisian Note; Acmeist traditions; pastoral complex; manor topos; ekphrasis; existential motifs.

Adamovich, G. (1996). O Shteygere, o stihah, o poehzii i o prochem [About Steiger, about Poems, about Poetry and the Rest] // In G. Adamovich, *Odinochestvo i svoboda* [Loneliness and Freedom]. Moscow: Respublika. (In Russian)

Fedorov, F. P. (2012). Bessarabiya v lirike A. Shteigera [Bessarabia in A. Steiger's Poetry]. *Al'manah Instituta komparativistiki Daugavpilsskogo universiteta, 27: Russko-latyshskie literaturnye kontakty*, 4: Chinnovskiy sbornik, 268–280. (In Russian)

Ivanov, G. V. (1994). *Sobranie sochineniy* [Collected Works] (Vols. 1–3). Moscow: Soglasie. (In Russian)

Ivask, Y. Predislovie (2009). In A. Shteyger, *Mertvoe «da»: Stihotvoreniya, proza, vospominaniya, pis'ma* [The Dead "Yes": Poetry, Prose, Memoirs, Letters] (pp. 37–44). Rudnya; Smolensk: Mnemozina. (In Russian)

Khadynskaya, A. A. (2011). *Pastoral'naya tradiciya v ranney poezii Georgiya Ivanova* [The Pastoral Tradition in the Early Poetry of Georgy Ivanov]. Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Khadynskaya, A. A. (2014). Antipastoral' kak sposob samorefleksii v «Portrete bez skhodstva» G. Ivanova [The Anti-pastoral as a Way of Self-reflection in the *Portrait without Resemblance*]. *Pastoral' vchera, segodnya, zavtra. Sbornik nauchnyh trudov* [The Pastoral Yesterday, Today, Tomorrow. A Collection of Articles] (pp. 60–66). Moscow: Nobel'-Press Edinburgh, Lennex Corporation. (In Russian)

Khadynskaya, A. A. (2016a). Akmeisticheskie tradicii v sbornike N. Ocupa «V dymu»: poeticheskiy dialog s N. Gumilyovym [Acmeist Traditions in N. Otsup's Collection *In the Smoke*: Poetic Dialogue with N. Gumilyov]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 5 (47), Part 2, 66–68. (In Russian)

Khadynskaya, A. A. (2016b). Ekfrasticheskaya priroda obraza Carskogo Sela v poeme N. Ocupa «Vstrecha» [The Ekphrastic Nature of the Image of Tsarskoe Selo in N. Otsup's Poem *The Meeting*]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 4 (46), Part 4, 87–91. (In Russian)

Kochetkova, O. S. (2010). Problema vnutrennego i vneshnego prostranstva v sud'be i tvorchestve A. S. Shteigera [The Issue of Internal and External Space in the Life and Work of A. Steiger]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: Filologiya*, 2, 81–94. (In Russian)

Kreyd, V. (2003). *V Rossiyu vetrom strochki zaneset...: Poehty «parizhskoy noty»* [The Wind Will Carry the Lines to Russia...: Poets of the Parisian Note]. Moscow: Young guard. (In Russian)

Kreyd, V. (2004). *Chto takoe «parizhskaya nota»?* [What is the Parisian Note?]. Retrieved from http://magazines.russ.ru/slovo/2004/43/kr41.html. (In Russian)

Miller, L. Anatoliy Shteyger i Georgiy Ivanov. In L. Miller, *O knigah, o poehtah, o stihah* [About Books, about Poets, about Poetry]. Retrieved from http://www.e-reading.by/bookreader.php/38904/Miller_-_O_knigah,_o_poetah,_o_stihah.html. (In Russian)

Nalegach, N. V. (2010). Poehticheskiy dialog A. Shteigera s I. Annenskim v itogovoy knige «2 × 2 = 4. Stihi 1926–1939» [A. Steiger's Poetic Dialogue with I. Annensky in the Final Book, "2 × 2 = 4. Poems of 1926—1939"]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 56, 48–52. (In Russian)

Nalegach, N. V. (2013). «Poehziya obnazhennoy sovesti» i tradicii I. Annenskogo v lirike poehtov «parizhskoy noty» ["The Poetry of a Naked conscience" and the Tradition of I. Annensky in the Lyrical Poetry the Parisian Note Poets]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*, 2, 35–41. (In Russian)

Pahmuss, T. (1985, July-December). Iz arhivnyh materialov V. A. Zlobina: poeht Anatoliy Shteiger [From V. Zlobin's Archival Materials: Poet Anatoly Steiger]. *Cahiers du monde russe et soviétique*, *26*, 3–4, 479–492. (In Russian)

Ratnikov, K. V. (1998). Vklad Anatoliya Shteigera v poehziyu "parizhskoy noty" [Anatoly Steiger's Contribution to the Poetry of the Parisian Note]. In K. V. Ratnikov, *"Parizhskaya nota" v poehzii russkogo zarubezh'ya* (pp.). Chelyabinsk: Chelyabinsk State University. (In Russian)

Saraeva, T. V. (2014a). Motiv chuda v lirike A. Shteigera [The Motif of Miracle in A. Steiger's Lyrical Poetry]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1 (57), 2, 164–167. (In Russian)

Saraeva, T. V. (2014b). Poehticheskiy dialog A. Shteigera i G. Ivanova [The Poetic Dialogue of A. Steiger and G. Ivanov]. In Dialogi klassikov, dialogi s klassikoy*:* sb. nauch. st. [Dialogues by Classic

Writers, Dialogues with Classics: A Collection of Articles]. *Evolyuciya form hudozhestvennogo soznaniya* [The Evolution of Art Consciousness's Forms] (Vol. 4, pp. 126–131). Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. (In Russian)

Steiger, A. (2009) *Mertvoe «da»: Stihotvoreniya, proza, vospominaniya, pis'ma* [The Dead "Yes": Poetry, Prose, Memoirs, Letters]. Rudnya; Smolensk: Mnemozina. (In Russian)

Terapiano, Y. (2002). *Vstrechi: 1926–1971* [Meetings: 1926–1971]. Moscow: Intrada. (In Russian)

Zenn, T. *Georgiy Ivanov: legendy i dokumenty* [Georgy Ivanov: Legends and Documents]. Retrieved from http://magazines.russ.ru/zvezda/2014/11/7zn.htm. (In Russian)

Received on 27 August, 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.4.065
УДК

М. Н. Мосейкина
Российский университет дружбы народов
Москва, Россия

СУДЬБА ПОКОЛЕНИЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭМИГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОГО ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Статья посвящена изучению личностного аспекта литературной эмиграции в странах Латинской Америки как части Русского мира. В ней на примере жизни и творчества поэта В. Ф. Перелешина, писателей П. П. Шостаковского и Ю. Г. Слепухина, представлявших латиноамериканскую ветвь русской эмиграции XX в., проанализирована судьба человека в контексте судьбы его поколения, его литературная жизнь, поведенческие и творческие стратегии. Вышеупомянутые писатели принадлежали к разным волнам эмиграции, но при этом демонстрировали связь поколений и одновременно способность интегрироваться в культуру стран проживания, совершив переход на другой язык и реализовав себя в нем.

Включившись в процесс межкультурного диалога с иберoамериканским миром, представители отечественной художественной интеллигенции при существовавшем тогда культурно-информационном разрыве между советским и эмигрантским сообществом решали задачу сохранения связи с родиной через культуру и печатное слово. Им удалось сберечь национальные духовные ценности и одновременно сделать их достоянием людей иной культуры. Важным было и то, что культурное творчество этих людей в изгнании сохранилось для России, а сами авторы дожили до возвращения их трудов на Родину.

К л ю ч е в ы е с л о в а: литературная эмиграция; поколение; русское зарубежье; младоэмигранты; российско-латиноамериканский диалог культур; Латинская Америка; культурная миссия; репатриация.

Важными компонентами сохранения национального самосознания русских за рубежом являлись религия, язык, символьные ритуалы и памятные даты, художественная литература, носителями которой были разные поколения людей, объединенных единым кодом русского языка и культуры.

В отечественной историографии давно идет дискуссия об образе «сыновей» эмиграции (младоэмигрантов) как поколении «отчужденных» (определение З. Шаховской), как «незамеченном» поколении, «поколении неудачников» (определение В. Варшавского), или наоборот, «удачливых» и «счастливых» (Л. Ливак, И. Каспэ). Но благодаря появлению новых источников, все чаще говорят о таком состоявшемся феномене XX в., как «литературное творчество младоэмигрантов <...> имеющем свой собственный смысл и собственные качественные характеристики — психологические, морально-этические, эстетические» [Матвеева, 2008а, с. 8]. При этом речь идет не только о творчестве

© Мосейкина М. Н., 2016

младоэмигрантов, но и об анализе их литературной жизни и быта, поведенческих и творческих стратегий.

Как справедливо пишет Ю. В. Матвеева, «представители младшего поколения, в отличие от старших эмигрантов, одинаково спокойно и свободно смотрели как на Восток, так и на Запад» [Матвеева, 2008а, с. 73], вследствие чего они оказались способны интегрироваться в культуру стран проживания, продемонстрировав европеизм, ориентализм или американизм внешней стилевой манеры, и тем самым способность к межкультурному диалогу. Особое место в этом поколении «сыновей» принадлежит тем, кто совершил переход на другой язык и реализовал себя в нем. Наиболее известными примерами максимальной адаптации и успешного перехода в чужую культуру (со своим «русским багажом») является творческая судьба З. Шаховской и А. Труайя. В пределах латиноамериканской культуры подобное продемонстрировали поэт В. Ф. Перелешин, писатели П. П. Шостаковский, Ю. Г. Слепухин и др.

Развитие культуры сложившейся латиноамериканской цивилизации всегда происходило в поле диалога, результатом которого стал процесс преломления (трансформации) европейской культуры в специфических условиях Латинской Америки через заимствование культурных традиций, обмен опытом, предметно-практической деятельностью и ее результатами. Так, благодаря смешению наций сегодняшняя Латинская Америка превратилась в важнейшую составляющую культурно-цивилизационного многообразия современного мира [Iberica Americans..., с. 19–20], свой вклад в которую внесла и сформировавшаяся здесь русская диаспора.

В свою очередь, и русская эмиграция на пространстве латиноамериканского континента представляла собой продукт межцивилизационных контактов, включающий в себя историю конкретных людей, контактирующих в среде иной цивилизации или постоянно живущих в ней [Латиноамериканские диаспоры в США..., с. 7]. В этой связи изучение личностного аспекта литературной эмиграции в Латинской Америке как части Русского мира, судьбы человека в контексте судьбы его поколения представляется весьма актуальной задачей.

Один из представителей поколения младоэмигрантов Валерий Перелешин (наст. фам. В. Ф. Салатко-Петрище) в 1920 г. вместе с матерью покинул Читу и отправился в эмиграцию в Китай, куда к тому времени перебралось немало творческих людей из России и где формировалась своя литературная жизнь. Здесь же началась литературная деятельность поэта В. Перелешина, который, как и другие младоэмигранты, продолжил в своих стихах развивать взгляды русского символизма и искать своего рода «философский камень искусства» (по выражению В. Ходасевича). В книге «Три родины» В. Перелешин писал: «... Принадлежностью к школе Гумилева я гордился вплоть до конца шестидесятых годов, когда Юрий Иваск “толкнул” меня к подножию Мандельштама. В противовес почти насквозь рассудочному Гумилеву от Мандельштама я научился устремлению к миру сверх-рассудочному или (чаще) подсознательному». Поэт отмечал, что для него осталась неприкосновенной вера в Бога и Церковь, но и тут,

говорил он, «неизбежны были глубокие сомнения, бунтарство, отчаяние, горькое чувство богооставленности...» [Перелешин, 1987]. Все это позволяет говорить о «доминирующих чертах поколенческого мировоззрения и мироощущения» младоэмигрантов, к которым относились «мистическое чувство жизни, романтический уклад сознания, устремленность в перспективу экзистенциальной философии» [Матвеева, 2008б].

Начиная с 1932 г., В. Перелешин принял участие в работе литературной студии и кружка «Чураевка», созданного в 1926 г. по инициативе казачьего офицера Алексея Ачаира и объединившего многих русских поэтов Харбина — Арсения Несмелова, Всеволода Иванова, Лариссы Андерсен, Елены Недельской, Григория Сатовского-Ржевского, Николая Щеголева и др. Разъехавшись потом по свету и поставив целью продолжить «пушкинско-блоковскую традицию» русской литературы, чураевцы оказались связаны этим «общим делом», они переписывались, по мере сил помогали друг другу, многие продолжали печататься (в том числе и в иностранной прессе), на всю жизнь сохранив приверженность идеалам русской культуры.

Сам В. Перелешин глубоко знал восточную культуру, считал Китай своей второй родиной. После закрытия в Харбине в 1937 г. юридического факультета, Перелешин поступил на первый курс богословского факультета в семинарии и в 1938 г. принял монашество в харбинском Казанско-Богородицком монастыре, где был наречен Германом. В 1937 г. вышла его первая книга стихов «В пути», в 1939 г. — «Добрый улей». В 1939 г. В. Перелешину пришлось перевестись в другую епархию, в Пекин, а именно — в российскую Духовную миссию, где двадцатипятилетний поэт продолжал писать стихи и на религиозные темы, и о любви. При этом он восхищался красотой Китая и одновременно тосковал о России, что нашло отражение в одном из его лучших эмигрантских стихотворений на эту тему — «Ностальгия»: «Все страны вселенной я сердцем широким люблю, // Но только, Россия, одну тебя больше Китая» [Перелешин, 2013].

В 1953 г. Валерий Перелешин перебрался в Бразилию, где прожил до самой смерти. Долгое время он не имел постоянного заработка, кроме гонораров из эмигрантских изданий. Затем в течение десяти лет проработал библиотекарем Британской культурной миссии в Бразилии, сотрудничал на радиостанции «Радио Ватикана» [Письма запрещенных людей..., с. 641]. На радио Перелешин готовил репортажи на тему русской поэзии. Вот что, в частности, он писал об этом: «Сегодня получил программу на месяц сентябрь. Обещано три сообщения на тему “религиозные мотивы в русской поэзии” и мой венок сонетов “Крестный Путь” в праздник Воздвижения Креста. Все четыре субботы пройдут с нашим участием <...>. Да, еще была большая радость: сообщение обо мне было прекрасно слышно в сердце Сибири! Это Вам не самиздат в пятнадцати экземплярах» [ОР ИМЛИ РАН, ф. 608, оп. 4.1.2, д. 2, л. 4].

И только к концу 1960-х гг. так называемым бразильским «каникулам» В. Перелешина пришел конец. к этому времени ему удалось возобновить старые литературные связи путем переписки и приступить к своей профессиональной

деятельности поэта, писателя и журналиста. В результате следующая его книга, сборник стихов «Южный дом», увидела свет лишь через 20 лет — в 1968 г.

Оказавшись в Бразилии, В. Перелешин так же, как и в Китае, смог вжиться в культуру этой страны, выучил португальский язык, свободно читал на нем, делал переводы, писал стихи, сотрудничал с бразильскими поэтами. «По-русски не возникает ничего уж несколько месяцев, — признавался он в одном из писем поэту И. Чиннову. — Зато по-португальски пишу безудержно <...> Закончил я шлифовку своего венка сонетов "Крестный Путь" в португальской версии ("Via Crucis") — честное слово, получилась вещь более зрелая, чем по-русски: тридцать пять лет пролегло между ними. Одновременно возникают и португальские версии сонетов из книги "Ариэль" и других, не только "ариэльных". На днях "Крестный Путь" и копии всего, что написано обо мне по-английски и по-португальски, будет передано дону Маркосу Барбозо, бенедиктинскому приору и члену Бразильской Академии Словесности (он и сам известный поэт)» [Письма запрещенных людей..., с. 642].

В 1983 г. В. Перелешин выпустил свою первую книгу стихов и переводов на португальском языке под названием «Nos odres velhos» («В ветхих мехах»). В 1986 г. в переводе на португальский В. Перелешина и Умберто Маркеса Пассоса вышла книга стихов М. Кузмина «Александрийские песни».

В письме И. Чиннову от 18 октября 1984 г. поэт писал: «Читаю почти беспрерывно (и вчера начал "Записки из Мертвого Дома" <...> по-португальски). Недавно дочитал полностью "Илиаду" тоже по-португальски в прекрасном, хотя и прозаическом, переводе. За "Александрийскими песнями" издам, если успею, свою вторую португальскую книгу "Охотник за тенями". Войдут в нее мои стихи, написанные по-португальски, а затем — переводы исключительно с русского языка. Перевел я для этой книги и два стихотворения Юрия Павловича. Есть также Анненский, Майков, Лермонтов, Гумилев, Георгий Иванов, Ладинский, барон А. Штейгер, Вячеслав Иванов, Брюсов, Волошин, Гиппиус, Пушкин ("Поэт"), граф Комаровский, Блок, Цветаева, Тютчев» [Там же].

Все эти годы В. Перелешин в далекой Бразилии жил перепиской с друзьями и, конечно, литературой. Одновременно вместе с Марией Визи работал над составлением антологии дальневосточных поэтов, харбинцев, с которыми начинал свой творческий путь. Почти все они к тому времени уже умерли, и В. Перелешин чувствовал себя ответственным за то, чтобы труд его друзей не пропал даром и вошел в «сокровищницу «общего дела». Но эту антологию он закончить не успел.

Всего за весь период жизни в Бразилии В. Перелешиным было опубликовано более 25 книг (в их числе сборник стихов на португальском, антология бразильской поэзии). Благодаря этому литературному наследию В. Перелешина называли «лучшим русским поэтом Южного Полушария» [Кузнецова]. «Может быть, и вправду, — писал он в одном из писем Игорю Чиннову, — стану двуязычным поэтом? Это было бы еще одним первым: "завоевал" я для русской музы Китай и Бразилию, как переводчик и как эмигрант, но уверен, что никто

до меня из русских поэтов — не писал стихов на языке Камоэнса и Фернандо Пессоа» [ОР ИМЛИ РАН, ф. 608, оп. 4.1.2, д. 2, л. 78].

В одном из писем Перелешину З. А. Шаховская, проживавшая в те годы в Париже, писала, что читает стихи поэта с интересом и удовольствием, поскольку, по ее мнению, это не «приблизительная поэзия», которая сейчас распространена новыми эмигрантами, где срывы вкуса попадаются в каждом стихотворении. В своем письме она обращается к В. Перелешину: «Вы, думаю, единственный русский поэт, “примысливший” себе Бразилию. Не помню, чтобы кто-нибудь из русских поэтов громадную эту страну посетил и “природнил”. Все было: Африка, Александрия, Италия, Греция и т. д., а вот Бразилия будет, и поделом, уделом Перелешина <...>. Вы удачливо соединили не только два мира, а все миры, Вам открывшиеся, а над ними филигранью наша, уже мифическая, но для нас вечно живая Россия, и в звуках поэт Перелешин слышит “снег и пушкинские ямбы”. Ему “Россия голосом бразильца // “Добрый день!” по-русски говорит!”» [«Хоть капля воздуха России...», с. 201–202]. При этом сам поэт всегда считал, что у него «Три родины» (так называлась и его книга) — Россия, Китай, Бразилия, питавшие его творчество.

Позднее появились личные знакомства и завязалась переписка с коллегами из СССР, чудом преодолевавшими «железный занавес», а именно с литературоведом и переводчиком Е. В. Витковским, литератором и музыкантом А. Н. Богословским, который в феврале 1981 г. написал: «Москвичи очень ценят поэзию Перелешина; многие удивлены и потрясены открытием существования столь значительного поэта, пребывающего в почти полной безвестности, не понимают, почему так мало внимания уделяет ему русская печать на свободном Западе» [ОР ИМЛИ РАН, ф. 608, оп. 4.1.2, д. 2, л. 7]. Позднее В. Перелешин переслал в Москву и свою книгу стихов «Три родины», благодаря чему по личной инициативе поэта Г. И. Мосешвили (который состоял в переписке с В. Перелешиным), в апреле 1989 г. в Литературном музее в Москве прошли два вечера, посвященные его поэзии.

Второй после Бразилии крупной страной русского рассеяния являлась Аргентина. Здесь, начиная с 1920-х гг., проживал со своей семьей Павел Петрович Шостаковский — дворянин, выходец из семьи известного музыканта и основателя Московского филармонического общества Петра Адамовича Шостаковского. Сам П. П. Шостаковский был кадетом, офицером, военным инженером. После прихода к власти большевиков, в 1920 г., он вместе с супругой и приемной дочерью выехал из Петрограда в Финляндию. Некоторое время после этого Шостаковские жили во Франции, Италии, откуда в 1925 г. Павел Петрович получил назначение директора «Общества Фиат-Аргентина в Южной Америке» с резиденцией в Буэнос-Айресе и юрисдикцией, распространявшейся на Чили, Парагвай, Уругвай.

В большей степени П. П. Шостаковский стал известен среди испаноязычного культурного мира прежде всего как писатель, начавший, по его собственному признанию, «литературную деятельность на 50-м году жизни и притом <...>

на испанском языке» [Шостаковский, с. 236]. Говоря о начале своей писательской карьеры, П. П. Шостаковский отмечал: «Особого призвания и слишком уж горячего влечения к писательскому труду я, по существу, не чувствовал. Вступая на этот путь, видел прежде всего возможность подработать кое-какие гроши <...>. Прошли годы раньше, нежели я осилил испанскую грамматику <...>. Тогда и мой “кастильский стиль” обратился в собственный испанский стиль Шостаковского, который критика называла “характерным для всех его произведений”» [Там же].

Самым первым литературным опытом писателя стала небольшая, в сотню страниц, книга воспоминаний, которую П. П. Шостаковский издал в 1920 г., находясь в Италии, под названием «Два с половиной года в стране большевиков» и посвященную тому, что происходило за «санитарным кордоном» в разгар гражданской войны и иностранной интервенции.

В Чили в мае 1926 г. в национальной газете «La Nacion» появляется первое художественное произведение П. Шостаковского — рассказ «Мышь» (о жизни в голодном Петрограде в первые годы революции). Этот первый литературный опыт содействовал установлению отношений с чилийскими писателями и открыл для начинающего автора двери других чилийских газет и журналов («Atenea», «Sur» и др.). Затем появилась солидная книга, посвященная событиям русской революции, — «Русская голгофа. Опыт критики Русской революции», — содержавшая критику большевизма. Это была первая за всю литературную историю Чили книга, изданная тиражом в две тысячи экземпляров и распроданная за две недели. Президент Чили Карлос Ибаньес обратился к автору с личным письмом, в котором отметил «важность этого труда для политиков, государственных деятелей и вождей народов» [Там же, с. 241].

В газете «La Nacion» появились главы и другой книги П. П. Шостаковского — «Потонувший мир. Воспоминания о царской России», интерес к которой у южноамериканского читателя был вызван тем, что каждая из ее двенадцати глав представляла собой картинки русской жизни, раскрывала особенности «русской души» (исп. *alma eslava*) — таинственной и непонятной. Успех книги во многом был обеспечен аполитичностью автора и хорошим литературным испанским языком, что признавали многие местные критики.

В Чили Шостаковский написал «Историю русской литературы от истоков до наших дней» («Historia de la Literatura Rusa desde los origenes hasta nuestros dias»), которая до сих пор в этой стране используется в качестве университетского учебника. Чилийцы высоко оценили писательский талант П. П. Шостаковского и его личный вклад в дело распространения русской культуры в этой стране: именем Шостаковского была названа улица в одном из кварталов г. Сантьяго (район Пуэнте-Альто), где все улицы названы в честь чилийских писателей XX в. [Ульянова, Норамбуэна, с. 162].

Вернувшись в 1929 г. в Европу, П. П. Шостаковский совершил остановку в Мадриде, где вышло второе издание его произведений, благодаря чему, по его собственному мнению, он получил от «этой Мекки испанской культуры

посвящение в «писатели» [Шостаковский, с. 243], что открывало возможности для более тесного знакомства русского писателя-эмигранта с известными деятелями испанской литературы — Вальей-Инкланом, Пересом-де-Айялой и др. Находясь в Испании, П. Шостаковский работал над «Русскими рассказами», театральной пьесой-ораторией «Мистерия русской души» и, наконец, своей третьей книгой «Семь лет в Южной Америке» (рукопись которой, к сожалению, в дальнейшем была им уничтожена).

Из Испании путь П. Шостаковского лежал во Францию, куда он прибыл в 1929 г. Здесь он встречался со многими представителями политической и литературной эмиграции. В их числе был писатель А. И. Куприн, с которым П. Шостаковский был знаком еще с дореволюционных времен и который жил очень трудно, терял зрение и потому единственный его доход состоял в заработке жены, работавшей в русской библиотеке. Шостаковский так описывал эту встречу: «Война, революция, и встречаемся мы с Куприным в Париже, оба эмигранта, оба вне Родины <...>. Что вы хотите? — сказал он. — Как вы хотите, чтоб писатель мог творить, когда все нити, связывающие его с родной почвой, порваны <...>. Здесь, во Франции, писатель-эмигрант может писать только по-французски, поверьте мне. Течения, которые он впитывает, мешают ему писать и говорить по-русски, как будто они противостоят этому. Никто из нас, поверьте мне, ничего не сделает в изгнании, если он не сумеет стать искренним патриотом той страны, в которой он живет» [Там же, с. 265].

Накануне Второй мировой войны П. П. Шостаковский вновь оказался в Аргентине, где прожил вплоть до своего отъезда в СССР в 1955 г. Здесь он сотрудничал с крупнейшей национальной газетой «La Nacion», которая в интеллектуальных кругах Латинской Америки рассматривалась как нечто «вроде академической кафедры иберoамериканской культуры», осуществлявшей связь с западноевропейскими литературными и художественными кругами [Там же, с. 248].

Когда Гитлер напал на Советский Союз, П. П. Шостаковский занял оборонческую позицию. Через некоторое время он возглавил Славянский союз Аргентины — организационный центр эмигрантского славянского антифашистского движения в этой стране. Еще осенью 1941 г. совместно с П. Погодиным Шостаковский начал издавать собственный журнал на испанском языке «Tierra Rusa» («Русская Земля») [Tierra Rusa, 1941, № 1], который с 1 апреля 1943 г. в том же формате стал выходить под новым названием «Calvario Ruso» («Русская Голгофа») [Calvario Ruso, 1943, 15 de junio].

Вот каким увидела в те годы П. П. Шостаковского приехавшая в Аргентину в качестве работника Внешторга будущая литературовед и переводчица М. И. Былинкина: «Высокий худощавый старец с белой бородой а ля Лев Толстой, дворянин и петербургский меценат, бывший военный атташе России в Италии <...>. Его семья к этому времени была прекрасно устроена в Буэнос-Айресе <...>. Но Павел Петрович был одержим желанием вернуться в Россию, вернуться во что бы то ни стало и умереть дома» [Былинкина, с. 165].

И когда появилась такая возможность, в 1955 г. семья Шостаковских перебралась в СССР и поселилась в Минске. Здесь П. П. Шостаковский вернулся к литературной деятельности и успел закончить свои воспоминания «Путь к правде», в которых нашли отражение история семьи, личной жизни и тот трудный и долгий «путь к правде» русского офицера-реэмигранта, писателя, который привел его обратно на Родину.

После Второй мировой войны в Аргентине как перемещенное лицо (Ди-Пи) оказался со своей семьей еще один писатель — Юрий Григорьевич Слепухин (наст. фам. Кочетков). Это был уже представитель новой, второй волны эмиграции, по поводу которой В. С. Варшавский писал: «Один за другим уходят последние отцы. В то же время состав эмиграции пополняется массой невозвращенцев и послевоенных беглецов, людей, выросших совсем в других социальных условиях, чем старые эмигранты. Представители этой новой эмиграции выдвигаются на авансцену общественной и литературной эмигрантской жизни» [Варшавский]. В их числе В. Варшавский называет писателей С. Максимова, С. Малахова, С. Юрасова. Кроме этих трех писателей, получивших не только среди Ди-Пи, но и в старой эмиграции признание гораздо более широкое, чем кто-либо из прежних «молодых» писателей, В. Варшавский отметил еще целый ряд прозаиков, поэтов и публицистов, вышедших из среды новой эмиграции: Ольга Анстей, Юрий Галь, Глеб Глинка, Иван Елагин, Юрий Елагин, П. Ершов, В. Завалишин, В. Каралин, Д. Кленовский, М. Коряков, И. Легкая, Вл. Марков, Н. Моршен, Н. Нароков, Л. Ржевский, Ю. Трубецкой, Н. Ульянов, Б. Филиппов и мн. др.

Подводя итог истории первой волны эмиграции, В. С. Варшавский ссылается на слова Юрия Терапиано из его книги «Встречи»: «Началась новая эпоха в эмиграции, прежняя окончилась. Вновь пришедшие поэты и писатели создадут свою атмосферу, по-своему ощутят воздух эпохи» [Там же]. В. Варшавский соглашается с этим заключением и одновременно замечает: «Эта атмосфера, несомненно, будет совсем другой, чем атмосфера литературы поколения эмигрантских сыновей. Тут дело не только в разной школе и в разном понимании задач литературы, а в глубоком различии всего жизненного и духовного опыта. В то время, как уделом эмигрантских сыновей были одиночество и устраненность, новые эмигранты — люди, вырвавшиеся из-под власти экспериментаторов тотальной социализации всей жизни. Здесь можно говорить о разнице почти такой же, как между существами, родившимися на разных планетах, под разным воздушным давлением» [Там же]. Но жизнь показала, что эта дистанция между поколениями все-таки не была столь колоссальной.

Во время войны в качестве остарбайтера Юрий Кочетков (будущий Ю. Слепухин) попадает в лагерь для восточных рабочих «Шарнхорст» в немецком городе Эссен. Затем, с мая 1944 г. по март 1945 г., батрачит в помещичьей усадьбе барона Гюльхера в деревне Аппельдорнна Нижнем Рейне.

Освобожденные войсками союзников, Кочетковы в начале марта 1945 г. в числе других остарбайтеров были вывезены англичанами в Бельгию для отправки

в СССР. Поскольку близкие родственники (сестра и брат матери, муж сестры — чешский коммунист) были репрессированы и находились в заключении, семья попросила политического убежища. В связи с этим пришлось также изменить фамилию Кочетковы на фамилию Слепухины (девичью фамилию матери отца). Очень интересным было знакомство Слепухина с белой эмиграцией в Бельгии, где еще были живы непосредственные участники белого движения, общение с которыми «обогащало, вызывало живой интерес, ведь они сумели сохранить дух старой России» [Слепухин, 2012].

В Буэнос-Айресе, где семья Слепухиных-Кочетковых оказалась в 1947 г., Юрий Григорьевич прожил 10 лет, работая разнорабочим на стройке, монтажником, электриком, автомехаником, дизайнером ювелирных изделий. При этом работа не мешала ему активно заниматься политической и общественной деятельностью, сотрудничать с эмигрантскими газетами и журналами. Еще в Бельгии Слепухин стал членом Национально-Трудового Союза, в Аргентине он входил в состав руководства Южно-Американского отдела НТС вплоть до разрыва с этой организацией в 1955 г. [Слепухина, с. 55].

НТС издавал политический журнал «Вехи» — первый послевоенный журнал русских эмигрантов в Аргентине, членом редколлегии которого стал Ю. Слепухин. Одновременно он был назначен руководителем молодежного отдела НТС в Аргентине. Каждую субботу, в течение нескольких лет, начиная с 1948 г., на квартире его семьи собиралось от 8 до 15 человек русской эмигрантской молодежи. После международного обзора кто-нибудь читал 40-минутный доклад на какую-нибудь историческую, политическую или общегуманитарную тему. Затем начинался обмен мнениями, а потом просто разговоры за чашкой чая.

Творческую, писательскую судьбу Ю. Слепухину еще в школе предсказал учитель литературы, который позднее «оживет» на страницах его первого романа «Перекресток», продиктованного ностальгией и начатого в 1949 г. как воспоминания о довоенной юности. Там же, в Аргентине, был написан по-испански роман «У черты заката», собран материал для повести «Джоанна Аларика» — о событиях 1954 г. в Гватемале, сделаны первые наброски некоторых сюжетных линий автобиографического романа «Южный крест», в центре которого — история поиска в Аргентине и Парагвае скрывшихся нацистских преступников. Как пишет П. Н. Базанов, «обычный, казалось бы, сюжет для советской литературы 1960–1980-х гг. здесь является прикрытием во многом мемуарного, художественно-публицистического повествования о жизни русской эмиграции в Аргентине в послевоенное время» [Базанов, с. 314]. Роман дорабатывался писателем уже в 1970-е гг. на родине.

Ю. Г. Слепухин хорошо говорил на иностранных языках (блестяще владел английским, испанским и французским языками, свободно читал на латыни, немецком, польском, украинском языках), благодаря чему старые эмигранты его очень часто принимали за своего. Он был энциклопедически образован и обладал при этом не только гуманитарными, но и техническими знаниями.

В 1957 г. семья Ю. Г. Слепухина получила разрешение на репатриацию. Вернувшись на родину, Ю. Слепухин полностью посвящает себя литературе, но целых десять последующих лет стали для него годами абсолютной блокады со стороны издательств, писателя рекомендовалось не допускать к читателям; в его адрес звучали обвинения в искажении советской истории. Несмотря на это, в 1961 г. появляются журнальные публикации — очерк «Серебряная республика без позолоты» (1957) и повесть «Расскажи всем...» (1958). С тех пор в свет вышли еще 9 романов и 3 повести. Юрия Григорьевича Слепухина называли «увлекающимся романтиком, мечтателем» [Базанов, с. 91–92], продолжателем гуманистической традиции литературы XIX в.

При этом он был патриотом, для которого понятие «Отечество» в силу профессии было «нечто неизмеримо большее, нежели просто родной уголок земли», это была «еще и единственно возможная среда обитания» [Слепухин, 2012, с. 387]. Ю. Г. Слепухин писал по этому поводу:

> Большая литература всегда наднациональна; на каком бы языке ни было написано произведение. Оно адресовано всему человечеству и поэтому находит доступ к уму и сердцу читателя в любом уголке Земли. Но нет ни одного великого произведения, которое выросло бы на пустом месте, в отрыве от земли, вскормившей его автора. Чтобы быть понятым людьми всей планеты, художник прежде всего должен уметь выразить душу, мироощущение своего собственного народа. Так было всегда и всюду — от Гомера до Достоевского <...>. Каждый автор <...> надеется, приступая к работе, что она не пропадет втуне, рассчитывает на какую-то — пусть скромную — читательскую аудиторию. И думая о будущих читателях, он прежде всего думает о соотечественниках [Там же].

Таким образом, включившись в процесс межкультурного диалога с иберо-американским миром, представители разных поколений отечественной художественной интеллигенции осознавали, сколь важно было сберечь национальные духовные ценности и одновременно сделать их достоянием людей иной культуры. Одновременно при сохранявшемся культурно-информационном разрыве между советским и эмигрантским сообществом деятели литературы русского зарубежья в лице В. Ф. Перелешина, П. П. Шостаковского, Ю. Г. Слепухина ставили задачу сохранить связь с родиной через печатное слово. Они отстаивали идею единства культуры русского зарубежья и метрополии, и ее подтверждением стало возвращение их книг в Россию.

Источники

ОР ИМЛИ РАН. Ф. 608. Оп. 4.1.2. Ед. хр. 2.

Базанов П. Н. Русская эмиграция в жизни и творчестве Ю. Г. Слепухина // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество : сб. ст. и материалов / [сост.: Н. А. Слепухина, Е. П. Щеглова ; отв. ред.: Н. А. Слепухина]. СПб. : Фонд Слепухина : Ладога, 2012. С. 301–323.

Былинкина М. И. Всего один век: хроника моей жизни. М. : Грифон, 2005.

Варшавский В. Незамеченное поколение [Электронный ресурс]. URL: http://e-libra.ru/read/332609-nezamechennoe-pokolenie.html (дата обращения: 23.08.2016)

Кузнецова О. о бразильском архиве Валерия Перелешина [Электронный ресурс]. URL: http://rukopis.imli.ru/?n=14 (дата обращения: 23.04.2015).

Латиноамериканские диаспоры в США. Цивилизационные характеристики / отв. ред. Б. И. Коваль. М. : ИМЛИ РАН, 2003.

Матвеева Ю. Самосознание поколения в творчестве писателей-младоэмигрантов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008а.

Матвеева Ю. В. Самосознание поколения в творчестве писателей-младоэмигрантов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2008б. [Электронный ресурс]. URL: // http://takya.ru/nuda/matveeva-yuliya-vladimirovna-samosoznanie-pokoleniya-v-tvorche/main.html (дата обращения: 23.11.2016).

Перелешин В. Три родины. Париж : Альбатрос,1987.

Перелешин В. Поэзия XX века : антология [Электронный ресурс]. URL: http://nefertiti.me/Poetry/2013-ANT/6-1/PERELEShIN%20Valerij/index.php#3 (дата обращения: 23.08.2016).

Письма запрещенных людей. Литература и жизнь эмиграции. 1950–1980-е годы. По материалам архива И. В. Чиннова / сост. О. Ф. Кузнецова. М. : Наследие, 2003.

Слепухин Ю. Г. Избранное : в 5 т. Т. 1 : Перекресток. Тьма в полдень. СПб. : Ладога, 2005.

Слепухин Ю. Писатель и Отечество // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество : сб. ст. и материалов / [сост.: Н. А. Слепухина, Е. П. Щеглова ; отв. ред.: Н. А. Слепухина]. СПб. : Фонд Слепухина : Ладога, 2012. С. 384–397.

Слепухина И. Г. Воспоминания о брате // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество : сб. ст. и материалов / [сост.: Н. А. Слепухина, Е. П. Щеглова ; отв. ред.: Н. А. Слепухина]. СПб. : Фонд Слепухина : Ладога, 2012. С. 13–86.

Ульянова О., Норамбуэна К. Русские в Чили. Santiago : Usach, 2009.

«...Хоть капля воздуха России»: Письма Валерию Перелешину от В. Яновского, А. Ладинского, Г. Адамовича, Д. Кленовского, И. Чиннова, З. Шаховской / публ. и вступ. ст. О. Кузнецовой // Новый журнал. 2007. Кн. 249. С. 201–202.

Шостаковский П. Путь к правде. Минск : Госиздат БССР, 1960.

Calvario Ruso. 1943. 15 de junio.

Iberica Americans. Латиноамериканская культура в дискуссиях конца XX — начала XXI века / отв. ред. В. Б. Земсков. М. : ИМЛИ РАН, 2009.

Tierra Rusa. 1941. № 1.

Статья поступила в редакцию 05.09.2016 г.

Мосейкина Марина Николаевна
доктор исторических наук, профессор
кафедры истории России
Российский университет дружбы народов
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10, к. 2
E-mail: marina_moseikina_@mail.ru

Moseikina, Marina Nikolaevna
Dr. Hab. (History), Professor
Chair of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
10—2, Miklukho-Maklay Str.,
117198 Moscow, Russia
E-mail: marina_moseikina_@mail.ru

THE FATE OF LITERARY ÉMIGRÉ GENERATIONS IN THE CONTEXT OF RUSSIA-LATIN AMERICA DIALOGUE OF CULTURES

The paper studies the personal aspect of literary emigration to Latin American countries as a part of the Russian world. Referring to the life and creative work of poet V. F. Pereleshin, writers P. P. Shostakovsky and Yu. G. Slepukhin that represent the Latin American branch of the Russian emigration of the 20th century, the author analyses human destiny in the context of the generation's fate, its literary life, behavioural and artistic strategies. The writers in question belonged to different waves of emigration, but demonstrated a link between generations and at the same time an ability to integrate into the culture of the country of residence, as well as to make a transition to another language and to realize themselves in it.

Being involved in the process of intercultural dialogue with the Ibero-American world, the representatives of different generations of Russian artistic intelligentsia solved the problem of keeping in touch with their homeland through culture and the printed word. They managed to preserve the national cultural values and at the same time to make them accessible for people of another culture. It is also important that the cultural works of the Russian people in exile were saved for Russia, as the authors themselves lived long enough to see their work return to their homeland.

K e y w o r d s: literary emigration; generation; Russian abroad; young émigrés; Russia-Latin America dialogue of cultures; Latin America; cultural mission; repatriation.

Bazanov, P. N. (2012). Russkaia emigratsiia v zhizni i tvorchestve Iu. G. Slepuhina [Russian Emigration in the Life and Work of Yu. G. Slepukhin]. In N. A. Slepukhina (Ed.), *Iurii Slepuhin: XX vek. Sud'ba. Tvorchestvo* [Yuri Slepukhin: 20th Century. Fate. Creative Work] (pp. 301–323). Saint Petersburg: Fond Slepuhina: Ladoga. (In Russian)

Bylinkina, M. I. (2005). *Vsego odin vek: khronika moei zhizni* [Just One Century: A Chronicle of My Life]. Moscow: Izd-vo Grifon. (In Russian)

Calvario Ruso, 1943, 15 de junio. (In Spanish)

Koval, B. I. (Ed.). (2003). *Latinoamerikanskie diaspory v SShA. Tsivilizatsionnye kharakteristiki* [Latin American Diasporas in the United States. Civilisation Features]. Moscow: IMLI RAN. (In Russian)

Kuznetsova, O. *O brazil'skom arkhive Valeriia Pereleshina* [About Valery Pereleshin's Brazilian Archive]. Retrieved from http://rukopis.imli.ru/?n=14. (In Russian)

Kuznetsova, O. F. (Ed.). (2003). *Pis'ma zapreshchennykh liudei. Literatura i zhizn' emigratsii. 1950–1980-e gody.* Po materialam arkhiva I. V. Chinnova [Letters of Banned People. The Literature and Life of Emigration. 1950–1980s. Based on Materials from I. V. Chinnov's Archive]. Moscow: Nasledie. (In Russian)

Kuznetsova, O. (Ed.). (2007). «... Khot' kaplia vozdukha Rossii». Pis'ma Valeriiu Pereleshinu ot V. Ianovskogo, A. Ladinskogo, G. Adamovicha, D. Klenovskogo, I. Chinnova, Z. Shakhovskoi [Only a Drop of the Russian Air. Letters to Valery Pereleshin from V. Yanovsky, A. Ladinsky, G. Adamovich, D. Klenovsky, I. Chinnov, Z. Shakhovskoya]. *Novyi zhurnal*, *249*, 201–202. (In Russian)

Matveeva, Yu. V. (2008a). *Samosoznanie pokoleniia v tvorchestve pisatelei-mladoemigrantov* [The Self-awareness of a Generation in the Works of Young Émigré Writers] (doctoral dissertation abstract). Yekaterinburg.

Matveeva, Yu. V. (2008b). *Samosoznanie pokoleniia v tvorchestve pisatelei-mladoemigrantov* [The Self-awareness of a Generation in the Works of Young Émigré Writers]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. (In Russian)

Pereleshin, V. (1987). *Tri rodiny* [Three Homelands]. Paris: Al'batros. (In Russian)

Pereleshin, V. *Poeziia XX veka* [20th Century Poetry]. Antologiia. Retrieved from http://nefertiti.me/Poetry/2013-ANT/6-1/PERELEShIN%20Valerij/index.php#3. (In Russian)

Slepukhin, Yu. (2012). Pisatel' i Otechestvo [The Writer and His Motherland]. In N. A. Slepukhina (Ed.), *Iurii Slepukhin: XX vek. Sud'ba. Tvorchestvo* [Yuri Slepukhin: 20th Century. Fate. Creative Work] (pp. 384–397). Saint Petersburg: Fond Slepuhina: Ladoga. (In Russian)

Slepukhin, Yu. G. (2005). *Izbrannoe* [Selected Works] (Vols. 1–5). (Vol. 1: *Perekrestok. T'ma v polden'* [Crossroads. Darkness at Noon]). Saint Petersburg: Ladoga. (In Russian)

Slepukhina, I. G. (2012). Vospominaniia o brate. In N. A. Slepukhina (Ed.), *Iurii Slepukhin: XX vek. Sud'ba. Tvorchestvo* [Yuri Slepukhin: 20th Century. Fate. Creative Work] (pp. 13–86). Saint Petersburg: Fond Slepuhina: Ladoga. (In Russian)

Shostakovskii, P. (1960). *Put' k pravde* [The Way to the Truth]. Minsk: Gosizdat BSSR. (In Russian)

Tierra Rusa, 1941, 1. (In Spanish)

Ulyanova, O., & Norambuena, K. (2009). *Russkie v Chili* [Russians in Chile]. Santiago: Usach. (In Russian)

Varshavskii, V. *Nezamechennoe pokolenie* [The Unnoticed Generation]. Retrieved from http://e-libra.ru/read/332609-nezamechennoe-pokolenie.html. (In Russian)

Zemskov, V. B. (Ed.) (2009). *Iberica Americans. Latinoamerikanskaia kul'tura v diskussiiakh kontsa XX — nachala XXI veka* [Latin American Culture in the Discussions of the Late 20th — Early 21st Centuries]. Moscow: IMLI RAN. (In Russian)

Received on 5 September, 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.4.066
УДК

Е. Н. Проскурина
Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия

МОТИВ *НЕДОЖИТОЙ ЖИЗНИ* КАК ЗНАКОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ В ПОКОЛЕНЧЕСКОЙ ДРАМЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ (на примере жизни и творчества А. Платонова)*

В статье проводится мысль о том, что «незамеченность» — лишь один из модусов драматической судьбы поколения революционной эпохи начала XX в., связанный с судьбой молодой эмиграции первой волны. Для молодого поколения людей, оставшихся на родине и уверовавших в «дело революции», драматизм судьбы раскрывался в варианте *недожитой жизни*: социально-политическая ситуация в стране не дала возможности революционному поколению дожить до старости. Во всей сложности смысловые проекции мотива *недожитой жизни* нашли воплощение в творчестве А. Платонова. Выдвинутое положение проводится на материале разных жанров: романного («Счастливая Москва»), драматургического («Голос отца», «Ученик лицея»), жанра рассказа («Взыскание погибших»), а также платоновских писем. Широта жанрового поля увеличивает доказательность исследовательской позиции. Привлечение к анализу проблемы книги В. Варшавского «Незамеченное поколение», некоторые сопоставления с биографией и творчеством Б. Поплавского привели к выводу, что два вектора судьбы революционного поколения: лишь намеченный нами эмигрантский и внутрироссийский — сложились в единый поколенческий сюжет, в центре которого оказалась ситуация недовоплощенной / оборванной жизни.

К л ю ч е в ы е с л о в а: В. Варшавский; «незамеченное поколение»; А. Платонов; Б. Поплавский; поколенческий сюжет; мотив; автодокумент.

«Незамеченность» — лишь один из модусов драматической судьбы поколения революционной эпохи начала XX в., связанный с судьбой молодой эмиграции первой волны. Книга В. Варшавского «Незамеченное поколение» (1956) дала мощный старт к осмыслению данного явления как в социологическом, так и в культурном аспектах (работы И. Каспэ, Ю. Матвеевой, М. Васильевой и др.). Для молодого поколения людей, оставшихся на родине и уверовавших в «дело революции», драматизм судьбы раскрывался в варианте *недожитой жизни*. В советской литературе первых десятилетий, с ее энтузиастским пафосом, этот мотив реализовался только в одном ключе — героической гибели за «правое дело», и в литературе постсоветского периода был главным образом связан с лагерной темой. Во всей сложности смысловые проекции названного мотива нашли воплощение в прозе А. Платонова. Здесь следует отметить, что недожитая

* Исследование подготовлено в рамках проекта ПФИ СО РАН № II.2П /XII.192-1 «Историческая память в художественном и документальном тексте (общероссийский и региональный аспекты)».

© Проскурина Е. Н., 2016

жизнь была частью биографического сюжета и молодой эмиграции — достаточно только обратиться к мортирологу, приведенному в книге Варшавского:

> Трагически погибли совсем еще молодыми людьми Н. Гронский, В. Диксон, Б. Новосадов, Б. Поплавский, С. Шарнипольский.
>
> Покончил с собой Болдырев.
>
> Пропал без вести Агеев. Никогда больше не встречаешь в печати и многих других имен.
>
> Буткевич умер от истощения в марсельской городской больнице. От тяжелых болезней, вернее, от тяжелой жизни преждевременно умерли Вера Булич, К. Гершельман, Ирина Кнорринг, И. Савин.
>
> Умер от чахотки Анатолий Штейер... [Варшавский, с. 189].

И это далеко не полный список. В определенном смысле можно говорить о поколенческой общности тех, чья юность выпала на 1920–1930-е гг., что точно и лаконично выражено Г. Струве в его книге «Русская литература в изгнании»: «Это то поколение, которое было юношами, когда разразилась революция, и юношами приняло участие в гражданской войне. С окончанием гражданской войны часть этого поколения оказалась выброшенной за границу» [Струве, с. 198]. Для нашего исследования немаловажен тот факт, что возраст А. Платонова, родившегося в 1899 г., совпадает с возрастом молодой эмиграции. Однако причины у двух внешне схожих жизненных стратегий принципиально разные. Уход из жизни молодых эмигрантов связан с их трудностями встраивания в иное жизненное пространство, о чем ярко и категорично высказался Б. Поплавский в статье «О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции» (1930): «Христос агонизирует от начала и до конца мира. Поэтому атмосфера агонии — единственная приличная атмосфера на земле... Как жить? — Погибать... Эмиграция — идеальная обстановка для этого» [Поплавский, т. 3, с. 46]. Сопоставление с образом Христа вводит в рефлексию Б. Поплавского идею крестоношения. В сочетании с готовностью «погибать» событие смерти преображается в творческий акт, способный, по мнению автора, воскресить угасший творческий дух не только в эмигрантской среде, но и в России: «Одно ясно: только тогда эмиграция спасет и воскресит, если она в каком-то смысле погибнет в смертельном, но сладком горе...» [Там же, с. 50].

В действительности же причинами душевной агонии многих младоэмигрантов, закончившейся их несвоевременным уходом, в том числе и смерти самого Б. Поплавского, стали одиночество, голод, нищета, болезни, наркотики, к чему привела их малая социальная и творческая востребованность: «Литературной “лавочки” здесь мало, “товарец” здесь не идет, как бы того ни хотели иные писатели с тиражами. Здесь живут писатели-идеалисты и русские нечесаные студенты-мечтатели, над которыми принято смеяться...» [Там же, с. 46], — писал в процитированной выше статье Б. Поплавский. Годом позже та же мысль была выражена им в стихотворении «Ты устал, отдохни» из второй книги стихов «Снежный час»: «Кто нас может заметить // На солнце всемирной души? //

Мы слишком малы. // Мы слишком слабы» [Там же, т. 1, с. 272]. «Чужбина литературой эмигрантских сыновей не интересовалась», — позднее горько подтвердил мысль поэта летописец молодой эмиграции В. Варшавский [2010, с. 147]. Рецептивной «чужбиной» оказалась для молодых не только французская читательская среда, но и поколение старшей эмиграции, которому были чужды «антисоциальность» и «упадочнические настроения» творчества сыновей. Это не совпадало с «посланнической» миссией старшего поколения, пытавшегося сохранить в собственном творчестве образ оставленной родины. Такая культурная ситуация превращала молодое поколение в поколение изгоев, о чем писал Б. Поплавский в той же книге «Снежный час» в стихотворении «Снова в венке из воска» (1931–1934): «Я не участвую, не существую в мире, // Живу в кафе, как пьяницы живут» [Поплавский, т. 1, с. 270]. Для многих младоэмигрантов это было типичным времяпрепровождением, составившим образ «русского Монпарнаса» и выкристаллизовавшим тип русского «монпарно». «Выключенные из цепи поколений, они жили где-то вне истории... Непосредственно даны были только одиночество, бездомность, беспочвенность» [Варшавский, с. 156]. Названные мотивы составляют основной мотивный корпус творчества эмигрантских сыновей.

Как ни странной покажется на первый взгляд наша аналогия, но последнее умозаключение В. Варшавского с большой точностью отражает внутреннее состояние героев Платонова в произведениях конца 1920–1930-х гг. В отличие от представителей молодой эмиграции, и платоновское поколение, и сам писатель, как и его персонажи, находились внутри истории, были двигателями бурных перемен в стране. И, тем не менее, в творческой перспективе именно мотивы *бездомья*, *жизненного разочарования*, *одиночества* становятся центральными в платоновских произведениях. Итогом жизни героев часто оказывается их несвоевременный уход. Это может быть ранняя смерть либо выключенность из социальной жизни, самоустраненность из нее. «Мерцающим» способом встроена в творчество писателя лагерная тема, ставшая частью судьбы революционного поколения и впрямую вторгшаяся в жизнь самого А. Платонова через трагическую судьбу его сына, арестованного в юношеском возрасте и умершего вскоре после освобождения из лагеря от заработанного там туберкулеза. Все частные случаи подобного рода складываются в наследии писателя в единый мотивный комплекс *оборванной* / *недожитой жизни*.

В нашем исследовании мы оставляем в стороне сюжетный мотив *смерти ребенка*, сквозной в творчестве Платонова, носящий в нем символический характер как знак бесперспективности эпохи революционных преобразований. Обратимся к конкретным судьбам взрослых персонажей писателя. По причине невозможности освещения поставленной проблемы во всей полноте в рамках одной статьи в качестве материала нашего исследования мы выбрали роман «Счастливая Москва», пьесы «Голос отца» и «Ученик лицея», рассказ «Взыскание погибших». Сделанный отбор может служить достаточным репрезентантом предложенной темы.

В первых московских главах «Счастливой Москвы» (1932–1936)[1] видна попытка Платонова создать масштабный художественный образ «новых советских людей». Сама столица страны представлена в них «рабочей родиной» всечеловечества, где можно «жить среди товарищей, счастливей, чем в семействе» [Платонов, 1999, с. 14]. Массовый масштаб человеческого преображения демонстрируется эпизодическими персонажами: *инженер* Селин, *комсомолка* Кузьмина, *путешественник* Головач, *композитор* Левченко, *конструктор* Мульдбауэр, *электротехник* Гунькин, *метеоролог* авиаслужбы Вечкин, *летчик* Арканов. Все они появляются в одном эпизоде — на советском балу, служа коллективной подсветкой энтузиастскому сюжету произведения. Центральная для первых глав романа сцена бала выписана в красках торжества новой жизни:

> Большой стол был накрыт для пятидесяти человек... Жены конструкторов и молодые женщины-инженеры были одеты в лучший шелк республики... Москва Честнова была в чайном платье... Все мужчины... пришли в костюмах из тонкого матерьяла, простых и драгоценных; одеваться плохо и грязно было бы упреком бедностью к стране, которая питала и одевала присутствующих своим отборным добром, сама возрастая на силе и давлении этой молодости, на ее труде и таланте» [Платонов, 1999, с. 36].

Главные же герои романа: Москва, Сарториус, Самбикин, Божко — пополняют ряд платоновских сирот, приобретших новое социальное качество: ведущих специалистов страны — и словно утверждающих основной тезис революции «кто был ничем, тот станет всем».

Здесь невольно возникают антитетические параллели с главой «Бал» из романа Б. Поплавского «Аполлон Безобразов» (завершен в 1932 г.), также занимающей центральное место в первой половине романа:

> О, нищее празднество, как медленно занимается твое смятение и, кажется, не настанет вовсе. Никто сперва не решается танцевать, даже проходить по залу. Разодетые с тревогой осматривают оборванцев, и кто-нибудь обязательно неестественным голосом возглашает:
>
> — Выпьем немного, господа!
>
> Но даже пить никто не решается <...> пока каждый блюдет свой стакан, лишь до половины его наливая, а также напиток свой, избегая губительного “ерша” — интерференции спиртов, и с напускной серьезностью медленно пьет толстыми розовыми губами девятнадцатилетний молодой человек, стыдящийся своего здоровья. Пьяницы пьют, не морщась, они скорее всего пьянеют и почти уже не переносят вина, глотая его с ловкостью фокусников и вытирая руки о волосы.
>
> Девушки... взаимно одолжившие туфли и юбки, долго держат в руках стаканы и озираются, как будто чего-то ожидая; но это что-то решительно медлит...
>
> Но вот вино оказало свое первое действие, тщательно пока скрываемое присутствующими, некоторые из коих всегда умудряются с изумительной, прямо-таки

[1] Платоноведы обозначают начало работы над «Счастливой Москвой» 1933 г. Однако в записных книжках писателя первые пометы, относящиеся к замыслу романа, датированы 1932 г.: «Темная личность с горящим факелом» и «Рассказ девочки о корове» [Платонов, 2000, с. 113, 115].

баснословной быстротою напиться в самом начале представления и являть красную веселую рожу еще посреди всеобщего напускного благообразия.

<...>

Все плывет вокруг; как бы ступая по вате. Пьяный вваливается в ватерклозет. <...> Вместе с последнею ядовитою струйкою желудочного реактива выплескиваются какие-то неузнаваемые остатки съестного, и, побледнев, как после долгой болезни, очистившийся и протрезвевший выходит из смердящего узилища...» [Поплавский, т. 2, с. 63–65].

При сопоставлении двух цитированных эпизодов на фоне близкого к идеалу образа новой молодежи в романе А. Платонова особенно рельефно оттеняется образ молодой эмиграции, отправляющей свое «нищее празднество» в произведении Б. Поплавского. Парадокс, однако, в том, что к концу романа «Счастливая Москва» его центральные персонажи изображаются в схожих с поэтикой Б. Поплавского красках нищеты: Москва Честнова из идеальной героини превращается в одноногую «психичку Мусю», живущую в жалком общежитии на московских задворках с «никчемным» вневойсковиком Комягиным, сам Комягин ищет возможность и способ самоубийства, Сарториус меняет свой звучный псевдоним на ординарную фамилию Груняхин, желая «пропасть среди всех». Такое нисхождение молодых судеб могло бы составить сюжет эмигрантского романа[2]. Однако так заканчивается произведение, замысливавшееся как панегирик «новой Москве» и новому поколению советских людей[3]. В определенном смысле финальную позицию платоновских героев можно обозначить как уход во внутреннюю эмиграцию. Их духовное фиаско сравнимо с внутренней смертью, что, вероятнее всего, сделало невозможным дальнейшую работу писателя над романом. По существу, судьбы всех его главных персонажей оказались дописанными.

В контексте нашей проблемы ключевым элементом сюжета является сцена на Крестовском рынке в завершающей части «Счастливой Москвы». Идя сквозь старый московский рынок, расположенный на городской периферии, Сарториус

---

[2] Любопытна параллель между началом романа «Счастливая Москва», где нищая бездомная героиня «ходила и ела по родине», ища временное пристанище, с завязкой романа Б. Поплавского «Аполлон Безобразов», где описывается бездомное существование героя-эмигранта: «Я странствовал по городу и по знакомым. <...> В те годы платье на мне само собою мялось и оседало... Я редко мылся и любил спать, не раздеваясь... В сумерках я просыпался на чужой перемятой кровати. Пил воду из стакана, пахнувшего мылом, и долго смотрел на улицу, затягиваясь окурком брошенной хозяином папиросы» [Поплавский, т. 2, с. 10]. Означенную параллель можно продолжить изображением общежития, в котором позднее поселились Москва и Комягин: «В длинном коридоре старого дома пахло еще долголетними остатками йодоформа и хлорной извести; здесь, вероятно, когда-то в Гражданскую войну был госпиталь и лежали красноармейцы, — теперь живут жильцы. <...> Сарториус прислонился головой к холодной канализационной трубе... и слышал в ней с перерывами потоки нечистот с верхних этажей. <...> По коридору изредка ходили жильцы в общую уборную...» [Платонов, 1999, с. 83–85]. Если русские эмигранты жили за границей главным образом в дешевых гостиницах, то программа жилищного «уплотнения» в Советском Союзе разрушала цельность традиционного домоводства дроблением на коммуналки и общежития. Не случайно мотив бездомья становится в постреволюционную эпоху одним из ведущих в литературе [подробно см.: Проскурина, 1996].

[3] О замысле романа, связанном с глобальным проектом «Пролетарская Москва ждет своего художника», см., напр.: [Корниенко; Костов; Проскурина, 2015].

словно путешествует вглубь российской истории, вытесненной за пределы новой Москвы и новой жизни и превращенной в кладбище культуры:

> Нечистый воздух стоял над многолюдным собранием стоячих и бормочущих людей. <...> здесь продавали старую одежду покроя девятнадцатого века, пропитанную порошком... в толпе торговали еще и такими вещами, которые потеряли свой смысл жизни, — вроде капотов каких-то чрезвычайных женщин, поповских ряс, украшенных чаш для крещения детей, сюртуков усопших джентльменов, брелоков на брюшную цепочку <...> Много продавалось носильных вещей недавно умерших людей, — смерть существовала, и мелкого детского белья, заготовленного для зачатых младенцев, но потом мать, видимо передумывала рожать и делала аборт, а оплаканное мелкое белье нерожденного продавала вместе с заранее купленной погремушкой [Платонов, 1999, с. 95–96].

Специальная авторская оговорка «смерть существовала» звучит в этом пассаже горькой иронией над несбывшейся утопической надеждой о социализме как земном рае. Мотив *смерти ребенка* в варианте гибели неродившегося младенца придает всей сюжетной ситуации статус «социалистической трагедии». Если же проследить весь мортальный план романного сюжета, то в нем ведущим мотивом оказывается *несвоевременная смерть*: смерть ребенка с опухолью на голове, смерть молодой женщины, труп которой препарирует Самбикин, самоубийство сына Арабовой. В ту же категорию попадает намерение умереть Комягина и желание исчезнуть-«пропасть» Сарториуса — людей революционного поколения. Путешествие Сарториуса дальше вглубь рынка усиливает кладбищенские настроения:

> В специальном ряду продавались оригинальные портреты в красках, художественные репродукции. На портретах изображались давно погибшие мещане и женихи с невестами уездных городов... Позади фигур иногда виднелась церковь... росли дубы счастливого лета, всегда минувшего.
>
> Сарториус долго стоял перед этими портретами прошлых людей. Теперь их могильными камнями вымостили тротуары новых городов и третье или четвертое краткое поколение топчет где-нибудь надписи: «Здесь погребено тело купца 2-й гильдии города Зарайска, Петра Никодимовича Самофалова, *полной жизни его было*... (курсив наш. — *Е. П.*) Помяни мя господи во царствии твоем» — «Здесь покоится прах девицы Анны Васильевны Стрижевой... Нам плакать и страдать, а ей на господа взирать...» [Платонов, 1999, с. 96].

Роман, рождавшийся как прославление нового образа жизни, нового человека и «новой Москвы», к финалу все больше напоминает элегию в прозе, где жизнь последних пореволюционных поколений в отношении к прошлому соотносится как краткость к полноте, в чем мерцает мотив *недолговечности*, соотносящийся с трагической реальностью 1930-х гг., намеком чему служит часть могильной эпитафии: «нам плакать и страдать». Финальная часть романа писалась в 1936 г., когда уже была запущена «карательная машина» эпохи, не дававшая возможности новым людям дожить до старости.

Заканчивается элегический пассаж ностальгической картиной навсегда исчезнувшего русского мира, возникшей в сознании Сарториуса под впечатлением его кладбищенского путешествия:

> Вместо бога сейчас вспомнил умерших Сарториус и содрогнулся от ужаса жить среди них, — в том времени, когда не сводили лесов, убогое сердце было вечно верным одинокому чувству, в знакомстве состояла лишь родня и мировоззрение было волшебным и терпеливым, а ум скучал и плакал по вечерам при керосиновой лампе или в светящий полдень лета — в обширной, шумящей природе; когда жалкая девушка, преданная, верная, обнимала дерево от своей тоски, глупая и милая, забытая теперь без звука. Она не Москва Честнова, она Ксения Иннокентьевна Смирнова, ее больше нет и не будет [Платонов, 1999, с. 96].

Ведущим в движении повествования оказывается мотив *строительной жертвы*: новый мир возводится на костях умерших, из их могильных плит, что вызывает у героя чувство ужаса, но вместе с тем выводит на первый план образ прошлого, затеняя героиню нового мира Москву Честнову Ксенией Иннокентьевной Смирновой. Образ той, которой «больше нет и не будет», оказывается ценней любимой живой Москвы.

Элегическую интонацию романа подхватывает пьеса Платонова «Голос отца» (1937–1938), где кладбищенская тема развивается в нескольких направлениях. Одно из них связанно с проблемой несвоевременной смерти. Причем, если на уровне внешнего сюжета речь идет о смерти отцов, то в подтексте слышится мерцание мотива *гибели детей*, причиной чему стал арест сына писателя Платона, произошедший в 1938 г. В это время «вал репрессий прокатился по совсем юным, только начавшимся жизням. Жертвами становились школьники, вузовцы, учащиеся техникумов. Кого приговаривали к 8 годам ИТЛ, кого ставили к стенке» [Архив А. П. Платонова, с. 628; см. также: Самосудов].

О том, что произведение имеет отношение к семейной драме Платонова, свидетельствует одна из записей на его рукописи: «положение <с> сыном прежнее». На это обратил внимание А. Харитонов при анализе черновых набросков к пьесе [Пьеса А. П. Платонова, с. 398]. Ее сюжет разворачивается как кладбищенская беседа сына с умершим отцом на его могиле. Беседу предваряет обширная ремарка с включенной в нее эпитафией, где есть точное указание возраста героя: «Скончался в 1925 году, жития его было 38 лет и три месяца» [Платонов, 2006, с. 210][4]. Если отталкиваться от 1938 г. как времени создания пьесы, то текст на могильном камне становится автоэпитафией (год рождения А. Платонова — 1899). А. Харитонов склонен вести отчет от декабря 1937 г. Это расширяет драматический подтекст произведения включением в его автодокументальный план критических нападок на творчество Платонова, вновь начавшихся с указанного периода [подробно см.: Пьеса А. П. Платонова, с. 397]. о своем тяжелом душевном состоянии писатель говорит устами своего мертвого

[4] Далее примеры из текста приводятся по этому изданию с указанием страниц в скобках после цитаты.

героя, обращающегося к сыну: «Я в твоем сердце и в твоем воспоминании, — больше меня нигде нет. И ты — моя жизнь и надежда, а без тебя я ничтожней того праха, который лежит под этим могильным камнем, без тебя я мертв навсегда и не помню, что был живым» (с. 211). На вопрос Якова: «Папа, а как ты будешь жить, если я тоже умру когда-нибудь...?», — отец отвечает: «Тогда я исчезну вместе с тобою. Без тебя я существовать не могу» (Там же). Ниже читаем еще одно признание: «...я мертв и беспомощен, я уже не могу бороться, я лишь слабый свет в тебе» (Там же). Если первый и второй ответы в биографическом плане соотносятся с ситуацией ареста сына, со страхом за его жизнь и пониманием собственной беспомощности[5], то последний выказывает связь тяжелого душевного состояния Платонова («я мертв и беспомощен... не могу бороться») также с критическими нападками на его творчество.

Как видно из платоновских писем 1938–1939 гг., относящихся к периоду ареста сына, практически все они адресованы разным судебным и административным инстанциям, вплоть до Ежова и Сталина. В пьесе мотив *помощи сыну* звучит голосом отца в разных вариациях: как согревающая его в трудные минуты память, как слабый свет воспоминания в душе. На вопрос Якова «зачем тебе жить, — тебе разве нужно?» отцовский голос отвечает: «Мне ничего не надо... Но я хочу сберечь тебя от горя, от ненужного отчаяния и от ранней гибели — от всех бедствий жизни, которые с тобой могут случиться. Поэтому я живу тебе на помощь» (с. 211). В этих словах героя А. Платонов выражает собственное душевное состояние: быть нужным попавшему в беду сыну. В реальности лишь вмешательство М. Шолохова в дело Платона помогло сдвинуть его с мертвой точки: в конце 1939 г. приговор был отменен, хотя домой Платон вернулся лишь в конце октября 1940 г. Жить ему оставалось чуть более двух лет [см.: Архив А. П. Платонова, с. 620–659; Варламов, с. 401–409].

Как указано на надгробной плите, отец Якова умер в 1925 г. Однако беседа на могиле происходит не ранее 1937 г., о чем свидетельствует перифраза известного сталинского афоризма «сын за отца не отвечает», звучащего в устах Якова как «Сталин учит всех людей быть верными детьми своих отцов» (с. 213). Тем самым фраза «отца народов» в интерпретации платоновского героя приобретает иной, противоположный смысл, связанный не с отказом от отцов, как это массово было в реальности 1930-х гг., а с родовой памятью и преемственностью поколений. Любовь к отцу, память об отце Яков хранит все годы после его ранней смерти. Хотя в голосе отца постоянно слышится тревога, вызванная беспокойством о его забвении.

В ранней статье Б. Поплавского «О судьбах России» (1921) высказана мысль, очень точно определяющая основу беспокойства отца в платоновской пьесе. Со ссылкой на Ницше автор статьи пишет: «...любящая диктатура высших

---

[5] «Тошка болен тяжело, — писал Платонов И. А. Сацу в августе 1938 г. — ...Больше всего я занят тем, что думаю — как бы помочь ему чем-нибудь, но не знаю чем. Сначала придумаю, вижу, что хорошо, а потом передумаю и вижу, что я придумал глупость. И не знаю, что же делать дальше...» [Платонов, 2013, с. 440].

представителей есть идеал общества младенческого народа» [Поплавский, т. 3, с. 7]. Модус младенчества в образе сына проявлен у А. Платонова в ряде реплик, где Яков обращается к авторитету Сталина:

> Я к о в. ...самая лучшая техника — это высший человек, а высший человек живет у нас, в Советском Союзе.
>
> Г о л о с о т ц а. Откуда ты это узнал?.. Высший прекрасный человек — вот в чем тайна, которую мы не могли открыть, — и поэтому мы умерли в тоске.
>
> Я к о в. Я научился этому у Сталина.
>
> Г о л о с о т ц а. В чем его учение?
>
> Я к о в. Я еще сам не научился всему его учению. Но я знаю, что Сталин учит всех людей быть верными детьми своих отцов, он велит не изменять тому, что было в отцах высшим и человеческим, он хочет сделать героическую душу человека законом всей земли. Он сам ученик Маркса и Ленина.
>
> Краткое молчание.
>
> Г о л о с о т ц а. Мой отец родил меня и велел быть только добрым и терпеливым. А я хотел, чтобы ты стал знающим и смелым. Но ты должен теперь стать мудрым и счастливым. Ты должен быть моим идеалом! Но кто поможет тебе быть таким человеком, и будет ли это так? — Ведь я, твой отец, мертв и бессилен...
>
> Я к о в (встает на ноги). Так будет, отец! Если даже мне придется бороться со всем миром... я один встану против них всех, я один буду защищать тебя, Сталина и самого себя! (с. 214).

В этом диалоге высвечивается коммуникативная ситуация *qui pro quo*: для отца преемственность памяти уходит корнями в библейскую традицию. В его словах «Мой отец родил меня» воплощено идущее от Ветхого Завета утверждение мужского первенства в деторождении (*родил* в значении «дал жизнь»), закрепленное в христианском сознании евангельской формулой «Авраам родил Исаака». Данное сыну имя Яков (Иаков) служит знаком продолжения этой духовной преемственности, в начале которой стоит имя Бога Отца-Жизнеподателя, вписания в нее своего фамильного рода. На древнюю традицию указывает и обозначение жизни как «жития» на могильном камне отца. Однако для Якова его собственная духовная родословная идет не от родного отца, а от «отца народов» Сталина. Понимание отцом этой разницы обозначено в тексте ремаркой «краткое молчание». Пауза в диалоге возникает после признания сына о верности Сталину. Любовь к отцу, тоска о нем — это, скорее, природное сыновнее чувство, тогда как из сталинского «учения» Яков черпает знания о жизни, о рождении «высшего человека». То, что для отца и его поколения до конца осталось тайной жизни, для поколения Якова становится решенной проблемой. Сталинским «учением» подпитывается и его порыв «раздавить» «врагов людей». Таким образом, в подтексте диалога скрыта тревога писателя за духовную судьбу молодого поколения, бескорневая природа которого может превратить его в слепого исполнителя власти (эта точка зрения воплощена в пьесе в травестийном образе Служащего), сделать как частью карательной системы, так и ее жертвой: за синтагмой «враги людей» вычитывается главная формула сталинской эпохи «враг народа».

Здесь мы вновь выходим на связь пьесы А. Платонова с его семейной драмой. Вероятнее всего введение в речь Якова дифирамбических пассажей в адрес Сталина было для писателя косвенным способом повлиять на судьбу собственного сына, облегчить его участь. В том же 1938 г. Платонов пишет два письма Сталину, где по существу выражает те же мысли, что и в «Голосе отца»: «Мне кажется, что плохо, если отказывается отец от сына или сын от отца, поэтому я от сына никогда не могу отказаться» [Платонов, 2013, с. 445]. Платонов готов взять вину сына на себя: «Я считаю, что если сын мой виновен, то я, его отец, виновен вдвое, потому что не сумел его воспитать, и меня надо посадить в тюрьму, а сына освободить» [Там же, с. 445–446][6] (ср. в пьесе: «...я хочу сберечь тебя от горя, от ненужного отчаяния и от ранней гибели — от всех бедствий жизни, которые с тобой могут случиться. Поэтому я живу тебе на помощь»).

После смерти Платона в 1943 г. А. Платонов душой словно навсегда поселяется у его могилы. Так жизнь писателя переворачивает субъектную ситуацию созданной им пьесы. Образ сыновней могилы сопровождает все письма Платонова Марии Александровне с фронта, написанные после смерти Платона: «...думаю о тебе и о могиле на кладбище. Поцелуй землю на его святой могиле за меня» (24 мая 1943 г.); «Поцелуй за меня могилу в изголовье нашего святого сына» (28 мая 1943 г.); «...я так тоскую о холмике земли на Армянском кладбище. Когда я еще буду там — я сам не знаю» (6 июня 1943 г.); «Поклонись за меня могиле моего сына и поцелуй за меня землю на ней. <...> Поставь от меня цветок на могилу сына и скажи ему, что я его люблю все больше и больше» (8 июня 1943 г.); «Ты, наверно, часто ходишь на могилу к сыну. Как пойдешь, отслужи от меня панихиду в его вечную святую память. <...> Я знаю, как тебе трудно, знаю, что ты плачешь о нашем сыне. Я здесь вижу его часто во сне и просыпаюсь в слезах» (10 июня 1943 г.); «Завтра воскресенье и Троицын день. Ты, конечно, пойдешь к нашему сыну, поцелуй его землю в изголовье, скажи, что я люблю его больше всего на свете» (12 июня 1943 г.); «Поцелуй изголовье его могилы. Скажи ему, что я скоро приду к нему и поклонюсь ему» (24 июня 1943 г.) и т. д., и т. п. Мотив *поклонения умершему сыну* как святому пронизывает все посвященные ему фрагменты писем Платонова, что связано с его представлением о мученическом пути школьника-арестанта. В сознании писателя арестантская судьба и ранняя смерть сына становятся эмблемой общей судьбы людей его поколения, в которое частью входит военное поколение: «Я хотел прислать сыну цветок, который я взял с могилы вблизи передовой, чтобы ты посадила его на могиле нашего сына, но нельзя его и не с кем переслать, и он вовсе засох у меня» (30 июля 1943 г.). А в одном из писем 1942 г., еще до смерти сына, Платонов пишет жене: «В десятых числах сентября я, видимо, поеду на воронежское направление, как военный корреспондент... Посмотрю, что стало с моей родиной. Схожу на могилы, поплачу надо всеми мертвыми» (30 августа 1942 г.). Здесь в едином

[6] Далее письма А. Платонова цитируются по данному изданию.

поминовении соединены поколения мертвых родственников, безвременно погибшие в революцию и на войнах родные, близкие и чужие.

В 1943 г. Платонов задумывает повесть о сыне: «В день приезда сразу же пойдем к Тоше на могилу. Моя новая повесть, которую я тут обдумал, будет посвящена поклонению умершим и погибшим, а именно посвящение будет моему сыну. Я задумал сделать героем жизни мертвого человека, на смерти которого держится жизнь. Кратко трудно сказать, как это получится, но, думаю, эта вещь выйдет у меня: у меня хватит сердца и горя. <...> как мне охота возможно скорее написать повесть, посвященную сыну. Я ее хочу напечатать в "Красной звезде"» (1 июля 1943 г.). Повесть о сыне осталась, по-видимому, нереализованным намерением писателя, рассредоточившимся по многим его произведениям. Часть этого замысла составил рассказ «Взыскание погибших» (1943), опубликованный, как и намеревался А. Платонов, в «Красной звезде», а также написанная уже после войны пьеса «Ученик лицея» (1947–1948)[7]. Скрытая в ее названии параллель *ученик лицея — ученик школы* уравнивает судьбы лицеиста Александра Пушкина, каким он выведен в пьесе, и школьника Платона Платонова. Не случайно автор не раз менял именование своего произведения. Его вариантами были «Пушкин в лицее», «Юный Пушкин», «В садах лицея». Однако ни один из них не соответствовал платоновскому замыслу. И только найденный последний вариант этот замысел скрыто обозначил.

В качестве заглавия рассказа «Взыскание погибших» Платонов использует одноименное название иконы Богородицы, известной на Руси с XVIII в. и прославившейся многими чудесами. Кроме заглавия, обращает на себя внимание предпосланный рассказу эпиграф: «Из бездны взываю», под которым стоит подпись: «Слова мертвых». За ней скрыт источник цитаты, каковым является 129 псалом: «Из глубины взываю к Тебе, Господи, Господи, услышь глас мой» (Пс. 129: 1). Это один из покаянных псалмов, читаемых в православной церкви на вечернем богослужении, а в западной христианской традиции являющийся основополагающей частью заупокойной службы — реквиема («De Profundis»). Таким образом, в рассказе возникает новый план — молитвенный: от лица всех безвременно погибших на войне, взывающих к милосердию живых, и от лица матери, потерявшей своих детей и живущей «остатком слабой души» в надежде на скорую встречу. Называя героиню Марией Васильевной — именем своей матери, — Платонов предельно сближает биографию собственной семьи с общей драмой страны. Не случайно впервые рассказ был опубликован под названием «Мать» с подзаголовком «Взыскание погибших». В соотнесенности с названием рассказа в семантике имени Мария появляются богородичные обертоны, связывающие платоновский сюжет со страстным евангельским сюжетом, а также с апокрифом «Хождение Богородицы по мукам». Образ матери, потерявшей своих детей, возводится к образу Девы Марии как высочайшему

[7] На связь «Ученика лицея» с замыслом Платонова написать произведение о сыне указывают в своей статье Н. П. Хрящева и К. С. Когут [Хрящева, Когут].

образцу жертвенного материнства. В изображении ее мертвых детей, которые лежат в могиле «нагие... умерщвленные, поруганные и брошенные в прах чужими руками» [Платонов, 1985, с. 106], собраны характеристики, соотносящие их образ с образом распятого Христа. Так, наряду с мотивом *материнской скорби*, автором вводится в текст рассказа мотив *ненапрасной жертвы*. Как *жертва за мир* он зазвучит в последних строках произведения:

> Нужно... суметь жить после победы той высшей жизнью, которую нам безмолвно завещали мертвые; и тогда, ради их вечной памяти, надо исполнить все их надежды на земле... Мертвым некому довериться, кроме живых, — и нам надо так жить теперь, чтобы смерть наших людей была оправдана счастливой и свободной судьбой нашего народа и тем была взыскана их гибель [Платонов, 1985, с. 108].

Плач матери у креста на могиле детей: «Были бы вы живы, сколько бы работы поделали, сколько судьбы испытали! А теперь, что ж, теперь вы умерли, — где ваша жизнь, какую вы не прожили, кто проживет ее за вас?.. Сколько я сердца своего истратила на вас, сколько крови моей ушло, но, значит, мало было одного сердца моего и крови моей, раз вы умерли...» [Там же, с. 106] — генетически восходит к плачу Богородицы у Креста:

> О свете пресветлый, Заря присносущная,
> Где Твоя зайде красота, светолучная невечерняя,
> Добровидный Сыне мой, сладчайшая доброта,
> Где Твой вожделенный лица зрак, краснейший Свете мой...
>
> [Плач Богородицы]

В иконографическом плане эпизод соотносится со сценой оплакивания Христа — в православной традиции это иконографическая композиция «Не рыдай Мене Мати», представляющая Богородицу рядом с обнаженной фигурой Спасителя, лежащего во гробе на фоне Креста[8].

В образе своей скорбящей героини Платонов объединил и собственную скорбь по умершему сыну, и скорбь своей жены, тоже носящей имя Мария. Симптоматично ее молчание на частые письма А. Платонова, посылаемые с фронта после смерти сына. Свое немотство Мария Александровна объясняет в приписке к письму Платонова их общим друзьям Вьюрковым: «Привет вам, дорогие! Не сердитесь на меня, я никому не пишу, я только начинаю замечать, что светит солнце и люди живут» [Платонов, 2013, с. 548]. Мать писателя, Мария Васильевна, умерла в 1929 г.; возможно, именно этим определяется выбор ее имени, а не имени жены Марии Александровны для именования героини рассказа, умирающей на могиле своих детей. Такое замещение выполняет перформативную оградительную функцию по отношению к судьбе Марии Александровны,

[8] В иконографии западного христианства тело мертвого Христа лежит на коленях склонившейся над ним Богородицы (пьета). Из этого сопоставления видно, что платоновская сцена у могилы ближе к восточной иконографии, хотя и не дублирует ее.

которая, по свидетельству А. Платонова, дважды пыталась покончить с собой (см. письмо к Сталину: «Мать сына... по естественным материнским человеческим причинам дошла до очень тяжелого душевного состояния. Два раза я предупреждал ее попытки к самоубийству, но может оказаться, что я не смогу уберечь ее» [Там же, с. 447]).

В финальной сцене «Взыскания погибших» вновь усиливается сближение образа скорбящей матери с образом Богородицы, на этот раз в красках иконографии «Успения»:

> Возле креста, связанного из двух ветвей, красноармеец увидел старуху, приникшую к земле лицом. Он склонился к ней и послушал ее дыхание... «Ее сердце ушло, — понял красноармеец и покрыл утихшее лицо покойной чистой холстинкой... — Ей и жить-то уж нечем было»...
>
> — Спи пока, — вслух сказал красноармеец на прощанье. — Чьей бы ты матерью ни была, а я без тебя тоже остался сиротой... [Платонов, 1985, с. 108–109]

Эпизод содержит множество отсылок к той части богородичного сюжета, которая открывается Распятием: это и скорбь Богоматери у Креста (выше читаем: «Мария Васильевна пришла на место могилы, где стоял крест, сделанный из двух связанных поперек жалобных, дрожащих ветвей[9]. Мать села у этого креста...» [Там же, с. 106]), и образ Плащаницы, которой апостолы покрыли тело усопшей Девы Марии (чистая холстинка, которой красноармеец покрывает «утихшее лицо покойной»), и мотив *успения* как символ вечной жизни («спи пока»). Также и чувство сиротства, испытываемое красноармейцем, сходно с тем, которое, по преданию, охватило апостолов в момент успения Богородицы[10].

Своим скорбным сюжетом рассказ «Взыскание погибших» выделяется из всей военной прозы Платонова. Героика подвига советских солдат смещается в нем на периферийную позицию, в центре же оказывается идея недожитой жизни молодого поколения, на плечи которого легла двойная ноша: революции и войны.

Образ скорбящей матери, поющей колыбельную песню на могиле сына, появляется в финальном фрагменте рассказа «На могилах русских солдат» (1944):

> В сумерки на пустынное военное кладбище бывшего шта-лагеря № 352 пришла одинокая женщина. Она опустилась на колени возле могилы, на которой была доска с именами погребенных.
>
> Женщина вначале была безмолвной, а потом стала петь колыбельную своему сыну, спящему здесь, на грядущую, вечную ночь [Платонов, 1985, с. 139].

Еще раз схожая ситуация изображена Платоновым в пьесе «Ученик лицея», где есть пронзительный эпизод: исповедь нищей Феклы, живущей при могиле

---

[9] Мотив *слабой жизни*, звучащий в образе «жалобных, дрожащих ветвей», отсылает как к образу измученного крестоношением Христа, так и к образу юного страдальца Платона.

[10] «...радуемся об исполняющемся на Тебе определении Божием, но и печалимся о том, что остаемся сирыми и здесь уже не увидим Тебя, нашу Матерь и Утешительницу» [Сказания о земной жизни...].

сына, юному Александру Пушкину. В отличие от двух первых вариантов: гибели на войне, — сын Феклы замучен бесчеловечной властью:

А л е к с а н д р. Ты бедная, бабушка?

Ф е к л а. Нету, нету, — отчего я бедная? Дома в деревне я сыто жила.

А л е к с а н д р. А зачем ты из дому ушла?

Ф е к л а. Душа велела уйти. Тут я при могиле живу.

<...>

А л е к с а н д р. А скажи, что у тебя на сердце лежит!

Ф е к л а. А на сердце у меня сын родной лежит... Был у меня сын-первенец, да один он был. Взяли его в службу царскую... Осьмнадцать лет прослужил, на девятнадцатом его палками насмерть забили...

А л е к с а н д р. А за что палками?

Ф е к л а. Сказывали, пред царем провинился...

А л е к с а н д р. А правда, провинился?

Ф е к л а. Чего — правда? Пред царем правда, а пред матерью — другая. Да матерь-то не спросили — и палками его насмерть...

А л е к с а н д р. И ты терпишь — живешь?

Ф е к л а. Терплю... Вон там он и схоронен... На вечер-то я каждый день туда хожу. Приду и песню ему спою, побаюкаю его, чтоб спал он мирно и кости его битые отдохнули. Пусть покоится!

А л е к с а н д р. Ты баюкаешь его?

Ф е к л а. Баюкаю, родной, баюкаю... Как в детстве его, бывало, когда он еще в младенчестве был, колыхала я его зыбку и песню ему колыбельную певала, — так и нынче тую же песню ему напеваю...

<...>

А л е к с а н д р. Пойдем сейчас к нему, пойдем к твоему сыну. Спой ему песню.

Ф е к л а. Теперь не время. Вечером надо, на долгую ночь.

Фекла уходит одна. Александр бросается на постель вниз лицом [Платонов, 1985, с. 339–340][11].

Вся сцена беседы Александра с Феклой прошита аллюзиями на семейную драму Платоновых. Образ замученного до смерти сына-первенца Феклы соотносится с сыном-первенцем писателя; за образом бесчеловечной царской власти, по приказу которой насмерть забит сын Феклы, скрыта параллель со сталинским карательным режимом. Мотив *жизни при могиле*, проходящий через ряд произведений А. Платонова и восходящий к его письмам к жене, в «Ученике лицея» приобретает особенно пронзительное звучание, что дает представление о не угасшей со временем силе скорби самого Платонова по безвременно погибшему сыну.

Сюжет «Ученика лицея» мало соотносится с биографией А. Пушкина. Вольное обращение с фактами жизни поэта свидетельствует об ином направлении творческого задания Платонова. Кроме исповеди Феклы, в пьесе есть еще несколько сигнальных эпизодов, указывающих на встроенную в нее реальную историю с сыном писателя. Так, в сцену прощания перед отправкой поэта в южную

[11] Далее цитаты из текста приводятся по этому изданию с указанием страниц в скобках.

ссылку А. Платонову удалось зашифровать ситуацию ареста Платона и неудачу своих хлопот по его освобождению: «Екатерина Андреевна. Я ничего не сделала, нам не удалось. Я хотела, чтоб дело было предано забвению и вы стали опять свободны. Но государь вас не простил» (с. 372). При этом сквозным мотивом эпизода является мотив *неизвестности*, грозящей вечной разлукой, что выдает опасения семьи Платоновых за судьбу собственного сына:

Екатерина Андреевна. Его ушлют на юг, где живут колонисты...
Ольга Сергеева. Где колонисты? А где они живут?
Екатерина Андреевна. Не знаю, милая...
Ольга Сергеева. И я не знаю...
Екатерина Андреевна. Я спрошу у мужа.
Ольга Сергеева. Навсегда его, навечно ушлют? (с. 370).

В процессе развертывания сюжета мотив *безвременной гибели* юного героя вырастает от единичной судьбы до судьбы поколения сыновей. Эта идея, организующая подтекст пьесы, мерцает в сюжетной линии лицеистов — друзей Пушкина (рано умершего Дельвига, будущих декабристов Пущина, Кюхельбекера). Любопытно построение полилога в сцене беседы Александра с друзьями:

Голос Пущина. Саша! Ты забыл меня?
Александр. Забыл.
Голос Пущина. Забудь! Но помни: быть может, некогда восплачешь обо мне...
Александр. Нет, Жан, нет; это не я, а ты, быть может, восплачешь обо мне...
Голос Пущина. Нет, ты скорее восплачешь!
Александр. Нет ты, нет ты! Вот увидишь, что вскоре ты восплачешь обо мне!
Голос Кюхельбекера. Ложь! Весь мир восплачет обо мне, а об вас он плакать не будет!
Фома. Где шум? Слышу — доносится. Спите, господа — чтоб вас не было, дайте мне, человеку, покой...
Голос Дельвига. Дайте Фоме, человеку, покой!
Еще голос. Покой человеку!
Еще голос. Вечный покой!
Голос Дельвига. Спите, орлы России!
Александр. Фома! Угомони своих птенцов!
Фома... Спите, ангелы, демон вас возьми! (с. 329–330).

Беседа Александра с лицеистами, находящимися в своих комнатах, построена как беседа с их голосами, что напоминает субъектную организацию пьесы «Голос отца». Эта сигнальная отсылка превращает голоса лицеистов в голоса из могилы, что поддерживается рядом символичных мотивов с мортальной семантикой. Восклицания «чтоб вас не было», «вечный покой», «спите, орлы России!», «спите ангелы», а также по-разному варьируемый вольтеровский стих «Быть может, некогда восплачешь обо мне»[12], носящие в сцене игровой характер, на уровне

[12] О любви Пушкина к этому стиху из «Танкреда» Вольтера в переводе Гнедича см.: [Виноградов, 1941, с. 482].

авторского плана звучат эпитафией юным героям. Усиливает мортальный модус сюжетной ситуации лежачее положение персонажей, укрытых одеялами[13]:

> Голос Дельвига. А как встать из-под одеяла — кто первый?
> Еще голос. Я не встану!
> Еще голос. Я тоже, — холодно! (с. 328).

Мотивы *холода*, *неподвижности* превращают ложа лицеистов в гробы, а одеяла, которыми они укрыты, в саваны.

Таким образом, вся пьеса превращается в реквием по поколению безвременно погибших сыновей. Обращение к образу А. Пушкина и декабристов было «подцензурным» ходом А. Платонова, скрывшим за давней историей драму своего поколения, главным героем которой оказался сын писателя Платон Платонов.

Итогом нашего далеко не исчерпывающего исследования служит вывод о том, что два вектора судьбы революционного поколения — лишь намеченный нами эмигрантский и внутрироссийский — сложились в единый поколенческий сюжет, в центре которого оказалась ситуация недовоплощенной, недожитой жизни. Ситуация, ставшая пророческой для судьбы самой советской страны, ради которой совершалась эта масштабная строительная жертва.

Архив А. П. Платонова. Кн. 1 / под ред. Н. В. Корниенко. М. : ИМЛИ РАН, 2009.

Варламов А. Андрей Платонов. М. : Молодая гвардия, 2011. (Сер. ЖЗЛ).

Варшавский В. Незамеченное поколение. М. : Рус. путь, 2010.

Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1941.

Корниенко Н. В. Имя Москвы и Петербурга в русской литературе 1910–1930-х гг. (Часть 2) [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2013. № 3 (13). URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/224.html&j_id=16 (дата обращения: 02.02.2015).

Костов Х. Мифопоэтика Андрея Платонова в романе «Счастливая Москва». Helsinki : Helsinki Univ. Press, 2000.

Платонов А. П. Собрание сочинений : в 3 т. М. : Советская Россия, 1985.

Платонов А. Счастливая Москва // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 3 : По материалам третьей международной научной конференции, посвященной творчеству А. П. Платонова. 26–28 ноября 1996 г. Москва / ред.-сост. Н. В. Корниенко. М. : Наследие, 1999. С. 7–105.

Платонов А. Записные книжки : материалы к биографии. М. : Наследие, 2000.

Платонов А. Голос отца // Платонов А. Ноев ковчег. Драматургия. М. : Вагриус, 2006. С. 208–218.

Платонов А. «...я прожил жизнь» Письма [1920–1950 гг.]. М. : Астрель, 2013.

Плач Богородицы [Электронный ресурс]. URL: http://www.jooov.net/text/116737780/hor_svyato-elisavetinskogo_jenskogo_monastyirya_g_minsk_regent_poslushnitsa_irina_denisova-plach_bog.htmls (дата обращения: 10.03.2016)

Поплавский Б. Собрание сочинений : в 3 т. М. : Книжница ; Русский путь ; Согласие, 2000–2009.

[13] На этот штрих обратили внимание авторы статьи [Хрящева, Когут].

Проскурина Е. Н. Мотив бездомья в произведениях А. Платонова 20–30-х гг. // «Вечные» сюжеты русской литературы: «блудный сын» и другие : сб. науч. тр. Новосибирск : Ин-т филологии СО РАН, 1996. С. 132–140.

Проскурина Е. Н. Фаустиана Андрея Платонова (на материале прозы 1920-х — 1930-х годов). М. : Новый Хронограф, 2015.

Пьеса А. П. Платонова «Голос отца» («Молчание»). История текста — история замысла / публ., вступит. ст. и коммент. А. А. Харитонова // Из творческого наследия русских писателей XX века. М. Шолохов, А. Платонов, Л. Леонов. СПб. : Наука, 1995. С. 391–426.

Самосудов В. М. Воспитание молодежи 30-х годов жестокостью сталинского режима // Гуманитарное знание. Сер. «Преемственность». Ежегодник. Вып. 2 : Сб. науч. тр. Кн. 1 : Исторические исследования. Омск : ОмГПУ, 1998. С. 152–162.

Сказания о земной жизни Пресвятой Богородицы [Электронный ресурс]. URL: http://www.verapravoslavnaya.ru/?Zemnaya_zhiznmz_Bogorodicy#g9 (дата обращения: 10.03.2016).

Струве Г. П. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1956.

Хрящева Н. П., Когут К. С. Поэтика тайнописи в пьесе А. Платонова «Ученик лицея» // Вопр. литературы. 2015. № 6. С. 95–119.

Статья поступила в редакцию 23.09.2016 г.

Проскурина Елена Николаевна
доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора литературоведения
Институт филологии
Сибирского отделения РАН
630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8
E-mail: motive@philology.nsc.ru

Proskurina, Elena Nikolayevna
Dr. Hab. (Philology), Chief Research Fellow
Literary Studies Section
Institute of Philology, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
8, Nikolayev Str., 630090 Novosibirsk, Russia
E-mail: motive@philology.nsc.ru

THE MOTIF OF AN *UNDER-LIVED LIFE* AS AN EMBLEMATIC ELEMENT IN THE GENERATIONAL DRAMA OF THE REVOLUTIONARY ERA (With Reference to A. Platonov's Life and Creative Work)

The article states that "unnoticeability" was just one of the modes of the revolutionary generation's dramatic destiny of the early 20th century relating to the fate of the young emigration of the first wave. For the young people who remained in Russia and came to believe in the "cause of revolution", the drama of their destiny manifested itself as an *under-lived life*: the social and political situation in the country did not give the revolutionary generation the opportunity to reach an old age. The motif of an *under-lived life* in all the complexity of its semantic projections was implemented in the work of A. Platonov. The statement is illustrated with reference to works of various genres: a novel (*Happy Moscow*), a play (*Voice of the Father*, *A Student of the Lyceum*), a short story (*In Search of the Perished*), and Platonov's letters. The variety of genres increases the validity of the researcher's position. The analysis of *The Unnoticed Generation* by V. Varshavsky and some correlations with the life and work of B. Poplavsky enables the author to conclude that the two vectors of the Revolutionary generation's

fate — the émigré (just barely marked by the author) and the Russian internal one — formed a single generational plot with the situation of under-realized / interrupted life in its centre.

K e y w o r d s: V. Varshavsky; “unnoticed generation”; A. Platonov; B. Poplavsky; generational plot; motif; auto-document.

Acknowledgements

The research is part of the Programme of Fundamental Research of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences # II.2P /XII.192-1, “Historic Memory in the Artistic and Documentary Text (All-Russian and Regional Aspects)”.

Haritonov, A. A. (Ed.). (1995). P’esa A. P. Platonova «Golos otca» («Molchanie»). Istorija teksta — istorija zamysla [A. P. Platonov’s Play *Voice of the Father* (*Silence*). The Story of the Text — the Story of the Concept]. In *Iz tvorcheskogo nasledija russkih pisatelej XX veka. M. Sholohov, A. Platonov, L. Leonov* [From the Creative Heritage of the Russian Writers of the 20th Century. M. Sholokhov, A. Platonov, L. Leonov] (pp. 391–426). Saint Petersburg: Nauka. (In Russian)

Hrjashheva, N. P., & Kogut, K. S. (2015). Pojetika tajnopisi v p’ese A. Platonova «Uchenik liceja» [The Poetics of Cryptography in the Play by A. Platonov *A Student of the Lyceum*]. *Voprosy literatury*, 6, 95–119. (In Russian)

Kornienko, N. V. (Ed.). (2009). Arhiv A. P. Platonova [Platonov’s Archives] (Book 1). Moscow: IMLI RAN. (In Russian)

Kornienko, N. V. (2013). Imja Moskvy i Peterburga v russkoj literature 1910–1930-h gg. [The Name of Moscow and Saint Petersburg in the Russian Literature of 1910–1930] (Part 2). *Kul’turologicheskij zhurnal*, 3 (13). Retrieved from http://www.cr-journal.ru/rus/journals/224.html&j_id=16. (In Russian)

Kostov, H. (2000). *Mifopojetika Andreja Platonova v romane «Schastlivaja Moskva»* [Andrei Platonov’s Mythopoetics in *Happy Moscow*]. Helsinki: Helsinki University Press. (In Russian)

Plach Bogorodicy [Virgin Mary’s Lament]. Retrieved from http://www.jooov.net/text/116737780/hor_svyato-elisavetinskogo_jenskogo_monastyirya_g_minsk_regent_poslushnitsa_irina_denisova-plach_bog.htmls (In Russian)

Platonov, A. P. (1985). *Sobranie sochinenij* [Works] (Vols. 1–3). Moscow: Sovetskaja Rossija. (In Russian)

Platonov, A. (1999). Schastlivaja Moskva [Happy Moscow]. In N. V. Kornienko, *«Strana filosofov» Andreja Platonova: Problemy tvorchestva. Vyp. 3. Po materialam tret’ej mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj tvorchestvu A.P. Platonova. 26–28 nojabrja 1996 goda*. Moskva [*Country of Philosophers* by Andrei Platonov: Issues of Creative Work. Issue 3. Based on the Materials of the Third International Scholarly Conference Devoted to the Creative Work of A. P. Platonov] (pp. 7–105). Moscow: Nasledie (In Russian)

Platonov, A. (2000). *Zapisnye knizhki. Materialy k biografii* [Notebooks. Materials for the Biography]. Moscow: Nasledie. (In Russian)

Platonov, A. (2006). Golos otca [Voice of the Father]. In A. Platonov, *Noev kovcheg. Dramaturgija* (pp. 208–218). Moscow: Vagrius. (In Russian)

Platonov, A. (2013). *«...ja prozhil zhizn’» Pis’ma [1920–1950 gg.]* [“...I Have Lived a Life”. Letters [1920–1950]]. Moscow: Astrel’. (In Russian)

Poplavskij, B. (2000–2009). *Sobranie sochinenij* [Works] (Vols. 1–3). Moscow: Knizhnica: Russkij put’: Soglasie. (In Russian)

Proskurina, E. N. (1996). Motiv bezdom’ja v proizvedenijah A. Platonova 20–30-h gg. [The Motif of Homelessness in A. Platonov’s Works of the 1920s–30s]. In *«Vechnye» sjuzhety russkoj literatury: «bludnyj syn» i drugie. Sb. nauch. trudov* [“Eternal” Plots of Russian Literature: “The Prodigal

Son" and Others. A Collection of Articles] (pp. 132–140). Novosibirsk: Institut filologii SO RAN. (In Russian)

Proskurina, E. N. (2015). *Faustiana Andreja Platonova (na materiale prozy 1920-h — 1930-h godov)* [The Faustiana of A. Platonov (Based on the Prose of the 1920s — 30s)]. Moscow: Novyj Hronograf. (In Russian)

Samosudov, V. M. (1998). Vospitanie molodezhi 30-h godov zhestokost'ju stalinskogo rezhima [The Upbringing of Youth in the 1930s by the Cruelty of the Stalin Regime]. In *Gumanitarnoe znanie. Ser. «Preemstvennost'»*. Ezhegodnik (Issue 2). Sb. nauch. trudov (Book 1). Istoricheskie issledovanija (pp. 152–162). Omsk : OmGPU. (In Russian)

Skazanija o zemnoj zhizni Presvjatoj Bogorodicy [Stories of the Earthly Life of the Virgin]. Retrieved from http://www.verapravoslavnaya.ru/?Zemnaya_zhiznmz_Bogorodicy#g9 (In Russian)

Struve, G. P. (1956). *Russkaja literatura v izgnanii: Opyt istoricheskogo obzora zarubezhnoj literatury* [Russian Literature in Exile: The Experience of a Historical Review of Foreign Literature]. New York: Izd-vo im. Chehova. (In Russian)

Varlamov, A. (2011). Andrej Platonov [Andrei Platonov]. *Zhizn' zamechatel'nykh liudej* [Life of Remarkable People]. Moscow: Molodaja gvardija. (In Russian)

Varshavskij, V. (2010). *Nezamechennoe pokolenie* [Unnoticed Generation]. Moscow: Russkij put'. (In Russian)

Vinogradov, V. V. (1941). *Stil' Pushkina* [Pushkin's Style]. Moscow: Gos. izd-vo hud. lit. (In Russian)

Received 23 on September, 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.4.067
УДК

Ю. В. Матвеева
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ПОКОЛЕНИЕ, ПРОШЕДШЕЕ «ОДВУКОНЬ»: ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ Г. А. АНДРЕЕВА (ХОМЯКОВА) В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСКИХ СУДЕБ «МОЛОДЫХ» ПИСАТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Если бы время не было пронизано
единством жизненных событий...
Б. Пастернак

В статье делается попытка расширить границы давно устоявшихся представлений о «незамеченном поколении» русских писателей-эмигрантов путем сопоставления жизненных судеб и литературного творчества авторов из когорты эмигрантских «сыновей» и их ровесников из советской России, в данном случае — тех из них, кто оказался на Западе во время Второй мировой войны. В качестве примера рассматривается творчество Г. А. Андреева (Хомякова), который в своей документально-автобиографической прозе последовательно воспроизвел жизнь своего поколения в его «советском» варианте: тюрьма и лагерь; участие в процессе советского строительства и производства; солдатская участь во время войны. Указанные три тематических пласта (лагерный — производственный — военный) почти в точности совпадают с наиважнейшими блоками автодокументального сюжета, стабильно присутствующего в произведениях «молодых» авторов белой эмиграции: Гражданская война в России; деклассированное существование в чужой стране; участие в Сопротивлении. На проблемно-содержательном и мотивно-тематическом уровнях выявляются черты поколенческой общности в творчестве Г. А. Андреева (Хомякова) и многих представителей «молодой» литературы первой волны.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Г. А. Андреев (Хомяков); вторая волна эмиграции; «незамеченное» поколение; «сыновья» эмиграции; автобиографическая проза.

Владимир Варшавский начинает свою знаменитую книгу со ссылки на выступление Н. И. Ульянова, в котором тот, историк по образованию и эмигрант эпохи Ди-Пи (DP — *displaced person*, ‘перемещенное лицо’), невзначай наносит удар по самолюбию бывших сыновей эмиграции: «...племя, возросшее в изгнании, не выдвинуло ни одного имени, ни одного громкого дела. <...> Всех их должно отнести к дореволюционному поколению» [Варшавский, с. 15]. Именно это высказывание дипийца Н. Ульянова стало символической точкой отталкивания для белоэмигранта В. Варшавского, своеобразным тезисом, требующим

© Матвеева Ю. В., 2016

глубокого и обстоятельного опровержения. Антитезисом к нему можно считать шесть глав книги о «незамеченном поколении».

Нечаянная небрежность по отношению к внутреннему единству и культурной самобытности поколения «сыновей» сквозит в и словах другого эмигранта Ди-Пи — Л. Д. Ржевского, мельком назвавшего их, писателей младшего первоэмигрантского призыва, в своем романе «Между двух звезд» «полупоколением» [Ржевский, 2000, с. 253]. Деликатно не указывая конкретного адресата своих слов, но, безусловно, направляя их в адрес эмиграции первой волны, в которой растворялись его же ровесники с той, другой, белоэмигрантской стороны, Л. Ржевский в другом своем тексте — докладе на тему «Национальная культура и эмиграция», прочитанном на расширенном совещании издательства «Посев» в сентябре 1952 г. в Лимбурге, — скажет о так называемых «мансардных эмигрантах», чья культура глубоко провинциальна и неизбежно стремится к «консервации» и «затуханию» [Ржевский, 1952, с. 8–9]. о весьма критическом настрое эмигрантов второй волны по отношению к своим русским предшественникам в Европе на примере споров вокруг издания «молодого журнала» «Опыты» подробно пишет О. А. Коростелев, цитируя высказывания В. Завалишина, Б. Филиппова, С. Максимова, в которых они, эмигранты военного времени, почти в унисон осуждают «архаический» и старомодный вкус редакторов Р. Н. Гринберга и В. Л. Пастухова [Коростелев, с. 426–427].

В свою очередь и писатели первой эмиграции не питали иллюзий насчет эмигрантов новой формации, появившихся в Европе после войны. Их не могло не задевать то, что новоэмигранты были приняты Западом с распростертыми объятиями, что им были «обеспечены симпатии либеральной интеллигенции» [Струве, с. 257], что «в материальном смысле новая эмиграция оказалась скорее в преимущественном положении: ее наиболее квалифицированным элементам не пришлось идти в шоферы, рабочие автомобильных заводов, железнодорожные контролеры, маляры» [Там же], что, наконец, «к ее услугам оказалось Издательство имени Чехова — предприятие такого масштаба, о каком довоенная эмиграция могла только грезить» [Струве, с. 258].

«Вторая эмиграция ни одного писателя, кроме Вас, не дала», — пишет своему корреспонденту Леониду Ржевскому в 1970 г. Гайто Газданов. Затем ироничный и острый на язык Газданов прибавляет целый пассаж: «Впрочем, насчет второй эмиграции я ошибся, прошу прощения. На радиостанции “Свобода” в русской редакции работает еврей небольшого роста <...> страдающий манией преследования, манией величия и комплексом неполноценности» (письмо от 30 ноября 1970 г.) [Газданов, с. 241]. Разумеется, этот шаржированный портрет, созданный Газдановым, есть не что иное, как пародия на среднестатистического дипийца.

По-видимому, и то, и другое эмигрантское сообщество не очень хорошо представляло действительный опыт (не только творческий, но и жизненный) своих оппонентов. И все-таки эти два звена одной генерации русских писателей, рожденных на рубеже веков и прошедших разный, но одинаково тяжелый путь

становления как в Европе, так и в советской России, — встретились. Встретились после Второй мировой войны на территории новой послевоенной Европы, а потом и Америки. И это был единственный вариант их реальной встречи во времени, ибо с теми писателями, которые продолжили общий строй ровесников по ту сторону советской границы (Л. Гинзбург, Н. Заболоцкий, Ю. Олеша, А. Платонов, Л. Чуковская, В. Шаламов и многие-многие другие), встреча (в смысле человеческих устойчивых контактов, сотрудничества, дружеских связей), как мы знаем, так и осталась невозможной.

Соединение двух крыльев, двух звеньев, двух частей расколотого надвое поколения — проблема громадная и непростая, по сути дела — проблема времени. Внимательные и склонные к анализу литераторы первой эмигрантской волны почти два десятилетия, до самой войны непрерывно подводили баланс обеим русским литературам XX в. Мнений по этому вопросу накопилось множество, но два из них стоит привести, ибо они как нельзя более точно характеризуют в том числе и то своеобразное равновесие сил, что сложилось внутри одного и того же поколения русских писателей по разные стороны советской границы.

Первое высказывание принадлежит З. Гиппиус. В своем докладе «Русская литература в изгнании» на одном из собраний «Зеленой лампы» она, сравнивая «неблагоприятные условия» существования литературы в эмиграции и литературы в России, сделала вывод: «...между нами нерушимая связь. <...> По тому же предмету нам задан судьбой один урок — им другой. Вот и все» [цит. по: Терапиано, с. 311]. Второе замечание — из книги Р. Гуля «Одвуконь. Советская и эмигрантская литература». В преамбуле к своей книге критических статей и заметок о русской литературе автор вспоминает устаревшее слово «одвуконь» (из Даля: ехать двуконь или одвуконь, верхом, с подручной или запасной лошадью) [Гуль, с. 3]. Этим словом, вынесенным в заглавие книги, Р. Гуль определяет форму существования всей русской послереволюционной словесности: «После большевистского переворота русская литература пошла одвуконь. Часть ее осталась в своей стране, а часть выбросилась на Запад, в свободные страны, став русской эмигрантской литературой. Так — одвуконь — русская литература жила полвека» [Там же]. Повторим, что оба суждения можно применить к судьбе того литературного поколения, о котором идет речь в нашей статье. Конечно, молодые люди почти одного возраста, начавшие писать по разные стороны советской границы, сталкивались с разной реальностью и преодолевали разные препятствия, но их первоначальный энергетический импульс был единым, ведь они оставались детьми одной эпохи и одной национальной истории, хоть и сложились их личные и творческие судьбы в разных социальных, территориальных и ментальных сферах.

Думается, было бы небезынтересно рассмотреть, как именно общие характерологические черты поколения, названного В. Варшавским «незамеченным», проступают в литературном творчестве тех его представителей, которые оказались вынесены на Запад второй волной эмиграции и которым, выражаясь языком З. Гиппиус, был задан «другой» жизненный урок.

Вторая волна эмиграции так же, как и первая, отнюдь не была однородной в возрастном и идейном смысле. Здесь оказались те, кого можно было бы причислить к писателям старшего и среднего поколения первой волны эмиграции (Д. Кленовский, Н. Нароков, Б. Ширяев), а также те, кто был или почти был ровесником Октября (О. Анстей, И. Елагин, С. Максимов, В. Марков, Н. Моршен, В. Юрасов). Что касается возрастной группы «незамеченных», к ней можно отнести Г. Андреева (Хомякова), Ю. Иваска, Л. Ржевского, И. Сабурову, Н. Ульянова, Б. Филиппова. Характерно, что многие представители этой генерации Ди-Пи быстро вошли в контакт и нашли общий язык со своими ровесниками из первой волны, занявшими к тому времени ключевые позиции в русском эмигрантском сообществе. Более других, возможно, это относится к проживавшим до войны в Прибалтике И. Чиннову и Ю. Иваску, никогда, собственно говоря, не порывавшим с эмигрантскими писателями и эмигрантскими периодическими изданиями; к Б. Филиппову, ставшему сотрудником Издательства имени Чехова и начавшему профессионально сотрудничать с Г. П. Струве; к Л. Ржевскому и Г. Андрееву (Хомякову), осевшим на какое-то время в Европе и включенным в русско-эмигрантскую общественно-политическую и издательскую деятельность.

Возьмем в качестве примера письма Г. Газданова, в то время (1950–1960-е гг.) редактора русской службы радио «Свобода» в Мюнхене, писателю Леониду Ржевскому. Быть может, своим давним знакомым — Г. Адамовичу, Р. Гулю, В. Вейдле Газданов писал более глубокие, более направленные в сторону литературы и философии письма, но никому из них он не писал столь живо, с таким количеством шуток и вопросов, причем вопросов, так сказать, экстралитературного, т. е. чисто житейского, человеческого характера. Учитывает Г. Газданов и «советское» прошлое своего корреспондента — советская действительность, политика, язык становятся неиссякаемым резервуаром для его острот. Вообще, на фоне писем Г. Газданова к другим его адресатам, «своим», но в то же время занимающим устойчивое положение во внутриэмигрантской табельной иерархии, видно, что с Ржевским у него сложился совершенно особый язык общения, причем общения накоротке, дружеского, допускающего и рассказы о планах на лето, и жалобы на жизнь, и высказывания о третьих лицах, и маленькие приписки жены в конце письма.

В том же дружеском доступном тоне касается Г. Газданов в своих письмах Л. Ржевскому и Р. Гулю и еще одного имени — имени Геннадия Андреевича Хомякова, известного под литературным псевдонимом Геннадий Андреев. Приведем некоторые из этих строк: «Но *Андрееву* (здесь и далее — курсив мой. — *Ю. М.*) пришла в голову гибельная мысль — напечатать в том же номере ПЬЕСУ — можете себе представить? И чью? Старухи Берберовой» [Газданов, с. 214]; «Я написал *Андрееву*, что буду слезно Вас просить о спасении» [Там же, с. 215]; «*Геннадий Андреевич*, дай ему Бог здоровья, любитель литературных салатов...» [Там же]; «Был недавно в Вашем любимом Мюнхене, где грустит бедный *Геннадий*..!» [Там же, с. 218]; «...а мы продолжаем мирно

жить в Европе, *Хомяков* работает в русской редакции, удовольствия от этого не получает, но вместе со Степуном, которого терзает тщеславие, собирается выпускать еще один номер “Мостов”» [Газданов, с. 220]; «Видели недавно в Венеции *Хомяковых*, старик рассказывает о Вашей даче, конечно, на берегу озера» [Там же, с. 221]; «*Хомяков* ничего, держится, и все норовит издавать “Мосты”, хотя денег нет. Я этого бескорыстного энтузиазма понять не могу, хотя одобряю» [Там же]; «В нашей программе намечена серия под условным названием “дневник писателя”. Мы предполагаем привлечь к участию в ней Вас, Адамовича, Вейдле, *Хомякова*, может быть еще Иваска» [Там же, с. 225]; «Как *Хомяков*? Как “Мосты”»? [Там же, с. 229]; «Тысячу лет ничего не знаю о *Геннадии Андреевиче*» [Там же, с. 238].

Даже из этих небольших эпистолярных фрагментов можно судить о сфере деятельности Геннадия Андреевича Андреева (Хомякова): сотрудничал на радио «Свобода», длительное время редактировал альманах «Мосты». Кроме того (указаний на это уже нет в письмах Газданова), был известен как деятель Народно-трудового союза российских солидаристов (НТС), входил в редколлегию «Нового журнала», какое-то время был главным редактором журнала «Возрождение». Литературное творчество Г. Андреева (Хомякова) состоит из рассказов и очерков, в большинстве своем — автобиографического характера. Это, прежде всего, четыре очерковых книги: «Соловецкие острова» (1950), «На стыке двух эпох. Из воспоминаний» (1954), «Трудные дороги» (1959), «Минометчики» (1975–1978), а также целый ряд рассказов: рассказы, вошедшие наряду с циклом «На стыке двух эпох» в книгу «Горькие воды. Очерки и рассказы» (1954) и несколько других, опубликованных в разных эмигрантских изданиях.

Газданов, как мы помним, среди писателей «второй эмиграции» назвал только Л. Ржевского, однако не Ржевский, а именно Г. Андреев в своей документально-биографической прозе наиболее последовательно воспроизвел жизнь своего поколения с ее «советской» стороны: тюрьма и лагерь («Соловецкие острова» и «Трудные дороги»), участие в процессе советского строительства и производства («На стыке двух эпох. Из воспоминаний»), наконец, солдатская участь во время войны — фронт, плен, немецкие концлагеря («Минометчики»). Отметим, что эти три тематических пласта (лагерный — производственный — военный), охваченные Г. Андреевым, удивительно коррелируют с тем автодокументальным следом, что вполне отчетливо ощутим в литературе «молодой» белой эмиграции: Гражданская война, деклассированное существование в чужой стране, участие в Сопротивлении или пребывание во французской армии и немецком плену. И в том, и в другом случае речь идет о поколении людей, которое изначально оказалось выбито, вырвано из привычной системы ценностей, вообще из мира какой-либо социальной определенности — вырванные с корнем (de l’émigré au déraciné), как назовет их швейцарская исследовательница А. Морар [Morard]. «Смысловая перепланировка» (Ю. Тынянов) мира для представителей этого поколения обернулась «смысловой перепланировкой» собственной жизни, причем перепланировкой вовсе не произвольной, но строго предопределенной

масштабом исторических событий, которые разметили одинаковыми вехами общую траекторию поколенческого движения.

Как и для большинства его пишущих сверстников из первой русской эмиграции, для Геннадия Андреева главным делом творческой жизни стало создание «литературы свидетельства» в полном и буквальном смысле этого слова. В этом нет ничего удивительного, ведь событийный и эмоциональный багаж подобных человеческих судеб чаще всего просто не оставлял места чистому вымыслу. Поэтому, собственно, мы и сочли возможным рассмотреть автобиографическую прозу Г. Андреева в контексте «свидетельств» «сыновей» эмиграции.

Первый, изначальный круг испытаний, пройденных Г. Андреевым, отразился в двух его очерковых книгах — «Соловецкие острова» (1950) и «Трудные дороги» (1959). Но если многие представители младшего поколения первой эмиграции стали «преждевременными воинами» Гражданской войны [Цуриков, с. 46], то Г. Андреев оказался в 1927 г. «преждевременным» политзаключенным советской тюремно-лагерной системы. Дата рождения писателя, очевидно, так и осталась доподлинно неизвестной (разные источники называют год его рождения в интервале от 1904 г. до 1911 г.; М. Е. Бабичева, автор наиболее полного на сегодняшний день очерка жизни и творчества Г. Андреева, указывает, что «по одним источникам это — 1909 г., по другим — 1910 г.» [Бабичева, с. 48]), однако тексты Г. Андреева, причем разные, дают возможность эту дату скорректировать: в эпизоде допроса в следственном изоляторе («Соловецкие острова») чекист спрашивает автобиографического героя Андреева: «вам ведь тоже 18?», и тот «утвердительно кивает головой» [Андреев, 1950, с. 58–59]. Но в Соловецком лагере герой к тому времени находится примерно год, следовательно — попал он сюда, а тем более под следствие, не позднее семнадцати лет. Подтверждается возраст героя на момент его ареста и начала большого лагерного пути в очерке «Северная робинзонада» («Трудные дороги»): здесь он сообщает о себе, что отсидел три года и теперь он, «двадцатилетний юноша», говорит с неожиданным напарником по карантину «как умудренный опытом и остывший старик» [Андреев, 1959].

Интересно, что точно так же, как, например, герой Г. Газданова Коля Соседов среди бойцов бронепоезда «Дым» («Вечер у Клер»), или как герой В. Андреева среди солдат миллеровской армии («История одного путешествия»), герой Г. Андреева, оказавшийся в Соловецком лагере особого назначения, благодаря своему возрасту имеет как бы особый статус — повсюду младшего, не отягощенного прошлым, не имеющего нравственных кривизн, неискушенного, но при этом пронзительно-тонкого наблюдателя. Повествуя о своей камере, семнадцатилетний герой «Соловецких островов» намеренно редуцирует на фоне других заключенных собственную персону: «Шестой в камере — я, но обо мне и речь молчит: я еще слишком молод, чтобы считать себя за равного другим жителям камеры» [Андреев, 1950, с. 47]. Сам герой — *tabula rasa*, но другие обитатели камеры и просто лагерные знакомые — люди пожившие, что-то из себя представляющие, имеющие послужной список и скопившие резерв знаний

и впечатлений. Все они охарактеризованы кратко, но очень полновесно: прошлое, портрет, черты характера, манера поведения. (Андреев вообще мастерски создает такие экспресс-портреты.) Больше других героя Г. Андреева, по существу мальчишку, привлекают такие персонажи, в которых он видит наставников или же отыскивает внешне романтический, привлекательный для себя идеал. Так, особую роль в соловецкой судьбе героя играет профессор Стрешнев — живая энциклопедия и неутомимый просветитель, а в нечеловеческих условиях лесозаготовок — так и просто настоящий спаситель. «Много помог» «на первых порах», «вытащил с общих работ, устроил в канцелярию» бывший эсер Шевелев. Огромное впечатление производят бывший большевик, друг Ленина и Троцкого, монументальный Кожевников и бывший офицер царской армии Сливинский. Однако взгляд героя на этих людей тоже предопределен возрастом: во многих из них он впоследствии разочаровался или ошибся. Шевелев оказывается на поверку — как бросает одна из заключенных — «подлым сексотом», Сливинский становится предателем, а внешнее величие Кожевникова переходит в подлинное сумасшествие: «летом 1929 года Кожевников, окончательно сойдя с ума, напишет манифест, в котором объявит себя “соловецким королем Иннокентием I и дарует всем заключенным свободу”» [Андреев, 1950, с. 53]. Таким образом, история взаимоотношений со старшими лагерниками становится для персонажа Г. Андреева суровой жизненной школой, оправдавшей и заповедь-императив Шевелева («Себе не верь, понимаешь? Никому не верь!»), и философский вердикт Кожевникова («Раньше говорили, что тюрьма или закаляет, или развращает людей. <...> Для нашего времени это неверно. Тогда тюрьма была исключением, теперь везде тюрьма. Сейчас люди не закаляются и не развращаются, а обнажаются») [Там же, с. 51].

Конечно, взрослые, так сказать «настоящие» лагерники составляют главный контекст соловецкой жизни героя Г. Андреева, в котором он ежедневно существует и постепенно учится жизни, однако это не весь его круг. Его душа, не смирившаяся с заключением, заставляет мечтать о побеге, а значит — консолидироваться с такими же, как и он, молодыми, несмирившимися людьми. И это другая, тайная ипостась его существования: «Я продолжаю работать, жить, как все, но я живу двойной жизнью: вторая проходит внутри, в исступленных мечтах о побеге». Причем мечте этой, этой надежде отнюдь не мешает ясное осознание того, что «с проклятых Соловков, окруженных морем, за всю историю лагеря не убежал ни один человек» [Андреев, 1950, с. 52]. Так возникает дружба с двумя студентами — Синицыным и Петровым, так возникает план создания большой конспиративной организации. Старшие все понимают, но бездействуют, молодежь, как и любая молодежь во все времена, пытается активно протестовать: «Нас в Соловках — десять тысяч. Разве четыреста человек удержат нас?» [Там же, с. 51]. Не важно, что побег не удается, и сам герой оказывается из-за него на волосок от гибели, в глубине души он до конца своего соловецкого заключения так и не смирится с тем, что «большой и малый разврат, доносы, сплетни, подсиживание друг друга и слежка одного за другим, мелочная и жестокая борьба

за место даже под хмурым соловецким небом липкими и крепкими тенетами опутывает нас» [Там же, с. 50].

Герой Г. Андреева максималист, максималист в силу своего возраста. Он готов на риск, ибо верит в свободу, верит в себя, в жизнь. Вспомним, как бежал за границу в 1925 г. сосланный в Нарымский край И. Болдырев (Шкотт), автор повести «Мальчики и девочки»; как бежал сначала в армию Миллера, а потом из Марселя и Константинополя на Кавказ старший сын Л. Н. Андреева, поэт и писатель В. Андреев; как бежал из дома в армию Юденича прозаик Л. Зуров; как бежал из Галлиполийских лагерей в Константинополь, будучи солдатом белой армии, писатель Г. Газданов; как бежала через половину России вместе с матерью и сестрами двенадцатилетняя З. Шаховская; как бежал через границу с отцом почти в подростковом возрасте другой писатель — В. Яновский; как бежал из Петербурга в Крым вместе с братом Сергеем юный В. Набоков. Вообще тема бегства — бегства из тоталитарной страны, из неволи, а потом — из рутины и косности бытия — станет для этого поколения эмигрантских авторов сквозной и необыкновенно устойчивой. Их герои унаследуют авантюрно-свободолюбивую позицию своих создателей, и тоже будут непременно бежать, стремиться к свободе, к тому, чтобы вырваться из застенков тюрьмы или из духоты быта.

Что же касается темы побега в творчестве Г. Андреева, то она, возникнув в книге о Соловках, займет центральное, сюжетообразующее место в книге «Трудные дороги», хронологически продолжающей повесть о судьбе автора и его автобиографического персонажа. В какой-то мере это будет повторение истории лермонтовского Мцыри, убежавшего из монастыря на волю, в «мир тревог и битв» и принесенного обратно умирать. У Г. Андреева герой бежит из лагпункта Пионерный и, совершив головокружительное путешествие через горы, побыв «в своей воле» несколько недель, возвращается обратно снова в арестантском вагоне, возвращается лишь для того, чтобы дождаться своего смертного приговора. Та же лермонтовская романтическая контрастная основа — несвобода, навязанная людьми, и зов природы, сулящий освобождение: «Всюду я приглядывался: нельзя ли уйти? Страсть к воле, к чему-то другому, сидела в крови, ее не заглушить»; «а горы светят, как гибнущему в море маяк» [Андреев, 1959, с. 34]. Смертельно опасной схватке с барсом лермонтовского героя в тексте Г. Андреева подобна схватка с «каменным хаосом» гор, среди которых едва не погибли два бежавших лагерника. Примечательно, что герой книги Г. Андреева совершает наконец свой удачный побег именно тогда, когда этот поступок наименее мотивирован реальными обстоятельствами: в лагпункте Пионерном он проводит свой лучший за время заключения год, так как здесь, вдали от большого лагеря, царит относительная демократия и отсутствуют все те жестокие вещи, которые делали жизнь заключенных невыносимой. Этот побег — скорее всего зов души, «старый зов», как именует его автор.

Из всех очерково-автобиографичских книг Г. Андреева «Трудные дороги», безусловно, самая романтическая, не случайно предшествуют книге гордые слова Э. Хемингуэя из повести «Старик и море»: «Человек не рожден для поражений.

Его можно убить, но не победить. Человек побеждает всегда». Читая «Трудные дороги», можно вспомнить не только М. Ю. Лермонтова, но и Д. Дефо (первый очерк так и называется — «Северная робинзонада»), и рассказы Д. Лондона (тема испытания человека суровой северной природой звучит как заглавная в очерках «В своей воле», «В куликовом царстве», где два беглеца преодолевают немыслимой тяжести северную дорогу). Присутствуют в «Трудных дорогах» и знаменитые «карточные» сюжеты: в главе «Неожиданное осложнение» Хвощинский, напарник главного героя в побеге и, как выясняется, заядлый карточный игрок, проигрывает «туземцам» общие деньги. Вторая часть книги, где повествуется о трагическом финале побега, о тюрьме, которая окончательно смыкает над героем свои своды, заставляет припомнить всю «тюремную классику» мировой литературы. Однако не только ее, не только известные всем произведения В. Гюго, Стендаля, А. Дюма, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова. Тема ожидания смертного приговора, неотвратимой и очень скорой, но все равно непредсказуемой гибели, тема ужаса перед реальностью уничтожения собственной личности сближает последние очерки «Трудных дрог» с такими текстами ровесников Г. Андреева и представителей первой волны эмиграции, как рассказы И. Савина, «Приглашение на казнь» В. Набокова, тюремный дневник Б. Вильде.

Подобно Цинциннату Ц., подобно И. Савину и Б. Вильде, герой Г. Андреева проживает свой собственный опыт «смертника»: после того как их, бежавших зеков, привезли туда, откуда был совершен побег, а дело отправили в Москву, «жить осталось месяца три, не больше». Эти три месяца, проведенные, правда, не в одиночке, а в камере с двумя такими же обреченными, имеют, как психологически достоверно показывает Г. Андреев, свою динамику: сначала рассказы о прошлом, ожесточенные споры, потом — практически полное молчание, полное отсутствие каких-либо желаний, полная замкнутость каждого на себе, на мысли о том, что вот-вот должен из Москвы дойти приговор. Приведем достаточно большую, но очень яркую цитату — слова, которые словно продолжают отрывочные мысли Цинцинната Ц. или такие же отрывочные записи Б. Вильде:

> Как будет здесь? Придут ночью, — это черное дело требует ночной тьмы, — выведут, поведут в лес... Только подумаешь — судорожно сожмется сердце, обольется горячей кровью, тело затопит нестерпимая тоска. Я не хочу умирать!
>
> Я убеждаю себя, стыжусь своего страха. Чем я лучше тысяч и миллионов ушедших этой же дорогой и тех, кто еще уйдет по ней? Моя судьба — только крошечная частица общей судьбы, это наше общее несчастье, мы все растворяемся в нем. Но разве те, ушедшие, не сжимались в таком же страхе? Они тоже не хотели умирать. И в этом нельзя слиться с другими, раствориться в толпе. Это ведь последнее, что есть у тебя и что отделяет тебя от всех, так, что ты один среди многих. Разве стыден страх перед тем, что у тебя хотят отнять жизнь? Разве преступно желание жить? Может, оно когда-то где-то становится преступным, но только не тут, не в этой камере.
>
> Представляя, как это произойдет, иногда я боюсь, что не выдержу в последний момент, закричу, как кричат другие, буду биться, потеряю сознание. Смогу ли я управлять своим телом, приказать, чтобы оно выдержало до конца, до того, как я услышу неуловимый миг начала выстрела? В это время я еще буду жить. Мне хочется,

чтобы я выдержал, устоял: до конца. Но зачем? Что за забота? Кто увидит, как меня убьют, перед кем сдерживаться, перед кем геройствовать? Перед профессиональными убийцами, давно потерявшими человеческий образ, которых ничем не удивить? Перед самим собой? Но меня ведь больше не будет!.. [Андреев, 1959, с. 148]

Понимая свою обреченность, герой Г. Андреева, как и герой В. Набокова Цинциннат Ц., как узник тюрьмы Френ Б. Вильде, чтобы сделать свое ожидание выносимым, начинает в какой-то момент писать:

Я в эти дни городил мир своих выдумок и с головой уходил в него. В канцелярии были литературные журналы, — я писал фантастические рассказы, статьи, письма, и через одного из работников бухгалтерии отсылал их в редакции журналов. Одной стороной сознания я отчетливо знал, что ничего из этого не может быть напечатано: написанное не подходило к времени, оно отвергало его. Но я не слушал эту сторону сознания. Я старался всерьез верить, что посылаемое будет обсуждаться и печататься. И я, вслед за моими письмами и пакетами, выходил из стен тюрьмы, переносился в редакции, ходил по улицам Москвы и Ленинграда, — тюрьмы и того неизбежного, что было передо мной, больше не было. Может быть, я обманывал себя, надеясь, что от меня останется след не только в архивах НКВД? [Андреев, 1959, с. 132]

Однако самое удивительное в этой истории то, что героя Г. Андреева, в отличие от Цинциннata Ц., в отличие от Б. Вильде, именно его «писательство» действительно спасает: среди написанных им фантазий было и заявление в Президиум ЦИК СССР, отправленное в Москву кем-то из вольнонаемных. Герой забыл о нем, но чудо свершилось — из Москвы пришла бумага, и не приговор, а напротив, амнистия — пропуск на волю. Освобождение Цинциннata Ц., освобождение Б. Вильде состоялось лишь в мистическом смысле — как освобождение духа от тенет плоти и тяжести жизни, освобождение же юного лагерника Г. Андреева произошло в буквальном смысле. И все-таки философско-лирический пассаж автора во Вступлении к книге словно заранее приподнимает и символизирует это событие, расширяя его границы и значение почти до такой же метафизики: «...задолго до урочного часа я живу тайным предчувствием освобождения» [Андреев, 1956, с. 7]. Ясно, что и в жизни, и в литературном творчестве «освобождение» стало для писателя словом-символом, каким являлось оно для Б. Вильде, для В. Набокова, для многих писателей — их ровесников. Вспомним, что В. Варшавский, завершая свою книгу о «незамеченном поколении» и сравнивая «атмосферу литературы поколения эмигрантских сыновей» с той атмосферой, которая пришла ей на смену в произведениях новой эмиграции, в качестве знака общности, знака внутреннего единения выбирает и называет книгу эмигранта Ди-Пи М. М. Корякова «Освобождение души»: «...не к этой ли последней цели, только в других условиях и борьбе с другими препятствиями, были направлены и усилия эмигрантских сыновей?» [Варшавский, 1956, с. 372–373].

Следующий этап своей судьбы, тот, что начался после чудесного выхода из лагеря, Г. Андреев воспроизвел в книге «На стыке двух эпох. Из воспоминаний». По сути дела, из всех очерковых книг Г. Андреева она одна посвящена

мирной гражданской жизни, которая наступила, наконец, для автора между лагерем и войной. Вот ее краткий сюжет: выйдя из «преисподней», герой Г. Андреева выбирает для проживания «маленький город на юго-востоке страны», приходит в себя, устраивается на работу — лесопильный завод, директор которого, тоже совсем молодой человек и бывший беспризорный Непоседов, становится его другом. Но Непоседова переводят в другое место, герой, оставшись один, всеми правдами и неправдами вновь пытается выжить, найти работу, на что его «волчий билет» (лагерное прошлое) почти не оставляет надежды. В поисках правды он приезжает в Москву, где снова встречается с Непоседовым, теперь уже директором лесопильного завода в одном из городов Подмосковья. Так герой вторично обретает почву под ногами и становится правой рукой Непоседова на предприятии.

С этого момента авантюрно-приключенческий роман из сталинских времен уступает место советскому производственному роману, где главная тема — труд и борьба за показатели, а герои раскрываются непосредственно в этой борьбе. У Г. Андреева в его очерках тоже именно так. Его герой вместе с Непоседовым и другими производственниками охвачен лихорадкой энтузиазма и желания превратить свое предприятие, которое систематически недовыполняло план, в предприятие передовое, только вот средства, которыми они действуют, совсем не общепопулярны в советской стране. Прежде всего, это введение новой «прогрессивной» оплаты труда, переоборудование завода, создание позитивной рабочей атмосферы. Люди на заводе Непоседова начинают получать двойную зарплату, для них строится добротное жилье, проводится большой воскресный праздник, на заводе вводится в эксплуатацию новый котел, а в результате — предприятие не только справляется с планом, но и перевыполняет его, и все это, как настойчиво показывает автор, не благодаря системе социалистического управления, а вопреки ей. Чтобы всего этого достичь, Непоседов и его ближайшие сподвижники (принадлежит к числу которых и автобиографический герой) мастерски «обходят» букву закона в пользу своих же трудящихся и общего дела. Можно сказать, что в образе Непоседова показан идеальный управленец сталинского времени, но, как ни парадоксально, управленец антисталинской природы. И это был, как нас убеждает автор, далеко не единичный случай. Один из очерков книги так и называется: «Антикоммунисты строят коммунизм». Механизм и природу этого феномена Г. Андреев детально показал, как показал и еще одну вещь — «бессистемную систему» социалистического хозяйствования, в которой есть надрыв, но нет элементарной производственной логики. Помимо печальной участи поднятого было Непоседовым и опять «убитого» лесопильного завода, много внимания в книге уделено критике лесной промышленности при большевиках, абсурдности ее устройства: «Всюду две стороны, два лица, ведь государство существует не ради своих граждан, а ради строительства социализма» [Андреев, 1954, с. 120].

Конечно же, книга очерков «На стыке двух эпох» с ее производственной тематикой, с ее экскурсами в область технологий и экономики, с ее простым

построением и незамысловатыми названиями глав и отдельных очерков напрямую связана с советской действительностью 1930-х гг., а также с советской производственной прозой, пусть даже эта связь и осуществляется посредством отталкивания, в результате чего получается своеобразный жанр — производственный роман наоборот. В любом случае это — если вновь оглядываться на культурный контекст первой волны русской эмиграции — как раз тот материал, та проблема, тот стиль, которые были категорически невозможны для писателей-эмигрантов довоенного времени. Ровесники Г. Андреева за рубежом тоже писали о своем эмигрантском труде, часто тяжелом, часто заводском, писали о разнообразных профессиях, которые им пришлось освоить, но все это никогда не становилось магистральной темой их творчества. Советские романы о темпах труда и колхозах они всячески высмеивали, ведь им-то самим интересней всего был человек, а не его производительный труд и не производство как таковое. И все-таки, как ни покажется эта мысль парадоксальной, и герой «производственных» очерков Г. Андреева, и многочисленные герои «молодой» эмигрантской литературы имеют одну несомненную общность. Эта общность — их асоциальное положение, их маргинальность на фоне устойчивого и чуждого бытия. Как и герои Г. Газданова, Б. Поплавского, В. Набокова, Н. Берберовой, В. Яновского, В. Варшавского, В. Андреева, В. Емельянова, автобиографический герой Г. Андреева находится во внутренней оппозиции по отношению к миру внешнему, будь то мир чуждой буржуазной Европы (у них) или мир чуждого социализма (у него).

Третий, завершающий круг испытаний, отразившийся в прозе Г. Андреева, — Вторая мировая война. Началом войны в Советском Союзе, событиями ее первых месяцев заканчивается книга «На стыке двух эпох». о собственной участи солдата на войне написана самая большая книга Г. Андреева — «Минометчики». В этих свидетельствах «о времени и о себе» много невероятно интересных фактов, бытовых и психологических подробностей, останавливаться на которых в пределах нашей темы нет возможности. Отметим лишь наиболее для нас важное — идейно-нравственную позицию, занимаемую автором. Она не проста и не типична для «советской» военной прозы, зато вполне соотносима с позицией многих поучаствовавших в войне его сверстников-эмигрантов.

В подавляющем большинстве молодые русские эмигранты первой волны вели себя во время Второй мировой войны как убежденные антифашисты и — после нападения на СССР — патриоты своей бывшей далекой родины. Однако мера, а главное, качество этого патриотизма были разными. Кто-то проникся по отношению к Советской России новым уважением, восхищением настолько, что посчитал возможным взять, в конце концов, советский паспорт (А. Андреев, А. Ладинский, Б. Сосинский, Ю. Софиев). Кто-то, как, например, В. Варшавский, во время войны, наоборот, ощутил опасность приближения давно покинутого советского мира с его неистребимой агрессией по отношению к человеку. Кто-то, как Г. Газданов, несмотря на интерес к советским людям и сочувствие бежавшим военнопленным, несмотря на вполне определенную и очень деятельную

патриотическую позицию, так никогда и не склонился на сторону советской власти, не стал лоялен по отношению к советскому режиму.

Точно так же и для Г. Андреева выработка собственной точки зрения на войну, а главное, понимание своего места в ней изначально предстают как сложная проблема. Пожалуй, гораздо бóльшая, нежели для его сверстников-эмигрантов, ведь положение его радикально иное. Так, уже в конце книги «На стыке двух эпох», когда вся атмосфера жизни наполняется ощущением надвигающейся катастрофы (немцы вот-вот подойдут к Москве, в которой начинается повальная эвакуация и повсеместная паника), автор пытается дать объективную картину умонастроений людей. То и дело его герой выслушивает свидетельства очевидцев, которые рассказывают, как, отступая, Красная армия, невзирая на мольбы людей, уничтожает и «склады богатейшие», и «посевы», как происходит само отступление — «фронта нет: немцы то впереди, то сбоку, то сзади» [Андреев, 1954, с. 193]. Один из «партийцев» констатирует: «На фронте кабак, армии сдаются в плен... Если с умом, сейчас всю Россию можно занять без особого труда: защитников нашего строя нет» [Там же, с. 198]. Однако не все так просто. Это понимает герой-повествователь, это понимают и другие персонажи — его случайные собеседники и попутчики. Никто из них не готов радоваться Гитлеру, никто из них не хочет остаться, чтобы сдаться на милость победителей.

Сюжетом военной судьбы Г. Андреева организована его последняя очерковая книга «Минометчики». Будучи после лагерей «белобилетником» по здоровью, герой-повествователь в 1942 г. все-таки попадает в армию и проходит все возможные испытания, связанные с войной: учебные лагеря, участие в обороне Керченского полуострова, пребывание в подземельях Джимушкая, плен, череда немецких концлагерей, переправка в Норвежский центральный лагерь советских военнопленных, «шпионская школа» под Берлином, уход из нее. Каждый из этих этапов изображен подробно, и каждый содержит прямую или косвенную критику советского режима, советского порядка (в трактовке Г. Андреева — только беспорядка), советской идеологии, советской военной тактики и стратегии. Однако при всем том автор-повествователь не идет в ряды РОА, не остается в специальной разведшколе под Берлином, не присягает Гитлеру. Ему неприятны предатели и противны фашистские прислужники — «внутренняя лагерная полиция». Он вообще не знает, как быть, так как ему хочется «поражения двух диктаторов, а не нашей страны» [Андреев, 1976, с. 106–107]. Он вовсе не пораженец, но и патриотизм его советским не назовешь.

Подводя итог, можно сказать, что в своей очерково-автобиографической прозе Г. Андреев, как и «сыновья» эмиграции, стремился отразить взгляд на мир отдельного человека, человека далекого от общественных идей и общепринятых штампов как одной, так и другой крайности, сформированного и детерминированного лишь собственным тяжелым жизненным опытом и собственным мирочувствованием. Всегдашний герой-повествователь Г. Андреева — это и есть тот «внутренний человек», романтический и экзистенциальный, который был столь дорог писателям-первоэмигрантам младшего поколения. Не случайно

мир ощущений и воспоминаний, мир тоски, сомнений и предчувствий для него такой же родной, как для героев В. Варшавского, Г. Газданова, В. Набокова, Б. Поплавского. Конечно, творчество Г. Андреева лишено изысканности стиля, неуловимо-европейского налета и неуловимо-глубокой философичности большинства его европейских ровесников (советское прошлое и в манере писать дает о себе знать), но напор жизненной правды и человеческого чувства, как и у них, в его текстах многое искупает, делая их ненапрасными.

Андреев Г. Соловецкие острова // Грани. 1950. № 8. С. 42–90.

Андреев Г. На стыке двух эпох. Из воспоминаний // Андреев Г. Горькие воды. Очерки и рассказы. Франкфурт-на-Майне : Посев, 1954. С. 9–209.

Андреев Г. Трудные дороги. Мюнхен : Т-во Зарубежных Писателей, 1959.

Андреев Г. Минометчики // Новый журнал. 1975. № 119, 120; 1976. № 122, 123, 125; 1977. № 126, 127, 128; 1978. № 131, 133.

Бабичева М. Е. Геннадий Андреевич Андреев (Хомяков) // Бабичева М. Е. Писатели второй волны русской эмиграции : биобиблиогр. очерки. М. : Пашков дом, 2005. С. 47–74.

Варшавский В. С. Незамеченное поколение. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1956.

Газданов Г. И. Письма Л. Д. и А. С. Ржевским // Газданов Г. И. Собр. соч. : в 5 т. Т. 5 : Письма. Полемика. Современники о Газданове. М. : Эллис Лак, 2009. С. 204–261.

Гуль Р. Одвуконь. Советская и эмигрантская литература. Нью-Йорк : Мост, 1973.

Коростелев О. А. Журнал-лаборатория на перекрестке мнений двух волн эмиграции: «Опыты» (Нью-Йорк, 1953–1958) // Коростелев О. А. От Адамовича до Цветаевой: Литература, критика, печать Русского зарубежья. СПб. : Изд-во им. Н. И. Новикова : Галина скрипсит, 2013. С. 423–436.

Ржевский Л. Д. Национальная культура и эмиграция. Франкфурт-на-Майне : Посев, 1952.

Ржевский Л. Д. Между двух звезд. М. : Терра. Спорт, 2000.

Струве Г. П. Русская литература в изгнании. Париж : YMCA-Press ; М. : Рус. путь, 1996.

Терапиано Ю. К. Встречи: 1926–1971. М. : Intrada, 2002.

Цуриков Н. Дети эмиграции: обзор 2400 сочинений учащихся в русских эмигрантских школах на тему «Мои воспоминания» // Дети эмиграции: Воспоминания : сб. ст. / под ред. В. В. Зеньковского. М. : Аграф, 2001.

Morard A. De l'émigré au déraciné. La "jeune generation" des écrivains russes entre identité et esthétique (Paris, 1920–1940). Lausanne : L'age d'homme, 2010.

Статья поступила в редакцию 22.09.2016 г.

Матвеева Юлия Владимировна
доктор филологических наук, профессор
кафедры русской литературы XX и XXI в.
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: julia-matveeva@yandex.ru

Matveeva, Yulia Vladimirovna
Dr. Hab. (Philology), Associate Professor
Chair of Russian Literature of the 20th and 21st Century
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
E-mail: julia-matveeva@yandex.ru

GENERATION GONE "*ODVUKON*": LITERARY HERITAGE OF G. ANDREEV (KHOMYAKOV) IN THE CONTEXT OF THE CREATIVE FATE OF THE "YOUNG" WRITERS OF THE FIRST WAVE OF RUSSIAN EMIGRATION

The article makes an attempt to expand the boundaries of the long-established idea of the "unnoticed generation" of Russian émigré writers by comparing the fates and literary works of émigré "sons" and their contemporaries from Soviet Russia, and in this case — the ones who came to the West during World War II. The author focuses on the creative work of G. A. Andreev (Khomyakov), who consistently reproduced the life of his generation in its Soviet manifestation in his documentary and autobiographical prose: prisons and camps; the participation in the Soviet construction and production; the fate of a soldier during the war. The three thematic layers (camp — production — military) almost completely overlap with the overriding blocks of the auto-documentary plot that is recurrent in the works of "young" writers of white emigration: the Russian Civil War; declassed existence in a foreign country; participation in the Resistance. Referring to the content and thematic levels, the author points out the traits of generational unity in the works of G. Andreev (Khomyakov) and many representatives of the "young" literature of the first wave of emigration.

K e y w o r d s: G. A. Andreev (Khomyakov); second wave of emigration; unnoticed generation; émigré "sons"; autobiographical prose.

Andreev, G. (1950). Solovetskie ostrova [Solovetsky Islands]. *Grani*, 8, 42–90. (In Russian)

Andreev, G. (1954). Na styke dvukh epoch. Iz vospominaniy [At the Turn of the Epoch. From Memoirs]. In G. Andreev, *Gorkie vody. Ocherki i rasskazy* [Bitter Waters. Essays and stories] (pp. 9–209). Frankfurt am Main: Posev. (In Russian)

Andreev, G. (1959). *Trudnye dorogi* [Difficult Roads]. München: Tovarishchestvo zarubezhnykh pisateley. (In Russian)

Andreev (Khomyakov), G. (1975, 1976, 1977, 1978). Minometchiki [Mortar Men]. *Novyy zhurnal, 119–120, 122–123, 125–128, 131, 133*. (In Russian)

Babicheva, M. E. (2005). Gennadiy Andreevich Khomyakov. In M. E. Babicheva, *Pisateli vtoroy volny russkoy emigratsii: biobibliograficheskie ocherki* [Writers of the Second Wave of Russian Emigration: Bibliographic Essays] (pp. 47–74). Moscow: Pashkov dom. (In Russian)

Varshavsky, V. S. (1956). *Nezamechennoe pokolenie* [The Unnoticed Generation]. New York: Izdatelstvo imeni Chekhova. (In Russian)

Gazdanov, G. I. (2009). Pisma L. D. i A. S. Rzhevskim [Letters to L. D. and A. S. Rzhevsky]. In G. I. Gazdanov, *Sobranie sochineny* [Collected Works] (Vols. 1–5). (Vol. 5, pp. 204–261). Moscow: Soglasie. (In Russian)

Gul', R. (1973). *Odvukon. Sovetskaia i emigrantskaia literatura* [Odvukon. Soviet and Émigré Literature]. New York: Most. (In Russian)

Korosteliov, O. A. (2013). Zhurnal-laboratoria na perekriostke mneniy dvukh voln emigratsiy: «Opyty» (New York, 1953–1958) [A Laboratory- Magazine at the Crossroads of the Views of the Two Waves of Emigration: "Experiments" (New York, 1953–1958)]. In O. A. Korosteliov, *Ot Adamovicha do Tsvetaevoy: literatura, kritika, pechat' Russkogo zarubegiia* [From Adamovich to Tsvetaeva: Literature, Criticism, Russian Press Abroad] (pp. 423–436). Saint Petersburg: Izd-vo im. N. I. Novikova; Galina skripsit. (In Russian)

Morard, A. (2010) De l'émigré au déraciné. La "jeune generation" des écrivains russes entre identit et esthétique (Paris, 1920–1940) [From Émigré into the Uprooted. The "Young Generation" of Russian Writers between Identity and Aesthetics (Paris, 1920–1940)]. Lausanne: L'age d'homme. (In French)

Rzhevsky, L. D. (1952). *Natsional'naya kul'tura i emigratsiya* [National Culture and Emigration]. Frankfurt am Main: Posev. (In Russian)

Rzhevsky, L. D. (2000). *Mezhdu dvukh zvezd* [Between Two Stars]. Moscow: Terra. Sport. (In Russian)

Struve, G. P. (1996). Russkaia literatura v izgnanii [Russian Literature in Exile]. Paris: YMCA-Press; Moscow: Russky put'. (In Russian)

Terapiano, Yu. K. (2002). Vstrechi: 1926–1971 [Meetings: 1926–1971]. Moscow: Intrada. (In Russian)

Tsurikov, N. (2001). Deti emigratsii: obzor 2400 sochineny v russkikh emigrantskikh shkolakh na temu «Moi vospominania» [Émigré Children: A Review of 2400 Students Works of Russian Émigré Schools on the Topic "My Memories"]. In V. V. Zenkovsky, *Deti emigratsii: Vospominania: Sbornik statei* [Émigré Children: Memories: Collected Articles]. Moscow: Agraf. (In Russian)

Received on 22 September, 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.4.068
УДК

А. В. Антошин
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ: ПОКОЛЕНИЕ УЧАСТНИКОВ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В. В РОССИИ И ЭМИГРАЦИИ

Статья посвящена поколению участников Освободительного движения конца XIX — начала XX в. Цель данной статьи — проанализировать специфику психологических и ценностных установок той генерации интеллигенции, представители которой являлись активными участниками русских революций. В основе методологических установок автора данной статьи лежат подходы, характерные для «новой интеллектуальной истории». Источниками для написания статьи послужили личные письма представителей этого поколения русской интеллигенции, хранящиеся в Гуверовском архиве войны, революции и мира (Стэнфорд, США), Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), Русском архиве Лидса (Великобритания). Кроме того, использованы воспоминания представителей этой группы русской интеллигенции. На основе проведенного исследования сделан вывод о том, что данное поколение в ментальном плане было «людьми XIX в.», болезненно переживавшими крушение идеалов их молодости в XX в. Участвуя в российском освободительном движении, являясь депутатами Государственной думы и членами парламентской оппозиции, они пытались создать новую Россию. Они до конца жизни сохранили верность демократическим принципам, ценностям свободы личности и прав человека. Большинство из них осознавало, что советское государство было авторитарным политическим проектом, поддержанным многими простыми людьми. Они понимали, что глобальные тенденции развития цивилизации в XX в. оказались гораздо более сложными, чем им представлялось ранее. Вместе с тем, некоторые представители этого поколения к концу жизни смогли осознать ошибки, которые были допущены ими в борьбе за демократическое развитие России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русская интеллигенция; Освободительное движение; русская эмиграция; русская революция; Россия и Европа.

В 1954 г. в Нью-Йорке вышли в свет мемуары известного общественного деятеля Русского Парижа, в дореволюционной России — одного из лидеров партии кадетов В. А. Маклакова. к тому времени ему уже было за 80, это был человек уходящей в прошлое эпохи. В этих мемуарах он очень точно высказался о своих ровесниках, тех, кто, как и сам В. А. Маклаков, были символами этой эпохи: «То поколение, которое сейчас вымирает, а начинало жить активной жизнью во время Освободительного движения, своими юными годами близко подходило к эпохе Великих реформ» [Маклаков, 2006, с. 7].

© Антошин А. В., 2016

Действительно, В. А. Маклаков принадлежал к той генерации российской интеллигенции, которая формировалась в условиях пореформенной России последней трети XIX в. По своей психологии большинство из них относилось к «людям XIX века», с их верой в прогресс, в возможность преобразования общества на основе реализации определенной идеологической схемы. Вышедшие из XIX в., они были позитивистами, и сохраняли веру в принципы этой философии на протяжении всей своей долгой жизни, даже когда гносеологический потенциал позитивизма стал подвергаться критике всеми.

Как известно, анализ мировоззрения русской интеллигенции конца XIX — начала XX в. был предпринят еще в знаменитых сборниках статей «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918). Их авторы П. Б. Струве, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк и др. не раз обращались к этой теме и позднее, уже в условиях эмиграции [Франк; Струве, 1923; Бердяев]. Бесспорно, с «веховской» интерпретацией русской интеллигенции многие представители этого поколения были не согласны. Оппоненты «Вех» объединились на страницах сборника «Интеллигенция в России», одним из вдохновителей которого был П. Н. Милюков. Поколению П. Н. Милюкова и Н. А. Бердяева была суждена долгая жизнь. Им, сформировавшимся в XIX в., довелось быть участниками российских революций, пережить две мировые войны. Они стали одновременно творцами и жертвами эпохи Великих потрясений. Многие из них ушли из жизни вдали от России. Каким было их восприятие меняющегося мира? Претерпели ли их взгляды какую-либо эволюцию под влиянием катаклизмов эпохи? На эти вопросы и пытается ответить автор данной статьи.

Выросшие в пореформенной России, представители этого поколения были прямыми продолжателями традиций русской интеллигенции XIX в. Позднее видная участница Освободительного движения А. В. Тыркова заметит: «Подземное революционное горение отражалось на жизни всех думающих людей: и тех, кто разжигал огонь, и тех, кто старался его потушить...Чтобы понять русскую действительность за последнее столетие, надо помнить об этом непрестанном, жгучем, неудержимом, мятежном беспокойстве» [Тыркова-Вильямс, с. 213]. Атмосфера русской действительности, ставший уже традиционным конфликт власти и общества во многом определяли психологию тех русских интеллигентов, кто в 1880–1890-е гг. только вступали на путь общественной деятельности. Стоя за университетской кафедрой или состоя в коллегии адвокатов, работая в провинциальной гимназии или в органах земского самоуправления, эти люди воспроизводили определенные стереотипы мышления и модели поведения, присущие их кругу.

Бесспорно, это поколение не было абсолютно однородным. к нему относились люди, принадлежавшие к различным группам русской интеллигенции, воспитанные в разной культурной среде. Далеко не все разделяли идеи преклонения перед народом, которые были характерны для разночинцев и народнической интеллигенции XIX в. Упомянутый выше В. А. Маклаков был типичным представителем той либеральной дворянской интеллигенции, которая критически

воспринимала революционную идеологию. к простому народу такие люди относились «без признаков высокомерия, не считали его “быдлом”, обреченным оставаться внизу» [Маклаков, 2006, с. 24]. По замечанию В. А. Маклакова, они «в себе ценили культуру и образованность, и в этом видели свое заслуженное преимущество; не хотели это преимущество хранить для себя одних, считали долгом государства передавать его всем остальным, но не признавали и своей вины перед народом, не считали, что необразованные люди призваны Россию за собой вести» [Там же]. Тем не менее, для многих участников Освободительного движения идеи служения русской интеллигенции народу продолжали оставаться актуальными.

Значительная часть представителей этого поколения восхищались технологическим прогрессом европейской цивилизации в XIX в., ее экономической мощью, считали безальтернативными те демократические ценности и институты, которые сформировались в странах Запада. В литературе уже исследовался вопрос о влиянии европейской культуры в дореволюционной России, о восприятии стран Запада в общественном сознании россиян в этот период. На наш взгляд, можно во многом согласиться с тезисом исследователя В. В. Аверьянова, отмечающего, что до революции «русская мысль в определенном смысле отталкивалась от чужого исторического материала, факты европейской истории значили для нее не меньше, а зачастую больше, чем факты отечественной истории» [Аверьянов, с. 2].

Действительно, долгое время российские правоведы опирались прежде всего на опыт конституционного развития стран Запада, а политики, говоря о перспективах модернизации России, постоянно проводили параллели, используя факты из истории европейских революций XVII–XIX вв. Тем не менее, несмотря на то, что поездки в страны Запада на отдых, лечение, стажировку и т. д. были для дореволюционной российской интеллигенции обычным делом, в теоретических дискуссиях о западной политической культуре наблюдалось немало элементов схематизации, искусственных концептуальных конструкций. Те принципы конституционализма, свободы и неприкосновенности личности, о которых полемизировали российские политики и публицисты эпохи Освободительного движения, зачастую имели характер идеальных философских схем. Далеко не все из участников дискуссий имели четкое представление о механизмах реализации этих конструкций на практике. Прав, на наш взгляд, был известный русский философ, протоиерей Георгий Флоровский, заметивший впоследствии: «Для многих Европа действительно стала “второй родиной”. Можно ли сказать, однако, что Запад у нас знали?! Образ Европы воображаемой или искомой слишком часто заслонял лик Европы действительной» [Флоровский, с. 513].

Период взросления этого поколения в значительной степени пришелся на 1880-е гг., эпоху Александра III и К. П. Победоносцева. Хорошо известна та оценка морально-психологической атмосферы этого периода, которую дал А. А. Блок. Но и всегда отличавшийся взвешенностью В. А. Маклаков полагал, что власть в те годы имела цель «формировать новую породу людей».

В гимназиях «душили у учеников интересы», «забивали молодые мозги тем, что им неинтересно и совершенно не нужно» [Маклаков, 2006, с. 34, 44]. Результат, как мы видим, оказался прямо противоположный: именно это поколение и дало России целую плеяду видных революционеров.

Выйдя из гимназий эпохи Александра III нонконформистами, очень многие представители этого поколения приняли участие в студенческом движении 1890-х гг. Характерно, что этого не избежали и те, кто позднее отнюдь не относился к революционерам. Даже у тех, кто не разделял идею насильственного свержения существующего строя, вызывало отторжение желание власти ликвидировать всякие элементы самоуправления, игнорировать стремление молодежи участвовать в общественной жизни. Как заметила А. В. Тыркова, «власть подводила под общее понятие неблагонадежности всех, кто позволял себе слишком откровенно высказываться о народных нуждах или критиковать правительство» [Тыркова-Вильямс, с. 240]. к студенческим волнениям оказались причастны, например, будущий лидер проправительственной фракции русских националистов в Государственной думе граф В. А. Бобринский или тот же В. А. Маклаков. Некоторые из этих людей, близко познакомившись с революционной средой, испытывали от нее отторжение. Многим русским интеллигентам претил дух нетерпимости, свойственный революционным кружкам, аксиоматичность мышления их лидеров. Бесспорно, впрочем, что не следует и преуменьшать влияние революционных идей на русских интеллигентов этого поколения. Неслучайно уже в 1909 г. П. Б. Струве в «Вехах» напишет о «максимализме» русской интеллигенции начала XX в [Струве, 1990, с. 161].

Из университетов выходила интеллигентская молодежь, в значительной степени готовая к тому, чтобы влиться в ряды участников Освободительного движения. Это движение стало символом русской оппозиции начала XX в. Первая русская революция 1905 г., противостояние думской оппозиции и правительства П. А. Столыпина, «штурм власти» времен Первой мировой войны — все эти события были этапами той борьбы, которую вело данное поколение русской интеллигенции. В предреволюционной России эта борьба часто героизировалась в общественном сознании, однако победа оппозиции в 1917 г. была пирровой. Большинство лидеров Освободительного движения оказались не на высоте положения, не смогли справиться с задачей управления Россией, заменив ту самую «историческую власть», которую они столько лет критиковали. Это было осознано самими представителями этого поколения очень быстро. Уже в 1918 г. в знаменитом сборнике «Из глубины» П. И. Новгородцев напишет: «Что касается русского общественного сознания в его господствующих течениях, то ему принадлежит печальная роль той разрушительной силы, которая в борьбе с догматизмом старых основ отвергла и вовсе конкретные и реальные основы истории, заменив их отвлеченной пустотой начал безгосударственности, безрелигиозности и интернационализма» [Новгородцев, с. 216].

Важно и то, что в 1917 г. представители Освободительного движения не смогли защитить свои идеалы. Многие из них пассивно смотрели на то, как

происходит ликвидация демократических институтов и становление большевистской диктатуры. Не принадлежавший к этому поколению, более молодой А. А. Угримов с возмущением писал о ситуации осени 1917 г.: «Все эти образованные интеллигенты обратились тогда в обывателей, забились в щели и пассивно ожидали... В этой пассивности можно усмотреть корни малодушия, предопределившие их судьбу... Обычно клеймят незаконно захватывающих власть, но велика ответственность тех, кто слабо держит и не отстаивает, не защищает законную власть в самые жгучие моменты истории» [Угримов, с. 450].

Такая позиция значительной части русской интеллигенции привела к тому, что большевикам удалось одержать победу в Гражданской войне. Лидеры Освободительного движения оказались в эмиграции. Оглядываясь назад, они все более критически оценивали свою прежнюю общественную деятельность. По мнению В. А. Маклакова, проблемой Освободительного движения было то, что оно «оказалось слишком равнодушно к той грани, которая должна была бы отделять эволюцию государства от бедствий всякой революции» [Маклаков, 2006, с. 256]. Нашла в себе силы признать ошибки оппозиции и другая ее активная участница, А. В. Тыркова. В написанных в эмиграции мемуарах старая деятельница русского либерализма подчеркивала: «Слепоте правительства отвечала слепота оппозиции... Оппозиция считала, что самодержавие навязано народу, что оно держится только полицейскими мерами... В интеллигенции было упрямое нежелание понять мысли противника, вдуматься в правительственную политику» [Тыркова-Вильямс, с. 243].

В 1920–1930-е гг. деятели Освободительного движения пытались выступать в качестве политических лидеров Русского зарубежья, вели бесконечную полемику на страницах эмигрантских газет и журналов. Однако эмигрантская молодежь, представители так называемого «незамеченного поколения», все более отворачивались от них. Выросшая на чужбине русская молодежь раз за разом повторяла в адрес «стариков» те обвинения, которые бросил им А. А. Угримов.

Сближал «стариков» и эмигрантскую молодежь антикоммунизм, который постепенно становился естественным ядром идеологии наиболее политически активной части Русского зарубежья. Успехи коммунистического руководства СССР в ходе индустриализации 1930-х гг., одержанная в 1945 г. победа над Германией не заставили многих старых русских интеллигентов кардинально изменить свою позицию. Они по-прежнему полагали, что большевики лишили Россию шанса на построение демократического государства, которое бы обеспечило наибольшие возможности для самореализации человеческой личности.

Однако, Вторая мировая война вызвала среди русских эмигрантов и всплеск патриотизма, пробудила надежды на то, что на покинутой ими Родине произошли существенные изменения по сравнению с периодом революции 1917 г. и Гражданской войны. Символом поворота части старой интеллигенции к сотрудничеству с советской властью стал знаменитый визит группы эмигрантов во главе с В. А. Маклаковым в 1945 г. к советскому послу во Франции Богомолову. При этом сам В. А. Маклаков подчеркивал, что в тот момент он надеялся

на серьезную трансформацию политического режима в СССР, и только это побудило его пойти на данную встречу. Более того, В. А. Маклакову в тот момент казалось, что эволюция советского политического режима уже стала фактом. И здесь ему, как и некоторым его ровесникам, виделась аналогия с развитием политических процессов в пореформенной России. В 1945 г. некоторым представителям этого поколения показалось, что они вновь переживают тот процесс обновления России путем реформ, который наложил отпечаток на формирование их мировоззрения в юности. В. А. Маклаков в целом ряде писем этого периода подчеркивал, что советская власть, подобно самодержавию, еще будет сопротивляться, но трансформация режима, скорее всего, необратима. Однако старый либерал выступал за то, чтобы не повторять ошибок Освободительного движения. Прежде всего, он считал, что недопустимо призывать к новой революции, поскольку в таком случае Россию ждал выбор «из двух зол»: «Либо либеральное правительство, как в Феврале, и Россию расчленят и разбазарят соседи и союзники. Или такое же диктаторское правительство, но не коммунизм, а нечто вроде легитимистов, фашистов и вообще всех тех людей, которые здесь (во Франции. — *А. А.*) радовались победе Германии» [HIA, Vasilii Maklakov papers, Box 2, Folder "M. Aldanov. 1945". В. А. Маклаков — М. Алданову, 25.05.1945]. Оба эти варианта были неприемлемы для старого общественного деятеля, поэтому он предпочитал медленную эволюцию политического режима в СССР.

Многие старые соратники русского либерала не разделяли позиции В. А. Маклакова. Характерно письмо, написанное ему А. В. Тырковой летом 1945 г. Ариадна Владимировна подчеркивала: при всем уважении к В. А. Маклакову она считала, что тот слишком оптимистичен в оценке степени развития советского общества. «Можно ли считать Россию, — восклицала она, — которая четверть века недоедает и ходит в рваных сапогах, более богатой, чем та Россия, которую мы знали? Можно ли мерить просвещение страны только количеством грамотных, а не качеством образования?». Более того: она полемизировала с тезисом о преемственности старой России и Советского Союза, который был весьма распространен у части эмиграции. А. В. Тыркова указывала: «Советская власть не старые приемы управления воскресила, а сочинила неслыханную, беспощадную, жестокую деспотию. Нельзя ее даже с царствованием Иоанна Грозного сравнить. Тогда народ оставили в покое. Колхозы всех обездолили и обесправили. Ничего подобного мы с Вами при "царизме" не знали. Мы не знали страха, этого дьявольского изобретения советской власти» [BAR, A. Tyrkova-Williams collection, Box 2, Folder "Maklakov V. A.", А. В. Тыркова-Вильямс — В. А. Маклакову, 11.06.1945].

Некоторым старым русским интеллигентам линия В. А. Маклакова представлялась политическим предательством, забвением тех идеалов свободы и демократии, которым всю жизнь служил и он сам. Однако, несмотря на все разногласия по вопросу об отношении к советской власти, сохранялось ощущение принадлежности старых общественных деятелей к одной политической

культуре Освободительного движения. Это чувствовал известный писатель М. А. Алданов, заметивший в письме В. А. Маклакову: «Все-таки и Вам, надеюсь, тяжело было бы разрывать ту немалую идейную связь, которая 25 лет существовала — в известных пределах — между русскими политическими группами "от кадетов до эсеров". Как-никак, за этими идеями вековая русская традиция» [HIA, Vasilii Maklakov papers, Box 2, Folder "M. Aldanov, 1945", М. А. Алданов — А. А. Титову, 11.06.1945]. В рамках этой традиции, той политической культуры, которую олицетворяло собой Освободительное движение, так или иначе продолжали оставаться те, кого война развела по разные стороны баррикад. Читая их переписку, чувствуешь, что именно в рамках данной политической традиции они и продолжали вести свою полемику в эмиграции.

Те эмигрантские общественные деятели, которые вместе с В. А. Маклаковым отправились в 1945 г. на прием к Богомолову, стремились доказать, что развитие именно этой традиции естественным образом привело их к сотрудничеству с Советским Союзом. Они пытались сформировать представление о том, что путь, по которому более 100 лет шла русская интеллигенция, в 1945 г. должен был привести ее старых лидеров в здание посольства СССР на улице Гренель. Старые русские интеллигенты доказывали, что эволюция Советского Союза идет в направлении реализации принципов подлинной демократии при обеспечении социально-экономических прав граждан, а именно этими идеалами всегда было пронизано Освободительное движение. Таким образом, получалось, что Советская власть в процессе своей эволюции в какой-то степени пришла к тому идеалу, за который боролась русская оппозиционная общественность конца XIX — начала XX в.

Совершенно очевидно, что такая интерпретация характера советской политической системы могла удовлетворить далеко не всех представителей эмигрантской интеллигенции. Многие из тех старых русских интеллигентов, которые в прошлом ориентировались на ценности Освободительного движения, очень сомневались в том, что его идеи были реализованы И. В. Сталиным. Именно поэтому в дни победного для их Родины мая 1945 г. В. А. Маклаков и его соратники видели свою миссию в том, чтобы развеять эти сомнения. Выход в свет статьи В. А. Маклакова под названием «Советская власть и эмиграция» стал переломной вехой в истории попытки компромисса между Русским зарубежьем и советской властью. Он пытался доказать, что весь дух, вся атмосфера жизни советского общества гораздо более нацелена на рождение подлинного народовластия, чем строй жизни западных демократий: «Как бы мы ни смотрели на советскую власть, какие у нас основания думать, что она, порожденная сама Революцией, хочет воспитать в человеке "раба"? Зачем же тогда эта власть кладет так много усилий на распространение просвещения в народных низах? Всякое просвещение не подавляет, а укрепляет сознание и претензии личности... Бесправные люди, "рабы", не могут существовать без "рабовладельцев"; воспитывать рабов можно только, одновременно воспитывая и породу их повелителей. Так было в рабовладельческой дворянской России...

Подобного воспитания мы не найдем в Советской России. В ней нет “господ”, “белой кости”» [Маклаков 1945].

Однако, очень быстро выяснилось, что Советский Союз все-таки не стал тем воплощением подлинного народовластия, о котором мечтали старые русские интеллигенты, а стремление превратить идею «советского патриотизма» в инструмент влияния СССР вызвало отторжение у многих лидеров Русского зарубежья. Весьма характерно высказывание по этому поводу старого деятеля Освободительного движения, бывшего члена ЦК партии кадетов князя В. А. Оболенского. В письме своему ровеснику, старому эсеру В. М. Зензинову, в январе 1946 г. он подчеркивал: «Я лично очень мрачно смотрю на происходящую сейчас в России эволюцию. Подъем патриотизма, который мог при благоприятных условиях послужить цементом для демократизации советского строя, по-видимому, иначе использовался советской властью. Подменив в выдыхавшемся коммунизме Интернационал вновь возникшим национализмом, она создает из России новое фашистское государство с соответствующей внешней политикой» [BAR, Vladimir M. Zenzinov collection, Box 6, Folder “Correspondence. N-R”, В. А. Оболенский — В. М. Зензинову, 07.01.1946].

В итоге честного компромисса Русского зарубежья и советской власти не получилось. Уже с конца 1940-х гг. почти все активные политики Русского зарубежья вновь оказались в антикоммунистическом лагере.

Постепенно все большее внимание старых русских интеллигентов стала привлекать ситуация в странах Запада, где они доживали свой век. «Люди XIX в.», они констатировали духовный и политический кризис западной цивилизации в XX в. Одним из проявлений этого кризиса, по их мнению, было стремление многих представителей общественности стран Европы отмежеваться от тех принципов, на которых основывалась цивилизация Запада в XIX в. Впрочем, как справедливо отметил Н. А. Бердяев, зачастую этот поворот был вызван неверным пониманием сущности самого XIX в., излишней его схематизацией. Фактически критики XIX в. сами отстаивали идеи, созданные в то столетие. Именно оно (прежде всего его вторая половина) во многом породила тенденции этатизма, антииндивидуализма и т.д. [Бердяев, с. 289]. В XX в. они были лишь доведены до своего логического завершения и вульгаризованы.

Весьма любопытна, на наш взгляд, сделанная Ф. А. Степуном попытка сопоставить XIX и XX вв., показать специфику нового столетия, принесшего миру две мировые войны и господство тоталитарных режимов. Известный публицист Русского зарубежья отмечал, что в XX в. произошло «качественное перерождение самого понятия зла». Зло XIX в., писал он, было лишь «неудачей добра», злом, «еще знавшим о своей противоположности добру». В XX в., считал Ф. А. Степун (и вместе с ним многие представители его поколения), была ликвидирована грань между Добром и Злом: «Типичные люди XX века мнят себя, по Ницше, “по ту сторону добра и зла”. Это совсем особые люди, бесскорбные и не способные к раскаянию» [Степун, с. 280]. На наш взгляд, это высказывание

русского философа представляет собой очень интересный вариант «антропологического измерения» кризиса Запада.

В общественном сознании стран Запада в середине XX в. кризис переживали идеи свободы, а также политических и гражданских прав личности. Как с тревогой отмечал все тот же Н. А. Бердяев, XX в. стал эпохой торжества силы, «враждебной пафосу личности, ненавидящей индивидуальность, желающей подчинить человека безраздельной власти общего, коллективной реальности, государству, нации» [Бердяев, с. 321]. Тоталитаризм умело воспользовался разочарованием в абсолютности тех базовых ценностей, которые сформировались в эпоху буржуазных революций в Европе и Америке. Эту ситуацию особенно тяжело переживали старые русские либералы. Указывая, что мировые катастрофы XX в. изменили сознание людей, А. В. Карташев отмечал: «Что казалось бесспорнее для “нашего” XIX в. примата свободы и достоинств человеческой личности? А вот, подите же. Не только целые партии разных “освободителей” и тысячи журналистов, еще вчерашних ницшеанцев и анархо-индивидуалистов, но и сами корифеи метафизики свободы спешат за толпой на услужение к пришедшему молоху коллективизма» [Карташев, с. 1] . Главной причиной этого он считал господство идей материализма над идеализмом, поскольку для материалистов главное — наличие эмпирически обоснованных выводов: «Тиранический, тотальный коллективизм оказался продуктивнее» [Там же]. Однако, представители Освободительного движения и в этой ситуации продолжали отстаивать идеалы своей молодости. В 1947 г. М. А. Алданов подчеркивал в одном из писем, что принципы демократии «у меня до конца моей жизни ни малейших сомнений вызывать не будут» [HIA, Boris I. Nicolaevsky collection, Ser. 248, Box 471, Folder 20, М. Алданов — Б. Николаевскому, 03.01.1947].

Уже в межвоенный период выявилась слабость традиционной концепции прав человека, недооценка ею социально-экономических проблем, которые с развитием общества становились все острее. Ее критика продолжалась и в 1940–1950-е гг., что болезненно воспринималось старыми русскими интеллигентами, чьи взгляды формировались в условиях господства традиционной схемы. Известная участница Освободительного движения Е. Д. Кускова с грустью описывала, как над ней — «человеком старой, ушедшей в вечность эпохи» — смеялись те, кто считал, что «чтобы очаровать современного человека улицы, нужно говорить не о свободах, а о “праве на работу”, на отдых, на образование. Она же справедливо указывала, что без соблюдения политических и гражданских прав социально-экономические права представляют собой фикции [Кускова].

1940-е гг. стали и периодом нового всплеска эсхатологических настроений. Часть старых русских интеллигентов высказывала мнение, что моральное разложение западной цивилизации ставит весь мир на грань пропасти. Так, Д. Звегинцов писал в 1947 г. своему товарищу по Императорскому Александровскому лицею Е. В. Саблину: «Темные силы охватили весь мир. Человечество полно зависти, жадности, ревности, недоброжелательства. Люди живут в страхе

и заботах лишь о хлебе насущном. Как будто человек принадлежит только к миру животному» [LRA, MS 1285/1382]. Преклонный возраст, которого достигли люди этого поколения к моменту окончания Второй мировой войны, состояние их здоровья только усиливали эти настроения.

В 1950–1960-е гг. поколение участников российских революций уходило из жизни. Кто-то смог переосмыслить прежние идеалы, отказался от идеализации «своего» XIX в. и жесткого противопоставления эпохи своей молодости новому столетию. Некоторые старые русские интеллигенты осознали, пусть и с большим опозданием, ошибки своего поколения. Князь В. А. Оболенский незадолго до своей смерти написал своей ровеснице графине С. В. Паниной: «Ваши мысли о XIX веке демократическом и о XX-м диктаториальном (так в тексте. — *А. А.*) не вполне разделяю. В XIX в. Европа страдала эгоцентризмом и свою идеологию распространяла на весь мир. А мир с подавляющим большинством населения был и тогда антидемократичен. В XX веке история из европейской стала мировой. И тогда обнаружилось, что деспотии всех видов не менее жизненны, чем демократии» [BAR, Sofiia V. Panina collection, Box 4, Folder "Obolenskii V. A.", В. А. Оболенский — С. В. Паниной, 12.05.1951]. При этом он подчеркивал: «Пока мы живы, мы останемся сторонниками демократии. к сожалению, мы слишком поздно поняли, хотя и чувствовали это всю нашу жизнь, что антиномию между свободой и справедливостью может победить только любовь. С надеждой на эту победу я и ухожу из этого мира» [Ibid.].

Таким образом, представителям Освободительного движения принадлежит особое место в российской истории. Сформировавшись в XIX в., они оказались на переломе эпох. На их глазах рушился тот мир, в котором они выросли. И Россия, и мир в целом вступили в совершенно новую эпоху, которая развивалась по законам, отличным от моделей XIX в., при этом само данное поколение во многом стало творцом этого перелома. Однако в новом мире этому поколению оказалось жить очень неуютно. Представители Освободительного движения до конца своей жизни продолжали верить в то, что было подвергнуто жесточайшей критике в XX в. Им довелось увидеть крушение их прежних идеалов и осознать, что ни Россия, ни мир в целом не пойдут по тому пути, который казался безальтернативным лидерам Освободительного движения.

Источники

BAR. Sofiia V. Panina collection. Box 4. Folder "Obolenskii V. A.".
BAR. A. Tyrkova-Williams collection. Box 2. Folder "Maklakov V. A."
BAR. Vladimir M. Zenzinov collection. Box 6. Folder "Correspondence. N-R".
HIA. Vasilii Maklakov papers. Box 2. Folder "M. Aldanov. 1945".
HIA. Boris I. Nicolaevsky collection. Ser. 248. Box 471. Folder 20.
LRA. MS 1285.

Исследования

Аверьянов В. В. Проблема традиции в русской философии XX века (Русское Зарубежье) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2000.

Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М. : Книга, 1991.

Карташев А. Болезнь совести // Свободное слово. Париж, 1946. № 1. С. 1–2.

Кускова Е. Над чем смеются Клековкины? // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1948. 8 февраля. С. 2.

Маклаков В. А. Советская власть и эмиграция // Русские новости. Париж, 1945. 25 мая. С. 1.

Маклаков В. А. Воспоминания. Лидер московских кадетов о русской политике. 1880–1917. М. : Центрполиграф, 2006.

Новгородцев П. И. о путях и задачах русской интеллигенции // Из глубины : сб. ст. о русской революции / предисл. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 204–220.

Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. СПб. : Рос. христ. гуманитар. ун-т, 2000.

Струве П. Б. Познание революции и возрождение духа // Русская мысль. Париж, 1923. № 6–8. С. 3–20.

Струве П. Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М. : Новое время, 1990. С. 156–174.

Тыркова-Вильямс А. В. Воспоминания. То, чего больше не будет. М. : Слово, 1998.

Угримов А. А. Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту. М. : Мемориал, 2004.

Флоровский Г., протоиерей. Пути русского богословия. Париж : ИМКА-Пресс, 1983.

Франк С. Л. Из размышлений о русской революции // Русская мысль. Париж, 1923. № 6–8. С. 21–39.

Статья поступила в редакцию 15.08.2016 г.

Антошин Алексей Валерьевич
доктор исторических наук,
профессор кафедры востоковедения
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: alex_antoshin@mail.ru

Antoshin, Alexey Valeryevich
Dr. Hab. (History), Professor
Chair of Oriental Studies
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
E-mail: alex_antoshin@mail.ru

RUSSIAN INTELLIGENTSIA AT THE TURN OF EPOCHS: LIBERATION MOVEMENT PARTICIPANTS OF THE LATE 19th — EARLY 20th CENTURIES IN RUSSIA AND ABROAD

This article is devoted to the generation of the Liberation Movement participants in Russia in the late 19th — early 20th centuries. The author seeks to analyse the peculiarities of the psychological and value attitudes of the said generation of Russian intellectuals who were the main participants of the Russian revolutions. The methodology of the research is based on the principles of new intellectual history. The analysis relies on personal letters of Russian intellectuals kept at the Hoover Institution Archive on War, Revolution and Peace (Stanford, USA), Bakhmeteff Archive Research at Columbia University (New York, USA), Leeds Russian Archive

(Leeds, United Kingdom). The author also uses some memoirs of these intellectuals. He concludes that the mental attitudes of this generation were rooted in the 19th century and it was deeply affected by the collapse of its youth's ideals in the 20th century. Participating in the Russian Liberation Movement, being deputies of the State Dumas and members of the parliamentary opposition, they were trying to create a new Russia. They continued to believe in democratic values and human rights throughout their whole life. But the majority of them realised that the Soviet state was an autocratic political project supported by many ordinary people. And they understood that global trends of development of the 20th century civilization were much more complex than they had thought before. At the end of their life, they understood the mistakes in their struggle for democracy in Russia.

K e y w o r d s: Russian intellectuals; Liberation Movement; Russian diaspora; Russian revolution; Russia and Europe.

Averianov, V. V. (2000). *Problema traditsii v russkoy filosofii XX veka (Russkoe Zarubejie)* [The Issue of Tradition in the Russian Philosophy of the 20th Century. (Russian Abroad)] (doctoral dissertation abstract). Moscow: Moscow State University. (In Russian)

Berdyaev, N. A. (1991). *Samopoznanie (Opyt filosofskoy avtobiographii)* [Self-cognition (An Experience of a Philosophical Autobiography)]. Moscow: Kniga. (In Russian)

Florovsky, G. (1983). *Puti russkogo bogoslovia* [Ways of Russian Theology]. Paris: IMKA Press. (In Russian)

Frank, S. L. (1923). Iz razmyshleniy o russkoy revolutsii [Some Observations on the Russian Revolution]. *Russkaya mysl, 6–8,* 21–39. (In Russian)

Kartashev, A. V. (1946). Bolezn sovesti (Disease of Conscience). *Svobodnoe Slovo, 1*, 1–2. (In Russian)

Kuskova, E. D. (1948, February 8). Nad chem smeyutsya Klekovkiny? [What Are the Klekovkins Laughing at?]. *Novoe Russkoe Slovo*, 2 (In Russian)

Maklakov, V. A. (1945, May 25). Sovetskaja vlast i emigratsia [Soviet Power and Emigration]. *Russkie novosti*, 1 (In Russian)

Maklakov, V. A. (2006). *Vospominania* [Memoirs]. Moscow: Poligraphresursy. (In Russian)

Novgorodtsev, P. I. (1990). O putyah i zadachah russkoy intelligetsii [On Ways and Tasks of Russian Intelligentsia]. In M. Kolerov, & N. S. Plotnikov (Introd.), *Iz glubiny. Sbornik statey o russkoy revolutsii* [From the Depth. A Collection of Articles on the Russian Revolution] (pp. 204–220). Moscow: Moscow University Publishing. (In Russian)

Stepun, F. A. (2000). *Byvshee i nesbyvsheesya* [The Things that Happened and Those that Never Did]. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian University. (In Russian)

Struve, P. B. (1923). Poznanie revolutsii i vozrojdenie duha [The Understanding of Revolution and the Rebirth of the Spirit]. *Russkaya mysl*, 6–8, 3–20. (In Russian)

Struve, P. B. (1990). Intelligentsia i revolutsia [Intelligentsia and the Revolution]. *Vehy. Digest of articles on Russian intelligentsia*, 156–174. (In Russian)

Tyrkova-Williams, A. V. (1998). *Vospominania* [Memoirs]. Moscow: Slovo. (In Russian)

Ugrimov, A. A. (2004). *Iz Moskvy v Moskvu cherez Parij i Vorkutu* [From Moscow to Moscow via Paris and Vorkuta]. Moscow: Memorial. (In Russian)

Received on 15 August, 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.4.069
УДК

А. М. Меньщикова
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Т. А. Снигирева
1) Уральский федеральный университет
2) Институт истории и археологии УрО РАН
Екатеринбург, Россия

ПОЭТИЧЕСКОЕ ПОКОЛЕНИЕ В ОСМЫСЛЕНИИ АННЫ АХМАТОВОЙ

В статье предпринята попытка аналитического описания темы поэтического поколения в творчестве Анны Ахматовой. Предлагаемое исследование учитывает методологию и методику анализа литературного поколения, предложенную в свое время В. С. Варшавским, характеризуя те уровни, при помощи которых можно описать лицо поколения: миросозерцательный, общественный, политический, социально-экономический, исторический.

Однако специфика материала позволила авторам, во-первых, активнее подключить категорию творческого поведения, во-вторых, сосредоточиться на своеобразной «драме местоимений» в лирике А. Ахматовой, как одном из приемов воплощения поколенческой темы, и поэтике незавершенного, свойственной позднему творчеству, в рамках которого обнаруживается то новое, что предложила Ахматова в традицию отечественной словесности при разработке темы литературных поколений.

В результате разработки названных научных сюжетов делается вывод о том, что в позднем творчестве, одной из главных ценностей которого становится память, А. Ахматова настаивает на повторяемости и, как следствие, незавершенности жизни, судьбы, поэзии, которые вновь и вновь являют себя в новых поколениях. В этом смысле творческое поведение А. Ахматовой и ее поэзия существенно корректируют русскую традицию осмысления судьбы каждого поэтического поколения как исключительно трагическую, что прямо отсылает к ее поэтической концепции непобедимости поэтического слова.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Анна Ахматова; поэтическое поколение; творческое поведение; «судьба местоимений»; память; поэтика незавершенного.

Так сложилось в истории русской литературы, что каждому новому, в том числе поэтическому, поколению «отпускается» короткий век — не более десяти лет. Этой мыслью пронизана книга В. С. Варшавского «Незамеченное поколение», и вся обширная литература, ей посвященная: «У литературного или исторического поколения обычно короткий век, десять лет, от силы пятнадцать, и на авансцене оно сменяется следующим» [Варшавский, с. 5]; «Обыкновенно поколение отмечается тем десятилетием, в течение которого оно, так сказать,

© Меньщикова А. М., Снигирева Т. А., 2016

“действует”, окрашивая эти годы своим собственным, присущим только этому поколению цветом, — отсюда “люди сороковых годов”, шестидесятники, семидесятники и т. д.» [Там же, с. 370].

Давид Самойлов в предисловии «Времена Ахматовой» к книге 1989 г. «Я — голос ваш...» (одной из первых, в которой были опубликованы и «Реквием», и один из ранее не публиковавшихся вариантов «Поэмы без героя»), также замечает: «Ахматова старше моих поэтических ровесников на тридцать лет и на три поэтических поколения» [Самойлов, с. 5] и конкретизирует свою мысль: «Поэтические поколения формируются обычно лет десять. По какой-то опять-таки странности в России этот срок совпадает с хронологическими десятилетиями: поэты девяностых, десятых, двадцатых годов. Потом поколения распадаются, и растут уже отдельные поэты, сколько кому судьба отпустит жизни и писания стихов» [Там же, с. 7]. В случае с Ахматовой ее «привязка» к поколению только «десятых годов» жестко усугубляется хорошо известными внелитературными причинами, которые также проговариваются Д. Самойловым: «Даже мы, молодые поэты, именовавшие себя “поколением сорокового года” — Кульчицкий, Коган, Слуцкий, Наровчатов, — не числили ее в действующей поэзии, а где-то в прошлом, в истории литературы. Мы, конечно, прочитали и наизусть знали стихи из ее первых книг. Благодаря многим обстоятельствам нашего литературного воспитания, уже сложился некий стереотип в восприятии ее творчества. Его не могли побороть даже незнакомые нам стихи из довоенных “Шести книг”» [Там же, с. 13].

В августе 1961 г. Ахматова сама высказывает озабоченность заключением Штаммлера, в свое работе отводящей ей одно десятилетие (1912–1922): «...и я оказываюсь современницей Блока и Гумилева, т. е. на поколение старше Мандельштама (1938) и Цветаевой (1941). Он не догадывается, что и Постановления 46 г. не могло быть, если бы мои стихи не были связаны с текущей поэзией» [Ахматова, 1996, с. 147].

Мысль о жестких хронологических сроках литературного поколения обычно сопровождается не менее устойчивой и характерной для отечественной словесности мыслью о трагической судьбе каждого из называемых поколений. Причем это свойственно как героям генерации, так и тем, кто осмысляет судьбу ее. Достаточно вспомнить знаменитый мартиролог И. Бунина или финал «Нездешнего вечера Цветаевой»: «...все заплатили. ...Гумилев — жизнью, Есенин — жизнью, Кузмин, Ахматова, я — пожизненным заключением в самих себе, в этой крепости — вернее Петропавловской» [Цветаева, с. 481].

Трагизм судьбы поколения может усугубляться его «незамеченностью» и / или «недооцененностью»: «Пушкин при жизни мало кому был понятен и убит. Лермонтов (“собаке — собачья смерть” — слова Николая I), Полежаев, Рылеев, Достоевский. А Осип Мандельштам? Какова судьба Анны Ахматовой? Что делает, что пишет Б. Пастернак?» [Варшавский, с. 346], — или подсвечиваться трагизмом жизненной судьбы и особыми обстоятельствами литературной действительности, ср. размышления о судьбах «шестидесятников»: «Но при этом

нельзя забывать и то печальное обстоятельство, что многих из тех, кто в трудных для себя условиях не захотел собирать чемоданы, настигла преждевременная смерть. Андрей Битов, размышляя над мучительными соотношениями (“Сколько уехало и сколько осталось? Сколько умерло и сколько выжило?”), обнаружил почти систему: один отъезд — одна смерть... Можно выстроить два жутких столбика бок о бок: “уехали — умерли”. Фамилий и впрямь в избытке — как для первого ряда, так и для второго, еще более печального: В. Шукшин, Н. Рубцов, А. Вампилов, Ю. Казаков, Г. Шпаликов, В. Высоцкий...» [Быков, Подчиненов, Снигирева, с. 72].

Поколенческая тема — одна из важнейших в творчестве Анны Ахматовой. В «Прозе о поэме» она, наряду с очередной попыткой осмыслить «Поэму без героя», ее явные и потаенные слои, также составляет мартиролог своего поколения: «Начинаю думать, что “Другая”, откуда я подбираю крохи в моем “Триптихе” — это огромная, мрачная, как туча — симфония о судьбе поколения и лучших его представителей, т. е. вернее обо всем, что нас постигло. А постигло нас разное: Стравинский, Шаляпин, Павлова — слава, Нижинский — безумие, Маяков/ский/, Есен/ин/, Цвет/аева/ — самоубийство, Мейрхольд, Гумилев, Пильняк — казнь, Зощенко и Мандельштам — смерть от голода на почве безумия и т. д., и т. п. (Блок, Хлебников...) [Ахматова, 1998–2005, т. 3, с. 240]. Лирика подтверждает восприятие А. Ахматовой своего поколения как трагического, из которого, как было понято поэтом на склоне лет «Все ушли, и никто не вернулся...» [Там же, с. 279]. И если первое стихотворение цикла «Венок мертвым» обращено к памяти Учителя, имя которого отсылает к десятым годам двадцатого века, то второе стихотворение посвящено своему поколению, в это время о себе заявившему:

De profundis... Мое поколенье
Мало меду вкусило. И вот
Только ветер гудит в отдаленье,
Только память о мертвых поет.

...

Две войны, мое поколенье,
Освещало твой страшный путь.
1944

[Ахматова, 1989, с. 206]

Поколенческий аспект в творчестве А. Ахматовой заявляет о себе, кроме прямо считываемого с «открытого текста» смысла, сложной «судьбой местоимений». «Драма местоимений»: их союз, конфликт, распад, взаимозаменяемость сосредоточены в сложных взаимоотношениях «я» и «мы» в поэзии Ахматовой и явили себя весьма отчетливо, что вполне объяснимо и естественно, в годы Первой мировой войны:

Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,

Так, что сделался каждый день
Поминальным днем...»
1915

[Ахматова, 1989, с. 63]

И. Бродский, один из немногих, если не единственный, усмотрел в «неожиданном» обращении А. Ахматовой к «мы» суть и сущность ее поэтического дара: «Ее стихи не стали гласом народным лишь потому, что никогда народ не говорит на один голос. Но голос Ахматовой не принадлежал к сливкам общества, в нем напрочь отсутствовало обожествление народной массы, въевшееся в кровь и плоть русской интеллигенции. Возникшим около этого времени в ее стихах "мы" она пыталась укрыться от враждебного равнодушия истории, и не она — другие носители языка расширили смысл местоимения до лингвистического предела. Будущее удержало "мы" навсегда и укрепило позицию тех, кому оно принадлежало» [Бродский, с. 66].

Тема «поэтического поколения», «поэтического братства, единства» — та тема, в которой диалектика взаимоотношения «я» и «мы» приобретает особую многомерность и потаенные глубины[1].

Это прежде всего определение общей миссии поэтов в этом мире и предначертанности судьбы, в котором поколенческое «мы» сливается с индивидуальным «я»:

Но не пытайся для себя хранить
Тебе дарованное небесами:
Осуждены — и это знаем сами —
Мы расточать, а не копить

[Ахматова, 1989, с. 69]

Пусть так. Без палача и плахи
Поэту на земле не быть.
Нам покаянные рубахи,
Нам со свечой идти и выть»
1935?

[Там же, с. 264]

Размышляя о своем поэтическом поколении и его судьбе, в стихотворении, посвященном О. Мандельштаму, А. Ахматова подтвердит общность судьбы:

Это наши проносятся тени
Над Невой, над Невой, над Невой,
Это плещет Нева о ступени,
Это пропуск в бессмертие твой»
1957

[Там же, с. 208]

[1] О системе местоименной функциональности в поэзии А. Ахматовой см. подробнее [Снигирева, 2004а; 2004б].

Та же мысль выражена и в стихотворении, посвященном М. Цветаевой:

Мы с тобою сегодня, Марина,
По столице полночной идем,
А за нами таких миллионы,
И безмолвнее шествия нет,
А вокруг погребальные звоны,
Да московские дикие стоны
Вьюги, наш заметающей след
1957

[Там же]

Тема поэтического поколения вбирает в себя тему общей памяти культуры, о чем свидетельствуют все стихотворения, выполненные в жанре «на смерть поэта»:

Принесли мы Смоленской заступнице,
Принесли пресвятой Богородице
На руках во гробе серебряном
Наше солнце, в муке погасшее, —
Александра, лебедя чистого
1921

[Ахматова, 1989, с. 134]

Умолк вчера неповторимый голос,
И нас покинул собеседник рощ
1960

[Там же, с. 209]

Не странно ли, что знали мы его?
Был скуп на похвалы, но чужд хулы и гнева
1921

[Там же, с. 262]

Единство мертвых и живых поэтов перед лицом вечности для А. Ахматовой несомненно. В стихотворении «Нас четверо» поэт ощущает умерших неотъемлемой частью своей и всеобщей жизни, поскольку убеждена:

Наше священное ремесло
Существует тысячи лет...

[Там же, с. 166]

Перекличка на «воздушных путях» поэзии и духовности дает силы отступить «от земного всякого блага», спокойно принять смерть:

Все мы немного у жизни в гостях,
Жить — это только привычка
1961

[Там же, с. 209]

Материалы записных книжек, в которых А. Ахматова нередко размышляет о механизмах памяти и времени, позволяют говорить о синонимичности для поэта понятий «поколение», «современники» (зачастую в значении «свидетели эпохи»). При этом слово *свидетель* оказывается оценочным, что подтверждает ряд контекстов. В одной из записей, включающих характеристики, даваемые «Поэме без героя» слушателями, А. Ахматова приводит слова М. Зенкевича, помещая в заключении характеристику-подпись «отзыв современника»: «Поэма — трагическая симфония. Каждое слово прошло через автора. В поэме никаких личных счетов и даже никакой политики. Это поверх политики. Очень похоже. (отзыв современника)» [Ахматова, 1996, с. 134]. Другой пример: «М. б. никто так глубоко не понял и так тонко и верно не изобразил Вячеслава Иванова, как Бердяев, но говорит о нем с точки зренья современника и *не* поэта» [Там же, с. 152].

Другой характеристикой представителей поколения начала века в творчестве Ахматовой нередко оказывается «бестелесность»: в качестве героев выступают тени, появляющиеся «под видом ряженых». Показательно, что стихотворение «Современница» (1940) первоначально называлось «Тень»:

Всегда нарядней всех, всех розовей и выше,
Зачем всплываешь ты со дна погибших лет? —
И память хищная передо мной колышет
прозрачный профиль твой за стеклами карет

[Ахматова, 1998–2005, т. 4, с. 244]

«Поэма без героя», пространство которой с каждой из девяти известных редакций вмещает все большее число имен, аллюзий и интертекстуальных отсылок, включая прозаические фрагменты, оставшиеся в «Прозе о Поэме», позволяет наиболее полно проиллюстрировать работу механизмов памяти, затрагивавшей образы ахматовского поколения. В качестве примера можно посмотреть на варианты прозаической ремарки к Главе четвертой и последней Части первой «Девятьсот тринадцатый год. Петербургская повесть»:

Впервые ремарка появляется в структуре «Поэмы» в пятой редакции и с минимальными изменениями остается в следующих редакциях. В первой версии 1956 года выглядит так: «...Угол Марсова Поля. Дом, построенный в начале 19 в. бр. Адамини, в кот. будет прямое попадание авиабомбы в 1942 г. (Бюро Добычиной). Новогодняя ночь. Горит высокий костер. Слышен колокольный звон от Спаса на Крови. На Поле за метелью призрак зимнедворского бала. Полонез» (стертое впоследствии продолжение: «По улице совершенно реально возвращаются в свои казармы курносые павловцы. Поют») [Крайнева, с. 316]. Любопытно сравнить этот текст с материалами в записной книжке, датированными декабрем 1961 г., когда поэт вновь возвращается к зимнему петербургскому маскараду 1913 г., вплетая в его образы упоминание об эссе М. Цветаевой «Нездешний вечер», написанном в 1936 г. Вся ремарка полностью повторяется, невычеркнутым остается предложение о павловцах и появляется бесконечная

галерея представителей поколения Серебряного века, предстающих в качестве образов, в том числе — сценических, созданных художниками: «В окна “Бюро Добычиной” смотрят, ненавязчиво мелькая, ожившие портреты: Шаляпин в шубе, Мейерхольд (Григорьева), А. Павлова — лебедь, Тамара Карсавина, Саломея, Ахматова Альтмана, Лурье Митурича, Кузмин, Мандельштам Митурича, Гумилев Гончаровой, Блок Сомова, молодой Стравинский, Велимир I, Маяковский на мосту, видно, как Городецкий, Есенин, Клюев, Клычков пляшут “русскую”, там “башня” В. Иванова (есть, Фауст, казнь), будущая Мать Мария — Лиза Караваева читает “Скифские черепки”. <...> (Марина встречает 1913 год у Чацкиной — Нездешний вечер). Фауста уводит Мефистофель, Дон Жуан проваливается вместе с Командором. Блока уводят какие-то 12 человек. Мейерхольда — двое. <...> Вот они и прорвались...в “Триптих”. <...> Плохо, конечно, что в таком виде число этих персонажей ничем не ограничено. Каждый может почудиться прохожему в оснеженном волшебном новогоднем окне» [Ахматова, 1996, с. 174]. Череда портретов, превращающаяся в образы плясок, встреч на знаменитой «башне» В. Иванова, действительно, не предполагает конца («число персонажей ничем не ограничено» и «Читатели и зрители могут по желанию включить в это избранное общество всех, кого захотят. Например, Распутина, которому Судьба в виде шарманщика показывает его убийство») [Там же, с. 175].

Примером незавершаемой вариативности в поэтических строках «Поэмы» может служить знаменитая полустрофа из Части первой, в поздних редакциях увеличившаяся вдвое, по сравнению с первыми вариантами:

Этот Фаустом, тот Дон-Жуаном,
А какой-то еще с тимпаном
Козлоногую приволок.
(*первая редакция, 1942 год*)

[Крайнева, с. 166]

Этот Фаустом, тот Дон-Жуаном,
Дапертутто, Иоканааном;
Самый скромный — северным Гланом,
Иль убийцею Дорианом
И все шепчут своим Дианам
Твердо выученный урок.
(*девятая редакция, 1963 год*)

[Там же, с. 591]

Общеизвестно, что за псевдонимом Дапертутто скрывается Всеволод Мейерхольд, которого в прозаической ремарке, приведенной выше, «уводят двое». Важно, что узнаваемые маски современников А. Ахматовой оказываются рядом с литературными героями, связанными с ее поколением (можно предположить, что за упоминанием героя К. Гамсуна «северного Глана» скрывается аллюзия на раннего Н. Гумилева). Фауст и Дон-Жуан, позволяющие выстроить долгий ассоциативный ряд, включающий А. Блока и Б. Пастернака, безусловно,

символизируют важнейшую для «Поэмы без героя» и для восприятия поэтом судьбы своего поколения тему возмездия.

Наращение собственных имен в полустрофе, за которыми стоят литературные сюжеты и называемые А. Ахматовой прототипы, кажется синхронным прозаическим строкам из записных книжек. Образы представителей поколения, мысли о его судьбе, стремление вспомнить и закрепить память в поэтическом слове обусловливают возвращения Ахматовой в различные точки видения: «башню 40-го года», когда уже известно место встречи М. Цветаевой 1913 г., в канун 1914 г., оборачивающегося 1941 г. Тема поколения становится для поэта одним из способов выполнения поэтической миссии, а также воплощения незавершимой, постоянно обновляющейся работы механизмов памяти.

В конце 1950-х и в 1960-е гг. принадлежность к поколению, ставшему свидетелем и жертвой «некалендарного двадцатого века» позволяет Ахматовой связывать десятилетия, отмеченные появлением объединений молодых поэтов: с одной стороны, поэтических группировок 1910-х гг. (в первую очередь, акмеистов, во многом унаследовавших традиции «золотого века»), с другой — «волшебного хора», «ахматовских сирот» (круга поэтов, в который входили А. Найман, Е. Рейн, И. Бродский и Д. Бобышев). А. Найман, говоря о причинах притяжения молодых людей «вроде него» к А Ахматовой, обращает внимание именно на поколенческий аспект: «Она являла собой живой и в тогдашнем представлении безызъянный символ связи времен <...> [Молодому человеку] нужно, чтобы его позицию одобрил не только “текущий момент”, но и “века”. Так действует механизм преемственности» [Найман, с. 22].

Молодыми поэтами, очевидно, был воспринят историзм, в высшей степени свойственный А. Ахматовой, на протяжении нескольких последних десятилетий жизни выстраивавшей и осмыслявшей собственную биографию. Показательны воспоминания Бродского, свидетельствующие о специфике ее взгляда, позволяющего замечать и устанавливать не только связи настоящего с прошлым, но и осмыслять различные пласты исторического прошлого, обновляющегося в связи с наступившим моментом: «Анна Андреевна считала, что имеет место как бы второй Серебряный век» [Волков, с. 297]; «...возникла группа, по многим признакам похожая на пушкинскую “Плеяду”. То есть примерно то же число лиц: есть признанный глава, признанный ленивец, признанный остроумец. Каждый из нас повторял какую-то роль. Рейн был Пушкиным. Дельвигом, я думаю, скорее всего был Бобышев. Найман, с его едким остроумием, был Вяземским. Я, со своей меланхолией, видимо, играл роль Баратынского» [Там же, с. 298].

Очевидно, что, будучи неотъемлемой частью темы судьбы поколения, тема судьбы поэтического поколения постоянно расширяет свои границы, что отчетливо проявляет себя в «Северных элегиях», в которых с наибольшей ясностью, глубиной и цельностью (хотя и создавались они на протяжении сорока лет) воплощена поэтическая мысль А. Ахматовой об ужасе и силе «бега времени», мысль, в рамках которой «мы» как знак слиянности несет особую нагрузку — общности бессилия перед лицом «равнодушной природы» и «красотой вечности»:

Шестая элегия
(«Есть три эпохи у воспоминаний…»)

Но тикают часы, весна сменяет
Одна другую, розовеет небо,
Меняются названья городов,
И нет уже свидетелей событий,
И не с кем плакать, не с кем вспоминать.
И медленно от нас уходят тени,
Которых мы уже не призываем,
Возврат которых был бы страшен нам.
И, раз проснувшись, видим, что забыли
Мы даже путь в тот дом уединенный,
И, задыхаясь от стыда и гнева,
Бежим туда, но (как во сне бывает)
Там все другое: люди, вещи, стены,
И нас никто не знает — мы чужие.
Мы не туда попали... Боже мой!
И вот когда горчайшее приходит:
Мы сознаем, что не могли б вместить
То прошлое в границы нашей жизни,
И нам оно почти что так же чуждо,
Как нашему соседу по квартире,
Что тех, кто умер, мы бы не узнали,
А те, с кем нам разлуку Бог послал,
Прекрасно обошлись без нас — и даже
Все к лучшему...
1945

[Ахматова, 1989, с. 219]

Однако при всем трагизме неотвратимости забвения и неостановимости «бега времени», в приведенном фрагменте-примере «беспощадного интеллектуализма поэзии Ахматовой» (определение Д. Самойлова), столь же отчетливо звучит и беспощадная ирония поэта, которой особо окрашены и творчество, и творческое поведение поздней А. Ахматовой. Так, зафиксировано два варианта автобиографического вписывания А. Ахматовой себя в свое время и в свое поколение, выполненные в противоположных модусах: официальном («Я родилась 11 (23) июня 1889 года под Одессой...» (фрагмент «Коротко о себе») [Ахматова, 1998–2005, т. 5, с. 236]) и личностно-ироничном («Я родилась в один год с Чарли Чаплином, “Крейцеровой сонатой” Толстого, Эйфелевой башней и, кажется, Элиотом» (фрагмент «Будка») [Там же, с. 164]).

Позднее творчество А. Ахматовой, одной из главных ценностей которого оказывается память, в какой-то мере побеждает время («время — прочь, и пространство — прочь») горько-ироничным приемом обнажения повторяемости и, как следствие, незавершенности жизни, судьбы, поэзии, которые вновь и вновь являют себя в новых поколениях. В этом смысле творческое поведение

Ахматовой и ее поэзия существенно корректируют русскую традицию осмысления судьбы каждого поэтического поколения как исключительно трагичного, что прямо отсылает к ее поэтической концепции непобедимости поэтического слова.

Ахматова А. А. «Я — голос ваш...». М. : Кн. палата, 1989.

Ахматова А. А. Записные книжки (1958–1966). М. ; Torino : Giulio EiunaudI editore, 1996.

Ахматова А. А. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Эллис Лак, 1998–2005.

Бродский И. Скорбная муза // Юность. 1989. № 6. С. 65–71.

Быков Л. П., *Подчиненов А. В.*, *Снигирева Т. А.* Русская литература XX в.: проблемы и имена. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1994.

Варшавский В. С. Незамеченное поколение. М. : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына : Рус. путь, 2010.

Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М. : Эксмо, 2012.

Крайнева Н. И. «Я не такой тебя когда-то знала»: Анна Ахматова. Поэма без героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто : материалы к творческой истории. СПб. : Міръ, 2009.

Найман А. Рассказы об Анне Ахматовой. М. : АСТ : Зебра Е, 2008.

Самойлов Д. Времена Ахматовой // Ахматова А. А. «Я — голос ваш...». М. : Кн. палата, 1989. С. 5–17.

Снигирева Т. А. Феномен «поздней» Ахматовой // Творчество А. А. Ахматовой и Н. С. Гумилева в контексте русской поэзии XX века : материалы междунар. науч. конф. / Л. Г. Кихней. Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 2004а. С. 55–65.

Снигирева Т. А. «Я» и «мы» в поздней лирике Анны Ахматовой // Проблемы языковой концептуализации и категоризации действительности : материалы междунар. конф. «Язык. Система. Личность» / Т. А. Гридина. Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2004б. С. 109–117.

Цветаева М. И. Поэзия. Проза. Драматургия. М. : СЛОВО/SLOVO, 2000.

Статья поступила в редакцию 15.09.2016 г.

Меньщикова Анна Манасовна
аспирант кафедры русской литературы XX и XXI вв.
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: menanman@rambler.ru

Снигирева Татьяна Александровна
профессор кафедры русской литературы XX и XXI вв.
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
ведущий научный сотрудник сектора истории литературы
Институт истории и археологии УрО РАН
620990, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16
E-mail: tas0905@rambler.ru

Menshchikova, Anna Manasovna
PhD Student, Department of Russian Literature of the 20th and 21st Centuries
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
E-mail: menanman@rambler.ru

Snigireva, Tatyana Aleksandrovna
Professor, Department of Russian Literature of the 20th and 21st Centuries
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Leading Researcher, Department of the History of Literature
Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS
16, Sofia Kovalevskaya Str.,
620990 Yekaterinburg, Russia
E-mail: tas0905@rambler.ru

POETIC GENERATION AS VIEWED BY ANNA AKHMATOVA

The article attempts to analytically describe the theme of a poetic generation in the works by Anna Akhmatova. The study considers the methodology and methods of analysis of a literary generation, proposed by V. S. Varshavsky, describing the levels in which the image of a generation can be described: its worldview, social, political, economic, as well as historical levels.

However, the character of the material allowed the authors to actively use the category of creative behaviour, and, secondly, to focus on the "drama of the pronouns" in Akhmatova's lyrical poetry as one of the methods of the generational theme realization, and on the poetics of incompleteness that characterises her later works, where one can find the new things that Akhmatova introduced into the Russian literary tradition when developing the topic of literary generations.

Following the analysis, the authors conclude that in her later works, whose value is memory, Akhmatova insists on the repeatability and, as a consequence, the incompleteness of life, fate, and poetry, which manifest themselves in new generations over and over again. In this sense, Akhmatova's creative behaviour and her poetry modify the Russian tradition of reflection on the fate of every poetic generation as exceptionally tragic that directly refers to her poetic concept of the invincibility of the poetic word.

K e y w o r d s: Anna Akhmatova; poetic generation; creative behaviour; "fate of pronouns"; memory; poetics of incompleteness.

Akhmatova, A. A. (1989). *"Ya — golos vash..."* ["I'm your voice"]. Moscow: The Central Institute of Bibliography. (In Russian)

Akhmatova, A. A. (1996). *Zapisnye knizhki (1958–1966)* [Notebooks by Anna Akhmatova (1959–1966)]. Moscow; Turin: Giulio Eiunaudi Editore. (In Russian)

Akhmatova, A. A. (1998–2005). *Sobranie sochinenii* [Collected Works] (Vols. 1–6). Moscow: Ellis Lak. (In Russian)

Bykov, L. P., Podchinenov, A. V., & Snigireva, T. A. (1994). Russkaia literatura XX v.: problemy i imena [Russian Literature of the 20th Century: Issues and Names]. Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Krajneva, N. I. (2009). «Ya ne takoi tebia kogda-to znala»: Anna Akhmatova. Poema bez geroia. Proza o Poeme. Nabroski baletnogo libretto: materialy k tvorcheskoi istorii [Anna Akhmatova. Poem without a Hero. Prose on the *Poem*. Drafts of the Ballet Libretto: Materials on the Creative Story]. Saint Petersburg: Mir. (In Russian)

Najman, A. (2008). *Rasskazy o Anne Akhmatovoi* [Stories about Anna Akhmatova]. Moscow: AST: Zebra E. (In Russian)

Samoylov, D. (1989). Vremena Ahmatovoj [Akhmatova's Times]. In A. A. Ahmatova, *"Ja — golos vash..."* ["I'm your voice..."] (pp. 5–17). Moscow: Knizhnaja palata. (In Russian)

Snigireva, T. A. (2004a). Fenomen «pozdnei» Akhmatovoi [The Phenomenon of "Later" Akhmatova]. In L. G. Kikhnej, *Tvorchestvo A. A. Akhmatovoi i N. S. Gumileva v kontekste russkoi poezii XX veka* [Anna Akhmatova's and Nikolay Gumilev's Works in the Context of Russian Poetry of the 20th Century] (pp. 55–65). Tver: Tver State University Press. (In Russian)

Snigireva, T. A. (2004b). «Ya» i «my» v pozdnei lirike Anny Akhmatovoi ["I" and "We" in Anna Akhmatova's Late Lyrical Poetry]. In T. A. Gridina, *Problemy iazykovoi kontseptualizatsii i kategorizatsii deistvitel'nosti* [Issues of the Linguistic Conceptualisation and Categorisation of Reality] (pp. 109–117). Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University Press. (In Russian)

Tsvetayeva, M. I. (2000). *Poeziia. Proza. Dramaturgiia* [Poetry. Prose. Dramaturgy]. Moscow: Slovo. (In Russian)

Varshavsky, V. S. (2010). *Nezamechennoe pokolenie* [The Unnoticed Generation]. Moscow: House of Russia Abroad named after Alexander Solzhenitsyn: Russian way. (In Russian)

Volkov, S. (2012). *Dialogi s Iosifom Brodskim* [Conversations with Joseph Brodsky]. Moscow: Eksmo. (In Russian)

Received on 10 September, 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.4.070
УДК

О. Ю. Багдасарян
Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия

ПОКОЛЕНИЕ, ОБРАЗОВАВШЕЕ СУБКУЛЬТУРУ: РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СТИЛЯЖНИЧЕСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ 1990–2000-Х ГГ.

Статья посвящена феномену стиляг в литературе 1990–2000-х гг. На материале книг В. Славкина, А. Козлова, Г. Литвинова исследуются авторские варианты репрезентации стиляжничества.

В статье подробно анализируется книга В. Славкина «Памятник неизвестному стиляге», один из первых текстов мемуарного характера, пытающийся представить стиляг как важное поколенческое явление. Анализ книги как ансамблевого единства свидетельствует о сосуществовании двух противоречащих друг другу тенденций: мифологизирующей стиляг как «особое поколение» и деконструирующей авторский миф о романтической фигуре будущего шестидесятника, обманутого историей.

В мемуарных текстах А. Козлова «Козел на саксе» стиляги представлены как «люди его поколения», однако для автора стиляги в первую очередь приверженцы джаза, потому их история вписана здесь в историю музыкальных стилей.

Книга Г. Литвинова «Стиляги: как это было» отсылает к «Памятнику неизвестному стиляге», вмещает в себя попытку энциклопедического описания феномена как явления субкультуры, реплики бывших стиляг, иллюстрации и фотографии. Ансамблевая структура книги создает эффект диссонанса — расхождения между авторской попыткой «завершить» феномен и противоречивыми живыми свидетельствами эпохи. В целом все представленные варианты осмысления феномена стиляг выглядят как попытка проговорить опыт поколения, но свидетельствуют, скорее, о невозможности описать историю стиляг как коллективную / общую судьбу.

К л ю ч е в ы е с л о в а: литература XX–XXI вв.; стиляги; поколение; субкультура; ансамблевое единство.

За последние 30 лет в отечественной популярной культуре периодически возникали волны интереса к стилягам (и даже мода на них). В 1980-е гг. вспомнить и вновь заинтересоваться этой эстетикой заставила группа «Браво» с песнями об «оранжевом галстуке» и «желтых ботинках», в 2008 г. вышел фильм В. Тодоровского «Стиляги», в котором яркий и запоминающийся образ молодых людей из 1950-х гг. получился еще более утрированным, чем у Е. Хавтана и его товарищей.

© Багдасарян О. Ю., 2016

Однако феномен стиляг привлекателен не только для массовой культуры, но и для историков, социологов, культурологов и многих других исследователей. История стиляг довольно подробно реконструирована и описана, проанализированы классовые и гендерные аспекты явления, связанный со стилягами социальный конфликт, они — важная, неотъемлемая часть истории советской молодежи, на их примере удобно рассматривать «колебания» советского курса в отношении молодежной политики. Как справедливо отмечает Кристин Рот-Ай, стиляги сейчас выглядят любимцами истории: с ними в русской культуре XX в. связаны представления об индивидуальности, дерзости и молодости, они стали настоящей эмблемой оттепели и символом надежды на перерождение советского общества [Рот-Ай].

Однако, несмотря на множество исследований, статус этого феномена до сих пор не вполне прояснен. о стилягах говорят как о «молодежном движении» (Е. Зубкова; Г. Ципурский), как о советском варианте альтернативной моды, возрождении традиции денди (О. Вайнштейн), как о первых диссидентах (А. Козлов), как о субкультуре, сумевшей создать свой стиль (А. Юрчак), как о «поколении» — «части поколения шестидесятников» (Л. Лурье).

Понятие «поколение» по отношению к стилягам чаще актуализируется в литературных текстах — и особенно текстах мемуарного характера. В 1990–2000-е гг. о стилягах с большей или меньшей степенью детализированности пишут В. Аксенов, В. Славкин, А. Козлов, В. Петров, Г. Литвинов (псевдоним В. Козлова).

Борис Дубин, размышляя о границах понятия «поколение», указывает на несколько вариантов его внутрикультурного употребления и на множество проблем, которые традиционно ассоциируются с поколенческой тематикой. По мнению исследователя, поколение становится «мерой сопоставления», с помощью которой обозначают «выделившихся и отставших на фоне одного поколения сверстников», а также «перепады между старшими и младшими современниками (“давно и недавно”, “раньше и теперь”)» [Дубин, с. 12].

Попробуем рассмотреть на материале произведений В. Славкина, А. Козлова и Г. Литвинова, как именно реконструируется авторами портрет поколения, в чем им видится его уникальность, какие сюжеты оказываются общими для разных текстов и как описывается в них историческая роль «поколения стиляг».

Книга В. Славкина «Памятник неизвестному стиляге» написана в 1992 г., документальный роман Г. Литвинова «Стиляги: как это было» — в 2008 г. На сегодняшний день эти две книги — наиболее полные литературные попытки описать явление со всех сторон (пристрастия, одежду, музыку, танцы, противостояние официальной политике) и в то же время создать художественное целое, по своей поэтике более или менее адекватное эклектичной эстетике стиляг. Именно поэтому и ту и другую книгу удобно анализировать как ансамблевые единства, многокомпонентные структуры, в которых поверх суммы элементов выстраиваются дополнительные связи и организуются новые сюжеты.

«Памятник неизвестному стиляге» — книга, в какой-то степени итоговая для Виктора Славкина. Разнообразный материал, из которого она составлена (пьеса, дописанные монологи героев (Бэмса, Прокопа и Люси), вырезки из газет и журналов 1940–1980-х гг., фотографии, тексты «стильных» песен и т. д.), объединяется авторскими наблюдениями над тем, как жило его «поколениЁ», стремлением как можно полнее зафиксировать атмосферу советской эпохи, описать то, что стало со стилягами в эпоху застоя, а также оценить вклад поколения в историю страны.

Каркасом книги стала пьеса «Взрослая дочь молодого человека», одно из самых известных произведений В. Славкина и один из самых ярких и обсуждаемых текстов драматургии «новой волны». В 1979 г. пьеса была поставлена Анатолием Васильевым на сцене Московского драматического театра имени Станиславского, сыграв важную роль в формировании сложного и изощренного театрального языка режиссера [Богданова, с. 35] и став для публики того времени своего рода откровением.

В пьесе В. Славкина герои старшего поколения (Бэмс, Люся, Прокоп) — бывшие стиляги — ждут в гости Ивченко, своего однокурсника, комсомольского работника, попортившего Бэмсу немало крови в студенческие годы. Пьеса камерная, локальная, место действия здесь — квартира Куприяновых (Бэмса и Люси), «обычная», «современная», с обстановкой «на уровне среднего инженерского вкуса и среднего инженерского достатка» [Славкин, с. 9], сценическое время — один день из жизни героев. Локальность сценического пространства в пьесе постепенно разрушается: событие, положенное в основу, — встреча бывших однокурсников — вызывает к жизни множество воспоминаний и настраивает на подведение предварительных жизненных итогов.

В случае с Бэмсом и Люсей итоги не самые утешительные: будучи «заводилами» в студенческие годы, сейчас они средние инженеры со средним инженерским заработком. Стремление Бэмса к сохранению собственного «я», его бескомпромиссность, органичная для двадцатилетнего возраста, сейчас, спустя годы, «выключает» его из жизни. Оптимистичный Прокоп, «челябинский утюг», как он сам себя характеризует, напротив, вполне доволен своим средним, но прочным положением. Самым успешным же оказывается бывший «пенек» Ивченко — теперь он проректор того самого вуза, в котором много лет назад учились герои, где теперь обучается дочь Бэмса и куда Толя, сын Прокопа, собирается поступать (именно с целью «помочь» Прокопу и устраивается встреча однокурсников). У Ивченко прочный социальный статус, благополучное материальное положение.

У этих довольно разных людей общее прошлое: проведенные вместе годы учебы, история с «Чучей», когда за исполнение заграничной песенки Бэмса отчислили из университета, а Люсю и Прокопа стали считать «неблагонадежными» (к этой истории постоянно возвращается «четверка» в своих воспоминаниях). Бэмса, Люсю и Ивченко связывает еще и любовная интрига, осложняющая драматическое действие. На таком, вполне бытовом, материале проясняются и постепенно проговариваются позиции героев.

Особенность поэтики пьесы — в невыраженности традиционного драматического конфликта при располагающей к этому системе персонажей. Так, В. Славкин подчеркивает, что задумывал Бэмса и Ивченко как оппонентов, которые будут вести идеологический спор, однако это открытое противостояние позднее было им намеренно снято (см. главку «Добавить аргументов») — и пьеса приобрела более сложную с точки зрения конфликта структуру. В итоге действие развивается вокруг попыток героев обнаружить «линию разлома», которая не дает Бэмсу жить спокойно и через двадцать лет, описать особенности своего опыта, как-то вербализовать общую духовную составляющую, для них навсегда связанную со стиляжничеством, — и это им удается с трудом. Пьеса при разговоре о стиляжническом прошлом все время задействует поэтику суггестивную, атмосферную. По прошествии двадцати лет совместный опыт поколения оказывается неотрефлексированным, в большей степени эмоциональным, оттого моменты драматического единения в пьесе связываются с музыкой, танцами, жестами (например, бывшие стиляги Люся и Прокоп с удовольствием смотрят на то, как Бэмс поднимает воротник и взбивает воображаемый кок, кульминационные эпизоды маркированы, как правило, музыкальными вставками — исполняемой на сцене «Чучей», прослушиванием пластинки и т. д.) — т. е. небытовыми формами поведения. В лирических монологах (Бэмса, Люси) проговариваются не мысли, а ощущения героев.

Контрастна этому мюзик-холлу спокойная манера «пенька» Ивченко, никогда к стилягам не принадлежавшего и оттого уверено рационализующего чужой опыт и анализирующего прошлые события. Ивченко последовательно объясняет, как и почему складывался романтический миф о стилягах, в который, кажется, до сих пор верят другие персонажи:

> Ведь что получилось... Кончилась война в сорок пятом, приехали наши солдаты, офицеры домой, Европу повидали, американцами на Эльбе встречались и вообще встречались... к нам товары американские пошли — «виллисы», помните, «студебеккеры»... Американские картины пускать стали, трофейные... [Славкин, с. 105].

В итоге уже сами способы говорения о прошлом (артистический и рациональный, отстраненный) намечают ту самую «линию разлома» поколения, над которой бьется Бэмс — и которую ищет В. Славкин в своей книге.

«Взрослая дочь молодого человека» пунктиром проходит через всю книгу, становится ее ядром, основанием для дальнейшего структурирования. Так, предпринятые в пьесе попытки автора обозначить общий язык, на котором говорит его поколение, очертить общие «рамки идентификации» (Б. Дубин), в книге в целом откликаются многочисленными песнями, стихами, рассказами из жизни, воспоминаниями героев; стремление проанализировать социально-культурный и политический контекст, в котором существовало поколение стиляг, намечено в «Памятнике...» рассказами о театральной цензуре, рубриками «Полистаем газетку», «Почитаем журнальчик», предлагающими «официальную» точку зрения на стиляг. Кроме того, для В. Славкина важно провести

линию жизни своего поколения — пусть непрямую, но непрерывную — от конца 1940-х и до 1990-х гг.:

> ...я говорил о моем поколении: о стилягах, о молодой технической интеллигенции, о диссидентах, об эмигрантах, о наших иллюзиях в шестидесятых, об их крушении в семидесятых, о новых надеждах, вспыхнувших после 1985 года... [Славкин, с. 301]

«Памятник неизвестному стиляге», как подчеркивает автор, не для внимательного чтения, а для пролистывания. Книга действительно располагает к нелинейному восприятию, к просматриванию фотографий или отдельных рубрик. Между тем, если читать ее от начала и до конца, в ней обнаруживается сразу несколько ключевых метафор, репрезентативных для попытки нарисовать портрет поколения и осмыслить его роль в истории страны.

Одна из главных метафор книги — метафора оборота. Восстанавливая хронологию событий, Славкин подчеркивает парадоксальный статус стиляг: они непременно существуют в государственных сводках борьбы с пагубным влиянием Запада и в тоже время вытесняются из официального дискурса. Поэтому, читая фельетоны или просматривая карикатуры из старых газет без датировки, автор предлагает читателю вместе с ним «перевернуть страницу». На обороте, как правило, сообщается о более важных для страны событиях (съездах, фестивалях, значимых политических датах), по которым и можно было установить время очередной волны борьбы со стилягами. Таким образом, история поколения стиляг пишется как бы на полях или на обороте официальной жизни — как жизнь изначально антисоветская. В то же время для В. Славкина «оборотность» означает и взаимную зависимость: образ стиляги оказывается наиболее выразительным только на фоне «простого советского человека» как предзаданной государством нормы.

Другой важной метафорой, суммирующей опыт и самоощущение поколения — но уже в 1970–1980-е гг., становится метафора обочины. Характерно, что автор, прочерчивая пусть стиляги от 1950-х к 1970-м гг., часто обращается к образу дороги, но если в 1950-е гг. человек его поколения называется «тротуарным» [Славкин, с. 43] — он не на главной дороге, дистанцирован от общего радостного движения к социалистическому прогрессу, так как в это время кидает со своими друзьями «брейк по Броду», — то в 1970–1980-е гг. бывшие стиляги окончательно отделены от магистральной линии.

После ярких и многообещающих 1950-х гг., те, кто не желал участвовать в «прогрессе застоя», оказались на обочине жизни:

> Если человек все-таки не уезжает и в то же время у него нет необходимого социального и физического темперамента для борьбы — что ему оставалось? Обочина. Он туда и уходил. Там и жил. Небогато, непрестижно, безнадежно, но зато среди своих книг, в своей музыке, оклеив стены репродукциями своих любимых картин, фотографиями своих любимых друзей... Прописаны на обочине были и мы, те, кто сделали «Взрослую дочь...» и потом «Серсо». Хотя я работал в престижном журнале «Юность», Васильев ставил спектакли в театре Станиславского, а наши актеры

> в этом театре играли и даже снимались в кино... Но мы знали, что «они» — это «мы» [Славкин, с. 215].

«Обочинный герой», о котором Славкин пишет как о типичном представителе своего поколения, оказался важной фигурой для драматургии 1970–1980-х гг. в целом, с ее интересом к людям, с качающимся «коромыслом в душе». «Текучесть» характера героя, его зависимость от обстоятельств жизни в качестве основной черты была отмечена и Анатолием Васильевым, заинтересовавшимся прежде всего многовариантностью поведения персонажа [Васильев, с. 87], который чаще всего не понимает, что же ему нужно, «что его, а что чужое, в чем его призвание, привязанность, предназначение, а что — лишь помеха, избыток. И “выстаивает”, не шелохнувшись, с опущенными руками, с душой смутной, тревожной, во мгле. Потрясающе, но факт — такому герою в своей жизни нечем дорожить, все так или иначе его тяготит и не устраивает...» [Василинина, с. 68].

В итоге в книге складывается образ поколения, которое первым бросило вызов «сталинскому быту» [Славкин, с. 8]. Пережив гонения в начале 1950-х гг. и потом искренне поверив в «оттепель», в 1970-е гг. герои оказались не у дел, а в 1980-е гг. поняли, что их «провели». Не случайно в книге дана целая галерея советских руководящих работников, которые, в отличие от бывших стиляг, успешны в любые времена: это многочисленные начальники, определяющие судьбу постановки Васильева, а в пьесе — ректор «Бум отчислять» и Ивченко — рациональный и осторожный, который ездит в Америку, спокойно покупает недоступные когда-то пластинки с джазом, выбирает вино в магазинчике «за оперой» (парижской) и — в дописанном монологе Прокопа — уже «заседает в Кремле» в мае 1989 г.:

> Вот и пришло это время, когда бывшие наши гонители надели на себя модные фирменные дуды (брюки), педжаки (пиджаки) и коры (туфли), повернулись в сторону Запада, стали бороться за компьютеризацию нашей науки, американизацию нашего быта, модернизацию нашего искусства [Славкин, с. 310].

Размышления Бэмса в пьесе и рефлексия автора объединены именно обидой — персональной и исторической. В книге она выливается в мотив съеденной жизни. История стиляг и самому автору, и главному герою его книги видится теперь как история бессмысленной борьбы:

> ...лучшие наши годы употреблены в пищу любителями полакомиться чужими судьбами. В роскошном блюде, вокруг которого заседали наши едоки, маленьким кусочком, эдакой маслинкой, веточкой зелени, волоконцем белого куриного мяса, прилепившимся сбоку облитой майонезом салатной горы, была вкраплена молодая жизнь стиляг. Едоки проглотили этот кусочек, так и не заметив его и им не насытившись... [Славкин, с. 311].

В финале книги мотив переводится в иной регистр: художественную задачу своих воспоминаний Славкин видит теперь в превращении истории «съеденной жизни» в лекарство от забывчивости — «маленькую кругленькую пилюльку»,

которую нужно положить на язык: «подержите так секунду, другую, вы почувствуете легкую горечь... Знайте — это мы» [Славкин, с. 314].

В целом книга Славкина создает романтический образ рассеянного временем, незаслуженно обиженного поколения, в 1950-е гг. разведенного со своими сверстниками по разные стороны баррикад бессмысленной государственной борьбой за то, «чтоб в сердце не закралась плесень», а в 1980-е и 1990-е гг. так и не дождавшегося от истории признания, что «они были правы». Говоря о стилягах как историческом феномене, автор выстраивает целую систему бинарных оппозиций: настоящий советский человек — стиляга; советский мир суконного быта — яркий мир стиляг; магистраль — обочина; советский инкубаторский график — спонтанность и артистизм. Собственно, бинарность и становится одним из основных приемов при реконструкции автором портрета своего поколения. Вместе с тем в книге действует и иной сюжет, следующий демифологизирующей стратегии.

Таким образом развивается, например, линия взаимоотношений Бэмса литературного и Бэмса реального: несколько встреч автора с прототипом своего героя трансформируют образ, постепенно сближая его с героем-антагонистом Ивченко:

> П р о к о п. Дороже?! Во, деятели! А говорят, у них там все дешевле.
>
> И в ч е н к о. Да брось ты, Прокоп! Возьми Америку, иди поешь в хороший ресторан — штанов не хватит [Славкин, с. 24].
>
> Б э м с («Третий Бэмс»). В ресторан — надо иметь что-то за пазухой. Когда я видел, как подъезжают в рестораны — я как наблюдатель только был. Я даже не мог попасть, пройти — мне было стыдно... Я посмотрел, думаю, мама миа! Я не мог при всем желании. Даже если бы были деньги!.. Потому что я не имел такого лоска, какого-то статуса, уровня... [Славкин, с. 278].

Трансформация героя включается в книге в ряд похожих «дискредитирующих» историй о жизни бывших стиляг (например, о трубаче, изображавшем под фонограмму в «Кабачке 12 стульев» вдохновенную игру на инструменте и в итоге отказавшимся играть в ансамбле Лундстрема, потому что там нужно было работать по-настоящему; история Люсиной знакомой из «Ориона» и т. д.).

Включен в эту демифологизирующую линию и образ автора. По ходу книги автобиографическое «я» проецирует себя то на трепача Прокопа («я хотел бы предстать не писателем, не мемуаристом, не социологом, а старым трепачом Прокопом, который вываливает на стол все, что знает и помнит...» [Славкин, с. 18]), то на любимого персонажа-стилягу («Я узнал себя. Это был Бэмс» [Там же, с. 44]), однако в конце книги автор с сожалением признается, что «никогда не был стилягой», фактически переводя себя из статуса участника (позиция изнутри) в статус сочувствующего наблюдателя со стороны (взгляд снаружи). Выведение себя за границы с любовью и тщанием реконструируемого мира читается как указание на его фикциональность, создает впечатление, что «настоящих стиляг» в действительности никогда не было, что цельный портрет поколения возможен только художественными усилиями.

Свое видение стиляг как феномена предложил Алексей Козлов, известный музыкант, джазмен, писатель и бывший стиляга. Книга «Козел на саксе» писалась им как автобиографическая, в ней стиляги представлены как важная часть жизни автора, но уведены на второй план, поскольку структурообразующей для Козлова была и остается идея музыки — он фактически «прослеживает» через свою жизнь историю сменяющихся музыкальных стилей, где стиляги с их страстью к джазу — ключевой, но все же эпизод [Козлов, 1998]. Характерно, что к теме стиляг А. Козлов впоследствии возвращается в своих автобиографических рассказах (опубликованы на сайте автора), несколько корректируя угол зрения на этот феномен. Так, если в книге «Козел на саксе» стиляги — это «свои», люди своего поколения, как и автор, преданные джазу, то автобиографический рассказ «“Стиляги” и “золотая молодежь” сталинских времен» оканчивается пассажем, отдающим дань современным неоконсервативным тенденциям: «А есть ли в наше время хоть какие-то аналогии с преследованиями пижонов и отщепенцев разного типа?...» [Козлов].

В 2008 г., после выхода фильма В. Тодоровского и на новой волне интереса к стилягам, писатель и режиссер Владимир Козлов под псевдонимом Г. Литвинов выпускает книгу «Стиляги: как это было». В книге Г. Литвинова стиляги рассматриваются как субкультура, а главы «документального романа» выстраиваются как ее подробное описание (см. разделы «Первая субкультура», «Советские денди», «Культура из-за бугра», «Герои фельетонов и карикатур», «Судьба стиляги в СССР», «Главные музыканты стиляг», «Главные песни стиляг» и т. д., в приложении дан «Краткий словарь стиляжного сленга»). Всё это действительно делает книгу довольно полным исследованием феномена, кроме того, Г. Литвинов, очевидно, ориентируясь на ансамблевую структуру «Памятника...» В. Славкина, включает в текст вырезки о стилягах из старых советских газет и журналов, фотографии и иллюстрации.

В главах-описаниях отчетливо заметна тенденция к «завершению» феномена: в отличие от книги В. Славкина, авторский тон в «Стилягах» Г. Литвинова намеренно отстраненный, стиляги описываются как исторический феномен, давно сошедший со сцены, повествование предельно ясное, выдержанное в художественно-публицистическом ключе («В такой внешней и внутренней политической обстановке появились первые стиляги. Но кроме этого стоит обратить внимание еще и на бытовую ситуацию. Советское общество конца сороковых — начала пятидесятых было достаточно пуританским...» [Литвинов]).

Разрушают эту завершенность голоса участников движения, бывших стиляг, чьи реплики приводятся в финале каждой главки или раздела и звучат живо и эмоционально, при этом важно, что «чужие» голоса плохо группируются между собой, буквально разрушая простое и, казалось бы, лишенное колебаний и сомнений авторское повествование. Энциклопедически обобщенное описание жизни стиляг размывается множеством частных историй, разнообразием мнений, которые варьируются в очень широких пределах — от взгляда на стиляг как

на простых парней, любителей джаза — до концептуализации этого феномена как поколенческого — например, в репликах А. Козлова или Л. Лурье:

> Л. Лурье: Существует поколение в смысле года рождения, и существует поколение в смысле стиляг — то есть родившихся в одно и то же время и принадлежащих к одной и той же культуре. Люди тридцатых годов рождения, выросшие в больших городах, дети ИТР (инженерно-технических работников), условно говоря. Поколенческие группы и движут историю. Физики поколения Ландау, или деятели французской революции, или народовольцы. Их объединяет год рождения и еще ряд вещей: любимые книги и так далее. Это — люди, которые, что называется, изменяют мир. И стиляги — некая периферия этого движения [Литвинов].

Книга Г. Литвинова, как и воспоминания В. Славкина, пытается подвести итог истории стиляг в XX в. и одновременно сопротивляется этому завершению. Невозможность до конца определить феномен в обеих книгах метафорически обыгрывается сюжетом поиска для стиляг «настоящего имени».

Так, у Г. Литвинова слово *стиляга* обсуждается как терминологическая проблема. Автор приводит три версии происхождения названия. Появление термина связывается со знаменитым фельетоном Д. Беляева в журнале «Крокодил» (10 марта 1949 г.), где представлен карикатурный образ «типа, уходящего в прошлое»: исполняющего невообразимые танцевальные па, одетого, как попугай, глуповатого молодого человека, вызывающего у окружающей «нормальной» молодежи брезгливость и жалость. По другой версии, слово *стиляга* появилось из сленга джазовых музыкантов, у которых *стилять* означало «играть в чужом стиле». Некоторые участники движения предполагают, что стиляги связаны со *стилем* — но не одежды, а танцев (танцевали особым «стилем» — американским или канадским). После подробного описания версий происхождения слова оно отметается / отменяется в репликах самих стиляг: они себя так никогда не называли, многие из них подчеркивают, что это словечко оскорбительное, между своими в ходу были *чувак* и *чувиха*, позднее — *штатники* [Литвинов].

В. Славкин замечает, что адекватное имя для его поколения обнаружилось с опозданием: «Слово *молодежь*, которое было принято для обозначения “этого” во всем мире, нас не устраивало. Мы искали свое. Слово было найдено лишь тогда, когда мы уже отгуляли, оттанцевали, отспорили, отпили, от-все. Слово это — *шестидесятники* (курсив наш. — *О. Б.*)» [Славкин, с. 50]. Характерно при этом, что «шестидесятники» — термин не менее (если не более) проблематичный и размытый, а в финале «Памятника...» еще и критикуемый самыми разными, в том числе и близкими автору, людьми (см. «Полистаем один журнальчик и почитаем две газетки»). В. Аксенов, друг В. Славкина, бывший стиляга, обыгрывает эту терминологическую путаницу в начале своей новеллы «Три шинели и Нос»:

> Постоянно причисляемый к «шестидесятникам», я и сам себя таковым считал, пока вдруг не вспомнил, что в 1960 году мне уже исполнилось двадцать восемь. Лермонтовский возраст, этот постоянный упрек российскому литератору, пришелся на пятидесятые, и, стало быть, я уже скорее «пятидесятник», то есть

> еще хуже... Приятен мне, господа, русский суффикс «яга». Идет он, несомненно, от скифов и пахнет кочевой чертовщиной. Всегда осязаю его присутствие, когда думаю о том, как «коммуняга» ненавидел «стилягу», как он, «бедняга», немного подох, а стиляга, оказывается, еще немного жив, «доходяга». В этом ключе можно и в индейскую Чаттанугу всунуть дольку скифского чесноку, тогда у нас все законтачит [Аксенов, с. 16].

Многовариантность называний свидетельствует об открытости феномена для интерпретаций, а противоречивая структура книг В. Славкина и Г. Литвинова сопротивляется окончательной концептуализации феномена стиляг. Авторские варианты осмысления этого явления в книгах мемуарного характера (или книгах с привлечением воспоминаний участников событий) выглядят как попытки проговорить опыт поколения, но свидетельствуют скорее о невозможности описать историю стиляг как коллективную / общую судьбу. С гораздо большим успехом эта попытка реализована Ю. Коротковым и В. Тодоровским — но не в литературе, а в кино.

В фильме В. Тодоровского — вполне в конвенциях жанра — создается мифологизированный, яркий образ стиляги как д р у г о г о, вневременного борца за свободу самовыражения (не случайно в финале фильма главные герои уже на фоне современной Москвы, а вокруг них — молодые люди, принадлежащие совершенно разным субкультурам или не относящиеся к ним вовсе). Тодоровский делает контрасты между серостью советского быта и яркой жизнью стиляг гротескными, обобщая образ и выводя его за пределы конкретного исторического времени. Способствует этому эффекту и музыкальное оформление фильма, в котором известные песни рок-эпохи с переписанным либретто исполняются как песни 1950-х гг. Слово *стиляги* оказывается как нельзя более подходящим для героев фильма, поскольку визуальный ряд акцентирует необыкновенную яркость, особость их внешнего вида, подчеркивает (на контрасте с темными одинаковыми советскими костюмами) стильность как проявление личной индивидуальности («Мысль понятная: / Ты знаешь, ведь все неплохо, / Этот стиль побеждает страх...» [Стиляги]).

Как и В. Славкин, В. Тодоровский вводит в произведение проблему взаимоотношения поколений — отцов и детей, однако, если В. Славкин пытается обозначить отличия и сходства между стилягами и последующими поколениями (на человеческом уровне признавая бесполезность разговора в координатах «мы старшее поколение, а вы — младшее»), то В. Тодоровский использует стиляг как удобную для художественного осмысления «точку разлома» социального и культурного порядка. Ю. Короткова (автора сценария) и В. Тодоровского (режиссера) стиляги не интересуют как поколенческий феномен. Добавляя образу стиляги, в соответствии с конвенциями жанра, стилистической и эмоциональной избыточности, авторы превращают его в метафору молодости, в символ «вечной потребности человека быть свободным» [«Стиляги» В. Тодоровского] — и в этом смысле В. Тодоровский делает фильм не о поколении стиляг, но о самом механизме смены поколений.

Итак, художественные тексты последних лет демонстрируют разные авторские подходы к осмыслению феномена стиляг. Поколенческая риторика актуализируется по отношению к стилягам как основная (В. Славкин) или альтернативная (Г. Литвинов). Однако сама структура книг, реализующих одновременно мифологизирующую и демифологизирующую стратегии и тяготеющих к созданию ансамблевых единств, свидетельствует о многоаспектности стиляжничества как историко-культурного феномена. Наиболее точным в контексте авторских попыток рассмотреть стиляг и как поколение, и как молодежное движение, выглядит высказывание Л. Лурье о том, что стиляги — поколение, которое «образовало субкультуру» [Литвинов]. Гораздо более цельным и завершенным образ стиляг представлен в современной массовой культуре, отказывающейся от рефлексии по поводу стиляг как «поколения» и использующей этот образ как символ свободы, практически выведенный из исторического контекста.

Аксенов В. Негатив положительного героя. М. : Эксмо, 2006.

Богданова П. Логика перемен. Анатолий Васильев: между прошлым и будущим. М. : НЛО, 2007.

Василинина И. Каждый собирает свой букет // Театр. 1986. № 2. С. 62–70.

Васильев А. Новая драма, новый герой // Лит. обозрение. 1981. № 1. С. 86–89.

Дубин Б. Поколение: социологические границы понятия // Мониторинг общественного мнения. № 2 (58). Март-апрель 2002. С. 11–15.

Козлов А. «Стиляги» и «золотая молодежь» сталинских времен [Электронный ресурс]. URL: http://alexeykozlov.com/?p=5945 (дата обращения: 25.08.2016)

Козлов А. Козел на саксе. М. : Вагриус, 1998.

Литвинов Г. Стиляги: как это было : документальный роман Г. Литвинова [Электронная книга]. СПб. : Амфора, 2009.

Рот-Ай К. Кто на пьедестале, а кто в толпе? Стиляги и идея советской «молодежной культуры» в эпоху «оттепели» [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2004. № 4 (36). URL: http://magazines.russ.ru/nz/2004/4/ra4.html (дата обращения: 25.08.2016).

Славкин В. Памятник неизвестному стиляге. М. : Артист. Режиссер. Театр, 1996.

Стиляги [Фильм] (реж. В. Тодоровский, 2008 г.).

«Стиляги» В. Тодоровского : интервью с В. Тодоровским [Электронный ресурс] // Рос. газ. 17.12.2008. URL: https://rg.ru/2008/12/17/stilyagi.html (дата обращения: 25.08.2016).

Статья поступила в редакцию 10.09.2016 г.

Багдасарян Ольга Юрьевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры литературы и методики ее преподавания
Уральский государственный педагогический университет
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, комн. 279
E-mail: obagdasar@gmail.com

Bagdasaryan, Olga Yurievna
PhD (Philology), Associate Professor,
Chair of Literature and the Methodology of Its Teaching
Ural State Pedagogical University
Office 279, 26, Kosmonavty Ave.,
620017 Yekaterinburg, Russia
E-mail: obagdasar@gmail.com

THE GENERATION THAT FORMED A SUBCULTURE: "STILYAGI" AND THEIR LITERARY REPRESENTATIONS IN THE 1990s–2000s

The article is devoted to the phenomenon of the *stilyagi* in the literature of 1990s—2000s. Referring to works by V. Slavkin, A. Kozlov, and G. Litvinov, the author explores the representations of the stilyagi counterculture. The author provides a thorough analysis of *The Monument to the Unknown Stilyaga* by V. Slavkin that is one of the first textual memoirs trying to interpret the phenomenon of the stilyagi as a generational group. The book analysis as a unity reveals two conflicting trends. The first one mythologizes the stilyagi as a "special generation", while the second one deconstructs the myth about the romantic figure of the future representative of the 1960s deceived by history.

In A. Kozlov's memoirs (*Kozel Playing the Sax*) the stilyagi are treated as "people of his generation". At the same time the author is interested in the stilyagi as in "jazz fans", and that is why they are included in the history of musical styles.

G. Litvinov's book (*Stilyagi: How It Happened*) refers to the *Monument to the Unknown Stilyaga* and attempts to encyclopedically describe the phenomenon as a subculture. The book contains phrases of former stilyagi, illustrations and photos. The ensemble structure of the book creates a dissonance effect between the author's efforts to finalise the phenomenon and conflicting and living testimonies of the epoch. Overall, the literary representations of the stilyagi indicate that it is impossible to describe their story as a collective / common destiny.

K e y w o r d s: 20th–21st centuries literature; stilyagi; generation; subculture; ensemble unity.

Aksenov, V. (2006). *Negativ polozhitel'nogo geroia* [The Negative of a Positive Character]. Moscow: Eksmo. (In Russian)

Bogdanova, P. (2007). *Logika peremen. Anatolii Vasil'ev: mezhdu proshlym i budu-shchim* [The Logic of Change. Anatoly Vasilyev: Between Past and Future]. Moscow: NLO. (In Russian)

Dubin, B. (2002). Pokolenie: sotsiologicheskie granitsy poniatiia [Generation: Sociological Boundaries of the Term]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia*, 2 (58), 11–15. (In Russian)

Kozlov, A. (2008). *Kozel na sakse* [Kozel Playing the Sax]. Moscow: Vagrius. (In Russian)

Kozlov, A. *«Stiliagi» i «zolotaia molodezh'» stalinskikh vremen* [Stilyagi and the Gilded Youth of the Stalin Time]. Retrieved from http://alexeykozlov.com/?p=5945. (In Russian)

Litvinov, G. (2009). *Stiliagi: kak eto bylo: dokumental'nyi roman G. Litvinova* [Stilyagi: How It Happened: A Documentary Novel by G. Litvinov]. Saint Petersburg: Amfora. (In Russian)

Rot-Ai, K. (2004). Kto na p'edestale, a kto v tolpe? Stiliagi i ideia sovetskoi «molodezhnoi kul'tury» v epokhu «ottepeli» [Who Is on the Pedestal, and Who Is in the Crowd? The Stilyagi and the Idea of Soviet Youth Culture during the Thaw]. *Neprikosnovennyi zapas*, 4 (36). Retrieved from http://magazines.russ.ru/nz/2004/4/ra4.html. (In Russian)

Slavkin, V. (1996). *Pamiatnik neizvestnomu stiliage* [Monument to the Unknown Stilyaga]. Moscow: Artist. Rezhisser. Teatr. (In Russian)

«Stiliagi» V. Todorovskogo: Interv'iu s V. Todorovskim (2008, December 17) [An Interview with V. Todorovsky]. *Rossiiskaia gazeta*. Retrieved from https://rg.ru/2008/12/17/stilyagi.html. (In Russian)

Vasil'ev, A. (1981). Novaia drama, novyi geroi [New Drama, New Character]. *Literaturnoe obozrenie*, 1, 86–89. (In Russian)

Vasilinina, I. (1986). Kazhdyi sobiraet svoi buket [Everyone Arranges Their Own Bouquet]. *Teatr*, 2, 62–70. (In Russian)

Received on 10 September, 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.4.071
УДК

Н. В. Барковская
Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия

ПОКОЛЕНИЕ «ЗАСТОЯ» В КНИГАХ Э. КОЧЕРГИНА «АНГЕЛОВА КУКЛА» И В. ЛЮБАРОВА «ПРАЗДНИК БЕЗ ПОВОДА»

В статье рассматривается мироотношение людей позднесоветского периода на материале книг художников: «Ангелова кукла» Э. Кочергина и «Праздник без повода» В. Любарова. Обе книги автобиографичны, рассказывают о детстве и юности, о формировании художника, начале творчества. Выбор мотивирован тем, что авторы — состоявшиеся люди, выдающиеся художники, дающие пример того, как можно стать счастливым вопреки времени и обстоятельствам. Актуальность обращения к данному материалу обусловлена нередкими сбоями коммуникации между поколениями в условиях резкой смены социальной и культурной ситуации. Литература стремится восполнить функцию передачи опыта, не случайно сегодня активно развиваются жанры литературы нон-фикшн, в том числе мемуары. Автор статьи поддерживает мнение А. Юрчака, согласно которому люди периода «застоя» не могут быть разделены только на конформистов и диссидентов. Последнее советское поколение отстранялось от официальной идеологии, уходило на позиции «вненаходимости». Таким пространством свободы для Э. Кочергина явилось творчество театрального художника, для В. Любарова — художника-иллюстратора. Книги написаны уже в постсоветский период, рассказывают о времени, на которое пришлась пора творческого становления. Старший по возрасту, Э. Кочергин начинает с характеристики позднесталинского периода, В. Любаров сосредоточен на «оттепели», брежневском времени и перестройке. Разница в жизненном опыте обусловила различие в тональности повествования: рассказы Э. Кочергина более трагичны, рассказы В. Любарова — ироничны. Оба автора используют традицию устного рассказа, мастерски воспроизводят «просторечие эпохи».

Избранные книги рисуют исключительных героев: талантливых, одаренных, мастеров своего дела, чудаков. Мемуарные по характеру, книги выполняют важную функцию передачи непосредственного жизненного опыта человека, сумевшего реализовать свой дар, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: последнее советское поколение; вненаходимость; проза художника; сказ; мемуары.

Актуальность обращения к последнему советскому поколению, поколению «застоя», обусловлена целым рядом причин. Во-первых, количественно это значительная часть современного общества. Ю. Левада приводит статистику: «“Собственное” поколение застоя — родившиеся с середины 40-х до конца

© Барковская Н. В., 2016

60-х годов (1944–1968). Численно это самая крупная группа — 39 % взрослого населения» [Левада 2005б, с. 44]. Во-вторых, это активная часть общества; В. В. Семенова отмечает, что это «духовно активное и рефлексирующее поколение» [Семенова, с. 96–97], обладающее самым высоким уровнем образования. Это люди в возрасте около 50–70 лет, что влечет за собой весь комплекс проблем, связанных с социокультурной ролью «стариков». Социолог Т. М. Померанцева пишет: «Особенности демографической ситуации в России на ближайшую перспективу характеризуются также тем, что к пенсионному возрасту подходят наиболее многочисленные поколенческие когорты послевоенных рождений, что актуализирует анализ социальных, политических, экономических и других социокультурных проблем граждан старшего возраста как особой многочисленной социально-демографической группы современного российского общества» [Померанцева].

При всей амбивалентности отношения общества к старшим поколениям, за ними традиционно закреплялась функция передачи жизненного опыта. Однако эта функция сегодня также дает сбои. Сошлемся на мнение А. Левинсона: «Старики стали жить дольше. Но их роль как носителей родового предания и родовой мудрости упразднена. На смену большой трехпоколенной семье приходит нуклеарная, в которой есть пара родителей и ребенок / дети, либо еще более редуцированные варианты — неполная семья, дети на пансионе в школе, дети-сироты и пр. Для “старых” в этой системе места нет. Бабушки (и изредка дедушки) если и используются в процессе семейной социализации, то в качестве заменителей мамы и папы. Базовые ценности теперь транслируются не по линии бабушка / дедушка — внуки, а по более короткому и быстрому контуру: СМИ — дети» [Левинсон 2005]. Литература стремится восполнить эти сбои коммуникации, сегодня активно развиваются жанры литературы нон-фикшн, в том числе мемуары. Ирина Каспэ указывает социокультурную функцию документа: это «не просто способ передачи информации, но способ выстраивания социального “я”, социальных связей, социальных общностей...» [Статус документа..., с. 6].

Но какой опыт передают поколения «застоя», какую систему ценностей транслируют? Отношение к последнему советскому поколению в науке противоречивое. Б. Дубин полагает, что советским поколениям была присуща тактика вынужденного приспособления, недобровольности, о чем лучше забыть, вытеснить из памяти, чем и объясняется сегодня «коллективная амнезия» и безъязычие [Дубин, с. 78]); люди за 60 получают от более молодых пренебрежительное наименование «совки, ватники», а с другой стороны, из этого же поколения вышли диссиденты. В. В. Семенова называет их поколением разочарованных, «гамлетов», «лишних людей» [Семенова, с. 99].

Наиболее взвешенной нам представляется позиция Алексея Юрчака, полагающего, что вся полнота существования людей не исчерпывается бинарными оппозициями: подавление — подчинение, власть — народ, конформист — диссидент. Большинство людей, по концепции Юрчака, были «нормальными людьми» [Юрчак, с. 233, 305]; а «нормальный» советский человек не являлся ни

активистом, ни диссидентом, он не носил «маску», не притворялся, чаще всего не был трикстером. Он не рассматривал идеологические лозунги с позиций правды или лжи — он существовал в симбиозе с советской системой, практиковал «политику вненаходимости» и «свободу вненаходимости» (в клубах туристов-альпинистов, в лабораториях физиков, в обществах любителей фантастики, в котельных и квартирниках и пр.). Напомним также концепцию «коллективного субъекта» Е. Н. Петровской, «безымянных сообществ» как особых «текстов» культуры, функционирующих на разных исторических этапах общества и не сводимых к идеологии или политике [Петровская].

Нами выбраны для рассмотрения две книги: «Ангелова кукла» Эдуарда Кочергина и «Праздник без повода» Владимира Любарова (при необходимости привлекались и материалы книг «Крещенные крестами» Э. Кочергина, «Рассказы. Картинки» В. Любарова). Обе книги автобиографичны, рассказывают о детстве и юности, о формировании художника, начале творчества. Обе написаны в достаточно зрелом возрасте, когда авторы приблизились к своему 70-летию. Выбор мотивирован тем, что авторы — состоявшиеся люди, выдающиеся художники[1], дающие пример того, как можно стать счастливым вопреки времени и обстоятельствам. Кроме того, художник воспринимает мир прежде всего зрительно, поэтому в книгах художественный мир очень конкретный, фактурный, в формах и объемах — и правдивый (документальность удостоверяется фотографиями, сохранением личных имен, точной топонимикой и хронологией). Авторы прикрываются легким флером дилетантизма (подзаголовок «Ангеловой куклы» — «Записки рисовального человека», В. Любаров шутливо оправдывается в своем писательстве, говоря, что редактор попросил его «заполнить дыры» в макете альбома, выпускаемого в 2004 г. к 60-летию художника). «Имидж» писателя-любителя позволяет писать так, как хочется, непосредственно, не претендуя на статус «высокой литературы». В. Любаров признается:

> Писать мне понравилось. Процесс не очень сложный. Берешь ручку, бумагу, пишешь. Потом жена Катя набирает на компьютере, исправляет ошибки, иногда редактирует. Вот и всё (далее автор дешевизну литературного творчества сопоставляет с дороговизной занятиями живописью, где нужны кисти, краски, холсты. — *Н. Б.*). А главное, когда пишешь, придумывать ничего не надо: что было — о том и пою. Как акын [Любаров, 2015, с. 5].

При выборе книг нами учитывалась разница в возрасте авторов: Э. Кочергин родился в 1937 г. (Ленинград), В. Любаров в 1944 г. (Москва). Книга «Ангелова кукла» начинается с воспоминаний о первых послевоенных годах, затем, гораздо

---

[1] *Эдуард Кочергин* — советский и российский театральный художник, писатель. Главный художник БДТ им. Г. А. Товстоногова с 1972 г. Академик АХ СССР. Народный художник РСФСР.

Владимир Любаров — российский художник и график, член Союза художников России с 1985 г. Работая графиком, проиллюстрировал и оформил более 100 книг. Картины художника хранятся во многих музеях России и других стран, среди них Третьяковская галерея, Русский музей, Литературный музей и Музей истории Санкт-Петербурга.

в меньшем объеме, затронут период «оттепели»; В. Любаров наиболее подробно описывает период «застоя» и сегодняшний день. Таким образом, можно проследить постепенную динамику поколений второй половины XX в., от сталинских послевоенных до начала перестройки. Сразу скажем, что конфликта (серьезного, принципиального) «отцов» и «детей» у обоих авторов нет, им важны преемственность, наследование, ученичество в ремесле художника (оба вспоминают о школах, об учителях и наставниках).

Рассказ о себе авторами ведется на широком, по сути — эпическом фоне: это рассказ о времени, о многих других людях, об особенностях быта (частного, приватного, в отличие от официально-государственного). Разница позднесталинского и брежневского периодов обусловливает различие в тональности повествования: у Э. Кочергина рассказы более драматичны, а то и трагичны, у В. Любарова преобладает шутливый или иронический тон. Разумеется, важна и разница в жизненном опыте: Э. Кочергин — сын репрессированных родителей, годы войны проведший в детприемнике НКВД для детей врагов народа под Омском, бежавший оттуда восьмилетним в 1945 г. и добиравшийся несколько лет в родной Ленинград без денег и документов, «крещенный крестами», — и В. Любаров, живший с родными в Москве, на Щипке, в коммунальной квартире. Разница в эмоциональной атмосфере проявляется и в авторском оформлении книг: тексты Э. Кочергина сопровождают лаконичные черно-белые рисунки пером, у В. Любарова — яркие, красочные, почти лубочные «картинки», гротескные и смешные.

Общее в подходах авторов заключается в том, что они показывают не «нормального» человека, а исключительного, необычного, «чудика»-артиста. Вот этот причудливый артистизм и выступал для героев основой творчества своего мира, своей жизни с ее радостями и красотой. Э. Кочергин рассказывает о «типах, выпадающих из общепринятых норм и устоев человечества, причем украшающих эту самую жизнь необычайной добротой ко всем» [Кочергин, с. 265].

Какие варианты «свободы вненаходимости» рисуют избранные авторы? Одной из форм «вненаходимости» государственно-идеологической стороне жизни и бытовой рутине становилось пьянство. Об этом с горечью писали и авторы XIX в., вспомним хотя бы главку «Пьяная ночь» в поэме Н. А. Некрасова, пишут и современные. Н. Тэффи с сарказмом перечисляет «незабываемые русские слова»: *выпивши*, *набодался*, *назюзился*, *клюкнул*, *надрался*, *насвистался*, *нарезался*, *насандалился* [Тэффи, с. 244]. Зиновий Зиник, сравнивая пьянство ирландское или западноевропейское и русское, пишет, что те пьют, чтобы утвердить себя в глазах собеседника, а русское пьянство — «это побег от реальности, это освобождение от коллектива, это перескок в иные сферы бытия, точнее — небытия» [Зиник, с. 206]. Стремление к «празднику» спровоцировано неудовлетворенностью повседневным существованием.

Действие историй Э. Кочергина разворачивается в первые послевоенные годы на Петроградской стороне, пристанище бывших воинов, ныне ненужных калек. Жуткую процессию представляли похороны Капитана в одноименном

рассказе: в последний путь его провожали «обрубки», «костыли», «тачки» (т. е. совсем безногие) и прочие увечные.

> Со стороны казалось, что происходит массовый исход калек на край своей островной земли — Смоленское кладбище. Это был последний марш обрубков — победителей прошедшей отечественной и мировой бойни <...> Порубленная войной островная братия провожала с Капитаном себя — через год город стали очищать от безродных, неуправляемых и никому не нужных бражников, ссылая их в инвалидные дома в наскоро приспособленных для этого монастырях среди наших северных печальных пейзажей [Кочергин, с. 146].

Около инвалидов крутились беспризорные воришки, малолетние проститутки, спившиеся актеры и прочий опустившийся люд. Кочергин свидетельствует также об изрядном количестве пивных ларьков и питейных заведений, открывшихся на Петроградской стороне в эти годы. Алексей Левинсон пишет (правда, применительно к другому времени), что ситуация бедствия существует в паре с ситуацией празднества: «...бедствие освобождает обывателей от ряда обязательств по отношению к государству. Это освобождение переживается как негативная компонента времени. Праздничность образуется из параллельного позитивного осмысления той же ситуации. Результатом освобождения оказывается если не свобода, то, по крайней мере, воля, осознаваемая как временное социально оправданное неподчинение законам нормальной жизни» [Левинсон, 2004, с. 312]. В рассказах В. Любарова пьянство показано как тотальное явление эпохи застоя: так люди «ускользали» от надоевшего официоза, от повседневной рутины, да и попросту от скуки. В издательстве «Реклама», в самом начале хрущевской оттепели, рабочий день начинался строго в 9 утра (начальник отдела кадров стоял с часами при входе), потом народ маялся до 11 часов, когда открывались винные магазины, а после четырех часов сотрудники начинали активно «отдыхать». Свое назначение главным художником В. Любаров объясняет тем, что пил, как и все, но закусывал. «Столько я вообще нигде больше не пил. И не видел, чтоб столько пили» [Любаров, 2014, с. 14]. Реклама оплачивалась государством, заказчику она была не нужна, «всё нужное и необходимое было в дефиците», всё бойко покупалось и без рекламы, объем работы был небольшим, его могли выполнить шестеро, а в «Рекламе» числилось несколько сотен сотрудников [Там же, с. 10]. Так что времени для «отдыха» было достаточно.

«Праздник без повода» четко отличался от праздника официального, государственного. Э. Кочергин отсылает к 1952 г.: «Это были годы громких победных маршевых песен, массовых спортивных шествий по площадям и проспектам во время “красных” праздников и огромных “усатых” портретов...» [Кочергин, с. 102], и по контрасту описывает похоронную процессию инвалидов в рассказе «Капитан». В. Любаров также отмечает различие:

> Праздникам в обязательном порядке предшествовали торжественные собрания, проводившиеся строго по всем памятным датам. По поводу 7 Ноября, Нового года, 23

февраля, 8 Марта, Дня работника советской печати, Дня Конституции, Дня защиты детей, Дня советской милиции... [Любаров, 2014, с. 18].

Подробно описывается стол президиума и сидевшие за ним, доклады, вручение почетных грамот. Автобиографический герой на таких собраниях погружался в глубокий сон. Потом начинался банкет, тоже очень торжественный: «надо было делать вид, что ты пьешь как бы через силу», а потом все разбредались по отделам и уже гуляли от души. Контраст в книге В. Любарова заострен визуально: «прилизанные» репродукции советской рекламы (например, набор шоколадных конфет фабрики «Красный октябрь», «Советское шампанское» или цитрусовый сок) — и натюрморт «Рыбка к пиву», причем вобла лежит на газете с портретами официальных лиц, сидящих за столом переговоров. И напротив, праздничный стол, крахмальные скатерти, шампанское в «номенклатурных бокалах» — вся эта роскошь, от которой несколько «скисли и прихудели» девицы, ознаменовали лучший день «петроградской артели марух»: Лидки Петроградской, Шурки Вечной Каурки, Муськи Колотой, Екатерины Душистой и пр. Эта артель на свои средства воспитала сироту Гюлю Ахметову, выучила ее в Вагановском училище на балерину, и вот, наконец, в день торжества их Гюля блестяще танцевала партию Жизели на выпускном экзамене-концерте: «Это был для островных шалав Питера самый главный праздник их жизней. Это была их победа» [Кочергин, с. 190].

Территорией «праздника» могло становиться дешевое кафе, берег пруда, парк, квартира, дача — любое место, где отсутствовал строгий контроль. Так, В. Любаров пишет, что полюбил ходить на рынок в советское время:

> Я уж не говорю про то, каким праздником был для меня поход на рынок в советское время! Настоящим глотком свободы, доложу я вам. <...> В советской жизни все имело свою жесткую цену: партийный стоил дороже беспартийного; рабочий — дороже колхозника <...> На рынке же ты сам мог каждому фрукту назначить свою цену... [Любаров, 2015, с. 80].

Праздничное настроение создавала и г р а, в полном соответствии с ее извечной функцией, проанализированной Й. Хейзинга в «Homo Ludens» и М. Бахтиным в книге о Франсуа Рабле. В «Ангеловой кукле» есть рассказ о нищем уродце по прозвищу Гоша Ноги Колесом, кормящемся подаянием в районе Смоленского кладбища. Этот несчастный человек умел дружить с ребятишками, при нем стихали самые жестокие ссоры и драки, он обладал даром объединения людей и умел приносить в беспросветную жизнь свет и радость. Перед Новым Годом и вплоть до Рождества, во время школьных каникул, под руководством Гоши устраивалась на льду реки елка. Украшали ее самодельными игрушками — разноцветными птичками и рыбками из замороженной в формочках воды, ставилась снежная баба, и начинались «ледовые гульбища», на которых «мономашил» сам Гоша, похожий на деда Чурилу или древнего Велеса. Ребятишки, ряженые медведями, сражались за Солнце (его изображала маленькая девочка

Кудышка, внучка кладбищенского деда Никудышки), по знаку Гоши, ударявшего суковатым жезлом в лед и приговаривавшего: «Солнце пришло, свет принесло, кто за него борется, тот им и кормится» [Кочергин, с. 96–97]. И хотя этот Гоша так и замерз в конце концов в своем нищенском чуланчике холодным декабрем 1953 г., но в памяти остались «ледовые гулянья на реке Смоленке между тремя кладбищами — православным Смоленским, армянским и немецким лютеранским — на двух островах островного города» [Там же, с. 101].

В книге В. Любарова игровую окраску приобретают события ввиду их абсурдности и полной бесполезности. Таковы его рассказы о рейдах дружинников (в ходе которых сами дружинники переставали отличаться от пьяных и драчунов), физзарядке в рабочий полдень, о паранормальных способностях, открывающихся у того или другого выпивающего, о его игре в детстве на балалайке и многом другом, столь же самоцельном и бессмысленном. В 2012 г. В. Любаров нарисовал серию картин «Буза в деревне Перемилово», выставлявшуюся в Манеже весной того же года. Автор говорит, что серия создавалась под впечатлением от митингов на Болотной площади и шествия на Якиманке.

В пресс-релиз серии вошла «сказочка», эпиграфом к которой взяты толкования из словаря Ушакова: «Буза. 1. Легкий хмельной напиток из проса, гречи, ячменя. 2. Скандал, шумный беспорядок». В деревне Перемилово поссорились жители левого берега и правого, выдвинули каждый своего кандидата в старосты: левые выдвинули Колю, правые — Серегу-Инопланетянина (об этих персонажах много рассказывалось ранее). Пока два кандидата бились-бились, целых три дня, остальные перемиловцы напились квасу-бузы, и на душе у них повеселело. В конце концов, старостой выбрали Серегу Хромого, который никогда не дрался и жил в центральной части деревни. Картины, составившие серию «Буза в Перемилово», как всегда у В. Любарова, гротескны, причем «правые» и «левые» ничем не отличаются, а фамилии кандидатов на листовках — Иванов, Петров и, очевидно, Сидоров (третья листовка совсем изорвана).

В рассказе «Митинг» шествие изображено как толпа ряженых: «...попадались странные люди. Среди протестующих шел человек-танк. Другие четверо изображали одного крокодила. Среди людей, одетых обычно, шли ряженые — деды морозы, клоуны, медведи, мумии, три огромных рыжих хомяка, каждый из которых держал бумажку с надписью “Похомячим?”. Всем было весело, все смеялись» [Любаров, 2014, с. 180]. Больше всего это описание напоминает новосибирские «монстрации». Рассказчик наблюдает происходящее достаточно отстраненно, утверждая, что все сегодняшние политические лозунги он уже встречал в своей жизни:

> Вот смотрите: я — человек сталинского времени. Мне было девять лет, когда Сталин умер, то есть вполне уже сознательный мальчик. Я — человек хрущевской оттепели. Я — человек брежневского застоя. Я — человек горбачевской перестройки. Я — человек ельцинских «лихих девяностых». И я — человек путинской эпохи со всеми вытекающими отсюда последствиями. Выходит, я такой человек-толпа из разных времен и народов... [Любаров, 2014, с. 183].

Отметим, что в 1991 г. В. Любаров обосновался в деревне Перемилово, заняв тем самым, все ту же позицию «ускользания» и «вненаходимости».

Настоящей зоной личной свободы у обоих авторов оказывается не выпивка, не игра, не политика, а м а с т е р с т в о. Кочергин рисует дно жизни не ради «натурализма», он показывает, что и в таких нечеловеческих условиях попадаются настоящие таланты, умельцы, преданные своему мастерству, и они-то и вносят «праздник» в гнетущую повседневность.

В книге «Ангелова кукла» Э. Кочергина каждый рассказ — портрет исключительной личности. Это и стойкий Капитан, и «светописец» (фотограф) дядя Ваня, безногий бывший солдат, снимавший свадьбы и похороны, взрослых и ребятишек. Даже некрасивый мальчик по прозвищу Плохаря получился у него симпатичным. Ему улыбались все, когда по воскресеньям он разносил готовые карточки, это «был настоящий праздник» [Кочергин, с. 156]. В 1954 г. на него донесла соседка: он печатал венчики и иконки для покойных, по просьбе служителей Николо-Богоявленского собора, и фотографа не стало. Василий Петроградский и Горицкий, герой одноименного рассказа, бывший матрос, потерявший обе ноги, передвигается от одного до другого питейного заведения Петроградской стороны в деревянном коробе на подшипниках. Но он — любимый всеми запевала, баянист, прирожденный хормейстер и дирижер. Когда во второй половине 1950-х гг. инвалидов убирали из Ленинграда, то и Василий был устроен в дом инвалидов на реке Шексне в Вологодской области. Там он организовал единственный в своем роде хор «самоваров», т. е. инвалидов, лишенных войной рук и ног. Летом санитарки выносили инвалидов на высокий берег Шексны. По вечерам пассажиры теплоходов слушали мощный мужской хор, певший «Раскинулось море широко...», не видя самих певцов, скрытых за прибрежными кустами и травой. В 1957 г. Василия не стало. С высоким поэтическим и трагическим пафосом передана встреча рассказчика с Платоном и Платонидой, двумя слепцами, жертвами расправы над священниками на Русском Севере во время борьбы с религией. Чудом выжившие, они бродят по деревням Олонецкой земли, отпевая усопших по старинному обряду, помогают людям «горюшко оплакать» [Кочергин, с. 331]. Рассказчик встретил их в деревне Верхний Перелесок и был поражен пением:

> Они-то пели-плакали в унисон абсолютно одинаковыми, очень высокими голосами, что-то дивное церковно-народное, совершенно не сравнимое с чем-либо слышанным в теперешней жизни <...> Они соединяли собой народный плач с мощью тысячелетней веры... [Кочергин, с. 324–325]

С уважением Э. Кочергин вспоминает бывшего швальника императорского величества, т. е. портного, умевшего «построить» шинель и тихо доживающего свой век пожарным в театре, легендарного циркового клоуна дядюшку Хасана и прочих чудаков и необыкновенно талантливых личностей. Гимн простому человеку-мастеру — рассказ «Топор вепса», о скромном, молчаливом театральном столяре, потомственном плотнике, выходце из вепсов (финно-угорского народа,

обитающего на севере, крещенного в православие). Дед на рождение внука выковал топорик и положил под подушку младенцу. Множество прекрасных вещей для оформления спектаклей сделал Иван Щербаков. Настоящим шедевром стал русский трон для постановки на сцене трилогии А. К. Толстого, сработанный из березы, без единого гвоздя, производящий впечатление натуральной кости. Однако преемника у плотника не осталось, старый одноногий вепс Егорий после смерти Ивана отвез топорик в опустевшую деревню: «к топорику, возможно, родится какой-нибудь вепс» [Кочергин, с. 264].

Герои В. Любарова если и мастерят, то как-то бесцельно и нелепо. Причина, по которой они берутся за топор, или садятся за трактор, или пробуют сложить печь, одна — ходят по дачникам те, у кого душа горит, а поправиться нечем. Вот два перемиловских мужика за четыре бутылки водки построили рассказчику парник гигантских размеров, из бревен, приготовленных для другой цели. На упреки ответили: «Ну и чего ты разорался? Теперь у тебя будет самый большой парник в деревне» [Любаров, 2015, с. 219]. Покрыть пленкой этот «Парфенон» не удалось, он использовался потом как турник: на нем подтягивались сам Любаров и искусствовед Мейланд, приехавший в гости (что удостоверяет фотография). Сережа Инопланетянин решил устроить пруд перед своим огромным недостроенным домом, запрудил речку Шосу, в дождливое лето всё заболотилось, мостик через Шосу сгнил, а потом и сам Серега исчез. Мастерством отличалась бабушка рассказчика, умевшая готовить праздничную «рыбу-фиш» и жарить удивительно вкусные котлетки. Сам рассказчик не стал футболистом, боксером, пловцом, верхолазом, хоккеистом и бегуном, зато умеет квасить капусту. Таким образом, очевидна ирония в адрес гигантомании и долгостроя, тогда как кулинарные умения всячески приветствуются.

Оба автора уважают и ценят добротно сработанные вещи, хранящие память о прошлом. В. Н. Топоров подчеркивал, что вещь «несет на себе печать человека»; рассматривая «человеческое» в вещи, он пишет: «“Сентиментальное” отношение к вещам, как и связанное с этим чувство приобщения к человеку и его жизни, также, как правило, основано не на “пользах”, получаемых от них, и функциях вещей, но на их признаках, внутренне пережитых человеком и соотнесенных им с теми или иными моментами своей жизни» [Топоров, с. 8, 29]. Для Э. Кочергина, театрального художника, особый интерес представляет мебель. Для оформления спектакля по пьесе М. Горького «Последние» нужны были подлинные старинные вещи. Как раз в это время (начало 1960-х гг.), пишет Э. Кочергин, после борьбы с излишествами в архитектуре начался быстрый «пошив» хрущоб, масса питерских семей переезжала, старинная мебель, «уважительная к человеку», не помещалась ни вдоль, ни поперек, выбрасывалась или продавалась за бесценок. Э. Кочергин перечисляет: книжный шкафчик красного дерева («жакоб» местного производства), роскошное «павловское» кресло карельской березы, дубовые буфеты и горки с резьбой и точеными деталями 70–80-х гг. XIX в., «були» черного дерева с инкрустацией из золоченой бронзы и черепахи, французской работы XVIII в., елизаветинское кресло ручной работы, обитое старинной парчой

на льняной основе... — это взгляд знатока-ценителя. За каждой из таких вещей открывалась история семьи, рода, трагедии и драмы, ведь каждая такая вещь пережила революцию, разруху, ежовщину, блокаду [Кочергин, с. 236].

В. Любаров, обосновавшись в деревне, открыл для себя мир инструментов и домашней утвари:

> До приезда в Перемилово я не знал, что вещи — живые, я ими просто пользовался. Но в деревне я открыл для себя мир утюгов, пил, гвоздей, самоваров, старых чайников и прочих вещей, многие из которых я откопал у себя на огороде. <...> Через этот вещный мир я почувствовал мир тех людей, что жили в Перемилове до меня [Любаров, 2015, с. 206].

Картины «Самоварная душа», «Старые чайники», «Отцовская пила», «Забытая лейка», «Утюг» передают тень загадочной жизни, которой жили их прежние владельцы. В. Любаров признается, что рисует натюрморт только тогда, когда вещь с ним заговорит; а вот в Москве, добавляет он, вещи вокруг него почти всегда молчат. Он дружит со старыми вещами и не очищает их от ржавчины — ему важен след, который оставило время [Любаров, 2015, с. 209].

Наконец, еще одним пространством «вненаходимости» для обоих авторов становится п р и р о д а, деревенская глушь. Э. Кочергин летом ездил в Вологодскую область, в Олонецкий край — рисовал старинные дома, отдыхал от города в лесу, на берегу речки, в беседах с бесхитростными людьми. В. Любаров пристрастился к огородничеству, и вовсе не из хозяйственных соображений. Ему виделась тайна мироздания в том, как из маленького семечка вырастает большое растение. По собственному признанию, ему особенно нравятся овощи. Раньше, замечает автор, он и овощи были друг другу чужими: «Мир овощей раскрылся передо мною именно в деревне. Между нами возникло нечто похожее на любовь» [Любаров, 2015, с. 220].

Настоящий гимн пишет В. Любаров луку:

> Лук — главный эстет среди всех овощей. Лук — интеллектуал. У него есть харизма и мощный внутренний темперамент. Для меня в луке сокрыта тайна, которую в каждом своем «луковом» натюрморте я и пытаюсь разгадать. Лук вообще по природе своей многогранен. <...> В каждом блюде лук иной, что мне как художнику говорит о богатстве его внутренней жизни. Правда, у него, как и у всякой непростой личности, случаются перепады настроения. То он ворчливый и смурной, поворачивается к зрителю коричневым боком; то розовый и светится от счастья — будто влюбленный в какую-нибудь капусту. А то ироничный и вредный... [Любаров, 2015, с. 220]

Страницу украшают соответствующие натюрморты, в том числе розовый лук, причем эти картины — предельно жизнеподобны и, вместе с тем, романтичны, но без гротеска. Далее рассказывается о картошке-«синеглазке», о кабачках; самым красивым признан перец — желтый, зеленый, красный: «Как-то я даже нарисовал летающие перцы — они летают по кругу, космические пришельцы, дурят нам головы мечтами о теплых краях, в которых нас нет...» [Любаров, 2015, с. 222]. Этот натюрморт также присутствует в книге.

Такое описание овощей В. Любаровым вызывает в памяти книгу М. А. Осоргина «Происшествия зеленого мира» (опубликована в 1938 г. в Софии). В этой книге есть главка, посвященная зеленому луку. Французы, в отличие от русских, не употребляют в пищу зеленые перья лука, что дало писателю повод развернуть свою метафору. Осоргин пишет: «Луковица есть обывательский “корень”, общедоступное и жирное подобие сущности. Она наглядна, ясна, прозаична, вульгарна. Она — безошибочное благополучие» [Осоргин, с. 191]. Французские фермеры пригибают луковые перья, чтобы луковица жирела. И далее М. Осоргин уподобляет славянскую душу этим зеленым перьям: увлекаясь русской музыкой или балетом, французы не забывают ее «примять и пригнуть к земле» [Там же, с. 193]. В целом вся книга М. Осоргина, сознательно покинувшего Париж ради деревенского уединения в годы, когда нарастала волна фашизма, двупланова: он очень точно описывает те или иные факты огородной жизни, но при этом говорит о политике, четко заявляя свою позицию: он — за «обитателей» против «обывателей». М. Осоргин рассуждает: «Обыватель живет на земле с маленькой буквы, Обитатель присутствует на Земле с большой. Обыватель — член семьи, профессионального союза, партии, церкви, он выборщик, подписчик газеты, посетитель углового кафе. Обитатель — член Всемирного Братства Чудаков» [Там же, с. 250–251]. Позиция деревенского отшельника для М. Осоргина являлась гарантом свободы личного «я». Нечто подобное мы видим и у В. Любарова.

Наконец, невозможно не отметить тот разговорный стиль, раскованный язык, живую интонацию «с к а з а» в книгах Э. Кочергина и В. Любарова. Их тексты малы по объему, иногда приближаются к новелле или рассказу-портрету, иногда напоминают эссе или байку, увлекательную историю. В любом случае, течение речи динамичное («густой рассказ» — подзаголовок одного из рассказов Э. Кочергина), не имеющее ничего общего с «гладкописью» книжного языка соцреализма или статикой официальных речей, отчетов, резолюций и решений съездов КПСС в период «застоя». Назвав свои произведения «записками» («Крещенные крестами»), «рассказами рисовального человека» («Ангелова кукла»), «книжкой с картинками» (В. Любаров), авторы оставили за собой право свободно вести повествование как бы за чертой «высокой» литературы. Тем более что по профессии оба — художники, не литераторы. В. Любаров даже приводит историю о том, как к нему в Перемилово приехал В. Войнович и тут же нарисовал портрет самого хозяина и многих перемиловцев; так и В. Любаров называет себя «начинающим писателем», который, впрочем, «наговорил» уже третью книгу. Стиль «рассказываний» напоминает о С. Довлатове, В. Войновиче; В. Любаров иллюстрировал книгу Л. Улицкой «Детство 49». Поза писателя-дилетанта, писателя-любителя отчасти перекликается с такими феноменами «нестандартного» творческого поведения, какие явлены в деятельности Старика Букашкина, Народного дворника и панк-скомороха, или Александра Лысякова, Народного кузнеца, автора монеты «1 куй».

В речи Э. Кочергина много блатных, жаргонных словечек и выражений, бранной лексики — знак того времени, когда многим пришлось пройти через

лагеря, через жестокие обстоятельства войны, голода, разрухи. Но речевой «натурализм» уравновешивается (никогда не будучи чрезмерным) включением старинных, простонародных и диалектных выражений, лиризмом авторской интонации. В речи В. Любарова встречается включение характерных словечек времен оттепели и застоя: «хрущобы», «товары народного потребления», «дружинники», «производственная зарядка», «бартер», «гэбэшник», много просторечий («страхолюдные кастрюли», боты «Прощай, молодость!», «бзик», «колупаться» и т. д.).

Рассказы Э. Кочергина и В. Любарова демонстрируют непрерывность живой традиции устного рассказа, анекдота, легенды. Вот подзаголовки в рассказах Э. Кочергина: «Воспоминания затырщика», «Островной сказ», «Островной фольклор», «Из опущенной жизни», «Цеховая быль», «Цирковая быличка», «Святочный рассказ». Картины В. Любарова выполнены в стиле «наива». Прикосновение к живой разговорной стихии, хранящей следы еще дореволюционной культуры, как и замкнутой цеховой или тюремной среды, а также разных периодов советской истории — праздник для читателя. Сама речь передает жизненный опыт в его разных аспектах — без дидактизма, без жесткой оппозиции «плохой» и «хороший», «правильный» и «неправильный», без ностальгии или жалоб.

Способность сохранить свежесть взгляда на мир, непосредственность восприятия и оценок — и в условиях советского официоза, и в собственном преклонном возрасте — доказывает неистребимость «живой жизни», несгибаемость таланта, мужество и душевную силу. И Э. Кочергин, и В. Любаров сумели добиться признания своего творчества (почетных званий и премий, персональных выставок, монографий), сумели реализовать свой талант. Их книги, написанные уже в XXI в., рассказывают о людях из поколений позднего советского времени, вовсе не ставших и в наше время «гамлетами» или «лишними людьми».

Юрий Левада предостерегал: «Претенциозно пошлые лозунги типа: “Молодежь — наше будущее!” фальшивы. На деле “наше” (общества) будущее — это то, что сделают с бывшими молодыми социальные институты и обстоятельства. Только в условиях развитого, социально “зрелого” общества подростковый или юношеский примитивизм (все равно — примитивно-бунтарский или примитивно-патерналистский, вождистский, ксенофобский...) может уступить место “взрослым” формам социальной активности и ответственности. При отсутствии таких условий возникают “старческие” воспроизведения той же “подростковой” наивности, зависимости, жестокости, безответственности, но уже в окостеневших (или склеротических) державно-бюрократических конструкциях» [Левада, 2005а, с. 244]. Книги Э. Кочергина и В. Любарова, как нам представляется, дают пример социальной активности и ответственности человека, не поддающегося обстоятельствам и самостоятельно творящего свою судьбу.

Дубин Б. В. Поколение: смысл и границы понятия // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М. : Новое лит. обозрение, 2005. С. 61–79.

Зиник З. Третья рюмка // Зиник З. Эмиграция как литературный прием. М. : Новое лит. обозрение, 2011. С. 206–211.

Кочергин Э. С. Ангелова кукла: Рассказы рисовального человека. 4-е изд. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2008.

Левада Ю. А. Заметки о проблеме поколений // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М. : Новое лит. обозрение, 2005а. С. 225–244.

Левада Ю. А. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М. : Новое лит. обозрение, 2005б. С. 39–60.

Левинсон А. Г. Опыт социографии : ст. М. : Новое лит. обозрение, 2004.

Левинсон А. Г. Старость как институт [Электронный ресурс] // Отеч. зап. 2005. № 3. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/3/2005_3_1.html (дата обращения 11.03.2016)

Любаров В. Праздник без повода. М. : ГТО, 2014.

Любаров В. Рассказы. Картинки. 3-е изд., испр. и доп. М. : ГТО, 2015.

Осоргин М. А. Времена. Происшествия зеленого мира / сост., примеч., статья О. Ю. Авдеевой. М. : НПК «Интелвак», 2005.

Петровская Е. Н. Безымянные сообщества. М. : Фаланстер. 2012.

Померанцева Т. Н. Старость как социокультурный феномен : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2005. [Электронный ресурс]. URL: http://cheloveknauka.com/starost-kak-sotsiokulturnyy-fenomen (дата обращения: 12.03.2016)

Семенова В. В. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М. : Новое лит. обозрение, 2005. С. 80–107.

Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? : сб. ст. / под ред. И. М. Каспэ. М. : Новое лит. обозрение, 2013.

Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического : избранное. М. : Прогресс : Культура, 1995.

Тэффи Н. А. Незабываемое // Творчество Н. А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века / редкол.: О. Н. Михайлов, Д. Д. Николаев, Е. М. Трубилова. М. : Наследие, 1999. С. 240–245.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / предисл. А. Беляева ; пер. с англ. М. : Новое лит. обозрение, 2014.

Статья поступила в редакцию 15.09.2016 г.

Барковская Нина Владимировна
докт. филол. наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания
Уральский государственный педагогический университет
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: n_barkovskaya@list.ru

Barkovskaya, Nina Vladimirovna
Dr. Hab. (Philology), Professor,
Chair of Literature and the Methodology of Its Teaching
Ural State Pedagogical University
26, Kosmonavty Ave., 620017 Yekaterinburg, Russia
E-mail: n_barkovskaya@list.ru

THE GENERATION OF "STAGNATION" IN E. KOCHERGIN'S *ANGEL'S DOLL* AND V. LYUBAROV'S *FEAST WITHOUT A CAUSE*

The article deals with the late Soviet period people's attitude to the world, referring to books by artists: *Angel's Doll* by E. Kochergin and *Feast without a Cause* by V. Lyubarov. Both books are autobiographical, and describe the authors' childhood and youth, as well as the formation of the artists, and the beginning of their creative life. The choice is motivated by the fact that both authors are fulfilled men, and prominent artists, giving an example of how to be happy in spite of the time and circumstances. The interest in the material is caused by infrequent failures of communication between generations under abrupt transformations of the social and cultural situation. Literature tends to transfer life experience. And it is not by chance that different genres of non-fiction, including memoirs, are actively developing. The author shares the opinion of A. Yurchak, according to whom people of "stagnation" periods cannot be divided only into conformists and dissidents. The last Soviet generation did not share the official ideology, taking the position of outsiders. Thus, for Kochergin, the space offreedom was his work as a theatre painter, and for Lyubarov as an illustrator. The books in question were written during the post-Soviet period, and describe the time that saw their creative development. Being older than his counterpart, Kochergin begins with the characteristics of the late Stalin period, and Lyubarov focuses on the Thaw, Brezhnev time and Perestroika. The difference in their life experience led to a difference in the tone of the narrative: stories by Kochergin are more tragic; stories by Lyubarov are more ironic. Both authors use the oral storytelling tradition, and masterfully reproduce the vernacular of their era. The books in question depict exceptional characters: talented, gifted, masters of their craft, and eccentrics. Being memoirs in nature, the books have an important function: they transmit the live experience of a person that managed to realize their gift, despite all the adverse circumstances.

K e y w o r d s: last Soviet generation; outsidedness; artist's prose; tale; memoirs.

Dubin, B. V. (2005). Pokolenie: smysl i granitsy poniatiia [Generation: The Meaning and Limits of the Concept]. In Yu. Levada, & T. Shanin (Comp.), *Ottsy i deti: Pokolencheskiĭ analiz sovremennoi Rossii* [Fathers and Sons: A Generational analysis of Modern Russia] (pp. 61–79). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Kaspe, I. M. (Ed.) (2013). *Status dokumenta: Okonchatel'naia bumazhka ili otchiuzhdennoe svidetel'cstvo?* [Document Status: Final Piece of Paper or Alienated Certificate?]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Kochergin, E. S. (2008). *Angelova kukla: Rasskazy risoval'nogo cheloveka* [Angel's Doll: Stories of a Painting Man] (4th ed.) Saint Petersburg: Izdatelstvo Ivana Limbakha. (In Russian)

Levada, Yu. A. (2005a). Pokolenia XX veka: vozmozhnosti issledovania [Generations of the 20th Century: Opportunities of Study]. In Yu. Levada, & T. Shanin (Comp.), *Ottsy I deti: Pokolencheskiĭ analiz sovremennoi Rossii* [Fathers and Sons: A Generational Analysis of Modern Russia] (pp. 39–60). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Levada, Yu. A. (2005b). Zametki o probleme pokolenii [Notes on the Problem of Generations]. In Yu. Levada, & T. Shanin (Comp.), *Ottsy I deti: Pokolencheskiĭ analiz sovremennoi Rossii* [Fathers and Sons: A Generational Analysis of Modern Russia] (pp. 225–244). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Levinson, A. G. (2004). *Opyt sotsiografii: Stat'i* [An Experience of Sociography: Articles]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Levinson, A. G. (2005). *Starost' kak institut* [Senility as an Institution]. *Otechestvennye zapiski*, 3. Retrieved from http://magazines.russ.ru/oz/2005/3/2005_3_1.html (In Russian)

Lyubarov, V. (2014). *Prazdnik bez povoda* [Feast without a Cause]. Moscow: GTO. (In Russian)

Lyubarov, V. (2015). *Rasskazy. Kartinki* [Stories. Pictures] (3nd ed., corr. and add). Moscow: GTO. (In Russian)

Osorgin, M. A. (2005). *Vremena. Proishestviia zelenogo mira* [Times. Events in the Green World]. Moscow: NPK "Intelvak". (In Russian)

Petrovskaya, E. N. (2012). *Bezymiannye soobshchestva* [Unnamed Communities]. Moscow: Falanster. (In Russian)

Pomerantseva, T. N. (2005). *Starost' kak sotsiokul'turnyĭ fenomen* [Senility as a Sociocultural Phenomenon] (doctoral dissertation abstract). Moscow. Retrieved from http://cheloveknauka.com/starost-kak-sotsiokulturnyy-fenomen. (In Russian)

Semyonova, V. V. (2005). Sovremennye kontseptsii i ėmpiricheskie podkhody k poniatiiu "pokolenie" v sotsiologii [Modern Concepts and Empirical Approaches to the Notion of "Generation" in Sociology]. In Yu. Levada, & T. Shanin (Comp.), *Ottsy I deti: Pokolencheskiĭ analiz sovremennoi Rossii* [Fathers and Sons: A Generational Analysis of Modern Russia] (pp. 80–107). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Toporov, V. N. (1995). *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe*. [Myth. Rite. Symbol. Image: Research in the Field of Mythopoetics: Selected Works]. Moscow: Progress; Kul′tura. (In Russian)

Teffi, H. A. (1999). Nezabyvaemoe [The Unforgettable]. In O. N. Mikhailov, D. D. Nikolaev, & E. M. Trubilova (Eds.), *Tvorchestvo N. A. Teffi i russkiy literaturnyiy protsess pervoy poloviny XX veka* [N. A. Teffi's Creative Work and the Russian Literary Process of the First Half of the 20th Century] (pp. 240–245). Moscow: Nasledie. (In Russian)

Yurchak, A. (2014). *Ėto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [It Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Zinik, Z. (2011). Tret′ia riumka [The Third Shot Glass]. In Z. Zinik, *Emigratsia kak literaturnyi priem* [Emigration as a Literary Method] (pp. 206–211). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Received on 15 September, 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.4.072
УДК

О. Е. Фролова
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

О МЕТАФОРЕ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ *ПРЕСТУПНИК*

В статье рассматриваются переносные значения лексико-тематической группы *преступник*. Состав группы определен на основании сплошного просмотра законодательных документов: Уголовного кодекса и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, в результате чего была выделена группа наименований правонарушений. Номинация правонарушения терминологична. Номинация же деятеля принадлежит общелитературному языку. В составе группы *преступник* более 60 единиц наименований преступников, из которых 18 слов многозначны. Метафорические значения определены в ходе анализа толковых словарей. Показано изменение некоторых переносных значений в начале XXI в. В составе группы *преступник* выделены четыре подгруппы, в зависимости от характера оценки, присутствия семантики ущерба, указания на других участников ситуации: а) независимо-негативно-оценочная; б) амбивалентно-оценочная; в) негативно-оценочная; г) релятивно-негативно-оценочная. Употребление имен деятелей в речи проиллюстрировано на материале Национального корпуса русского языка. Показано, что переносные значения единиц группы объединены семантикой наивного обвинительного уклона, который выражается в несоответствии номинации и ситуации, отраженной в речи, а также нанесенного ущерба. В повседневной коммуникации часто адресант выбирает лексическую единицу, несущую отрицательную информацию, не сообразуясь с фактивной составляющей значения: в норме *N* + глагол-связка + *мошенник*, поскольку имело место мошенничество. Подобные предикатные номинации в непрофессоинальном общении становятся средством выражения мнения и отрицательной оценки говорящим адресата или иного лица.

© Фролова О. Е., 2016

Ключевые слова: лексико-тематическая группа *преступник*; переносное значение; метафора; толковый словарь; Национальный корпус русского языка; оценка; ущерб; ситуация; наивный обвинительный уклон.

В языке отражается наивный взгляд на мир, зафиксированный преимущественно в лексике [Апресян, 1986; 1995; Зализняк; Зализняк, Левонтина, Шмелев; Телия; Чулкина; Brown, Lenneberg; Lenneberg; Sapir; Wierzbicka; Whorf], однако в усложненной современной коммуникации происходит взаимовлияние общелитературного и специальных языков, что нельзя не учитывать при реконструкции языковой картины мира в ее речевом воплощении. Это выражается в том, что некоторые группы лексики испытывают воздействие официально-делового дискурса, а также различных профессиональных языков [Карасик; Лейчик]. Так официальный язык законодательных документов взаимодействует с литературным языком, который используют люди в повседневном обиходе [Малюкова]. Н. Д. Голев справедливо полагает, что обыденное сознание осваивает научные, в том числе юридические, термины неравномерно, что создает у носителя языка иллюзию понимания, поскольку носитель литературного языка не осознает, что обращение к специальным законодательным текстам может требовать навыков декодирования, т. е. перевода со специального языка на общенародный [Голев]. Проблема состоит в осознании различий в семантике одних и тех же единиц, принадлежащих литературному языку и системе терминов, что предполагает или перекодирование специальных текстов на литературный язык, или комментирование случаев неполной синонимии, разного объема понятий, случаев полисемии терминов и слов общелитературного языка.

Мы намереваемся рассмотреть лексико-семантическую группу *преступник*, поскольку она принадлежит литературному языку, но имеет тесные связи с системой юридических терминов. В словообразовательном гнезде: глагол, имя действия и имя деятеля — к терминам, как правило, относятся только существительные, называющие противоправные деяния. В юридических документах употребляются абстрактные имена, названия же преступников являются словами общелитературного языка. Закон говорит о *преступлении*, *краже*, *коррупции*, *убийстве*, но не о *преступнике*, *воре*, *коррупционере* и *убийце*. Чаще всего в юридических текстах преступник описывается с помощью конструкции, включающей существительное *лицо* и причастный оборот. В интересующей нас лексико-семантической группе и специальному, и общелитературному языкам принадлежат только две единицы: *правонарушитель* и *преступник*.

Целью данного исследования является выявление специфики метафорического переноса в группе имен преступников. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

а) на основании сплошной выборки из «Уголовного кодекса» и «Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» определить группу наименований правонарушений;

б) проанализировав список правонарушений, сформировать лексико-семантическую группу *преступник*;

в) в данной группе выявить многозначные единицы;

г) сгруппировать выявленные единицы по значениям;

д) проиллюстрировать их употребление в речи на материале Национального корпуса русского языка.

Сплошная выборка из «Уголовного кодекса Российской Федерации» [УК] и «Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [АК] позволяет выделить более 60 терминологических наименований правонарушений, представляющих собой имена действий. В литературном языке обнаруживаем аналогичное количество номинаций преступников, которые словообразовательно связаны с юридическими терминами: *алиментщик*, *бандит*, *безбилетник*, *браконьер*, *бродяга*, *вандал*, *взяточник*, *вор*, *вымогатель*, *грабитель*, *дебошир*, *дезертир*, *диверсант*, *должник*, *доносчик*, *живодер*, *жулик*, *иждивенец*, *изменник*, *каннибал*, *киллер*, *клеветник*, *контрабандист*, *коррупционер*, *лжесвидетель*, *манипулятор*, *мародер*, *многоженец*, *мошенник*, *мятежник*, *наемник*, *наркодилер*, *насильник*, *нацист*, *неплательщик*, *пират*, *подстрекатель*, *попрошайка*, *пособник*, *похититель*, *правонарушитель*, *предатель*, *преступник*, *провокатор*, *проститутка*, *рабовладелец*, *работорговец*, *разбойник*, *растратчик*, *рейдер*, *сепаратист*, *соучастник*, *сутенер*, *террорист*, *тунеядец*, *убийца*, *угонщик*, *уклонист*, *укрыватель*, *фальсификатор*, *фальшивомонетчик*, *фашист*, *хакер*, *хулиган*, *шантажист*, *шпион*, *экстремист*.

В «Русском идеографическом словаре» слова, обозначающие преступников, отнесены к различным концептам: в рубрику «вражда» включены *обидчик*, *притеснитель*, *противник*; «клевета» — *анонимщик*, *доносчик*, *доноситель*, *клеветник*, *стукач*, *фискал*, *ябеда*; «лень» — *тунеядец*; «ложь» — *врун*, *лгун*, *жулик*, *мошенник*, *обманщик*, *плут*; «суд» — *преступник* [РИС, с. 993–1015]. В словаре выделены подгруппы номинаций преступников, чьи правонарушения являются неречевыми и речевыми, к последним относятся правонарушения, основанные на лжи и клевете [Там же, с. 1002], однако данные концепты автор полагает различными [Там же, с. 1001]. Как видим, попытка соотнести преступление и правонарушение с малыми концептами не обнаруживает единства, поскольку, авторы, исследуя семантические связи между словами в языке и речи, не опираются на понятие ущерба, чрезвычайно важное в профессиональном юридическом дискурсе.

Сопоставление толкований по нескольким словарям: «Словарю русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой [МАС], «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова], «Толковому словарю русского языка с включением сведений о происхождении слов» [ТСРЯПС], «Современному толковому словарю русского языка» Т. Ф. Ефремовой [Ефремова] и «Большому толковому словарю» [БТС] — свидетельствует о том, что количество переносных значений в лексико-семантической группе *преступник* словари выделяют по-разному (см. табл. 1).

Таблица 1

Наличие переносных значений в лексико-семантической группе *преступник*

Слово	Словари				
	МАС	Ожегов, Шведова	ТСРЯПС	Ефремова	БТС
бандит	—	—	—	+	+
бродяга	+	+	+	+	+
должник	+	—	—	+	+
живодер	+	—	—	+	+
жулик	+	—	—	+	+
иждивенец	—	—	—	+	+
изменник	+	—	—	—	+
мошенник	+	—	—	—	+
пират	—	+	+	+	+
попрошайка	+	+	+	+	+
преступник	—	—	+	+	+
провокатор	+	+	+	+	+
проститутка	+	—	—	—	+
разбойник	+	+	+	+	+
убийца	—	—	—	—	+
фашист	—	+	+	+	+
хулиган	—	—	—	—	+
шпион	+	+	+	+	+

В [МАС] многозначны лишь 10 единиц, в [Ожегов, Шведова] и [ТСРЯПС] переносные значения отмечаются соответственно лишь у 7 и 8 слов; в [Ефремова] таких единиц 14. Анализ семантики всего списка имен деятелей по [БТС] показывает, что данный лексикографический источник выделяет 18 многозначных слов: *бандит*, *бродяга*, *должник*, *живодер*, *жулик*, *иждивенец*, *изменник*, *мошенник*, *пират*, *попрошайка*, *преступник*, *провокатор*, *проститутка*, *разбойник*, *убийца*, *фашист*, *хулиган*, *шпион*. Сопоставление данных [МАС] как словаря XX в., [Ефремова] и [БТС] свидетельствует о развитии характеризующей семантики в данной группе.

Словарные толкования переносных метафорических значений демонстрируют семантическую неоднородность, вышеприведенные единицы могут быть объединены в четыре группы. Основания для подобного объединения имен внутри лексико-семантической группы *преступник* следующие: а) наличие переносного характеризующего значения, зафиксированного в толковом словаре; б) наличие / отсутствие состава преступления или правонарушения, отраженного в законе; в) характер оценки в составе переносного значения имени; г) наличие семы ‘ущерб’ в составе переносного значения; д) наличие / отсутствие других участников ситуации, отраженных в семантике имени.

Первую подгруппу назовем независимо-негативно-оценочной, в нее входит слово *иждивенец*. Особенности семантики данного существительного заключаются в том, что оно терминологично в прямом значении, однако не связано с правонарушением. *Иждивенец* «1. Человек, находящийся на чьем-л. иждивении» [БТС, с. 376], более пространное толкование дает специальный словарь: «в российском праве лицо, получающее от других лиц полное материальное содержание или постоянную материальную помощь, которая является для него основным источником средств существования. И. наделен определенными правами в области пенсионного обеспечения возмещения вреда, причиненного смертью кормильца; наличие И. учитывается при выплате некоторых видов пособий и компенсаций» [БЮС]. Существительное *иждивенец* получает отрицательную стилистическую окраску не в прямом, специальном, а в переносном, неюридическом, значении: «тот, кто постоянно пользуется помощью со стороны, не используя свои силы, собственные средства и т. п.» [БТС, с. 376], эта семантика никак не отражена в законодательных документах. Различие между терминологическим, нейтральным, и нетерминологическим, отрицательно маркированным, значением состоит в невозможности в первом или нежелании человека самостоятельно обеспечивать себя во втором случае.

Сопоставляя толкования в словарях XXI и XX в., мы должны признать, что в [МАС] характеризующее значение у слова *иждивенец* не отражено: его семантика толкуется как «человек, находящийся на чьем-л. иждивении» [МАС, т. 1, с. 633], значение же слова *иждивение* интерпретируется как «обеспечение какого-л. лица средствами к существованию, содержание» [Там же, с. 634]. Однако, не фиксируя переносное значение слова *иждивенец*, [МАС] приводит паронимы *иждивенство* и *иждивенчество*: семантика первого связывается с «обеспечением какого-л. лица средствами к существованию, содержанием» [Там же, т. 1, с. 634], а второго со «стремлением жить на готовом, рассчитывать на чью-л. помощь» [Там же], следовательно, отрицательные коннотации, связанные с жизнью за чужой счет уже присутствуют в языке. [БТС] сохраняет традицию различения данных слов, связывая *иждивенчество* с переносным значением личного существительного *иждивенец*. *Иждивенец* в прямом значении тяготеет к актантному, а в переносном — к предикатному употреблению.

Употребление слова *иждивенец* в переносном значении встречается как в публицистических текстах (1), так и в неформальном общении на форумах в Интернете (2). В примере (2) в одном и том же контексте употреблены слова *иждивенец* в метафорическом значении и абстрактное существительное *иждивенчество*.

(1) *Возлагая на власть тотальную заботу о благополучии и «кормлении», связывая с ней несбыточные мессианские мечтания, общество невольно превращается в* ***иждивенца****, лишенного инициативы и ответственности.* (Игорь Андреев. «Грабли» истории // «Знание-сила», 2012) [НКРЯ].

(2) [Борис Титов, nick] *Главное — за счет раздачи части нефтяных денег — замаслить население подачками, с тем, чтобы отпало любое желание что-либо менять.*

*В результате мы стимулируем леность, пассивность, **иждивенчество**, отрицание всего нового. Но это решение тактическое — долго так быть не может. — Во-первых нефть всю жизнь дорожать не может. Во-вторых — психология **иждивенцев** такова, что им никогда не хватит. Сегодня ублажили — подняли пенсии на 45 %, завтра придется на 50 % — иначе недовольство. Левый поворот состоялся — сегодня нам срочно надо «направо». Раздача только тем, кто не может заработать сам — остальные в «поля» — в жесткие условия конкуренции — только так мы сможем выжить* (коллективный форум «Наше правительство совершает глубочайшую ошибку» (2010)) [НКРЯ].

Вторую подгруппу назовем амбивалентно-оценочной. В нее вошли слова *бандит*, *бродяга*, *разбойник*, *хулиган*, объединяемые достаточно сильной трансформацией прямого номинативного значения. Обращаясь к словарю, выясняем значения входящих в группу существительных: *бандит* «*шутл.* Об озорном, непослушном ребенке» [БТС, с. 58], *разбойник* «(обычно в обращении, иногда ласк.) сорванец, сорвиголова, негодник» [Там же, с. 1060], *хулиган* «о дерзком, злом озорнике» [Там же, с. 1456]. У слова *бродяга* словарь отмечает два переносных значения: «2. *разг.* о том, кто любит странствовать, менять место жительства, работы <...>. 3. *разг.* о том, кто вызывает удивление, восхищение своим проворством, изворотливостью» [Там же, с. 97]. Оба значения не связаны с бродяжничеством, включенным в статью Уголовного кодекса. Значение, отмеченное как третье, реализуется в контекстах, когда говорящий хочет выразить не порицание, а восхищение.

Как видно из приведенных толкований, метафорические номинации объединяются отказом от описания противоправного предосудительного поведения и причиненного им ущерба. В значениях данных слов нет указаний на иных участников ситуации. Синтаксически данная группа слов тяготеет к позиции предиката. По крайней мере, для двух единиц данной группы — *бандит* и *разбойник* — словарь указывает возможность референции к детям: примеры (3), (5), (6). Довольно часто переносные номинации второй группы употребляются также применительно к животным.

(3) *После того как всех **бандитов** уложили спать, Конь слез с телефона, а я перестал нервничать, представляя счет от телефонной компании, который прибудет после его задушевного трепа с Лэри, словом, когда все стихло, и мы со Сфинксом остались на веранде одни, я спросил его, где он откопал этого мальчишку* (Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009)) [НКРЯ].

(4) *Потому как он весь был капустой нашинкованный, да не простой, а зеленой. Там бабки столбом стояли. И котлетами, и кирпичами целыми, в пакетах запаянные. Эти посмотрели и давай щериться: ну ты силен, **бродяга**! Не обманули нас, и насчет тебя, да и насчет башлей этих. Все в цвет сошлось. Сидорок здоровый мне кинули, мол, собирай, пора когти рвать* (Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)) [НКРЯ].

Устойчивая конструкция *ты силен, бродяга*, произносимая с акцентом на прилагательном, как правило, выражает положительную оценку говорящим чьего-либо поведения или поступка.

(5) *Лариса родом из Омска. Папа — речной капитан, мама — учительница средней школы, преподает русский и литературу. Лариса тоже училась на агронома, их институт шефствовал над госпиталем, где лечился Вадим Петрович. Там и скрестились их пути, и дошефствовала она до* ***разбойника*** *этого горластого. — Пал боец? Положите его, положите. Конечно, очень трудно, — продолжала Лариса разговор, занимаясь у плиты, — но духом люди не падают, надеются на лучшее* (Виктор Астафьев. Обертон (1995–1996)) [НКРЯ].

(6) *— Ты че-чего дерешься! — услышал я вдруг за спиной Костин голос. — Юр-чик! Он у меня из хвоста перо выдернул!* ***Хулиган*** *какой! Я оглянулся и увидел, что невдалеке от меня Костю Малинина гоняет по траве здоровенный бесхвостый воробей.*

— Я скачу, — затрещал Костя, подбегая вприпрыжку и прячась за мою спину, — вижу, в траве овёс лежит, нагнулся — слышу, у меня из хвоста кто-то перо дергает! Хулиганство какое! (Валерий Медведев. Баранкин, будь человеком! (1957)) [НКРЯ].

Третью подгруппу назовем негативно-оценочной, в нее, с нашей точки зрения, следует включить слова: *живодер*, *проститутка*, *фашист*: данные имена в своей семантике теряют связь поведением, наносящим кому-либо ущерб, но отражают отрицательные черты характера человека и несут соответствующую коннотацию. Три личных имени описывают свойства человека: *живодер* «о жадном, наживающемся за счет других человеке» [БТС, с. 304]; *проститутка* «*разг.* о ком, чем-л. продажном, крайне беспринципном» [Там же, с. 1027]; *фашист* «*бран.* о крайне агрессивном, злобном человеке» [Там же, с. 1418]. Существительное *проститутка* в переносном употреблении стремится расширить актуализацию имени, называя и лиц мужского пола.

(7) *Он получил, как и все другие родители, приглашение на экзамен. Не торгуясь с* ***живодером****-извозчиком, он нанял его за четвертной и поехал, пообещав на водку. Важные лица были приглашены на экзамен, и торговаться с извозчиком Сергей Львович почел бы на сей раз мелочной скаредностью* (Ю. Н. Тынянов. Пушкин (1935–1943)) [НКРЯ].

В примере (7) по контексту ясно, что извозчик назван *живодером*, поскольку он запросил слишком высокую, с точки зрения пассажира, цену.

(8) *Когда тетя Регина вернулась домой, за столом на кухне сидели Жанна с Сашкой. В коридоре стоял чемодан. Жанна ела холодный фытчин. Тетя Регина обозвала невестку* ***проституткой*** *и вышвырнула за порог Жаннин чемодан. Жанна расплакалась и убежала. Сашка убежал за Жанной. Тетя Регина стояла на лестничной клетке, и все соседи слышали, как она поливает Жанну отборным матом на двух языках — русском и осетинском* (Маша Трауб. Нам выходить на следующей (2011)) [НКРЯ].

Номинация *проститутка* в примере (8) не свидетельствует ни об измене молодой женщины своему мужу, ни о том, что она оказывала сексуальные услуги за деньги, свекровь всего лишь таким образом выражает свое неодобрение ее поведения.

(9) *У нас один Васька Крутой взял. Младшему пацану восемь лет, а он рядом с отцом за плугом идет. У него, если наймешься на работу — не украдешь, не поспишь.*

Фашист!» (Светлана Алексиевич. Время second-hand // «Дружба народов», 2013) [НКРЯ].

Подобным образом размывается прямое значение слова *фашист*, предполагающее приверженность человека определенным взглядам и политической партии.

В четвертую, релятивно-негативно-оценочную, подгруппу мы включили слова: *должник*, *изменник*, *попрошайка*, *преступник*, *провокатор*, *убийца*, *шпион*, сохраняющие ослабленную семантику ущерба. Данная группа отличается от третьей тем, что употребление в речи требует прямого или имплицитного упоминания второго партиципанта ситуации. Часть словарных толкований отражает эту общую закономерность: *должник* «о том, кто чем-л. обязан кому-л.» [БТС, с. 271]; *изменник* «*разг.* нарушитель верности в любви, дружбе» [Там же, с. 382]; *попрошайка* «*пренебр.* тот, кто назойливо выпрашивает что-л. у кого-л» [Там же, с. 923]; *преступник* «тот, кто совершил что-л. предосудительное, недопустимое, вредное для кого, чего-л.» [Там же, с. 967]; *провокатор* «тот, кто провоцирует что-л.; подстрекатель» [Там же, с. 1002]; *убийца «разг.-сниж.* о человеке, который совершил (или совершает) по отношению к кому-л. что-л. подлое, жестокое» [Там же, с. 1363]; *шпион «разг.-сниж.* тот, кто следит за кем-л., выслеживает кого-л., доносит на кого-л.» [Там же, с. 1504]. Второй партиципант не упомянут только в толковании слова *изменник*, однако его позиция задана валентностью существительного *верность*. Для большинства существительных словарь дает стилистическую помету «*разг.*» или «*разг.-сниж.*». Перечисленные выше имена, как и слова трех описанных групп, тяготеют к предикатной позиции в предложении.

(10) *— о боже! Благодарю! — восклицает отец. — Я ваш* ***должник****!*
— Я не завожу ни долгов, ни ***должников****, — отрезает продавщица.*
— То просто мой бизнес, — говорит она очередное незнакомое Насте слово.
— Всё равно спасибо, — говорит папа (Татьяна Соломатина. Большая собака, или «Эклектичная живописная вавилонская повесть о зарытом» (2009)) [НКРЯ].

В примере (10) в конфликтном диалоге сталкиваются употребления существительного *должник* в переносном и прямом значениях.

(11) *Сегодня это модно. Например, проклятый* ***изменник*** *приехал к любовнице. А жена выследила, подкралась, и ну долбить* (Вячеслав Солдатенко (Слава Сэ). Ева (2010)) [НКРЯ].

Пример (11) демонстрирует сужение объема понятия при формировании переносного значения существительного *изменник*, связанного с предательством только в сфере отношений между мужчиной и женщиной.

(12) *Берлиоз не стал слушать* ***попрошайку*** *и ломаку регента, подбежал к турникету и взялся за него рукой* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929–1940)) [НКРЯ].

(13) *Я обмануль! Я ужасный* ***преступник****! Теперь я буду несчастен весь свой лайф!* (Дмитрий Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона (2004)) [НКРЯ].

(14) *— Пацаны, чего зырите! Бей* ***провокатора****! Петька несильно толкнул Борьку в грудь. «****Провокатор****» не отступил. Но пацаны, воробьями облепившие поленницу, угрюмо ковыряли в носах* (Геннадий Башкуев. Маленькая война // «Сибирские огни», 2013) [НКРЯ].

(15) *«Всё пропало... Ну до чего дошли, сами нагадят и сами же ещё раз гадят!*

— Начмед хныкал и хныкал, как обворованный.

*— ****Убийцы****... Недоумки... Такое и в Москву!»*

Но раздался вкрадчивый сочувственный голос: «Ну ошибочка вышла, а кто не ошибается?» (Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001) [НКРЯ].

(16) *После того в одном из портов продал Фёдор кота-****шпиона*** *французскому матросу с помпоном на шапке, соблазненному редкостной мастью* (И. Грекова. Фазан (1984)) [НКРЯ].

Слова *попрошайка* и *шпион* могут употребляться в отношении к животным (16).

К этой же группе мы относим существительное *пират*. Его фигуративное значение реализуется в словосочетании с прилагательным: «(*с опр.*). о том, кто ведет себя подобно пирату; разбойник, грабитель» [БТС, с. 833]. На наличие второго партиципанта указывает слово *грабитель* в толковании, поскольку для ограбления нужен пациенс. [БТС] при интерпретации семантики этого слова поступает непоследовательно: в его словник включено слово *видеопиратство* с более точным толкованием «противозаконное тиражирование видеофильмов с целью их продажи или платного проката» [Там же, с. 129]. В более поздних словарях находим иное толкование существительного *пират*: «хакер, профессионально занимающийся снятием с программ защиты от копирования и нелегальным копированием программ с закрытых серверов» [Ефремова, т. 2, с. 722, 723]; «*перен.* лицо или организация, занимающаяся незаконным копированием и распространением чужой аудио- и видеопродукции, компьютерных программ, книг и т. п.» [ТСРЯ 21, с. 732]. В словаре Т. Ф. Ефремовой дается более узкое толкование, у Г. Н. Скляревской более широкое, поскольку нелегальное копирование и распространение касается различных продуктов интеллектуальной деятельности. В отличие от приведенных выше единиц третьей группы, слово *пират* в переносном значении сохраняет номинативную функцию, выступая как один из актантов предиката.

(17) *И проклиная всех воздушных* ***пиратов*** *планеты, я зарысил к самолету наискосок взлетного поля вместе со жгучей поземкой и всеми тревогами мира конца двадцатого века* (Виктор Конецкий. Начало конца комедии (1978)) [НКРЯ].

(18) *Великий искатель чужого богатства. Сухопутный* ***пират*** *двадцатого века. Надо будет для него подобрать народные поговорки к случаю: «На чужой каравай рот не разевай» или что-нибудь в этом роде* (Владимир Железников. Каждый мечтает о собаке (1966)) [НКРЯ].

В примерах (17), (18) отражено переносное употребление слова *пират* в атрибутивных словосочетаниях.

Обращение к Национальному корпусу показывает, что тенденция употребления слова в переносном значении в современной речи касается, в основном, лиц, нарушающих лицензионные соглашения о распространении интеллектуальной продукции.

(19) — *Мне самому наиболее удачной кажется вот эта модель женского плащика из винила. Можно сказать, суперновинка! Выкройки я выудил в Интернете. Какой-то* ***пират*** *распространил их буквально на следующий день после показа в Милане новой коллекции «Гуччи». Правда, получилось не очень похоже, но тоже ничего.*

— Действительно классный плащик! Ближе к осени пойдет на «ура», согласилась Наталья Ивановна (Максим Милованов. Рынок тщеславия (2000)) [НКРЯ].

(20) *Они только ждут, когда он закончит, чтоб тут же захватить рукопись. И этим они его будут шантажировать. «Отдадим, но при условии — положите энную сумму в такой-то банк на такое-то имя». Или просто — продадут каким-нибудь* ***пиратам*** *из желтой прессы. Мы себе даже не представляем, какие у них возможности, связи во всем мире. И ведь он перед ними совершенно беззащитен. Он же — вне закона!* (Георгий Владимов. Не обращайте вниманья, маэстро (1982)) [НКРЯ].

Существенное различие в описываемых ситуациях заключается в том, что в примере (19) при нанесении ущерба правообладателю не подразумевается получение выгоды распространителем материалов в интернете. В примере (20) описывается ситуация похищения чужой интеллектуальной собственности и ее продажи, т. е. обогащения за чужой счет.

Подводя итоги, попытаемся определить общий вектор переноса в метафорических значениях лексико-семантической группы *преступник*. Единицы всех четырех выделенных нами подгрупп объединяются тем, что говорящий выбирает номинацию, не соответствующую величине ущерба, который мог быть нанесен в результате поступка участника ситуации. В этом смысле имеет место «сгущение красок» и преувеличение. Слово *иждивенец* уникально с точки зрения характера переноса, поскольку в юридических документах термин не подразумевает ни негативной информации, связанной с противоправными деяниями, ни отрицательной оценки. Данное слово приобретает отрицательные коннотации в своем фигуративном значении. Лишь в амбивалентно-оценочной подгруппе ущерб может вообще не подразумеваться. Единицы негативно-оценочной подгруппы отражают, скорее, отрицательные, не одобряемые говорящим, черты характера. Релятивно-негативно-оценочная подгруппа отличается от других тем, что содержит и сему ущерба, и отражает присутствие другого участника ситуации, которому нанесен ущерб. Итак, можно сказать, что единицы лексико-семантической группы *преступник* объединяются наличием наивного обвинительного уклона, выражающегося в «несоответствии» выбранной номинации описываемой ситуации, т. е. при употреблении имен, в прямом значении связанных с нарушением закона, носитель языка выбирает именно эти единицы, чтобы описать поступок или поведение человека, не преступающего юридических норм.

Источники

АК — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.03.2016) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 25.04.2016).

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruscorpora.ru.

УК — Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=191695;fld=134;dst=1000000001,0;rnd=0.21910106488814862 (дата обращения: 25.04.2016).

Исследования

Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира //Семиотика и информатика. Вып. 28 : сб. ст. / отв. ред. А. И. Михайлов. М. : ВИНИТИ, 1986. С. 5–33.

Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопр. языкознания. 1995. № 1. С. 37–57.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / авт. и рук. проекта С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2002.

БЮС — *Додонов В. Н., Ермаков В. Д., Крылова М. А.* и др. Большой юридический словарь [Электронный ресурс]. URL: http://i.booksgid.com/web/online/13486 (дата обращения: 25.04.2016).

Голев Н. Д. о специфике языка права в системе общенародного языка и ее юридического функционирования // Юрислингвистика–5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2004. С. 39–57.

Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М. : Астрель, 2006.

Зализняк Анна А. Языковая картина мира [Электронный ресурс] // Кругосвет. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVAYA_KARTINA_MIRA.html?page=0,8 (дата обращения: 25.04.2016).

Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Языки славянской культуры, 2005.

Карасик В. И. о типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

Лейчик В. М. о языковом субстрате термина // Вопр. языкознания. 1986. № 5. С. 87–97.

Малюкова Е. В. Юридическая терминология в системоцентрическом и антропоцентрическом аспектах : дис. ... канд. филол. наук. Бийск, 2005.

МАС — Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1985–1988.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1999.

РИС — Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека) / отв. ред. акад. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2011.

Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира. // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. М. : Наука, 1988. С. 173–204.

ТСРЯ 21 — Толковый словарь русского языка начала XXI в. Актуальная лексика / под. ред. Г. Н. Скляревской. М. : Эксмо, 2008.

ТСРЯПС — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2008.

Чулкина Н. Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: Лингвокультурологическое описание. 3-е изд., стер. М. : Эдиториал УРСС, 2009.

Brown R., Lenneberg E. A study in language and cognition // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1954. 49 (3). P. 454–462.

Lenneberg E. Cognition in Ethnolinguistic // Language (Linguistic Society of America). 1953. 29 (4). P. 463–471.

Sapir E. Language: An Introduction to the Study of Speech. Harcourt : Brace, 1921.

Whorf B. Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf / ed. by J. B. Carroll. Massachusets : MIT Press, 1956.

Wierzbicka A. Semantics, Culture and Cognition: Universal human concepts in culture specific configurations. New York : Oxford Univ. Press, 1992.

Статья поступила в редакцию 15.07.2016 г.

Фролова Ольге Евгеньевна
доктор филологических наук,
заведующая лабораторией фонетики
и речевой коммуникации
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1,
стр. 51, филологический факультет
E-mail: olga_frolova@list.ru

Frolova, Olga Yevgen'evna
Dr. Hab. (Philology)
Head of the Laboratory of Phonetics
and Speech Communication
Moscow State University
1 — 51, Leninskie Gory, 1
Humanities Building, GSP-1
119991 Moscow, Russia
E-mail: olga_frolova@list.ru

ON METAPHOR IN THE LEXICAL SEMANTIC GROUP *CRIMINAL*

The article deals with figurative meanings of the lexical thematic group *criminal*. The composition of the group is determined by means of continuous sampling from legislative documents, namely, the Criminal Code of the Russian Federation and the Russian Federation Administrative Offence Code, which enables the author to single out the names of criminal offences and demonstrate that they are terminological in their nature, while the names of offenders are part of common literary vocabulary. There are over 60 words that make up the group of words denoting criminals, and 18 of them are polysemantic. Their metaphorical meanings are determined with the help of explanatory dictionaries. The author demonstrates how their metaphorical meanings have developed in the early 21st century. The group of words denoting criminals consists of four subgroups selected depending on the character of the evaluation, the presence of semantics of harm done by the criminal, and involvement of other participants in the situation. Thus, the author singles out such groups as *a) independent negative evaluational; b) ambivalent evaluational; c) negative evaluational; d) relative negative evaluational*. The use of words denoting offenders in speech is illustrated with reference to the Russian National Corpus. The author demonstrates that the figurative meanings of the items of the group are united by the semantics of naïve accusation, which is expressed by the discrepancy of the denomination and the situation reflected in speech, as well as harm done. In everyday communication, the addresser chooses a word with a negative connotation without complying with the factual component of the meaning: the pattern *N* + linking verb + *fraud* is a usual one as long as there has been an act of fraud. Such predicative nominations outside of a professional context are a means to express an opinion or a negative evaluation of an addressee or any other person.

K e y w o r d s: lexical and thematic group *criminal*; figurative meaning; metaphor; explanatory dictionary; Russian National Corpus; estimate; harm; situation; naïve accusatory bias.

Apresyan, Yu. D. (1986). Dejksis v leksike i grammatike i naivnaja model' mira [Deixis in Vocabulary and Grammar, and a Na ve Model of the World]. In A. I. Mikhaylov (Ed.), *Semiotika i informatika* [Semiotics and Computer Science] (Issue 28, pp. 5–33). Moscow: VINITI. (In Russian)

Apresyan, Yu. D. (1995). Obraz cheloveka po dannym jazyka: popytka sistemnogo opisanija [The Image of the Person According to Linguistic Data: An Attempt of Systematic Description]. *Voprosy jazykoznanija, 1,* 37–57. (In Russian)

Brown, R., & Lenneberg, E. (1954). A Study in Language and Cognition. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 49 (3), 454–462.

Chulkina, N. L. (2009). *Mir povsednevnosti v jazykovom soznanii russkikh. Lingvokul'turologicheskoje opisanie* [The World of Everyday Life in Russian Linguistic Consciousness: A Linguocultural Description] (3rd ed.). Moscow: Editorial URSS. (In Russian)

Dodonov, V. N., Ermakov, V. D., Krylova, M. A., Palatkin, A. V., Panov, V. P., & Trofimov V. N. *Bol'shoj juridicheskij slovar'* [Great Dictionary of Law]. Retrieved from http://i.booksgid.com/web/online/13486. (In Russian)

Efremova, T. F. (2006). *Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–3). Moscow: Astrel'. (In Russian)

Evgenyeva, A. P. (1985–1988). *Slovar' russkogo iazyka* [A Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–4). (3rd ed.). Moscow: Russkii iazyk: Poligrafresursy. (In Russian)

Golev, N. D. (2004). O specifike jazyka prava v sisteme obschenarodnogo jazyka I ee juridicheskogo funkcionirovania [On the Specifics of the Language of Law in the National Language System and Its Juridical Functioning]. In N. D. Golev (Ed.), *Jurislingvistika-5: Juridicheskie aspekty iazyka i lingvisticheskie aspekty prava* [Jurislinguistics-5: Legal Aspects of Language and the Linguistic Aspects of Law] (pp. 39–57). Barnaul: Altai State University Press. (In Russian)

Karasik, V. I. (2000). O tipakh diskursa [On Discourse Types]. In V. I. Karasik, G. G. Slyshkin (Eds.), *Jazykovaja lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs* [A Linguistic Personality: Institutional and Personal Discourse] (pp. 5–20). Volgograd: Peremena. (In Russian)

Kuznetsov, S. A. (2002). *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint. (In Russian)

Lejchik, V. M. (1986). *O jazykovom substrate termina* [On the Linguistic Substratum of a Term]. *Voprosy jazykoznanija, 5*, 87–97. (In Russian)

Lenneberg, E. (1953). Cognition in Ethnolinguistic. *Language* (Linguistic Society of America), *29* (4), 463–471.

Maliukova, E. V. (2005). *Juridicheskaja terminologia v sistemocentricheskom i antropocentricheskom aspektakh* [Legal Terminology in the System-centric and Anthropocentric Aspects] (doctoral dissertation). Bijsk. (In Russian)

Ozhegov, S. I., & Shvedova, N. Ju. (1999). *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Azbukovnik. (In Russian)

Sapir, E. (1921). *Language: An Introduction to the Study of Speech*. Harcourt: Brace.

Shvedova, N. Ju. (Ed.). (2011). *Russkij ideograficheskij slovar': Mir cheloveka i chelovek v okruzhajushchem mire (80 konceptov, otnosjashchikhsja k dukhovnoj, mental'noj i material'noj sferam zhizni cheloveka)* [Russian Thesaurus: The World of Man and Man in the Surrounding World (80 Concepts Related to the Spiritual, Mental, and Material Spheres of Human Life)]. Moscow: Azbukovnik. (In Russian)

Shvedova, N. Ju. (Ed.). (2008). *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka s vkliucheniem cvedenij o proishozhdenii slov* [Explanatory Dictionary of the Russian Language with Information on the Origins of Words]. Moscow: Azbukovnik. (In Russian)

Skliarevskaja, G. N. (Ed.). (2008). *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka nachala XXI veka. Aktual'naja leksika* [Explanatory Dictionary of the Russian Language of the Early 21st Century. Living Lexicon]. Moscow: Eksmo. (In Russian)

Telija, V. N. (1988). Metaforizacia i eje rol' v sozdanii jazykovoj kartiny mira [Metaphorisation and Its Role in the Creation of a Linguistic Worldview]. In B. A. Serebrennikov (Ed.), *Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke. Jazyk i kartina mira* [The Role of the Human Factor in Language. Language and Worldview] (pp. 173–204). Moscow: Nauka. (In Russian)

Wierzbicka, A. (1992). Semantics, Culture *and* Cognition: Universal Human Concepts in Culture Specific Configurations. New York: Oxford University Press.

Whorf, B. (1956). *Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf*. Massachusets: MIT Press.

Zaliznyak, A. A. Jazykovaja kartina mira [Russian Linguistic Worldview]. *Krugosvet*. Retrieved from http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVAYA_KARTINA_MIRA.html?page=0,8. (In Russian)

Zaliznyak, A. A., Levontina, I. B., & Shmelyov, A. D. (2005). *Kljuchevyje ideji russkoj jzykovoj kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Linguistic Worldview]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian)

Received on 15 July, 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.4.073
УДК

Ю. Н. Михайлова, Чжао И
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

КУЛЬТУРНЫЕ КОННОТАЦИИ ЗООНИМОВ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ*

Статья посвящена анализу семантики зоонимической лексики, функционирующей в качестве компонентов фразеологических единиц. Зоонимы во всех языках имеют в лексическом значении коннотативные признаки, служащие основой формирования метафорической номинации и определяющие фразеообразующий потенциал номинаций животных. Цель исследования — выявить культурные коннотации зоонимов в русской и китайской фразеологии. В работе использованы методы контекстуального анализа и лингвокультурологическая интерпретация. Материалом явились извлеченные из словарей русские и китайские фразеологизмы, в состав которых входят названия двенадцати животных китайского календаря: *крыса*, *бык*, *тигр*, *кот*, *дракон*, *змея*, *лошадь*, *коза* (*овца*), *обезьяна*, *петух*, *собака*, *свинья*. В результате анализа выделены безэквивалентные и сопоставимые номинации. Из двенадцати известных по китайской фразеологии зоонимов в русских фразеологизмах представлены десять. Национально специфическими китайскими номинациями являются 龙 («дракон») и 虎 («тигр»). Все зоонимы в обеих фразеологических системах характеризуют человека. При использовании зоонимных метафорических моделей в русском языке чаще отмечаются отрицательные черты человека, тогда как в китайской культуре больше зоонимов символизируют положительные качества человека. С точки зрения общей оценки анализируемые зоонимы в обоих языках составляют три группы — с мелиоративной оценкой, пейоративной оценкой и амбивалентные.

К л ю ч е в ы е с л о в а: фразеология; зооним; лингвокультурология; семантика; коннотации.

Наименования животных дают богатый материал для исследования коннотативных значений. Наблюдения человека за окружающим миром живой природы обусловливают тот факт, что почти каждое наименование животного несет эмоциональный «довесок», служащий основой формирования метафорической номинации и определяющий фразеообразующий потенциал зоонимической лексики, исследованию которого посвящена настоящая работа.

Человек с древности верил в то, что между людьми и животными существует родство, и животное было для людей «мерилом многих человеческих качеств — как физических, так и нравственных» [Мокиенко, с. 92], вследствие

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 15-04-00239а «Национальные базовые ценности и их отражение в коммуникативном пространстве провинциального города: традиции и динамика». Исследование поддержано программой 211 Правительства Российской Федерации, соглашение № 02. A03.21.0006.

© Михайлова Ю. Н., Чжао И, 2016

этого зоонимы во всех языках обладают высоким коннотативным потенциалом, и в их денотативную семантику органично «вплетена» культурная семантика, которая обычно становится основой семантики фразеологической единицы (ФЕ). Являясь универсальным средством метафоризации, зоонимы характеризуются яркой национальной спецификой, поэтому круг животных, зафиксированных в ФЕ, и присущие им признаки в разных культурах существенно различаются. Эти различия кроются в культурных коннотациях, которые выступают как связующее звено между значением единиц естественного языка и пространством культуры — сформированными в ней стереотипными представлениями, символами, мифологемами, эталонами и т. п. [Ковшова].

Материалом нашего исследования послужили извлеченные из словарей [БФСРЯ; РФ; Яранцев; Li Yihua, Lv Deshen; Wang Tao] русские и китайские фразеологизмы, в состав которых входят названия двенадцати животных — символов года по китайскому календарю: *крыса*, *бык*, *тигр*, *кот*, *дракон*, *змея*, *лошадь (конь)*, *коза (овца)*[1], *обезьяна*, *петух*, *собака*, *свинья*[2]. Выбор этих зоонимов обусловлен и собственно лингвистическими причинами — большим количеством ФЕ с данными зоонимами, и экстралингвистическими причинами — возросшим в последние годы интересом к китайской культуре, повышенным вниманием к китайской символике, особенно к календарным животным, которые каждый раз в преддверии наступающего года активно внедряются в жизнь русских людей в виде сувениров, календарей и т. п. При такой экспансии национальные символические значения, свойственные животным в китайской культуре, оказывают влияние на мировосприятие русских людей. Обращение к аксиологической семантике зоонимов, имеющих большое значение для китайской культуры, на фоне их сопоставления с аналогичными русскими зоонимами обусловило актуальность данного исследования. Сопоставительное описание лексико-семантической микрогруппы в лингвокультурологическом аспекте позволяет установить сходство и различие между русской и китайской картинами мира, выявить общие и специфические признаки, присущие данным культурам.

Настоящее исследование предполагает два этапа. Цель первого этапа — сопоставить национально-культурные коннотации зоонимов, зафиксированные во фразеологизмах русского и китайского языков. На втором этапе будет проведено анкетирование среди российских студентов с целью выявления набора культурных коннотаций, которыми, по мнению информантов, обладают зоонимы китайского астрологического календаря. В данной статье мы приводим результаты первого этапа исследования.

Вслед за В. Н. Телия мы понимаем фразеологию широко и включаем во фразеологическую систему собственно фразеологизмы разных типов, устойчивые

---

[1] В китайском гороскопе соответствующий год имеет два символа, поэтому мы включаем два зоонима.

[2] Для анализа привлекались ФЕ, составляющие исконно русский (христианский) фразеологический фонд языка. Заимствованные ФЕ и кальки типа *темная лошадка*; *драконовские меры*; *посеять зубы дракона*; *остерегайтесь людей, которые не любят котов*; *не будите спящего кота* и т. п. не вошли в анализируемый материал.

сочетания и паремии [Телия, с. 58]. Широкое понимание фразеологии существует и в китайской лингвистической традиции, где выделяются пять типов фразеологизмов: чэнъюй (идиомы), яньюй (пословицы), сехоуюй (недоговорки-иносказания), гуаньюнъюй (фразеологические сочетания), суюй (поговорки) [Войцехович, с. 17].

Зоонимы становились предметом изучения и российских, и китайских лингвистов [см., например: Гаврилюк; Головня, Юань Фан; Каримова; Сакаева; Чепасова; Чепкова; Хао Хуэйминь и др.].

Из двенадцати календарных зоонимов в русских ФЕ представлены десять, тогда как в китайских ФЕ встречаются все. Национально специфическими китайскими номинациями являются *тигр* и *дракон*.

Дракон

В отличие от других наименований, называющих биологические виды, дракон, будучи мифическим существом, выпадает из научной таксономии, соответственно, основу фразеологизмов с данным компонентом определяет привнесенная языковым сознанием оценка существа, созданного фантазией людей и не являющегося частью природного мира.

В китайском языке обнаружено более 80 фразеологизмов со словом «дракон» [Хао Хуэйминь]. Причина такого повышенного внимания к дракону в том, что китайцы считают себя потомками дракона. Это мифическое животное в сознании китайцев выступает символом власти, силы, авторитета. Именно эти культурные коннотации лексемы *дракон* находят отражение во фразеологии: 真龙天子 («дракон — сын неба, часто имеют в виду императора»)[3]; 望子成龙 («лелеять надежду на то, что сын станет драконом», т. е. станет талантливым и знаменитым); 得婿如龙：形容得到称心如意的佳婿 («получить хорошего зятя, подобно дракону») и др. Кроме того, дракон символизирует силу и энергию: 龙马精神: 比喻人精力旺盛 («у человека энергия и сила духа, как у лошади и дракона»). Мотивировочным признаком для формирования значения фразеологизмов с компонентом «дракон» в китайском языке является приписываемая референту имени способность к полету, которая метафорически проецируется на различный круг натурфактных и артефактных объектов: от движения облаков до движений пера в китайской каллиграфии. Сила, мощь, величественность, которыми наделен дракон в китайской мифологии, становится основанием приписывания этих ценностно значимых свойств человеку.

Тигр

Образ тигра немногим уступает в популярности образу дракона (зафиксировано около 60 китайских ФЕ с компонентом «тигр»), но он не столь однозначен.

[3] Толкования ФЕ взяты из китайских фразеологических словарей, перевод на русский язык Чжао И.

В китайской культуре тигр оценивается амбивалентно. Отрицательную оценку имеют ФЕ, в которых актуализированы семантические признаки:

— ‘злой, жестокий’’: 帮虎吃食：比帮助人做坏事 («помогать тигру пожирать пищу») ‘быть пособником злодея, помогать в преступных делах’; 坐地虎 («сидящий на земле тигр») ‘местный деспот, самодур’; 拦路虎 («преградивший дорогу тигр») ‘разбойник’;

— ‘алчность и жадность’: 虎视眈眈：像老虎要捕食那样盯着，形容贪婪地盯着 («смотреть тигром») ‘алчно взирать; бросать алчные взоры’; 饿虎扑食：像饥饿的老虎扑向食物一样，形容动作猛烈而速度 («как голодный тигр набрасывается на пищу») ‘жадно, с яростью набрасываться на что-л.’.

Опасность, исходящая от тигра, становится основой метафорического переноса в ФЕ 笑面虎 («улыбающийся тигр») ‘о вероломном, двуличном человеке, который по внешнему виду кажется добрым, а в душе оказывается жестоким’.

Вместе с тем тигру в китайской культуре приписываются такие качества, как:

— мощное телосложение: 虎背熊腰 («спина тигра и поясница медведя») ‘здоровый, крепкий человек’; 虎头虎脑：形容壮健憨厚的样子（多指儿童 («голова тигренка») — употребляется для характеристики крупного ребенка;

— быстрота, проворность: 龙腾虎跃：像龙在飞腾，虎在跳跃，形容跑跳时动作矫健有力 («как дракон взлетает, как тигр прыгает») ‘быстро делать что-л.’;

— храбрость: 虎头燕颔：旧时形容王侯的贵相或武将相貌的威武，代指武将，勇 («у человека голова как у тигра, подбородок как у ласточки») ‘о храбром воине’.

Лексема «тигр» в этих ФЕ обладает мелиоративной коннотацией. Приведенные примеры иллюстрируют разграничение ожидаемых положительных коннотаций внешнего облика тигра и основанных на жизненном опыте представлений о его жестокости и коварстве.

Китайские ФЕ нередко включают два зоонима, имеющих сходный или противоположный прагматический потенциал. Соединение в сочинительном ряду дракона с тигром усиливает положительную семантику данных лексических единиц: 人中虎 («тигр и дракон среди людей») ‘о выдающемся человеке’; 虎藏 («спрятавшийся дракон и спящий тигр») ‘не выявленный гений, скрытый талант’.

Таким образом, зоонимы «дракон» и «тигр» для китайской картины мира являются национально специфическими. Остальные десять календарных зоонимов встречаются и в русском, и в китайском языках, но общие для двух языков названия животных различаются семантическими ассоциациями, что обусловлено национально-культурной спецификой мировидения.

Бык

В русской фразеологии образ быка (вола) получает двойственную оценку. Ассоциируясь со здоровьем, трудолюбием и силой, зооним имеет положительную коннотацию: *здоров как бык*; *работать* (*трудиться*) *как вол*. ФЕ *брать быка за рога* ‘начинать действовать сразу и с самого главного’ характеризует

энергичного, решительного человека, а фразеологизм *упрямый как бык* подчеркивает строптивость этого животного.

В китайском языке зооним «бык (вол)» также является амбивалентным. Это животное обладает положительными коннотациями, символизируя трудолюбивого и сильного человека: 牛高马大 («сильный как бык»); 老黄牛 («желтый вол») ‘о человеке, который самоотверженно трудится на благо народа’.

Значительно чаще китайские фразеологизмы содержат отрицательную коннотацию зоонима «бык», который символизирует следующие качества человека:

— упрямство, строптивость: 牛脾气 («бычий норов») ‘строптивый характер’; 九牛拉不转：形容态度十分坚决 («уперся как бык в стену рогами») ‘упрямого ничем не убедишь’.

— глупость: 对牛弹琴 («играть на цитре перед быком») ‘о глупом слушателе, который не понимает, о чем говорят’; 牛头不对马嘴 («голова быка не соответствует морде лошади») ‘говорить ерунду, нести околесицу’.

Аксиология образа быка в китайской и русской лингвокультурах совпадает: бык символизирует силу, здоровье, агрессивность и, как следствие агрессии, упрямство и строптивость. Материалы показывают, что в китайской культуре бык имеет более богатую, чем в русской культуре, палитру признаков.

Лошадь (конь)

Исторически в жизни русских и китайцев лошадь выполняла разные функции. На Руси лошадь играла важную роль в сельском хозяйстве, поэтому основная часть ФЕ иллюстрирует культурную коннотацию ‘работоспособность, трудолюбие’. Например, *ломовая лошадь* ‘кто работает тяжело, много’; *рабочая лошадка* ‘трудолюбивый человек, безотказный работник’; *работать как лошадь* ‘много работать’. Зооним *конь* в русском языке характеризуется положительно, ср.: *быть на коне* ‘чувствовать себя победителем’.

В Китае лошадь считалась прежде всего средством передвижения и широко использовалась на войне. Именно поэтому большое число ФЕ связано с идеей передвижения на поле сражения: 人强马壮：形容军队的战斗力很强或军容很盛 («солдаты сильные, кони крепкие») ‘о мощности армии’, 戎马倥偬：倥偬：繁忙。形容军务繁忙 («кони торопятся») ‘о напряженных военных действиях’.

Коннотация зоонима «лошадь» в китайском языке положительная. Лошадь выступает символом способного, талантливого человека: 率马以骥：用好马带领马群, 比喻能者居先 («превосходный конь ведет табун лошадей»). Лошадь наделена крепким здоровьем, активна, энергична: 人高马大 («крупный как лошадь»); 万马奔腾：形容声势浩大或场面热烈 («мчатся десять тысяч коней») ‘о неудержимом движении вперед, огромной энергии’.

О. А. Корнилов отмечает, что положительные качества, которые китайцы приписывают животным, не означают, что отношение к животным столь же «очеловечено», как, например, в современной европейской культуре. Определяющим является не лингвистический фактор, а социально-исторический

и вытекающий из него философский. Крайняя степень прагматизма, заложенного в конфуцианстве, явилась отражением суровой реальности, когда на первом плане стояла проблема простого выживания: хорошо и нравственно то, что приносит пользу, практическая выгода — основной критерий оценки чего бы то ни было. Эти ценностные представления находят отображение во внутренней форме фразеологизмов с компонентами «конь» и «лошадь».

Любопытно, что приведенные выше китайские фразеологизмы иллюстрируют не столь частотное в языке явление метафтонимии — совмещения метафоры и метонимии, при которой кони метафорически предстают как воины, а табун коней метонимически указывает на всё войско.

Таким образом, зооним *лошадь* в обеих культурах имеет мелиоративную оценку, но китайская фразеология сохраняет больше культурных коннотаций, связанных с этой лексемой.

Змея

К змее и в русской, и в китайской культуре относятся негативно, наделяя ее следующими признаками: опасная, злая, бессердечная, жестокая, коварная. Эти культурные коннотации зафиксированы во фразеологии обоих языков: например, русские ФЕ *змея подколодная*; *лютая, как змея сипучая*; *присосаться змеей подколодной*; *ядовитый как змея* ‘о злобном, коварном, опасном человеке’; *выкормить змею*; *пригреть змею на груди* ‘проявлять внимание, заботу, любовь и т. п. к человеку, который впоследствии платит за это неблагодарностью’ или китайские ФЕ с аналогичной семантикой: 蛇蝎为心 («сердце змеи и скорпиона») ‘о бессердечном, злом, опасном человеке’.

Русские фразеологизмы подчеркивают двуличность змеи: *змеиный язык* ‘льстить, угодничать’, *извиваться змеей* ‘изворачиваться, ловчить, хитрить’. Аналогичный смысл содержит зооним «змея» в китайской ФЕ: 佛口蛇心 («уста Будды, а сердце змеиное») ‘сладкие слова, а в сердце злоба; лицемерие и коварство’.

Змея в китайской культуре, в отличие от русской, жадная: 人心不足蛇吞象 («человек, чье сердце не преисполнено удовольствия, подобен змее, пытающейся проглотить слона») ‘об очень жадном человеке’; 贪蛇忘尾：比喻只图眼前利益而不考虑后果 («жадная змея забывает о хвосте») ‘хвататься за любую выгоду, не думая о последствиях’.

Вместе с тем в обеих культурах змея обладает мудростью, ср.: русские ФЕ *мудрый как змея*; *змеиная мудрость* и китайские ФЕ 灵蛇之珠：喻无价之宝, 比喻非凡的才能 («жемчужина чудесной змеи») ‘ум, остроумие’.

Интересно, что и в русской, и в китайской лингвокультурах визуальные признаки змеи почти не учитываются во внутренней форме фразеологизмов. Основу фразеологизмов формирует не реальный признак объекта, а привнесенная из мифологии, фольклора или других источников ассоциативная оценка.

Таким образом, в русском и китайском языках культурные коннотации зоонима «змея» во многом совпадают, как и амбивалентная оценка денотата.

Собака

В русской фразеологии зооним *собака* (и его вариант *пес*) встречается достаточно часто. Высоко ценится преданность собаки человеку: *при верном псе сторож спит*; *собака друг, а лошадь ворог*; *собачья верность* (*преданность*). Но в большинстве ФЕ зооним *собака* имеет негативные коннотации, метафорически представляя различные черты человека: *злой, как собака*; *жить, как собака*; *собачья душа* ‘о скверном, грубом человеке’; *собака на сене* ‘о том, кто сам не пользуется чем-либо и не дает пользоваться другим’.

В китайской культуре собака является одновременно символом преданности и объектом презрения. Верность собаки ее хозяину зафиксирована в ФЕ 狗的可靠 («собачья верность»); 狗是人的不变心的朋友 («собака человеку неизменный друг»); 狗在异国他乡也郁郁寡欢 («на чужбине и собака тоскует»). В древнем Китае собаки причислялись к нечистым существам, а в народном сознании они часто отождествлялись с дьявольскими силами, поэтому существует немало ФЕ, в которых зооним «собака» обладает резко отрицательной коннотацией. Например: 泥猪疥狗：比喻卑贱或粗俗的人 («грязный, как свинья и собака, все тело покрыто грязью») ‘низкий, подлый человек’. 狗眼看人 («смотреть на людей глазами собаки») ‘о человеке, который определяет свое отношение к людям в зависимости от их могущества и богатства’; 狗嘴里吐不出象牙：比喻坏人嘴里说不出什么好话 («из собачьей пасти не жди слоновой кости») ‘не жди доброго слова от плохого человека’.

Таким образом, в русском и китайском языках зооним «собака» является амбивалентным и имеет сходные культурные коннотации (преданность, верность, низость, злость, безделье).

Крыса

В русских ФЕ лексема *крыса* встречается единично. По характеру оценки она обладает отрицательной коннотацией, символизируя такие человеческие качества, как:

— непорядочность: *сбежать как крыса*;

— дотошность, бюрократичность: *канцелярская крыса*.

Во всех китайских ФЕ лексема *крыса* совпадает с русским зоонимом по отрицательным коннотациям, но имеет некоторые отличия в культурной семантике, так как актуализирует иные отрицательные черты человека.

— трусость и нерешительность: 胆小如鼠 («всего бояться, как крыса»);

— жестокость и коварство: 雀角叔牙 («воробьиный клюв и крысьи зубы») ‘жестокий человек, алчный чиновник’; 贼眉鼠眼 («разбойничья бровь, крысиный взор»);

— ничтожность, низость: 鼠肝虫臂：比喻微小而无价值的东西 («печень крысы, лапки насекомого») ‘ничтожное существо’

Приведенные примеры свидетельствуют о принципиальном сходстве в восприятии крысы русским и китайским народами: это ничтожное, мелкое существо,

приносящее человеку вред. В фокус метафоризации в китайском языковом сознании попадает больше свойств этого животного, и потому с зоонимом «крыса» в китайской фразеологической системе связано больше символических смыслов, чем в русской фразеологии.

Петух

В обеих культурах у зоонима *петух* есть общее коннотативное значение: и русские, и китайцы рассматривают петуха как символ задиристости, боевитости. Это выражается в русских ФЕ *сцепиться как два петуха*; *петухом налететь на кого-нибудь* и в китайской пословице 两鸡相斗 («два петуха в одном доме делают жизнь невыносимой»).

Кроме того, русский петух гордый и важный: *ходить петухом* значит ‘ходить важно, самоуверенно’. В китайской картине мира петух предстает как жертва судьбы, например: 杀鸡骇猴 («резать петуха, чтобы испугать обезьян») ‘наказать одного человека, чтобы напугать других’.

Свинья

В русской культуре преобладает негативное представление о свинье как о грязном и глупом животном, и зооним *свинья* во фразеологии содержит негативные коннотации, характеризуя тупость, наглость, невежество, ср.: *грязный как свинья*; *как свинья напиться (быть пьяным)* ‘об очень сильном опьянении’; *метать бисер перед свиньями* ‘говорить о чем-л. недоступном пониманию слушателя’.

Данные китайской фразеологии свидетельствуют о сходных культурных коннотациях зоонима «свинья», актуализирующего семантические признаки ‘нечистоплотность’ — 泥猪疥狗：比喻卑贱或粗俗的人 («грязный как свинья, все тело покрыто грязью»); ‘тучность и обжорство человека’ — 封豕长蛇：封：大，豕：猪，贪婪如大猪，残暴如大蛇，喻指贪暴者侵略者 («крупная свинья и длинный удав») ‘ненасытная утроба’; ‘коварство’ — 猪卑狗险：比喻卑鄙险恶之人 («подлый как свинья, опасный как собака»).

Обезьяна

В русском языке ФЕ с лексемой *обезьяна* единичны. Причина, вероятно, в том, что это животное не обитало на территории России и знакомство русских людей с обезьяной произошло относительно недавно. В русском фразеологическом фонде закрепились такие единицы: *лев — страшно, обезьяна — смешно*; *кривляться как обезьяна*, отражающие основную культурную коннотацию этого зоонима — ‘нечто смешное’. Кроме того, есть ФЕ *уродлив как обезьяна*; *внешность как у обезьяны*, основанные на непривлекательном облике животного.

В китайской культуре к обезьяне относятся с пренебрежением, потому что у нее уродливая внешность — 尖嘴猴腮：形容人相貌丑陋粗俗 («с длинным носом

и впалыми щеками, как обезьяна») ‘уродливая внешность; отвратительный вид’. Кроме того, обезьяна символизирует глупость и посредственность человека: 猿猴取月：比喻愚昧无知，也比喻白费力气 («увидев луну в колодце, обезьяны считали, что луна упала в колодец, и пытались ее выловить») ‘о глупом человеке’.

Отличительной чертой обезьяны в обеих культурах признается ловкость, подвижность, о чем свидетельствуют китайская ФЕ 猴头猴脑：像猴子那样好动，形容行动浮躁 («подвижный, как обезьяна») и русские *ловкий как обезьяна*; *подвижный как обезьяна*.

Материалы в целом свидетельствуют о бедности культурных коннотаций зоонима «обезьяна» в русском и китайском языках.

Кот / кошка

Для русского человека кошка — одно из самых близких животных, и, поскольку всегда была возможность наблюдать за кошкой в естественных условиях, человек подметил у нее множество разных черт и особенностей (и положительных, и отрицательных), которые нашли отражение во фразеологии.

Двойственное отношение к котам и кошкам связано с тем, что, с одной стороны, это милые домашние животные, их приятно гладить, они создают уют, становятся членами семьи (*Кошка в дом — радость в нем*). С другой стороны, это хищные, опасные и непредсказуемые животные (*Кошачья лапка мягка, да остёр коготок*).

Зоонимы *кот* / *кошка* как компоненты ФЕ в равной мере частотны, однако связанные с этими лексемами коннотации совершенно различны.

Так, основным культурным смыслом русской лексемы *кот* является ‘блудливость’: *как кот мартовский*; *кот Евстафий покаялся, постригся, посхимился, а все мышей во сне видит*; *звал кот кошурку в печурку*.

Зооним *кошка* обладает более богатым репертуаром смыслов:

— хитрость: *ластиться как кошка около мышки*; *ходить (вокруг да около), как кот вокруг горячей каши*; *знает кошка, чье мясо съела*; *играть в кошки-мышки*; *кошачья лапка мягка, а коготок востёр*;

— живучесть: *живуч как кошка*; *кошку девятая смерть донимает*; *как кошка, все на ноги падает*;

— лень: *лакома кошка до рыбки, да в воду лезть не хочется*; *напала на кошку спесь, не хочет с печи слезть*;

— низшее существо: *поклонишься и кошке в ножки*; *знай, кошка, свое лукошко*.

В пословицах отражено представление о том, что в доме кошка должна знать свое место (*Знай, кошка, свое лукошко*; *Знай, кошурка, свою печурку*). Но в целом жизнь кошки представляется как беззаботное (*кошачье житье*) и долгое существование (*у кошки семь* / *девять жизней*).

В китайской фразеологии кот / кошка менее популярны и оцениваются прежде всего функционально — как существа, которые должны ловить мышей. Соответствующие зоонимы имеют немного культурных смыслов:

— притворство: 猫哭耗子：比喻假慈悲 («кот оплакивает мышь») ‘притворное сострадание’.

— безответственность и непорядочность: 猫噬鹦鹉：比喻排挤好人 («кот должен ловить мышь, но он не выполняет свою обязанность, а кусает попугая, который дружит с людьми») ‘вытеснять хорошего человека’.

В китайской культуре зоонимы «кот» / «кошка» обладают преимущественно отрицательной оценкой.

Сложная палитра красок, приписываемых образу кошки в русской (и шире — славянской) фразеологии, обусловлена мифологической, фольклорной и литературной традициями.

Коза / овца

В русской фразеологии встречаются обе лексемы — *коза* и *овца*. С зоонимом *коза* связаны национальные культурные коннотации ‘строптивая’, ‘своевольная’: *От прыткой козы ни забор, ни запор*; *захочет сена коза — будет у воза*; ‘никчемный человек’ — *отставной козы барабанщик*. Отрицательная оценка данного зоонима обусловлена тем, что коза у русских крестьян была «коровой бедных» и особой роли в деревенской жизни не играла.

Зооним *овца* в русской фразеологии употребляется тоже с пейоративной оценкой, но обладает иными культурными коннотациями: ‘слабый’, ‘трусливый’ — *молодец среди овец, а на молодца и сам овца*; ‘недостойный’ — *с паршивой овцы хоть шерсти клок*; *паршивая овца всё стадо портит*. Неудивительно, что данный зооним имеет пренебрежительный оттенок.

В китайском языке «коза» и «овца» не различаются, обозначаются одним иероглифом. к овце относятся с сочувствием, жалостью, потому что она хорошая, но слабая и кроткая: 驱羊战狼：比喻以弱击强 («гнать овец воевать с волками») ‘слабые покорно идут на борьбу с сильными’; 羊入虎群：比喻好人落入坏人手中处境极端危险 («овца пришла к тиграм») ‘хороший человек попал в руки плохого, находится в опасном положении’.

Проведенное сопоставительное исследование культурной семантики календарных зоонимов в составе русских и китайских ФЕ позволяет сделать следующие выводы.

Национальная специфика зоонимов проявляется уже в том, какие номинации животных становятся компонентами ФЕ. Отбор обусловлен природными условиями страны, историей, особенностями культуры и быта народа, поэтому только в китайской фразеологии присутствуют *дракон* и *тигр*.

Национально-культурные основания обусловливают также активность использования номинации того или иного животного во фразеологии. Частотность календарных зоонимов в русских и китайских ФЕ неодинакова: для русской фразеологии популярными являются *кошка*, *лошадь*, *собака*, а для китайской — *лошадь*, *змея*, *крыса*, *петух*.

С точки зрения общей оценки анализируемые зоонимы в обоих языках составляют три группы — с мелиоративной оценкой, пейоративной оценкой и амбивалентные. Интересно, что в целом оценочные коннотации зоонимов в русской и китайской фразеологии совпадают: отрицательную оценку имеют *крыса*, *свинья*, *петух*, положительно оценивается *лошадь*, амбивалентными являются *бык*, *змея*, *собака*, *кошка*.

В русской и китайской фразеологии зоонимы характеризуют человека, метафорически представляя типичные черты людей, их ценности, эмоциональные, волевые и интеллектуальные действия и состояния, нормы поведения в обществе. Анализ показал, что во фразеологии обоих лингвокультурных сообществ зафиксированы одни и те же человеческие качества: жестокость, трусость, упрямство, глупость, задиристость, непорядочность, а также трудолюбие, верность, сила, мудрость, ловкость. Однако изучаемые зоонимы включают и дифференциальные национально специфические смыслы, отсутствующие в другой культуре. Так, в китайской фразеологии с календарными зоонимами связаны власть, талант, воинская доблесть, жадность, жертвенность; а в русской фразеологии эти зоонимы передают хитрость, лень, блудливость, смехотворность.

При использовании зоонимных метафорических моделей русский народ чаще склонен отмечать отрицательные черты человека, чем положительные, тогда как в китайской культуре больше зоонимов, символизирующих положительные качества человека.

В обеих фразеологических системах есть культурные коннотации, связанные одновременно с несколькими зоонимами. Как известно, семантическая плотность определенного участка языковой системы является сигналом ценности внеязыкового объекта, признается концептологически значимой характеристикой [Карасик, с. 4]. Культурные смыслы, закрепленные за несколькими зоонимами, свидетельствуют об особой значимости для народа определенного человеческого качества.

Таким образом, общечеловеческий жизненный опыт и нравственные установки обусловливают сходные в разных языках культурные коннотации зоонимов. Расхождения в символике отражают различия в менталитете и характере русского и китайского народов.

Источники

БФСРЯ — Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.

РФ — Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005.

Яранцев Р. И. Русская фразеология : Словарь-справочник. М. : Рус. яз., 2001.

Li Yihua, *Lv Deshen*. Hanyu chengyu cidian [Фразеологический словарь китайского языка]. Sichuan : Cishu chubanshe, 1985.

Wang Tao. Jing bian chengyu cidian [Большой фразеологический словарь]. Shanghai : Cishu chubanshe, 2002.

Исследования

Войцехович И. В. Практическая фразеология китайского языка. М. : АСТ : Восток-Запад, 2007.

Гаврилюк М. А. Зооморфизмы китайского языка как средство аксиологической характеристики человека // Вестн. ТГПУ (TSPU Bulletin). 2013. № 10. С. 136–140.

Головня А. И., Юань Фан. Репрезентация фразеологизмов с компонентами, называющими представителей животного мира в русском и китайском языках // Карповские научные чтения : сб. науч. ст. / ред. А. И. Головня. Минск : Белорус. Дом печати, 2011. С. 114–118.

Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты / ред. В. И. Карасик. Волгоград ; Архангельск : Перемена, 1996. С. 3–16.

Каримова Р. Х. Семантика зоонимов во фразеологии немецкого и русского языков // Политическая лингвистика. 2005. № 16. С. 169–176.

Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М. : Либроком, 2013.

Мокиенко В. М. В глубь поговорки. СПб. : Азбука, 2007.

Сакаева Л. Р. Фразеологизмы с компонентами зоонимами, описывающие человека как объект сопоставительного анализа русского и английского языков // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 62. С 43–47.

Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996.

Хао Хуэйминь. Фразеообразующий потенциал зоонимической лексики в русском и китайском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2009.

Чепасова А. М. Предметные фразеологизмы русского языка. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2003.

Чепкова Т. П. Отанималистические фразеологизмы в языковой картине мира // III Международные Бодуэновские чтения: И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания / ред. К. Р. Гануллин, Г. А. Николаев. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2006. Т. 2. С. 274–277.

Статья поступила в редакцию 10.03.2016 г.

Михайлова Юлия Николаевна
кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и стилистики русского языка
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 312
E-mail: JMikailova@yandex.ru

Чжао И,
магистрант кафедры риторики и стилистики русского языка
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 312
E-mail: 695506552@qq.com

Mikhaylova, Yulia Nikolayevna
PhD (Philology),
Chair of Rhetoric and Stylistics of the Russian Language
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
E-mail: JMikailova@yandex.ru

Zhao I
Postgraduate Student,
Chair of Rhetoric and Stylistics of the Russian Language
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
E-mail: 695506552@qq.com

CULTURAL CONNOTATIONS OF ZOONYMS IN RUSSIAN AND CHINESE IDIOMS

The article is devoted to the analysis of the semantics of zoonyms, functioning as components of idiomatic units. In all languages, zoonyms have connotative features in their lexical meaning that serve as a basis for the formation of a metaphorical nomination. The aim of the article is to identify the cultural connotations of zoonyms in Russian and Chinese phraseology. The authors use the method of contextual analysis and linguistic interpretation. The material for the analysis comes from dictionaries of Russian and Chinese idioms, including the names of the twelve animals of the Chinese calendar*: rat*, *ox*, *tiger*, *cat*, *dragon*, *snake*, *horse*, *goat (sheep)*, *monkey*, *rooster*, *dog*, and *pig*. The analysis helps reveal nominations that are non-equivalent or comparable. There are ten zoonyms in Russian phraseology out of the twelve zoonyms that can be found in Chinese idioms. The tiger (虎) and the dragon (龙) are specific to Chinese culture. In both systems zoonyms are used in idioms to describe a person. Zoonymic metaphorical models in the Russian language often point to the negative qualities of a person, whereas in Chinese culture more names symbolize positive qualities of a person. From the point of view of overall assessment, zoonyms in both languages are divided into three groups — positive, pejorative, and ambivalent.

K e y w o r d s: phraseology; zoonyms; cultural linguistics; semantics; connotations.

Acknowledgements

The article is sponsored by the *Russian Foundation for the Humanities*, grant #15-04-00239a "National Basic Values and Their Reflection in the Communicative Space of a Provincial Town: Traditions and Dynamics". The research is supported by Programme 211 of the Russian Federation Government, agreement #02.A03.21.0006.

Chepasova, A. M. (2003). *Predmetnye frazeologizmy russkogo iazyka* [Meaningful Idioms of the Russian Language]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Pedagogical University Press. (In Russian)

Chepkova, T. P. (2006). Otanimalisticheskie frazeologizmy v iazykovoi kartine mira [Animalistic Idioms in the Linguistic Worldview]. In K. R. Galiullin, & G. A. Nikolaev (Eds.), *III Mezhdunarodnye Boduenovskie chteniia: I. A. Boduen de Kurtene i sovremennye problemy teoreticheskogo i prikladnogo iazykoznaniia* [I. A. Baudouin de Courtenay and Modern Problems of Theoretical and Applied Linguistics] (pp. 274–277). Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta. (In Russian)

Gavriliuk, M. A. (2013). Zoomorfizmy kitaiskogo iazyka kak sredstvo aksiologicheskoi kharakteristiki cheloveka [Zoonyms of the Chinese Language as a Means to Characterise Humans]. *Vestnik TGPU* (TSPU Bulletin), 10, 136–140. (In Russian)

Golovnia, A. I., & Iuan' Fan. (2011). Reprezentatsiia frazeologizmov s komponentami, nazyvaiushchimi predstavitelei zhivotnogo mira v russkom i kitaiskom iazykakh [Idioms with Components Denoting Representatives of Fauna in the Russian and Chinese Languages]. In A. I. Golovnia (Ed.), *Karpovskie nauchnye chteniia* [Karpov Academic Readings] (pp. 114–118). Minsk: Belorusskii Dom pechati. (In Russian)

Karasik, V. I. (1996). Kul'turnye dominanty v iazyke [Cultural Dominants in Language]. In V. I. Karasik (Ed.), *Iazykovaia lichnost': kul'turnye kontsepty* [Linguistic Identity: Cultural Concepts] (pp. 3–16). Volgograd; Arkhangel'sk: Peremena. (In Russian)

Karimova, R. Kh. (2005). Semantika zoonimov vo frazeologii nemetskogo i russkogo iazykov [Semantics of Zoonyms in German and Russian Idioms]. *Politicheskaia lingvistika,* 16, 169–176. (In Russian)

Khao Khueimin'. (2009). Frazeoobrazuiushchii potentsial zoonimicheskoi leksiki v russkom i kitaiskom iazykakh [Idiomatic Potential of Zoonymic Vocabulary in the Russian and Chinese Languages] (doctoral dissertation abstract). Ufa. (In Russian)

Kovshova, M. L. (2013). *Lingvokul'turologicheskii metod vo frazeologii: Kody kul'tury* [The Method of Linguistic Anthropology in Phraseology: Codes of Culture]. Moscow: Librokom. (In Russian)

Li Yihua, & Lv Deshen. (1985). *Hanyu chengyu cidian* [Phraseological Dictionary of the Chinese Language]. Sichuan: Cishu chubanshe. (In Chinese)

Mokienko, V. M. (Ed.). (2005). *Russkaia frazeologiia. Istoriko-etimologicheskii slovar'* [Russian Phraseology. Historical-Etymological Dictionary]. Moscow: Astrel': AST: Liuks. (In Russian)

Mokienko, V. M. (2007). *V glub' pogovorki* [Deep into the Saying]. Saint Petersburg: Azbuka. (In Russian)

Sakaeva, L. R. (2008). Frazeologizmy s komponentami zoonimami, opisyvaiushchie cheloveka kak ob"ekt sopostavitel'nogo analiza russkogo i angliiskogo iazykov [Idioms with Zoonyms Describing Humans as an Object of a Comparative Analysis of the Russian and English Languages]. *Izvestiia RGPU im. A. I. Gertsena,* 62, 43–47. (In Russian)

Telia, V. N. (1996). *Russkaia frazeologiia: Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian Idioms: Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian)

Telia, V. N. (Ed.). (2006). *Bol'shoi frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskii kommentarii* [Great Dictionary of Idioms of the Russian Language. Meaning. Use. Cultural Commentary]. Moscow: AST-PRESS KNIGA. (In Russian)

Voitsekhovich, I. V. (2007). *Prakticheskaia frazeologiia kitaiskogo iazyka* [Practical Chinese Language Phraseology]. Moscow: AS : Vostok-Zapad. (In Russian)

Wang Tao. (2002). *Jingbian chengyu cidian* [Great Dictionary and Thesaurus]. Shanghai: Cishu chubanshe. (In Chinese)

Yarantsev, R. I. (2001). *Russkaia frazeologiia. Slovar'-spravochnik* [Russian Idioms. Dictionary and Reference Book]. Moscow: Russkii iazyk. (In Russian)

Received on 10 March, 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.4.074
УДК

О. А. Горбань, Е. Ю. Ильинова
М. В. Косова, Е. М. Шептухина
Волгоградский государственный университет
Волгоград, Россия

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЙСКОВЫХ ГРАМОТ СЕРЕДИНЫ XVIII В. (по материалам архивного фонда «Михайловский станичный атаман»)*

В статье обосновано определение войсковой грамоты — главного управленческого документа Области Войска Донского — как уникального жанра деловой письменности XVIII в. Исследование проведено на материале документов 1735–1755 гг. фонда «Михайловский станичный атаман», хранящегося в Государственном архиве Волгоградской области.

Применение комплексного подхода к анализу языковых явлений и учет достижений современной теории текста, осмысленных с позиций документной лингвистики, позволили установить следующие параметры жанра любого документного текста: функция, субъекты коммуникации (адресант и адресат), характер передаваемой информации, структура, доминирующая модальность, пространственно-временная локализация. Показано их многовекторное, разноплановое взаимодействие и соотнесенность с общими текстовыми категориями и свойствами документа. Уточнены представления о жанре, разработанные в лингвистике на материале художественного текста, в частности, концептуальная информация применительно к официально-деловым текстам понимается авторами статьи как культурно-исторический фон, обусловливающий достоверную интерпретацию фактуальной информации.

Охарактеризованы особенности экспликации названных параметров в речевой структуре войсковых грамот разноуровневыми средствами языка, особо отмечены случаи, допускающие вариативность выражения.

Выявлено, что войсковая грамота, будучи самостоятельным жанром, отражает специфику делопроизводства на определенной территории России, но при этом вписывается в новую для XVIII в. канцелярскую систему, сохраняя в своем речевом воплощении приказные традиции.

К л ю ч е в ы е с л о в а: жанр; параметры жанра; документ; свойства документа; текстовая категория; история русского делового языка; войсковая грамота; Область Войска Донского.

Русская деловая письменность предшествующих эпох является источником сведений для изучения разных сторон истории общества — социальных

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Волгоградской области, проект № 16-14-34004 «Динамика текстовой и языковой организации региональных документов XVIII–XIX вв. (по данным архивного фонда “Михайловский станичный атаман” ГАВО)»

© Горбань О. А., Ильинова Е. Ю., Косова М. В., Шептухина Е. М., 2016

отношений, государственного управления, делопроизводства, права, языка и др. Она представляет собой и самостоятельный объект исследования с позиций документоведения и документной лингвистики. Деловая письменность — это широкий корпус текстов, формирующих на протяжении веков собственные правила построения, нормы, которые обусловлены потребностями общественной жизни.

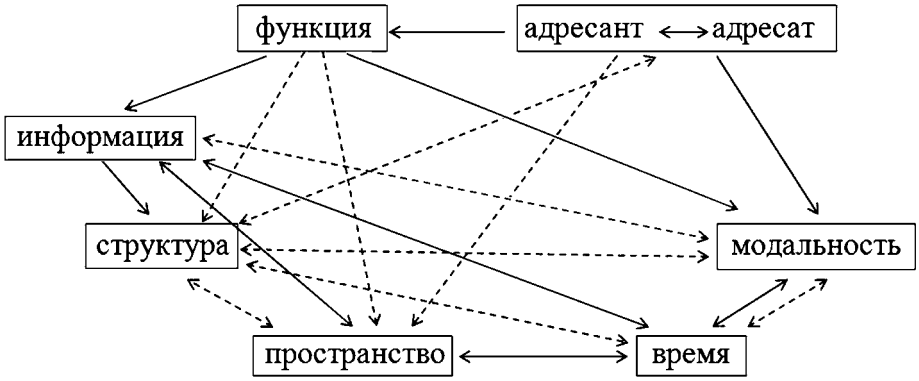
Опираясь на фундаментальные труды М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Л. В. Щербы, А. А. Леонтьева и др., документная лингвистика сформировала свои подходы к изучению текста — документного текста, который понимается как единица письменной речи, речевое произведение, обладающее смысловой и грамматической связностью и реализующее социальную задачу автора с помощью системы реквизитов.

В научной литературе отмечается, что документный текст (ДТ) является сложным лингвистическим объектом, на его создание влияют не только существующие языковые законы построения письменной речи, но и в большой мере – формальные правила, имеющие внеязыковую природу, требующие определенных ограничений, унификации и стандартизации [Кушнерук, с. 35]. Документные тексты относятся к системе институциональных текстов, которые обслуживают типовые ситуации социального взаимодействия и организация которых стремится к стереотипности и форматности [Ильинова, 2005, с. 153–154].

В последнее время все более актуальным становится научное изучение не отдельных документов, а документных систем. Как справедливо отмечает А. Н. Качалкин, «с точки зрения филологии всякий текст представляет собой звено в общей цепи текстового процесса, неизвестно откуда взявшихся текстов не существует» [Качалкин, ч. 1, с. 4]. Возникновение, развитие систем обнаруживается при их диахроническом исследовании, которое дает возможность выявить закономерности порождения и функционирования документных текстов в том или ином культурно-историческом контексте, а также тенденции их становления как неотъемлемой части письменной языковой культуры народа. Для обобщающих диахронических исследований значимым является суждение А. Н. Качалкина о том, что «центральным внутренним критерием документной системы является документный жанр» [Там же, с. 5]. Жанровый анализ позволяет представить типологию документных текстов с учетом влияния на них экстралингвистических факторов.

Вопрос о жанрах, их релевантных признаках (параметрах) является одним из активно разрабатываемых и дискуссионных в науке. Существуют разные подходы к их изучению — традиционный (связанный с исследованием жанров художественной литературы), функциональный, коммуникативно-дискурсивный, когнитивный [Ильинова, 2006, с. 10–11]; предлагаются различные классификации жанров, в том числе на историческом материале, и т. д. [Бабенко, Казарин; Белоконева; Гальперин; Качалкин, ч. 2; Косова, 2015; Плигина; Ромашова; СЭСРЯ, с. 56–88; Трофимова; и др.].

Параметрами жанра в системе документов[1], с нашей точки зрения, являются: функция, субъекты коммуникации (адресант, адресат), характер передаваемой информации, структура, доминирующая модальность, пространственно-временная локализация. При этом важно отметить, что параметры жанра соотносятся с общими текстовыми категориями и свойствами документа; эксплицированы в речевой структуре текста разноуровневыми средствами языка и допускают вариативность; взаимодействуют между собой, и это взаимодействие не линейное, а многовекторное и разноплановое (см. рисунок).



Взаимодействие параметров жанра документного текста[2]

Поясним содержание перечисленных параметров жанра документного текста.

Под функцией документа понимается общественная роль, социальное назначение, которые он выполняет в рамках информационно-документационной системы. Часто функция документа косвенно отражена в его наименовании: оно, по сути, называет вид акта речи [Качалкин, ч. 2, с. 27], реализующего коммуникативную цель, которая соотносится с функцией (*приказ*, *распоряжение*, *ходатайство*, *справка*, *инструкция* и др.). Функции бывают общие, присущие всем документам, и частные, или специальные, присущие одному виду документов [Косова, 2016, с. 9].

Функция задается характеристиками субъектов коммуникации — адресанта (автора) и адресата, каждый из них может быть единичным и коллективным, персонифицированным и неперсонифицированным. Для документа значимы социальный статус адресанта и адресата, отношения между ними

[1] Термины «вид документа» и «жанр документа» в данной статье при анализе документного текста используются как синонимы.

[2] Сплошными линиями обозначены сильные, обязательные зависимости и связи параметров, пунктирными — слабые, факультативные.

(наличие / отсутствие иерархии, степень официальности и т. д.), так как именно это во многом определяет коммуникативную цель и выбор жанра документа.

Функция детерминирует характер передаваемой информации (на рисунке — «информация»), которая может быть собственно «текстовой», представляющей основное содержание документа, и «документной» — об адресанте и адресате, дате создания документа и т. п., включенной в соответствующие реквизиты [Косова, 2013].

Текстовая информация бывает нескольких видов. Опираясь в целом на классификацию, предложенную И. Р. Гальпериным [Гальперин, с. 27–29], мы выделяем информацию фактуальную, концептуальную и подтекстовую, уточняя значение терминов применительно к документам.

Большинство документных текстов отражает фактуальную информацию — она составляет основу содержания документа, отражает суть событий, которые происходили, происходят или будут происходить в реальном мире, всегда выражена вербально и в текстах актуализируется локальными и темпоральными конкретизаторами.

Концептуальная информация тесно связана с фактуальной и прежде всего передает понимание автором отношений между явлениями, описанными в документе, их причинно-следственных связей, значимости в социальной, экономической, культурной жизни народа и пр. Концептуальная информация иногда эксплицируется намеренно — например, в таких современных документах, как программа, доктрина, концепция развития, договор о сотрудничестве и др., но чаще представлена в документе имплицитно — тогда она восстанавливается адресатом как информационный фон документа. Если субъект текста является коллективным, неперсонифицированным, то и в этом случае можно говорить о концептуальной информации, которая носит не индивидуально-авторский, а социальный, культурно-исторический характер: любой документ отражает свою эпоху, культурную парадигму, мировоззрение общества или его отдельных групп и др., и без понимания этого культурно-исторического фона невозможна достоверная интерпретация фактуальной информации.

В зависимости от жанра в ДТ может быть представлена и фактуальная, и концептуальная информация, при этом один из видов информации является доминирующим.

Подтекстовой информации документ не содержит, так как не должен быть двусмысленным.

Документная информация (набор и содержание реквизитов) также обусловливается жанром.

Характер передаваемой информации и в определенной степени функция детерминируют структуру документа — взаимосвязь элементов, обеспечивающую его целостность и сохранение основных свойств в разных коммуникативных условиях, что проявляется в композиции текста, системе реквизитов или речевых оборотов, выполняющих их роль. Текстовая информация, как правило, содержится в основной части документа и композиционно организована,

документная информация заключена в реквизитах. Стандартизированность структуры документа облегчает поиск необходимой информации в тексте.

Функция и субъекты коммуникации определяют доминирующую модальность ДТ (на рисунке — «модальность») — отношение автора к сообщаемому, выраженное в тексте, его коммуникативную установку, а также устанавливаемое им отношение сообщаемого к действительности. Так, при подчиненном положении адресата и создании документа, выполняющего регулятивную функцию, возможна реализация модальности волеизъявления; при подчиненном положении адресанта и нацеленности на побуждение к принятию решения адресатом — модальность просьбы, и т. д.

Модальность текста связана также с характером информации: передача фактуальной информации чаще (но не всегда) коррелирует с объективной модальностью; концептуальная информация может более отчетливо проявляться благодаря эксплицированной субъективной модальности. Текстовая модальность создается различными средствами выражения грамматической модальности, оценки, эмотивности.

Информация, переданная в документе, существует в системе пространственно-временных координат, что обусловливает наличие таких параметров, как пространственная и временная локализация.

Пространственная локализация ДТ (на рисунке — «пространство») моделирует прежде всего реальное, объективное, пространство, которое характеризуется протяженностью, связностью и непрерывностью, признаками места, формы, размера, расстояния между телами, границами.

Вместе с тем документы создаются в социуме и содержат различную информацию о протекающих в нем процессах, поэтому, несмотря на безусловную значимость реального пространства, более важным для документов является социальное пространство, отражающее место субъектов в обществе и их взаимодействие.

Пространственная локализация косвенно может быть связана также с функцией документа (речь идет, точнее, об ограниченности функций конкретного документа определенной территорией или частью социума), со структурой (например, наличие реквизита «место создания документа»), с адресантом и адресатом текста (в тексте может содержаться указание на их местоположение).

Временная локализация текста (на рисунке — «время») соотносит его содержание с осью времени: с моментом речи (одновременность / предшествование / следование) или с другим событием, при этом документам свойственна временная определенность, которая выражается в точном датировании фактов с использованием невербальных компонентов. Этот параметр частично связан со структурой документа: излагаемые события в композиционных блоках документа могут иметь разную временную отнесенность; время создания документа фиксируется в соответствующем реквизите. Временная локализованность взаимодействует также с модальностью (через временную отнесенность событий проявляется объективная модальность).

Реализация указанных параметров жанра в текстах документов может меняться в разные исторические периоды. Одним из переломных периодов для системы документных жанров русской деловой письменности стал XVIII в., когда была осуществлена реформа государственного управления, обусловившая перестройку документной системы, появление новых форм документов, сложное взаимодействие традиций и новаций, особенно вдали от административных и культурных центров государства (некоторые аспекты этой проблемы отражены в: [Глинкина, Чередниченко; Кудрявцева; Котюрова; Майоров; Русанова]).

Так, в региональных документных системах возможно функционирование документов уникальных жанров, которые отражают специфику делопроизводства на определенной территории России, но при этом вписываются в новую для XVIII в. канцелярскую систему, сохраняя в своем речевом воплощении приказные традиции. Один из таких документов — войсковая грамота (ВГ), основной управленческий документ, создававшийся в главной канцелярии Области Войска Донского. «Войсковая грамота» является самоназванием, которое неоднократно встречается в текстах (*сия наша воисковая грамота* и мн. др.).

Как свидетельствуют материалы фонда «Михайловский станичный атаман» Государственного архива Волгоградской области (ф. 332, оп. 1)[3], войсковые грамоты циркулировали наряду с рапортами, промемориями, доношениями, расписками и другими видами документов, многие из которых были введены в практику делопроизводства в XVIII в. Анализ грамот 1735–1755 гг. с учетом указанных выше параметров позволил выявить их жанровую специфику.

Войсковые грамоты выполняли в качестве общей информативную ф у н к ц и ю; специальной функцией была регулятивная. Они рассылались из войсковой канцелярии по казачьим станицам для уведомления и исполнения, с их помощью осуществлялось управление Областью Войска Донского.

А д р е с а н т ВГ — коллективный, неперсонифицированный. Иногда в тексте, в начальной формуле, встречается указание на конкретное лицо, но оно называется не как самостоятельное, а в числе других лиц (всех казаков), от имени которых составляется документ, что объясняется коллегиальностью управления Войском Донским: *От донских атаманов и казаков от г(о)с(по)д(и)на воисковаго атамана данила ефремовича и от всего воиска донскаго* (д. 4, л. 1). Это подчеркивается использованием словосочетания *воиско донское*, местоимений *мы*, *наш*, глагольных форм 1 л. мн. ч. (*мы воиском донским доложили*, *нашими воисковыми грамотами подтвержено*, *повелеваем*, *обявляемъ* и др.).

В создании документа участвовали войсковой писарь, которому текст диктовался старшим по чину лицом или который создавал текст на основе его

[3] Далее при цитировании источников указываются только номер дела и листа. При воспроизведении текста грамот выносные буквы приводятся в строке; титла раскрываются, при этом восстановленные буквы заключаются в круглые скобки; иные надстрочные знаки не воспроизводятся; вышедшие из употребления буквы заменяются соответствующими буквами современного алфавита; предлоги, союзы и частицы передаются в раздельном написании с последующими или предыдущими словоформами; в остальном сохранена орфография оригиналов.

слов как вторичный; лицо, проставляющее печать, тем самым берущее на себя ответственность за подлинность документа и становящееся соавтором, о чем говорят выполненные другим почерком приписи: *У сеи грамоты наша воиска донскаго печать.*

Адресат ВГ отличается широтой — это все Войско Донское — и выражается в начальной формуле: *станичным атаманам и казакам.* Иногда, при отправлении документа в одну из станиц, адресат является персонифицированным, и в грамоте, наряду с упоминанием казаков, указывается имя атамана: *станищному атаману симеону каганину и казакам* (д. 1, л. 3) [подробнее об адресанте и адресате см.: Шептухина, Герасимова; Горбань, 2015].

Войсковые грамоты содержат прежде всего текстовую информацию — фактуальную и концептуальную, при этом доминирующим типом является фактуальная информация. Войсковые грамоты отражали жизнь Войска Донского, их писали по различным делам (о розыске беглых, о зачете в службу казакам походов, об отводе лугов для почтовых лошадей, о назначении на должность, об освобождении казаков от уплаты венечной пошлины, о запрещении продажи соли и др.).

Фактуальную информацию передают вербально-цифровые обозначения пространственно-временных координат: *января 11г(о) дня в ночи из оного полку бежал* (д. 1, л. 2); лексика определенных тематических групп, в частности наименования воинских чинов и должностей (*донские атаманы*, *казаки*, *полковник*, *комендант*, *рекрут* и др.), социальных сословий (*государевы и боярские люди*); языковые средства, создающие объективированность изложения (слова, в значении которых содержится компонент ‘свидетельствование’, ссылки на документальное подтверждение сведений и т. д.): *ин(ы)не о приходе и о житии на дону* ***свидетелство*** *имеют о том бы привезли б с собою к нам в черкаскои* ***скаски*** (д. 3, л. 3 об.).

Концептуальная информация в ВГ представлена имплицитно. Передача такой информации не является целью этого документа, однако содержание текста отражает определенную систему социальных координат, канонов отношений, правил, которые существовали в Войске Донском, а именно: его единство и целостность (см. примеры выше); выражение почтения к государю и вышестоящей власти, в том числе при помощи формул речевого этикета: *не толко нам но и вам доволно известно что те почтовые станы учреждены для интереснои ея императорскаго величества надобности* (д. 3, л. 3); представление о надлежащем исполнении служебных обязанностей: *а почтовымъ казакам что оне* ***за неродением*** *не могли завременно себе селъ приготовить велеть хотя за денги... покупать и доволствовать лошадеи чтоб их лошади и к почтовои гонбе были б исправны* (д. 3, л. 4); соблюдение войсковой иерархии (лексемы со значением казачьих воинских чинов, например, *атаман*, *казак*, *войсковой*, *станичный* и др.).

Документная информация в ВГ проявляется слабо: поскольку реквизиты практически не были выделены из связного текста, а включались в него как компоненты высказываний, то документная информация (об адресанте,

адресате, месте и дате написания документа, наличии печати) является частью информации фактуальной. В отличие от основного содержания текста, она характеризуется устойчивостью средств реализации, т. е. однотипностью речевых структур, выполняющих роль реквизитов.

Особенность структуры текстов ВГ заключается в том, что реквизиты, как было сказано, в подавляющем большинстве случаев синтаксически и графически не выделены из текста, а входят в состав предложений, представляющих собой типовые речевые формулы. Воспроизводимость и обязательность этих формул, их фиксированное место в композиции текста, постоянство передаваемой ими информации, которая носит документный характер, позволяют считать, что по отношению к ВГ понятие реквизита вполне применимо.

В структуре текста ВГ можно выделить начальную формулу, которая содержит сведения о том, от кого и к кому направлен документ, и таким образом выполняет функцию реквизитов «адресант» и «адресат». Отметка об адресанте еще не заняла отдельной позиции на листе, но так как в тексте она составляла первое предложение, то уже за счет этого визуально выделялась (эффект усиливался, если отдельными писцами в начертаниях начальной и выносных букв первой строки использовались декоративные росчерки). Иерархия отношений адресанта и адресата выражена последовательностью их указания в формуле — от вышестоящего к нижестоящему.

Реквизиты «место» и «дата составления документа» заключены в конечной формуле текста «*Писана в Черкаском* (год, месяц, число)». Для фиксации даты используются сочетания имен существительных, называющих единицы времени, с числительными, выраженными при помощи арабских цифр. Последовательность указания года, месяца и числа иногда варьируется. Например: *писана в черкаскомъ 1744(го) году ноября 12(го) дня* (д. 3, л. 5); *писана в черкаском сентября 30 дня 1746 году* (д. 4, л. 2).

После даты документа, при необходимости продолжая строку, в грамотах следует формула: *У сеи грамоты наша воиска донскаго печать*. Если документ представляет собой копию войсковой грамоты, то после даты отмечается наличие печати в оригинале: *На подлинои тако войска донскаго печать* (д. 3, л. 3 об., 4 об.). Печать располагается под текстом.

На листе, за границами основного текста, могут быть пометы о том, что документ представляет собою копию войсковой грамоты (*Копия*), о дате получения документа (речевая формула *Получено... года... месяца... дня*, которая пишется на полях вдоль левого или — реже — верхнего края листа).

Использование начальной и конечной формул, помет в функции реквизитов, образующих своего рода рамку, связано с приказной традицией составления документов.

Основное содержание грамоты вводится после указания адресата глагольной словоформой *обявляемъ*, т. е. «сообщаем». Оно тоже имеет однотипную организацию и, как правило, композиционно делится на две части: сначала излагаются события, послужившие поводом для принятия решения (так называемая

мотивирующая часть), затем — собственно решение и действия, предписываемые адресату к исполнению (так называемая распорядительная часть). В такой композиции отражаются и функции документа — информативная и регулятивная.

В редких случаях, если текст достаточно объемен, некоторые содержательные блоки выделяются при помощи нумерации, например: *Зеновеи Рвачовъ... намъ воиску донскому в доношении написал (1) для доволства яде в летнея время почтовыхъ ведомства ево лошадеи имеются самыя скудныя и тесныя места... (2) для козбы на доволствие в зимнее время почтовыхъ лошадеи хотя от ваших станицъ... обыкновенно луга отводятся но и с техъ некоторые травародием не изобилны* (д. 3, л. 3).

М о д а л ь н о с т ь текстов войсковой грамоты определяется функцией документа и статусом адресанта и адресата. Текстам грамот свойственно сочетание императивного и нейтрального тона речи.

Императивность текстов грамот обусловлена их доминирующей регулятивной функцией и создается за счет взаимодействия преобладающих значений пропозициональной (ситуативной) модальности необходимости и прагматической модальности волеизъявления [о классификации модальных значений см.: Ваулина, Кукса, с. 29]. Более ярко выражена императивность в предписывающей части документа.

Модальное значение необходимости выражается при помощи конструкций с независимым инфинитивом, а также сочетаний модальных глаголов (*иметь*, *надлежать* и др.), модальных предикативов (*должен*, *надобно* и т. п.) с зависимым инфинитивом. Например: *и какъ сия наша воисковая грамота вами михаиловскою станицею получена будет и вамъ станищному атаману и казакамъ об ономъ* ***ведать***; *и по вышеписанному* ***учинит непременное исполнение*** (д. 6, л. 8 об.–9).

Реализации модальности волеизъявления способствуют лексические единицы с семантикой приказания, просьбы (*приказать*, *велеть*, *требовать*, *приговорить*, *просить* и др.), глагольные формы в перформативном употреблении (*предлогаемъ*, *велено* и т. п.), указание на статус субъекта и др. В текстах встречается также реализация модальных значений возможности (при помощи лексем *мочь*, *можно*, *невозможно* в сочетании с инфинитивом), вопроса (в придаточных предложениях с частицей *ли* и др.).

Нейтральный тон речи связан с информативной функцией документов и проявляется в основном при реализации объективной модальности, как правило, в мотивирующей композиционной части.

В текстах ВГ доминирует объективно-модальное значение реальности, экспликатором которого служат формы реального наклонения (синтаксического индикатива). Устойчивые формулы как компоненты структуры, выполняющие функции документных реквизитов, указывают на реальность излагаемых фактов, подтверждая подлинность документа, а значит, и содержащуюся в нем информацию. Употребление форм ирреального наклонения связано преимущественно с реализацией прагматической модальности волеизъявления [подробно см. в: Шептухина, Горбань].

Пространственная локализация рассматриваемых документов реализуется в текстовой и документной информации во взаимодействии с их функцией, структурой, адресантом и адресатом.

В тексте войсковой грамоты реальное и социальное пространство тесно взаимосвязаны и выражены лексическими и грамматическими средствами, порой недифференцированно [см.: Горбань, 2013]. Это имена нарицательные и собственные, обозначающие географические объекты (река, Дон, Хопёр), казачьи поселения (городок, хутор, Черкасский, Михайловская станица), другие населенные пункты (город, Москва, Воронеж), единицы административно-территориального деления (уезд), военные укрепления (крепость святыя Анны), сельскохозяйственные угодья, земельные владения (хлеба = «поле, засеянное зерновыми», *луг*, *пашня*, *вотчина*). Сюда же можно отнести существительное *место*, которое является родовым наименованием любого «фрагмента» пространства.

Менее разнообразны в рассматриваемых документах наименования учреждений, организаций, общественных собраний, тоже представляемых как пространственные объекты, поскольку так или иначе имеют определенное местонахождение: *сенат*, *канцелярия*, *контора*, *комиссия*, *почтовый стан*, *сбор* («заседание станичного правления и выборных от хуторов»), *круг* («общее собрание казаков», «орган казачьего самоуправления») и др. Из приведенных номинаций в войсковых грамотах частотны *сбор* и *круг*, так как при сообщении о тех или иных решениях всегда подчеркивается их коллегиальное принятие. Например: *и приговорили мы воиском донским* ***при зборе в канцелярии*** *воисковых дел старшинъ* (д. 1, л. 3), здесь прямо названо место, где проходил сбор.

Реальное пространство представляет собой в первую очередь территорию Области Войска Донского как части Российской империи. В это пространство могут включаться и другие области государства, если они оказываются связанными с Войском Донским теми или иными действиями (поездки с поручениями по различным делам, получение и отправление письменных сообщений, военные походы и т. д.), однако оно маркируется противопоставлением наименований: *казачий — прочий*, *великороссийский*.

Пространственная локализация реализуется не только в совокупности пространственных объектов, их характеристиках, но и в их многообразных отношениях, которые эксплицируются лексическими (прилагательные *донской*, *хопёрский*, *рязанский*, *войсковой*, *станичный*, *великороссийский* и др., местоименные наречия *где*, *куды*, *откуль*, глаголы движения и местоположения) и синтаксическими (предложно-падежные конструкции, сложноподчиненные предложения с придаточным места) средствами.

Картина окружающего мира, отраженная в войсковых грамотах, носит динамический характер, что выражается существенным преобладанием глаголов движения над глаголами местоположения. Наиболее частотными из глаголов перемещения являются глагол *послать* и его префиксальные производные: в источниках говорится о получении и рассылке грамот и иных документов по Области Войска Донского, о различных поручениях каким-либо лицам, связанных

с поездкой в другие места. Употребительны также слова *ехать*, *ездить*, *везти* и их производные, обозначающие перемещение при помощи транспортных средств; их активное использование обусловлено содержанием документов, сообщающих о передвижении на большое расстояние в пределах Области Войска Донского или всего государства, которое осуществлялось на повозках либо (особенно у казаков) верхом. к данной лексике можно отнести и отглагольные существительные, сохраняющие процессуальную семантику производящих основ (*отсылка*, *привоз*, *отвоз*, *побег*, *гоньба*, *прогон* и др.).

Отображаемое в грамотах реальное пространство носит социализированный характер: подавляющее большинство слов обозначает населенные пункты, единицы административно-территориального деления страны. Даже географические объекты часто включаются «в контекст» жизни общества. Например, реки упоминаются как ориентиры, «организующие» казачье расселение по территории Области; так, при определении адресата документа называются реки и только потом станицы, расположенные по этим рекам: *по хопру в михаиловскую станицу станищному атаману* (д. 1, л. 3); *по дону от цымлянскои до казанскои по хопру от букановскои до михаиловскои по медведицы от астравскои до березовскои по бузулуку от алексеевскои до филоновскои станицъ станищным атаманамъ и козакам* (д. 4, л. 1). Прилагательные *донской*, *войсковой* имеют не только прямое значение «относящийся к реке, войску как к территории», но и «относящийся ко всей территории Области либо ко всему войску как специальному организованному сообществу, расположенному на данной территории» [Горбань, 2013, с. 24; Горбань, Шептухина, с. 79].

Параметр «пространство» связан с субъектами коммуникации, функцией, структурой ВГ.

Прилагательное *войсковая* в названии ВГ «локализует» действие документа, ограничивая его функционирование Областью Войска Донского.

Пространственную локализацию имеют субъекты коммуникации, что отражается в первую очередь в структуре текста: сведения об адресате — в начальной формуле (*по хоперским нашим казачьим городкам станищным атаманом и казакам* и др.), об адресанте — в конечной формуле «место составления документа». Кроме того, в основном содержании текста о местонахождении адресанта свидетельствуют такие высказывания, как *к намъ воиску донскому в черкаской* (д. 1, л. 2), *нам воисковому атаману и воиску донскому в черкаском* (д. 1, л. 3) и т. п., выполняющие, как и некоторые другие языковые средства, дейктическую функцию. Пространство Области Войска Донского отображается в текстах ВГ как организованное вокруг центра в Черкасском, точкой отсчета в пространственной «системе координат» является субъект, от лица которого документ составляется. Определения *войсковой* и *станичный* при существительном *атаманъ* отражают не столько принадлежность к локусу, сколько различный статус адресанта и адресата в иерархии Войска. Анализ особенностей репрезентации пространства в текстах ВГ позволяет выявить концептуальную информацию о фрагментах картины мира донского казачества как социоэтнической группы.

Текстовая фактуальная информация определяет темпоральную локализацию ВГ, реализуемую лексическими, морфологическими, синтаксическими средствами, которые выражают время совершения событий как точку на временной оси, а также их отношение (одновременность, предшествование или следование) к моменту речи (создания документа) или другому событию [см.: Горбань, 2014].

Среди способов обозначения времени совершения действия особое место занимает указание его даты, что обусловлено таким свойством документов, как точность. Точно датируются, как правило, факты, послужившие основанием для принятия решения, распоряжения, иных управленческих действий (получение высочайших указов, происшествие и т. д.) или имеющие правовое значение (год рождения, поселения и т. п.). Датируются также составление грамоты, получение адресатом и другие факты ее реального существования, представляющие в составе текстовой информацию документную.

Временно́й «точкой отсчета» для всего текста выступает дата составления документа. При назывании года может уточняться совпадение или несовпадение его со временем написания ВГ (*прошлый*, *минувший*, *будущий*, *нынешний*, *сей*). Содержание текста в плане темпоральности может соотноситься и с действием, обозначенным в начальной формуле ВГ глагольной формой настоящего времени *обявляемъ* в перформативном значении. Кроме того, временные отношения передаются использованием морфологических форм глагола, предложно-падежных конструкций, придаточных предложений времени.

Темпоральная организация текстов связана с объективной модальностью и находит отражение в структуре грамот — как в указанных выше речевых формулах, выполняющих функцию реквизитов, так и в композиции основного текста. Например, глагольные формы настоящего и прошедшего времени используются преимущественно в мотивирующей части грамот, где излагается положение дел, вызвавшее необходимость принятия решения, тогда как формы футурума — в распорядительной части грамот, где говорится о последующих, предписываемых действиях.

Тенденция к стандартизированности документов как результат того, что официально-деловая практика в многообразии реальных ситуаций стремилась установить определенную однотипность и представить ее единым способом, дает возможность построить модель темпорального поля текстов ВГ:

> {(обявляемъ) — <описание предшествующих событий или существующего положения дел> — <перечисление последующих действий> — (*как сия грамота получена будет* — <перечисление предписываемых действий>) — <дата составления документа>} ({*дата получения документа*}) [Горбань, 2014, с. 13][4].

[4] Здесь фигурными скобками обозначены границы текста, в круглые скобки заключены факультативные компоненты; шрифтом выделены «точки отсчета» времени действий, из них одинаковым шрифтом — соотносящиеся в тексте компоненты, обеспечивающие единство текста в плане темпоральности.

Совокупность рассмотренных параметров в их взаимодействии, их характеристики и особенности речевого выражения позволяют определить войсковую грамоту как жанр документа, выполняющего регулятивную и информативную функции; имеющего действие в пределах одной административно-территориальной единицы Российского государства середины XVIII в. — Области Войска Донского; исходящего от самого высокого в Области по статусу коллективного субъекта и направленного низшему по статусу, как правило, коллективному адресату; передающего волю этого субъекта в императивном тоне; отражающего реалии жизни на данной территории в данный исторический период; создающегося по правилам, традиционно сложившимся в предшествующий, приказный, период делопроизводства.

Дальнейшее исследование войсковых грамот в составе всей документной системы Области Войска Донского, а также на фоне документации центральных учреждений в рассмотренный и более поздние периоды позволит углубить представления о сходстве и различиях жанров документов, общем и региональном в реализации жанровых признаков войсковой грамоты и об их возможной эволюции.

Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М. : Флинта : Наука, 2004.

Белоконева К. А. к проблеме жанрово-стилевой принадлежности документного текста // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2 : Языкозн. 2011. № 2 (14). С. 148–153.

Ваулина С. С., Кукса И. Ю. Модальность предложения — модальность текста: актуальные аспекты изучения // Модальность как семантическая универсалия / ред. И. Ю. Кукса. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. С. 25–34.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : КомКнига, 2007.

Глинкина Л. А., Чередниченко А. П. Деловой язык XVIII века и проблемы исторического лингвокраеведения // Русский язык: исторические судьбы и современность : Междунар. конгресс исследователей русского языка, г. Москва, ФилФ МГУ, 13–16 марта 2001 г. : тр. и материалы / под ред. М. Л. Ремневой, А. А. Поликарпова. М. : [б. и.], 2001. С. 143.

Горбань О. А. Категория локальности в текстах региональных документов XVIII века (на материале документов канцелярии Области Войска Донского) // Научное обозрение: гуманитар. исследования. 2013. № 7. С. 21–30.

Горбань О. А. Региональные документы XVIII века в аспекте категории темпоральности // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2 : Языкозн. 2014. № 4 (23). С. 7–16. http://dx.doi.org.10.15688/jvolsu2.2014.4.1.

Горбань О. А. Особенности выражения субъекта текста в региональных документах XVIII века // Вестн. Нижегор. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2. Ч. 2. С. 356–360.

Горбань О. А., Шептухина Е. М. Региональные документы XVIII в.: аспекты лингвистического описания // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2 : Языкозн. 2013. № 3 (19). С. 76–84.

Ильинова Е. Ю. о соответствии художественной формы дискурсивной традиции лингвокультуры // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2 : Языкозн. 2005. № 4. С. 150–156.

Ильинова Е. Ю. Когнитивный аспект жанрового пространства текста // Науч. вестн. Воронеж. гос. архитектурно-строительного ун-та. Сер. «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». 2006. Вып. 6. С. 9–17.

Качалкин А. Н. Жанры русского документа допетровской эпохи : в 2 ч. Ч. I : Источники изучения и вопросы авторства документа. Ч. 2 : Филологический метод анализа документа. М. : МГУ, 1988.

Косова М. В. Информативность документного текста: лингвистические критерии меры // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2 : Языкозн. 2013. № 3 (19). С. 85–89.

Косова М. В. Параметры речевого жанра как модель документного текста // Современная коммуникативистика. 2015. Т. 4. № 6. С. 16–19. http://dx.doi.org.10.12737/16551.

Косова М. В. Метод документоведческого анализа в лингвистических исследованиях: содержание и цели // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2 : Языкозн. 2016. № 1 (30). С. 7–17. http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.1.

Котюрова М. П. Русский деловой текст: функционирование и развитие // Вестни. Перм. ун-та. 2010. Вып. 6 (12). С. 215–217.

Кудрявцева Е. А. Восточносибирская деловая письменность в языковой ситуации начала XVIII века (на материале документов Туруханского Троицкого монастыря) // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 6. 2004. С. 43–51.

Кушнерук С. П. Современный документный текст: создание и исследование. М. : Либерия-Бибинформ, 2009.

Майоров А. П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М. : Азбуковник, 2006.

Плигина Е. С. Корпус PR-текстов: эволюция системы жанров // Медиареальность информационного общества : материалы Междунар. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, посвящ. 15-летию Ин-та телевидения, бизнеса и дизайна, г. С.-Петербург, 6–7 декабря 2012 г. / под ред. Н. А. Гуторовой. СПб. : [б. и.], 2012. С. 40–42.

Ромашова О. В. Жанрово-стилевая специфика медицинского документа (на материале медицинской карты стационарного больного) // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5 (48) С. 127–130.

Русанова С. В. Трансформация приказной памяти в условиях преобразования регионального делопроизводства в первой половине XVIII в. // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2012. № 10. С. 70–74.

СЭСРЯ — Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. М. : Флинта : Наука, 2006.

Трофимова О. В. Жанрообразующие особенности русских документов XVIII века (на материале тюменской деловой письменности 1762–1796 гг.) : дис. ... д-ра филол. наук. Тюмень : Тюмен. гос. ун-т, 2002.

Шептухина Е. М., Герасимова И. С. Языковые средства реализации текстовых категорий в региональных деловых документах XVIII в. // Уч. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. № 5. С. 41–51.

Шептухина Е. М., Юрбань О. А. Войсковые грамоты середины XVIII века в аспекте категории модальности // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2 : Языкозн. 2015. № 5 (29). С. 7–18. http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.5.1.

Статья поступила в редакцию 15.07.2016

Горбань Оксана Анатольевна
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
и документалистики
Волгоградский государственный университет
400062, Волгоград, пр. Университетский, 100
E-mail: o.gorban@mail.ru

Ильинова Елена Юрьевна
доктор филологических наук,
профессор кафедры английской филологии
Волгоградский государственный университет
400062, Волгоград, пр. Университетский, 100
E-mail: ilynov@vistcom.ru

Косова Марина Владимировна
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
и документалистики
Волгоградский государственный университет
400062, Волгоград, пр. Университетский, 100
E-mail: kosows@mail.ru

Шептухина Елена Михайловна
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
и документалистики
Волгоградский государственный университет
400062, Волгоград, пр. Университетский, 100
E-mail: sheptukhina@yandex.ru

Gorban, Oksana Anatolyevna
Dr. Hab. (Philology), Professor
Department of the Russian Language
and Documentation Studies
Volgograd State University
100, Universitetsky Ave.,
400062 Volgograd, Russia
E-mail: o.gorban@mail.ru

Ilyinova, Elena Yurievna
Dr. Hab. (Philology), Professor
Department of English Philology
Volgograd State University
100, Universitetsky Ave.,
400062 Volgograd, Russia
E-mail: ilynov@vistcom.ru

Kosova, Marina Vladimirovna
Dr. Hab. (Philology), Professor
Department of the Russian Language
and Documentation Studies
Volgograd State University
100, Universitetsky Ave.,
400062 Volgograd, Russia
E-mail: kosows@mail.ru

Sheptukhina, Elena Mikhaylovna
Dr. Hab. (Philology), Professor
Department of the Russian Language
and Documentation Studies
Volgograd State University
100, Universitetsky Ave.,
400062 Volgograd, Russia
E-mail: sheptukhina@yandex.ru

GENRE CHARACTERISTICS OF THE 18TH CENTURY MILITARY CHARTERS (With Reference to the *Mikhailovsky Stanitsa Ataman Archive*)

The military charter is defined in the article as a major type of administration document in the Don Host Province (Rus. *Oblast' Voyska Donskogo*) and is claimed to be an exceptional genre of administrative documentation of the 18th century. The study is conducted with reference to documents (dated between 1735 and 1755) from the "Mikhailovsky Stanitsa Ataman" Archive (State Archive of Volgograd Region).

Applying a complex approach to linguistic phenomena analysis and taking into account the achievements of the modern text theory through the prism

of documentation linguistics, the authors determine the following characteristics of any genre of a documentary text: functions, subjects of communication (addresser, addressee), specificity of the message delivered, composition structure, prevailing modality, time and space localization. The authors illustrate their multi-vector and heterogeneous interaction and coordination with the specific features and general text categories and properties of the text. The notion of genre that was first introduced in linguistics with reference to fiction is specified for documentation linguistics; conceptual information in official and administrative documents is considered as a cultural and historical background that helps to provide an accurate interpretation of factual information.

The authors characterize the peculiarities of the aforementioned parameters in the speech structure of military charters that are expressed by different level means of language, emphasizing the cases that allow for variability.

The article demonstrates that though it is an isolated textual phenomenon, the military charter reflects the peculiarities of records management typical of a certain area of Russia. Keeping some old instructive traditions, the text, however, demonstrates some features of the new office style of the 18th century.

K e y w o r d s: genre; genre features; document; document characteristics; text category; history of the Russian administrative language; military charter; Don Host Province.

Acknowledgements

The work is supported by the *Russian Foundation for the Humanities* and the Administration of Volgograd Region, project #16-14-34004 "The Dynamics of the Textual and Linguistic Organisation of Regional Documents between the 18th and 19th Centuries (with Reference to the Mikhaylovsky Stanitsa Ataman Archive)".

Babenko, L. G., & Kazarin, Ju. V. (2004). *Lingvisticheskij analiz hudozhestvennogo teksta. Teorija i praktika* [Linguistic Analysis of a Literary Text. Theory and Practice]. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)

Belokoneva, K. A. (2011). K probleme zhanrovo-stilevoj prinadlezhnosti dokumentnogo teksta [On the Issue of Genre and Style of a Document]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2, Jazykoznanije, 2 (14)*, 148–153. (In Russian)

Galperin, I. R. (2007). *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovanija* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow: KomKniga. (In Russian)

Glinkina, L. A. & Cherednichenko, A. P. (2001). Delovoj jazyk XVIII veka i problemy istoricheskogo lingvokraevedenija [Administrative Language of the 18th Century and the Issues of Historical Regional Language Studies]. In M. L. Remneva, & A. A. Polikarpov (Eds.), *Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* [The Russian Language: Its Historical Destiny and Present State]: Mezhdunar. kongress issledovatelej russkogo jazyka, g. Moskva, FilF MGU, 13–16 marta 2001 g.: trudy i materialy (p. 143). Moscow. (In Russian)

Gorban, O. A. (2013). Kategorija lokal'nosti v tekstah regional'nyh dokumentov XVIII veka (na materiale dokumentov kanceljarii Oblasti Vojska Donskogo) [The Category of Locality in the Texts of 18th Century Regional Documents (Based on the Documents of the Don Army Region Office)]. *Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovanija, 7*, 21–30. (In Russian)

Gorban, O. A. (2014). Regional'nye dokumenty XVIII veka v aspekte kategorii temporal'nosti [Regional Documents of the 18th Century in Terms of the Category of Temporality]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanije, 4 (23)*, 7–16. http://dx.doi.org.10.15688/jvolsu2.2014.4.1 (In Russian)

Gorban, O. A. (2015). Osobennosti vyrazhenija sub'ekta teksta v regional'nyh dokumentah XVIII veka [The Expression of the Subject of the Text in the Regional Documents of the 18th Century]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, *2*, 2, 356–360. (In Russian)

Gorban, O. A., & Sheptukhina, E. M. (2013). Regional'nye dokumenty XVIII v.: aspekty lingvisticheskogo opisanija [Regional Documents of the 18th Century: Aspects of Linguistic Analysis]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanije*, *3 (19)*, 76–84. (In Russian)

Ilyinova, E. Yu. (2005). O sootvetstvii hudozhestvennoj formy diskursivnoj tradicii lingvokul'tury [On the Compliance of the Art Form and Discursive Traditions of a Language Culture]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanije*, *4*, 150–156. (In Russian)

Ilyinova, E. Yu. (2006). Kognitivnyj aspekt zhanrovogo prostranstva teksta [The Cognitive Aspect of the Genre Dimension of a Text]. *Nauchnyj vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Ser. «Sovremennyne lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovanija»*, *6*, 9–17. (In Russian)

Kachalkin, A. N. (1988). *Zhanry russkogo dokumenta dopetrovskoj epohi* [Genres of the Russian Document in the Pre-Petrine Period] (Parts 1–2). (Part 1: Istochniki izuchenija i voprosy avtorstva dokumenta [Research Sources and Document Authorship Issues]). (Part 2: Filologicheskij metod analiza dokumenta [The Philological Method of Document Analysis]). Moscow: MGU. (In Russian)

Kosova, M. V. (2013). Informativnost' dokumentnogo teksta: lingvisticheskie kriterii mery [The Information Value of a Document: Linguistic Criteria of Measure]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanije*, *3 (19)*, 85–89. (In Russian)

Kosova, M. V. (2015). Parametry rechevogo zhanra kak model' dokumentnogo teksta [Parameters of the Speech Genre in Modeling Documents]. *Sovremennaja kommunikativistika*, *4*, 6, 16–19. http://dx.doi.org.10.12737/16551 (In Russian)

Kosova, M. V. (2016). Metod dokumentovedcheskogo analiza v lingvisticheskih issledovanijah: soderzhanie i celi [Documental Analysis Method in Linguistic Research: Content and Objectives]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanije*, *1 (30)*, 7–17. http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.1 (In Russian)

Kotyurova, M. P. (2010). Russkij delovoj tekst: funkcionirovanie i razvitie [Russian Administrative Text: Functioning and Development]. *Vestnik Permskogo universiteta*, *6 (12)*, 215–217. (In Russian)

Kozhina, M. N. (Ed.). (2006). *Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)

Kudryavtseva, E. A. (2004). Vostochnosibirskaja delovaja pis'mennost' v jazykovoj situacii nachala XVIII veka (na materiale dokumentov Turuhanskogo Troickogo monastyrja) [East Siberian Business Writing in the Language Situation at the Beginning of the 18th Century (with Reference to Documents from the Turukhansk Holy Trinity Monastery)]. *Lingvisticheskij ezhegodnik Sibiri*, *6*, 43–51. (In Russian)

Kushneruk, S. P. (2009). *Sovremennyj dokumentnyj tekst: sozdanie i issledovanie* [Modern Document Text: Development and Studies]. Moscow: Liberija-Bibinform. (In Russian)

Mayorov, A. P. (2006). *Ocherki leksiki regional'noj delovoj pis'mennosti XVIII veka* [Essays on the Vocabulary of the Regional Official Writing of the 18th Century]. Moscow: Azbukovnik. (In Russian)

Pligina, E. S. (2012). Korpus PR-tekstov: jevoljucija sistemy zhanrov [The Corpus of PR-texts: The Evolution of Genres]. In N. A. Gutorova (Ed.), *Mediareal'nost' informacionnogo obshhestva* [The Media Reality of Information Society]: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. studentov, magistrantov i aspirantov, posvjasch. 15-letiju Instituta televidenija, biznesa i dizajna, g. S.-Peterburg, 6–7 dekabrja 2012 g. (pp. 40–42). Saint Petersburg: [s. l.]. (In Russian)

Romashova, O. V. (2014). Zhanrovo-stilevaja specifika medicinskogo dokumenta (na materiale medicinskoj karty stacionarnogo bol'nogo) [Genre and Style Peculiarities of the Medical Document (with Reference to Patients' Medical Records)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*, *5 (48)*, 127–130. (In Russian)

Rusanova, S. V. (2012). Transformacija prikaznoj pamjati v uslovijah preobrazovanija regional'nogo deloproizvodstva v pervoj polovine XVIII v. [Changes in Prikaz Archiving and Conditions of the Regional Administration Transformation in the First Half of the 18th Century]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta*, *10*, 70–74. (In Russian)

Sheptukhina, E. M., & Gerasimova, I. S. (2014). Jazykovye sredstva realizacii tekstovyh kategorij v regional'nyh delovyh dokumentah XVIII v. [Language Means of Implementation of Text Categories in Regional Official Documents of the 18th Century]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki*, *156*, *5*, 41–51. (In Russian)

Sheptukhina, E. M., & Gorban, O. A. (2015). Vojskovye gramoty serediny XVIII veka v aspekte kategorii modal'nosti [Don Cossack Army Charters of the Mid-18th Century through the Category of Modality]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2*: *Jazykoznanije*, 5 (29), 7–18. http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.5.1 (In Russian)

Trofimova, O. V. (2002). *Zhanroobrazujushhie osobennosti russkih dokumentov XVIII veka (na materiale tjumenskoj delovoj pis'mennosti 1762–1796 gg.)* [On Genre Forming Features of 18th Century Russian Documents (with Reference to Tyumen Administrative Writing of 1762–1796] (doctoral dissertation). Tjumen': Tjumenskij gos. un-t. (In Russian)

Vaulina, S. S., & Kuksa, I. Ju. (2010). Modal'nost' predlozhenija — modal'nost' teksta: aktual'nye aspekty izuchenija [Modality of the Sentence — Modality of the Text: Aspects of Modern Study]. In I. Ju. Kuksa (Ed.), *Modal'nost' kak semanticheskaja universalija* [Modality as a Semantic Universal] (pp. 25–34). Kaliningrad: Izd-vo RGU im. I. Kanta. (In Russian)

Received on 15 July, 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.4.075
УДК

А. А. Исэров
НИУ «Высшая школа экономики»
Институт всеобщей истории РАН
Москва, Россия

ОТ КРИТИКИ «МЕТАНАРРАТИВОВ» К НОВЫМ ОБОБЩЕНИЯМ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ*

Статья посвящена новому осмыслению всемирной истории, больших процессов и «большой длительности», которое уже получило характеристику «глобального» («транснационального») поворота. Предпринята попытка ответить на вопросы, в чем причины этого «поворота», как он понимается сегодня историками и какие ему даются определения, каковы реальные итоги вновь родившегося интереса к макропроцессам, наконец, как сегодня выглядит задача сочетания микро- и макромасштабов в историческом исследовании. Определено место «глобального» («транснационального») «поворота» в современной историографической ситуации с ее парадоксальным сочетанием запроса на «децентрализацию» (в первую очередь, на преодоление европоцентризма) и одновременно «англо-американизации» знания. Очевидны успехи «поворота», связанные как с новым критическим вниманием к устоявшимся стереотипным обобщениям (здесь ценны достижения второй половины 1970–2000-х гг. в борьбе с «метанарративами»), так и с увеличением объема доступных историкам источников, в том числе массовых (*digital humanities*). Интерес, с одной стороны, к истории, пересекающей и разрывающей привычные национальные, региональные, этноконфессиональные границы (расширение пространственного поля), а с другой стороны, к «большой длительности» (расширение временного поля), не означает отказа от микроисторических методов, но предъявляет к ним важное требование: казус должен выражать важную большую тенденцию. Ясны также неудачи

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 15-18-30087 «Россия — Европа: вехи совместной истории в коллективной памяти XIX–XX вв.»)

© Исэров А. А., 2016

«поворота»: гонка за числом публикаций и стремление соответствовать новейшим историографическим тенденциям могут привести к легковесности изложения и слабой фундированности выводов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: всеобщая история; всемирная история; «глобальный поворот»; транснациональная история; «связанная» история; «перекрестная» история; микроистория; макроистория; европоцентризм; социология знания.

Кризис больших объяснительных моделей общественного развития (не только исследовательский, но и политический: мощный удар по самой масштабной из подобных моделей — марксизму — нанес распад Советского Союза и всей социалистической системы), успехи французской постмодернистской философии и североамериканской «критической теории» второй половины 1970-х гг. вызвали к жизни целый ряд исследовательских подходов, самая суть которых отрицала возможность больших обобщений. Только примерно последние полтора-два десятилетия историки по всему миру начинают возвращаться к большим темам, по-новому говоря о значимости исторического знания для поиска ответов на ключевые вопросы о путях развития человечества.

Эта статья ставит целью рассмотреть современные достижения в области нового осмысления всемирной истории, заставивших говорить о новом историографическом «повороте». Мы постараемся ответить на следующие вопросы: в чем причины этого «поворота»; как он понимается сегодня историками и какие ему даются определения; каковы реальные итоги вновь родившегося интереса к макропроцессам; наконец, как сегодня выглядит задача сочетания микро- и макромасштабов в историческом исследовании.

Очевидно, новое осмысление всемирной истории невозможно представить без преодоления европоцентризма [Саид; Гуди; Said; Amin; Chakrabarty; Goody], уходящего корнями в XVIII–XIX столетия [Iggers, Wang, p. 29–32]. Стоит подчеркнуть, что сам термин «европоцентризм», похоже, русского происхождения, на что мне не удалось найти указаний в растущей литературе о евразийстве; он впервые был развернуто использован Н. С. Трубецким («Об истинном и ложном национализме», 1921). Мысли, как будто бы прямо взятые из Э. Саида, также неоднократно высказывали (как до Октябрьской революции, но особенно после нее) С. Ф. Ольденбург и Н. Я. Марр (В. В. Бартольд был умереннее в своей критике). Интерес к «восточным» обществам, к влиянию «Востока» на «Запад», который развивался с 1880-х гг. среди германских и австро-венгерских востоковедов, их русские коллеги радикально развернули в масштабную критику европоцентризма. В. С. Тольц выдвинула гипотезу о почти прямом влиянии русских востоковедов на Э. Саида через франко-египетского марксиста, копта А. Абдель-Малека (1924–2012), который учился в Советском Союзе [Тольц, с. 112–121, 155–178; Tolz, p. 75 passim; Glebov]. Критика «европоцентризма», как и сам термин, соединяют дореволюционную и советскую науку, евразийцев и большевиков-марксистов. Во время печально известного заседания московских медиевистов, посвященного борьбе с космополитизмом, акад.

Е. А. Косминский критикует за «европоцентризм» (и «постановку в центр внимания исключительно Западной Европы и даже некоторых из стран Западной Европы») вузовский, а затем и школьный учебники по истории средних веков, и эта критика звучала бы обоснованно и в наши дни [Стенограмма объединенного заседания..., с. 279–282]. В 1960-е гг. термин *Europazentrismus* начинает использоваться в ГДР, возможно, под советским влиянием. Только в середине — второй половине 1960-х гг. этот термин был вновь создан во французской (*Européocentrisme*, после С. Амина — *Eurocentrisme*) и параллельно в англо-американской науке.

Впрочем, критика европоцентризма и призывы к плюралистическому, децентрализованному, не-телеологическому взгляду на мировую историю не препятствуют быстро развивающейся «англо-американизации» знания, когда в мире все меньше читают даже на таких издавна признанных европейских языках науки, как немецкий или французский, но пока не читают (и вряд ли будут читать в обозримом будущем) на языках не-европейских, скажем, китайском или фарси. Рост числа научных публикаций, отказ ведущих мировых хранилищ от межбиблиотечного обмена выстраивают иерархию знания: исследователи все меньше следят за литературой за пределами англо-американского книгоиздания. Голос неевропейских обществ слышен пока только через представителей академических диаспор, которые откликаются на западную интеллектуальную — а то и политическую — моду и находят себе нишу обычно в англо-американских университетах и исследовательских центрах.

Микроисторический масштаб, предпринятый без попытки широкого охвата явлений, сегодня не всегда устраивает ученых. Исследователи, в частности, ставят задачи «всемирной» (*world*), «транснациональной», «глобальной», «связанной» (*connected*), «перекрестной» (*gekreuzte*, *croisée*, *entangled*) истории, цель которой — изучение явлений, которые невозможно замкнуть в пределах национальных историй и государственных границ [Вернер, Циммерманн; Ионов, 2015а; 2015б; Маргарян; Conceptualizing Global History; AHR Conversation...; Histoire globale, histoires connectées; Iriye, 2005; 2007; 2013; Christian, 2010; Conrad; Subrahmanyam, 1997; 2005; Werner, Zimmermann, 2002; 2006; De la comparaison à l'histoire croisée; Bertrand].

Разумеется, часто новые яркие историографические термины служат лишь цели привлечь внимание коллег, которым нелегко следить за растущим валом публикаций. Тем не менее, новое внимание к макромасштабу очевидно. Среди первых примеров масштабного применения подобного подхода — история Атлантики (Atlantic History), стремительно развивающаяся с 1990-х гг. [Atlantic History...]. До сих пор существенно меньше внимания уделяется истории Тихого [Matsuda] или Индийского океанов [Pearson]. Разумеется, первым объектом изучения обществ, связанных морем [AHR Forum...], стала история Средиземноморья (достаточно вспомнить знаменитый трехтомник Ф. Броделя), которая тоже привлекает в последнее время новое внимание исследователей [Abulafia; Broodbank; Picard].

По-новому звучат призывы к сравнительной истории [Haupt], к истории «большой длительности» и применению количественных методов [Гулди, Армитедж; Guldi, Armitage], наконец, к истории, в том числе сравнительной, глобальных процессов и явлений, например, несвободного труда [Miller; Stanziani; Northrup; De Vito, Lichtenstein; Global Convict Labour], товаров [Beckert; Attman, 1981; 1986].

Стремится примирить броделевскую «большую длительность» [Бродель, 1977; Braudel, 1958] и фукольдианскую «прерывность» (*discontinuité*) [Фуко; Foucault] французский историк поздней античности Э. Энгльбер, завершая свое объемное (1248 страниц!) исследование представлений о «всеобщей истории» от Месопотамии до наших дней призывом писать «хроники миров», которые отличались бы от существующих «всемирных» и «глобальных» историй принципиальной множественностью углов зрения и отказом как от регионо-, так и от хроноцентричности [Inglebert].

Достижения естественных наук обогатили макроисторические исследования, что позволило поставить задачу «большой истории» — попытки обобщить эволюцию не просто человеческого общества, но мира в целом, начиная от Большого взрыва, и человека в нем [Даймонд; Радкау; Christian, 2004; 2010; McNeill, 1976; Diamond; Radkau; Harari; Big History Project].

Наконец, идущая с 1990-х гг. новая волна глобализации привлекает учащихся к глобальным темам. В условиях растущей мировой конкуренции как за за студентов, так и за работу в университетах, усиливается интерес англо-американских университетов (т. е. основных игроков мирового академического рынка) к найму именно таких преподавателей, которые бы могли вести курсы на широкие, транснациональные темы. На англоязычном книжном рынке появился ряд учебников и обзоров для студентов и аспирантов по всемирной истории [Palgrave Advances in World Histories; The Oxford Handbook of World History; A Companion to World History; Architects of World History:...; Roberts, Westad; Tignor, Adelman, Aron, et al.; Bentley, Ziegler, Streets Salter; Berkshire Encyclopedia of World History]. Были основаны новые научные журналы: “Journal of World History” публикуется издательством Университета Гавайев с 1990 г., “Journal of Global History” — издательством Кембриджского университета с 2006 г., “Zeitschrift für Weltgeschichte. Interdisziplinäre Perspektiven” — издательством “Peter Lang” с 2000 г. В первую очередь в образовательных целях с 2004 г. дважды (теперь трижды) в год Гавайский тихоокеанский университет начал выпускать электронное издание “World History Connected”.

Не случайно первым лауреатом учрежденной в 2015 г. Международным конгрессом исторических наук Международной исторической премии стал выдающийся французский специалист по Латинской Америке XVI–XVIII в. Серж Грузински как «пионер в размышлениях о вопросах глобальной и транснациональной истории» [Serge Gruzinski awarded the International Prize of History...].

Разумеется, современное внимание к всемирным взаимодействиям, взаимосвязям и взаимовлияниям, попытки преодолеть стереотипы, восходящие

к национальным движениям XIX столетия, не новы[1]. Еще Л. фон Ранке, утверждая, что простое «собрание историй народов в узких или широких рамках» еще не составляет «всемирную историю», призывал к познанию эволюции тех крупных черт, которые связывают между собой воедино историю отдельных обществ [Ranke, Bd. I, s. vii]. «Всемирная история» (1881–1888) стала последним трудом великого историка. к 1921 г. она выдержала четыре издания. До выхода многотомника Ранке важнейшей подобной работой была изданная в 1844–1856 гг. 19-томная «Всемирная история» Ф. Х. Шлоссера (1776–1861), которая была в 1874–1875 гг. дополнена О. Йегером (1830–1910), написавшим три тома по истории после Венского конгресса. Русский перевод Шлоссера, сделанный под руководством Н. Г. Чернышевского, вышел в 1868–1872 гг. Не только Шлоссер, но и даже Ранке, говоря о всемирной истории, не упоминают ни Индию, ни Китай, а история II тыс. н. э. в этих трудах — почти исключительно история Западной Европы. Двенадцатитомная «Всеобщая история с IV столетия до нашего времени», изданная под редакцией Э. Лависса и А. Рамбо в 1892–1901 гг. (русский перевод первых восьми томов В. Н. Неведомского, М. О. Гершензона опубликован в 1897–1903 гг.), даже не европо-, а просто франкоцентрична. Так, том VI посвящен эпохе Людовика XIV, а тома VIII–IX — Французской революции и Наполеону.

Во второй половине XX столетия грандиозные задачи, подобно заданным Ранке, ставили перед собой, как правило, исследователи древнейшей истории, привыкшие к постановке трудных проблем: И. М. Дьяконов [Дьяконов], Г. Мюллер-Карпе [Müller-Karpe], Ю. И. Семёнов [Семенов], Л. С. Васильев [Васильев]. Осмыслить всю историю человечества сквозь призму «цивилизаций» стремились А. Тойнби [Toynbee] и У. Дюрант [Durant, Durant].

Джавахарлал Неру, выходец из старинной привилегированной семьи кашмирских браминов и выпускник Кембриджа, в своих тюремных письмах 1931–1933 гг. юной дочери Индире очертил путь человечества от первых цивилизаций до тревожных 1930-х гг. — это ранний пример взгляда на мир извне Европы, но внутри европейской традиции знания [Неру; Nehru]. Сам Неру скромно признавал, что вдохновением для его работы послужил популярный очерк Герберта Уэллса [Уэллс; Wells]. У. Мак-Нил предпринял масштабную попытку понять «восхождение Запада», найти причины возвышения западноевропейских обществ с XVI в. (и особенно, очевидно, с середины XVIII в.) [Мак-Нил, 2004; 2008; McNeill, 1963; 1982; McNeill, McNeill]. Более половины труда Мак-Нила посвящено предыстории этого возвышения, причем повествование автор начинает с первобытных обществ и появления первых цивилизаций[2]. Во многом стремясь придать работам Ф. Броделя [Бродель, 1986–1992; Braudel, 1967–1979]

[1] О становлении понятия «всемирной истории» в XVIII в. см. [Гюнтер, Козеллек, Майер, Энгельс; Inglebert, p. 639–724].

[2] Помимо определения «восхождение Запада», используются также понятия «европейское чудо» и — при сравнении европейских обществ и Китая — «великое расхождение» (*great divergence*) [Jones; Pomeranz].

теоретическое измерение, И. Валлерстайн сосредоточился на осмыслении происхождения глобального капитализма и предложил чрезвычайно плодотворную модель «мир-системы», которая делится на центр, полупериферию и периферию мирового хозяйства [Wallerstein; Валлерстайн].

Более привычны коллективные всемирные истории. В нашей стране наиболее известна советская «Всемирная история», выходившая в 1955–1965 гг. под редакцией акад. Е. М. Жукова и дополненная в 1973, 1977 и 1983 гг. тремя томами о событиях 1945–1970-х гг. [Всемирная история, 1955–1983][3]. Ее цель, как и оправдание всемирноисторических исследований в Советском Союзе в целом, заключалась в создании полномасштабной марксистско-ленинской (а значит, подлинно научной, а не в лучшем случае «объективистской») истории человечества [ср.: Уваров]. Замысел создать советскую «Всемирную историю» восходил еще ко второй половине 1930-х гг. [Кондратьев, Кондратьева, с. 50 слл.]. В середине 1980-х гг. в Институте всеобщей истории АН СССР под руководством акад. Г. Н. Севостьянова и Р. Ф. Иванова началась работа над «Всемирной историей» в четырех томах. В архиве института сохранилась незавершенная рукопись третьего тома, который должен был охватывать события от Английской революции до революции 1917 г.

Под влиянием советского марксизма в Китае были изданы «Всемирные истории» в четырех (1962) и шести томах (1992–1994); в 2002 г. в китайской Академии общественных наук началась работа над восьмитомной «Всемирной историей», которая также должна была следовать историческому материализму, преодолевая европоцентризм предыдущих исследований [Littrup].

В конце 1990-х — 2000-е гг. под эгидой ЮНЕСКО на английском, французском и русском языках была выпущена «История человечества», в которой основное внимание уделено развитию культуры в широком смысле [История человечества...; Тихвинский]. С большим трудолюбием выполнена белорусская «Всемирная история», популярная в свое время среди студентов, но носящая, впрочем, компилятивный характер [Всемирная история, 1996–1997].

В 2007–2008 гг. по замыслу директора Института всеобщей истории, акад. А. О. Чубарьяна началась работа над шеститомной «Всемирной историей», издание которой идет с 2011 г. [Всемирная история, 2011–2016]. к сожалению, в отличие от советской «Всемирной истории», это издание вероятнее всего не найдет читателей за пределами бывшего Советского Союза и голос российских историков не будет широко услышан — такова современная иерархия знания, о которой шла речь выше.

Автор этих строк с радостью и гордостью обнаружил, что свой шеститомник — все же с небольшим запозданием от Института всеобщей истории

[3] Многотомник был переведен на языки многих социалистических стран (включая, разумеется, немецкий: Berlin, 1961–1968 [без заключительных томов], и китайский: Пекин, 1958–1990), а также на итальянский — под наблюдением выдающегося историка Рисорджименто Франко Делла Перута (1925–2012) в издательстве Nicola Teti (Milano, 1965–1970, 1978–1987).

РАН — начали публиковать два крупнейших научных издательства: мюнхенское “Beck” и “Harvard University Press”, обладающие сегодня несравнимо бóльшими возможностями, чем академическая «Наука». Редакторами этой «Истории мира» [Geschichte der Welt / A History of the World] стали проф. Университета Констанца Юрген Остерхаммель, автор важнейшей обобщающей работы по XIX столетию [Osterhammel], и выходец из Японии, североамериканский историк международных отношений, один из создателей «международной» (интернациональной) и «транснациональной» истории Акира Ирие. Именно на разработку этого шеститомника идут средства от полученной Остерхаммелем в 2010 г. престижной премии Лейбница.

Весной-летом 2015 г. вышли в свет девять книг «Кембриджской всемирной истории» [The Cambridge World History]. Если шеститомная «История мира» под редакцией Ю. Остерхаммеля и А. Ирие в организации материала выдержана скорее в традиционном ключе (и, кстати, очень близка российской «Всемирной истории»), то кембриджский девятитомник по-настоящему новаторский. Структура книг показывает его смысловое содержание: во-первых, больше внимания, чем обычно, уделено основной части человеческой истории как части «большой истории» — дописьменному периоду; во-вторых, показана преемственность в доиндустриальном периоде развития цивилизации, «большая длительность» развития городов и сельского хозяйства, где размывается традиционная граница между античностью и средневековьем; в-третьих, речь идет о том, как в недрах доиндустриальной эпохи вырастает первая волна глобализации, которую в итоге возглавил европейский континент (Великие географические открытия); в-четвертых, в последних двух книгах авторы представляют современный мир глобального капитализма, порожденный промышленным переворотом. В издании нет столь присущего подобного рода замыслам хронологического дисбаланса, когда современной истории уделяется непропорционально много места.

Впрочем, изучение девяти книг неизбежно порождает обоснованную критику: очерки не столь насыщены материалом, как, скажем, родоначальник жанра «кембриджских историй» — знаменитая «Кембриджская новая история», задуманная лордом Актоном (1902–1912), в них довольно много банальностей, с одной стороны, и неточностей — с другой, наконец, не всегда убедительны привлекаемые источники и литература (только один вопиющий пример — глава об «этапном» 1989 г. построена в основном на переводных материалах учебного сайта университета Джорджа Мэйсона!). Многие главы нового издания явно недостаточно связаны с общим замыслом, а представляют собой кратко изложенные тезисы главных работ известных приглашенных авторов. Современный бег за количеством научных публикаций несет с собой угрозу падения их качества; а когда то или иное направление, как, например, «всемирная» («глобальная», «международная», «связанная», «перекрестная») история становится «модным», то здесь читатель, увы, должен быть вдвойне осторожен.

Сделанный мною краткий обзор, казалось, наталкивает читателя на мысль об отказе современных исследователей от микроисторического подхода.

Разумеется, такое представление неверно. Во время «Дней микроистории» (15–19 апреля 2016 г.) на факультете гуманитарных наук НИУ ВШЭ в Москве профессор Университета Исландии С. Г. Магнуссон и профессор университета Лоранда Этвеша (Будапешт) И. Сьярто обсуждали современное состояние дисциплины, естественным образом затрагивая соотношение микро- и макромасштабов в историческом исследовании [Magnússon, Szijártó].

Сьярто подчеркивает, что микроисторические примеры должны быть репрезентативны для больших процессов, что история без макровыводов не имеет ценности [ср.: Aslanian, Chaplin, McGrath, Mann; Trivellato]. Значит, микроистория — занятие для опытных исследователей (как говорит И. Сьярто, тех, кто уже отдал исторической науке 25 лет), тех, кого глубокое знание источников наталкивает на подобные репрезентативные примеры. Историк, во всех подробностях изучая жизнь и деятельность конкретных предпринимателей, делает выводы, которые меняют привычные историографические представления о невозможности первоначального накопления капитала (историк согласен с марксистским термином) в Венгрии XVIII в. и раскрывают сложную игру «старого» и «нового» в Старом порядке (*ancien régime*).

В своем подходе И. Сьярто сближается с патриархом микроистории К. Гинзбургом, который, говоря, что любая история, — во-первых, история сравнительная, а во-вторых, подразумевает мыслительный эксперимент (здесь он следует линии Гоббса — Вико — Маркса — Кроче — Джентиле — Коллингвуда: люди творят историю, и чтобы понять ее, нужно ее «воссоздать» в собственном сознании), подчеркивает, что микроистория выражает эти два качества в предельной форме, а значит — особенно требовательна к качеству исследования [Ginzburg].

В противовес И. Сьярто, С. Г. Магнуссон — противник любых обобщений, которые, по его мнению, не позволяют увидеть ценность конкретного опыта, отдельной жизни. Следует, впрочем, заметить, что сам историк не всегда следует своему революционному призыву — так, его самая популярная книга представляет собой широкий обзор социальной истории Исландии, подчас даже в весьма традиционном ключе [Magnússon].

История «по Магнуссону» действительно выглядит пока плохо реализуемой, по крайней мере, в русле новоевропейского понимания науки. А вот подход «по Сьярто» сегодня популярен. Так, в недавней программной статье в главном североамериканском историческом журнале воссоздается история японской служанки XIX в., за которой видна «большая длительность» истории домашнего труда во второй половине II тысячелетия (своего рода «долгое раннее Новое время»), и в этой перспективе не заметны не только привычный разрыв «Европа — Азия», но и промышленная революция [Stanley].

Завершить статью мне хотелось бы — хотя и остерегаясь, подобно почти любому историку, сложного философского языка — обращением к диалектической триаде немецкой классической философии. Без постмодернистского (в широком смысле, включая «критическую теорию» и постколониальные

исследования) антитезиса была бы невозможна современная история больших проблем, которая внимательна к ошибкам, столь свойственным привычным и, к сожалению, легко запоминающимся (о, как живучи они среди студентов!) ярким широким обобщениям.

Приведу пример из истории «долгого» XIX в. с его возросшей плотностью глобальных макропроцессов: промышленной революции, урбанизации, научно-технического прогресса и экономического роста, становления современных политических институтов гражданства, конституционализма и парламентаризма и современных идеологий либерализма, консерватизма, социализма, национализма, колониального передела мира и невиданного в истории господства Европы и ее переселенческих колоний. Все эти темы составили содержание тома V отечественной «Всемирной истории», где я входил в редакционную коллегию и был одним из авторов.

Говоря об этих макропроцессах, легко впасть, используя замечательное определение Г. Баттерфилда (1931), в «вигскую интерпретацию истории» и нарисовать проникнутое телеологией полотно победы нового над Старым порядком. Но «вигская интерпретация», столь близкая многим политикам, журналистам и авторам школьных учебников, враг исторического познания. Чтобы показать сложность XIX в. как целого, достаточно трех примеров. Когда завершалось столетие, которое часто называют «веком национализма» — национальных движений, подавляющее большинство населения земли были подданными империй: Британской, Российской, Французской, Австро-Венгерской, Цин (Китая). Становление промышленного капитализма, по самому определению, казалось бы основанного на вольном найме, оказалось невозможно без плантационного рабства. Если вспомнить также о крепостничестве, «законтрактованных слугах», в первую очередь, в Британской империи и мексиканских пеонах, то станет понятен смысл высказывания Кристофера Бэйли о «бабьем лете» — но не только рабства [Baily, p. 402–410], как пишет историк, но и несвободного труда вообще в первой половине столетия. Наконец, даже перед Первой мировой войной в век угля и металлургии аграрные страны — переселенческие колонии: Австралия, Новая Зеландия, Канада, Аргентина, Уругвай, — стояли в списке самых богатых стран мира в расчете на душу населения рядом с индустриальной Великобританией.

Итак, история — не Невская прешпектива, в ней нет ясных путей и очевидных ответов, и в этом, наверное, и заключается самый главный смысл ее изучения. Подобно легендарному Бояну, растекавшемуся «мыслию по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы», историк должен видеть и широкое течение макропроцессов, ту самую «большую длительность» — и конкретные стечения обстоятельств, которое подчас переворачивают все с ног на голову (англ. *necessity and contingency*), знать микроскопические детали эпохи, но не забывать их большой контекст, понимать меру глобальных взаимодействий и взаимовлияний, с одной стороны, и изолированности обществ, с другой, уметь, как ни банально это может прозвучать в начале XXI в., «в одном мгновенье видеть

вечность, // Огромный мир — в зерне песка, / В единой горсти — бесконечность // И небо — в чашечке цветка» (У. Блейк)[4].

Сделанный очерк позволяет определить место «глобального» («транснационального») «поворота» в современной историографической ситуации с ее парадоксальным сочетанием запроса на «децентрализацию» (в первую очередь, на преодоление европоцентризма) и одновременно «англо-американизации» знания. Очевидны успехи «поворота», связанные как с новым критическим вниманием к устоявшимся стереотипным обобщениям (здесь ценны достижения второй половины 1970-х — 2000-х гг. в борьбе с «метанарративами»), так и с увеличением объема доступных историкам источников, в том числе массовых (*digital humanities*). Интерес, с одной стороны, к истории, пересекающей и разрывающей привычные национальные, региональные, этноконфессиональные границы (расширение пространственного поля), а с другой стороны, к «большой длительности» (расширение временного поля), не означает отказа от микроисторических методов, но предъявляет к ним важное требование: казус должен выражать важную большую тенденцию. Ясны и неудачи «поворота»: гонка за числом публикаций и стремление соответствовать новейшим историографическим тенденциям (эти явления прямо связаны друг с другом) зачастую приводят, как, к примеру, во многих частях девятитомной «Кембриджской всемирной истории», к легковесности изложения и слабой фундированности выводов.

Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность / пер. с фр. // Философия и методология истории / общ. ред. И. С. Кона. М. : Наука, 1977. С. 114–142.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. / пер. Л. Е. Куббеля. Т. 1 : Структуры повседневности. М. : Прогресс, 1986 ; Т. 2 : Игры обмена. М. : Прогресс, 1988; Т. 3 : Время мира. М. : Прогресс, 1992.

Валлерстайн И. Мир-система Модерна: в 4 т. / пер. с англ. Т. 1 : Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI в. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015; Т. 2 : Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016 ; Т. 3 : Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики, 1730–1840-е годы. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016; Т. 4 : Триумф центристского либерализма, 1789–1914. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.

Васильев Л. С. Всеобщая история : в 6 т. М. : Высш. шк., 2007–2013.

Вернер М., *Циммерманн Б.* После компаратива. Histoire Croisée и вызов рефлективности // Ab Imperio. 2007. № 2 (Политика сравнения). С. 55–90.

Всемирная история : в 13 т. / гл. ред. Е.М. Жуков. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955–1965 : Мысль, 1973–1983.

Всемирная история : в 24 т. / гл. ред. А. Н. Бадак. Минск : Литература, 1996–1997.

Всемирная история : в 6 т. / гл. ред. А. О. Чубарьян. Т. 1 : Древний мир / отв. ред. В. А. Головина, В. И. Уколова. М. : Наука, 2011; Т. 2 : Средневековые цивилизации Запада и Востока / отв. ред. П. Ю. Уваров. М. : Наука, 2012; Т. 3 : Мир в раннее Новое время / отв. ред. В. А. Ведюшкин, М. А. Юсим. М. : Наука, 2013; Т. 4 : Мир в XVIII веке / отв. ред. С. Я. Карп. М. : Наука, 2013;

---

[4] Из превосходных свежих примеров подобной историографии см.: [Ливен; Lieven].

Т. 5 : Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации / отв. ред. В. С. Мирзеханов. М. : Наука 2014; Т. 6 : Мир в XX веке: эпоха глобальных трансформаций / отв. ред. А.О. Чубарьян. М. : Наука, 2016.

Гуди Дж. Похищение истории / пер. с англ. М. : Весь мир, 2015.

Гулди Дж., Армитедж Д. Исторический манифест // Ab Imperio. 2015. № 1. С. 21–75; № 2. С. 24–61; № 3. С. 23–71; № 4. С. 27–89.

Гюнтер Х., Козеллек Р., Майер К., Энгельс О. История (Geschichte, Historie) // Словарь основных исторических понятий : избр. ст. : в 2 т. М. : НЛО, 2014 Т. 1. С. 189–196.

Даймонд Дж. Ружья, микробы, сталь. Судьбы человеческих обществ / пер. с англ. М. : АСТ, 2010, 2012.

Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М. : Наука, 1994.

Ионов И. Н. Мировая история в глобальный век: новое историческое сознание. М. : Аквилон, 2015а.

Ионов И. Н. Проблемы современной макроистории. Статья 1. Шаг вперед, два шага назад? // Диалог со временем. 2015б. № 50. С. 34–58.

История человечества: научное и культурное развитие : в 8 т. / под общ. ред. А. Н. Сахарова. М. : Магистр, 2003–2005.

Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе (20-е — начало 50-х гг. XX века). Тюмень : Мандр и Ка, 2003.

Ливен Д. Россия против Наполеона. Борьба за Европу. 1809–1814 / пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2012.

МакНил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества / пер. с англ. Киев ; М. : Ника-центр, 2004.

МакНил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках / пер. с англ. М. : Территория будущего, 2008.

Маргарян Е. Г. Современные номотетические подходы к анализу динамики всемирной истории: «переORIENTация» или «ориентализация современного исторического сознания? // Диалог со временем. 2016. № 55. С. 173–193.

Неру Дж. Взгляд на всемирную историю : в 3 т. М. : Прогресс, 1977.

Радкау Й. Природа и власть: всемирная история окружающей среды / пер. с нем. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014.

Саид Э. Ориентализм / пер. с англ. М. : Русский Мір, 2006.

Семёнов Ю. И. Введение во всемирную историю : в 3 вып. М. : МФТИ, 1997–2001. Вып. 1 : Проблема и понятийный аппарат. Возникновение человеческого общества (1997); Вып. 2 : История первобытного общества (1998); Вып. 3 : История цивилизованного общества (XXX в. до н. э. — XX в. н. э.) (2001).

Стенограмма объединенного заседания сектора истории средних веков Института истории АН СССР и кафедры истории средних веков Московского государственного университета 23 марта 1949 г. // Одиссей: человек в истории. 2007 / гл. ред. А. Я. Гуревич. М. : Наука, 2007. С. 253–341.

Тихвинский С. Л. Завершение издания ЮНЕСКО «История человечества. Научное и культурное развитие» // Новая и новейшая история. 2006. № 4. С. 91–97.

Тольц В. С. «Собственный Восток» России. Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М. : НЛО, 2013.

Уваров П. Ю. Вот тут все и кончилось... или Фракталы российской историографии // Уваров П. Ю. Между «ежами» и «лисами». М. : НЛО, 2015. С. 148–164.

Уэллс Г. Очерки истории цивилизации / пер. с англ. М : ЭКСМО, 2004.

Фуко М. Археология знания / пер. с фр. СПб. : Гуманитарная академия, 2004.

Abulafia D. The Great Sea: A Human History of the Mediterranean. Oxford : Oxford Univ. Press, 2011.

AHR Conversation: On Transnational History // American Historical Review. Vol. 111. № 5 (Dec. 2006). P. 1440–1464.

AHR Forum: Oceans of History // American Historical Review. Vol. 111. № 3 (June 2006). P. 717–780.

Amin S. L'eurocentrisme, critique d'une idéologie. P. : Anthropos, 1988.

Architects of World History: Researching the Global Past / ed. by Kenneth R. Curtis, Jerry H. Bentley. Malden (Ma.) : Wiley Blackwell, 2014.

Aslanian S. D., Chaplin J. E., McGrath A., Mann K. AHR Conversation. How Size Matters: The Question of Scale in History // American Historical Review. Vol. 118. № 5 (Dec. 2013). P. 1431–1472.

Atlantic History: A Critical Appraisal / ed. by Jack D. Greene, Philip D. Morgan. Oxford : Oxford Univ. Press, 2009.

Attman A. The Bullion Flow between Europe and the East, 1000–1750. Gothenburg : Kungliga Vetenskaps- och Vitterhets-Samhället, 1981.

Attman A. American Bullion in the European World Trade, 1600–1800. Gothenburg : Kungliga Vetenskaps- och Vitterhets-Samhället, 1986.

Baily C. A. The Birth of the Modern World: Global Connections and Comparisons, 1780–1914. Oxford : Oxford Univ. Press, 2004.

Beckert S. Empire of Cotton: A Global History. New York : Alfred Knopf, 2014.

Bentley J., Ziegler H., Streets Salter H. Traditions and Encounters: A Brief Global History : 2 vols. 4th ed. New York : McGraw-Hill, 2015.

Berkshire Encyclopedia of World History : 5 vols. / senior ed. W. H. McNeill. Great Barrington (Ma.) : Berkshire Publishing, 2005.

Bertrand R. Histoire globale, histoires connectées:un «tournant» historiographique? // Le «tournant global» des sciences sociales / dir. par A. Caillé, S. Dufoix. Paris : La découverte, 2013. P. 44–66.

Big History Project (BHP) [Electronic resource]. URL: https://www.bighistoryproject.com (accessed: 10.07.2016).

Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe–XVIIIe siècle. Vol. 1 : Les structures du quotidien. Paris : Armand Colin, 1967; Vol. 2 : Les jeux de l'échange. Paris : Armand Colin, 1979; Vol. 3 : Le temps du monde. Paris : Armand Colin, 1979.

Braudel F. La longue durée // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 1958. № 4. P. 725–753.

Broodbank C. The Making of the Middle Sea: A History of the Mediterranean from the Beginning to the Emergence of the Classical World. Oxford : Oxford Univ. Press, 2013.

The Cambridge World History. 7 vols. in 9 books. / gen. ed. Merry E. Wiesner-Hanks. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2015. Vol. 1 : Introducing World History, to 10,000 BCE / ed. by D. Christian ; Vol. 2 : A World with Agriculture, 12,000 BCE — 500 CE / ed. by G. Barker, C. Goucher ; Vol. 3 : Early Cities in Comparative Perspective, 4000 BCE — 1200 CE / ed. by N. Yoffee ; Vol. 4 : A World with States, Empires, and Networks, 1200 BCE — 900 CE / ed. by C. Benjamin ; Vol. 5 : Expanding Webs of Exchange and Conquest, 500 CE — 1500 CE / ed. by B. Z. Kedar, M. E. Wiesner-Hanks ; Vol. 6 : Pt. 1. The Construction of a Global World, 1400–1800 CE: Foundations / ed. by J. H. Bentley, S. Subrahmanyam, M. E. Wiesner-Hanks ; Pt. 2. The Construction of a Global World, 1400–1800 CE: Patterns of Change ; Vol. 7 : Pt. 1. Production, Destruction, and Connection, 1750 — present: Structures, Spaces, and Boundary Making / ed. by J. R. McNeill, K. Pomeranz ; Pt. 2. Production, Destruction, and Connection, 1750 — present: Shared Transformations / ed. by J. R. McNeill, K. Pomeranz.

Chakrabarty D. Provincializing Europe — Postcolonial Thought and Historical Difference. Princeton (N. J.) : Princeton Univ. Press, 2000.

Christian D. Maps of Time: An Introduction to Big History. Berkeley (Ca.) : Univ. of California Press, 2004, 2011.

Christian D. The Return of Universal History // History and Theory. Vol. 49. № 4 (Dec. 2010). P. 6–27.

A Companion to World History / ed. by D. Northrop. Malden (Ma.) : Wiley Blackwell, 2012.

Conceptualizing Global History / ed. by B. Mazlish, R. Buultjens. Boulder (Co.) : Univ. of Colorado Press, I993.

Conrad S. Globalgeschichte: Eine Einführung. München : Beck, 2013.

De la comparaison à l'histoire croisée / dir. par M. Werner, B. Zimmermann. Paris : Maison des Sciences de l'Homme, 2004.

De Vito Ch. G., Lichtenstein A. Writing a Global History of Convict Labour // International Review of Social History. Vol. 58. Pt. 2 (Aug. 2013). P. 285–325.

Diamond J. Guns, Germs and Steel: The Fates of Human Societies. New York : W. W. Norton, 1997.

Durant W., Durant A. The Story of Civilization. 11 vols. New York : Simon & Schuster, 1935–1975.

Geschichte der Welt / History of the World. Weltmärkte und Weltkriege, 1870–1945 / Hrsg. von E. Rosenberg. München : Beck, 2012 (A World Connecting: 1870–1945. Cambridge (Ma.) : Harvard Univ. Press. 2012); Die globalisierte Welt 1945 bis Heute / Hrsg. von A. Iriye. München : Beck, 2013 (Global Interdependence: The World after 1945. Cambridge (Ma.): Harvard Univ. Press., 2014); Weltreiche und Weltmeere 1350–1750 / Hrsg. von W. Reinhard. München : Beck, 2014 (Empires and Encounters 1350–1750. Cambridge (Ma.) : Harvard Univ. Press., 2015); Wege zur modernen Welt, 1750–1870 / Hrsg. von S. Conrad, J. Osterhammel. München, :Beck, 2016.

Glebov S. Postwar Russian Eurasianism's Anticolonial Critique of Eurocentrism and Modernity // The Empire and Nationalism at War / ed. by E. Lohr, V. Tolz, A. Semyonov. Bloomington (Ind.) : Indiana Univ. Press, 2014. P. 217–240.

Global Convict Labour / ed. by C. G. De Vito, A. Lichtenstein. Leiden : Brill, 2015.

Foucault M. L'archéologie du savoir. Paris : Gallimard, 1969.

Ginzburg C. Microhistory and World History // The Cambridge World History. Vol. 6. Pt. 2. P. 446–473.

Goody J. The Theft of History. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2007.

Guldi J., Armitage D. The History Manifesto. Cambridge, 2014. [Electronic resource]. URL: http://historymanifesto.cambridge.org/ (accessed: 10.07.2016).

Harari Y. N. Sapiens: A Brief History of Humankind. London : Harvill Secker, 2014.

Haupt H.-G. Comparative history — a contested method // Historisk Tidskrift. Vol. 127. № 4 (2007). P. 697–716.

Histoire globale, histoires connectées // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 2007. № 5. P. 7–109.

Inglebert H. Le Monde, l'Histoire. Essai sur les histoires universelles. Paris : Presses universitaires de France, 2014.

Iggers G. G., Wang Q. E. A Global History of Modern Historiography. Harlow : Pearson Education, 2008.

Iriye A. Global History // Palgrave Advances in International History / ed. by P. Finney. Houndmills : Palgrave, 2005.

Iriye A. The Transnational Turn // Diplomatic History. Vol. 31. № 3 (June 2007). P. 373–376.

Iriye A. Global and Transnational History: The Past, Present and Future. New York : Palgrave, 2013.

Jones E. The European Miracle: Environments, Economies and Geopolitics in the History of Europe and Asia. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1981.

Lieven D. Russia Against Napoleon: The Battle for Europe, 1807 to 1814. London : Penguin Books, 2009.

Littrup L. World History in China as Seen in the Historiography of Ma Keyao [Electronic resource] // Феодализм с различных перспектив (на кит. яз.). Пекин : Chinese Academy of Sciences Press, 2013. С. 639–665. URL: http://static-curis.ku.dk/portal/files/108655227/Littrup_2013_Ma_Keyao.pdf (accessed: 10.07.2016)

McNeill W. H. Plagues and Peoples. Garden City New York : Anchor Books, 1976.

McNeill W. H. The Pursuit of Power: Technology, Armed Force, and Society since A.D. 1000. Chicago (Ill.) : Univ. of Chicago Press, 1982.

McNeill W. H. The Rise of the West: A History of the Human Community. Chicago (Ill.) : Univ. of Chicago Press, 1963.

McNeill W. H., McNeill J. R. The Human Web: A Bird's-eye View of World History. New York : K. W. Norton, 2003.

Magnússon S. G. Wasteland with Words. A Social History of Iceland. London : Reaktion Books, 2010.

Magnússon S. G., Szijártó I. What is Microhistory? Theory and Practice. New York : Routledge, 2013.

Matsuda M. K. Pacific Worlds: A History of Seas, Peoples, and Cultures. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2012.

Miller J. C. The Problem of Slavery as History: A Global Approach. New Haven (Ct.) : Yale Univ. Press, 2012.

Müller-Karpe H. Grundzüge früher Menschenheitsgeschichte. Bd. 1–5. Darmstadt : Konrad Theiss, 1998.

Nehru J. Glimpses of World History : 2 vols. Allahabad : Kitabistan, 1934–1935.

Northrup D. Indentured Labor in the Age of Imperialism, 1834–1922. New York : Cambridge Univ. Press, 1995.

Osterhammel J. Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München : Beck, 2009.

The Oxford Handbook of World History / ed. by J. H. Bentley. Oxford : Oxford Univ. Press, 2011.

Palgrave Advances in World Histories / ed. by M. Hughes-Warrington. New York : Palgrave, 2005.

Pearson M. The Indian Ocean. New York : Routledge, 2003.

Picard Ch. La Mer des califes : Une histoire de la Méditerranée musulmane (VIIe–XIIe siècle). Paris : Seuil, 2015.

Pomeranz K. The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy. Princeton (N. J.) : Princeton Univ. Press, 2000.

Radkau J. Natur und Macht: Eine Weltgeschichte der Umwelt. München : Beck, 2000.

Ranke L., von. Weltgeschichte. 9 Teile in 16 Bänden. Leipzig : Duncker & Humblot, 1881–1888.

Roberts J. M., Westad O. A. The Penguin History of the World. 6th ed. London : Penguin, 2013.

Said E. Orientalism. New York : Pantheon Books, 1978.

Serge Gruzinski awarded the International Prize of History, the CISH-Jaeger-LeCoultre History Prize. 21.09.2015 [Electronic resource]. URL: http://www.cish.org/index.php/en/2015/09/21/serge-gruzinski-awarded-the-international-prize-of-history-the-cish-jaeger-lecoultre-history-prize (accessed: 10.07.2016).

Stanley A. Maidservants' Tales: Narrating Domestic and Global History in Eurasia, 1600–1900 // The American Historical Review. 2016. Vol. 121. № 2. P. 437–460.

Stanziani A. Bondage: Labor and Rights in Eurasia from the Sixteenth to the Early Twentieth Centuries. New York : Berghahn Books, 2014.

Subrahmanyam S. Connected Histories: Notes towards a Reconfiguration of Early Modern Eurasia // Modern Asian Studies. Vol. 31. № 3 (July 1997). P. 735–762.

Subrahmanyam S. Explorations in Connected History: From the Tagus to the Ganges. New Delhi : Oxford Univ. Press, 2005.

Tignor R., Adelman J., Aron S., et al. Worlds Together, Worlds Apart (3rd ed). New York : W. W. Norton, 2011.

Tolz V. European, National, and (Anti-)Imperial: The Formation of Academic Oriental Studies in Late Tsarist and Early Soviet Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 9. № 1 (Winter 2008). P. 53–81.

Toynbee A. A Study of History. 12 vols. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1934–1961.

Trivellato F. Is There a Future for Italian Microhistory in the Age of Global History [Electronic resource] // California Italian Studies. Vol. 2, № 1. URL: http://escholarship.org/uc/item/0z94n9hq#page-16 (accessed: 10.07.2016).

Wallerstein I. The Modern World-System. Vol. 1 : Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. New York : Academic Press, 1974 ; Vol. 2 : Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750. New York : Academic Press, 1980 ; Vol. 3 : The Second Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730–1840's. San Diego (Ca.) : Univ. of California Press, 1989 ; Vol. 4 : Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914. Berkeley (Ca.) : Univ. of California Press, 2011.

Wells H. G. The Outline of History: Being a Plain History of Life and Mankind. New York : Macmillan, 1920.

Werner M., Zimmermann B. Vergleich, Transfer, Verflechtung. Der Ansatz der Histoire croisée und die Herausforderung des Transnationalen // Geschichte und Gesellschaft. Bd. 28. № 4 (Okt.-Dek. 2002). S. 607–636.

Werner M., Zimmermann B. Beyond Comparison. Histoire Croisée and the Challenge of Reflexivity // History and Theory. Vol. 45. № 1 (February 2006). P. 30–50.

Статья поступила в редакцию 10.08.2016 г.

Исэров Андрей Александрович
кандидат исторических наук,
доцент Школы исторических наук
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4
старший научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
119334, Москва, Ленинский пр, 32а
E-mail: isserov@gmail.com

Iserov, Andrey Alexandrovich
PhD (History), Associate Professor
School of History
National Research University
"Higher School of Economics"
21/4, Basmannaya Str., 105066 Moscow, Russia
Senior Research Fellow
Institute of World History of RAS
32a Leninsky Ave., 119334 Moscow, Russia
E-mail: isserov@gmail.com

FROM THE CRITIQUE OF METANARRATIVES TO NEW GENERALIZATIONS: NEW APPROACHES TO THE STUDY OF WORLD HISTORY

The article is devoted to the new interpretation of world history, macro-processes, and "longue durée" which has already been characterised as the "global" ("transnational") turn. The author aims to explain the reasons for this "turn", as well as describe the real results of the newly born interest towards macro-processes, and finally, interpret the present vision on the combination of the micro- and macro-scales in historical research. The article determines the place of the "global" ("transnational") turn in the contemporary historiographical situation with its paradoxical combination of the demand for "decentralisation" (first of all, for the overcoming of Eurocentrism) and simultaneously the Anglo-Americanisation of knowledge. The benefits of the turn are obvious and are connected with a new critical attitude towards conventional stereotypical generalisations (e.g. the achievements of the period between the second half of 1970s and the 2000s in the struggle with metanarratives) and generally with a growing number of sources available to historians (digital humanities). The interest, on the one hand, in history transcending conventional national,

regional, and ethno-confessional boundaries (the enlargement of the space-scale) and, on the other hand, in the "longue durée" (the enlargement of the time-scale) does not mean abandoning micro-historical methods but sets a new requirement: a case should represent an important large trend. The failures of the turn are also clear: the publications race and the wish to keep up with the most fashionable historiographical trends may lead to a weakness of narratives and unconvincing conclusions.

K e y w o r d s: universal history; world history; "global turn"; transnational history; "connected" history; "entangled" history; microhistory; macrohistory; Eurocentrism; sociology of knowledge.

Acknowledgments

The research is sponsored by the *Russian Science Foundation* (project #15-18-30087 "Russia — Europe: Milestones of Common History in the Collective Memory of the Nineteenth and Twentieth Centuries").

Abulafia, D. (2011). *The Great Sea: A Human History of the Mediterranean*. Oxford: Oxford University Press.

AHR Conversation: On Transnational History. (2006). *American Historical Review*, *111*, 5, 1440–1464.

AHR Forum: Oceans of History. (2006). *American Historical Review*, *111*, 3, 717–780.

Amin, S. (1988). *L'eurocentrisme, critique d'une idéologie* [Eurocentrism: Criticism of an Ideology] Paris: Anthropos. (In French)

Aslanian, S. D., Chaplin, J. E., McGrath, A., & Mann, K. (2013). AHR Conversation. How Size Matters: The Question of Scale in History. *American Historical Review*, *118*, 5, 1431–1472.

Attman, A. (1981). *The Bullion Flow between Europe and the East, 1000–1750*. Gothenburg: Kungliga Vetenskaps- och Vitterhets-Samhället.

Attman, A. (1986). *American Bullion in the European World Trade, 1600–1800*. Gothenburg: Kungliga Vetenskaps- och Vitterhets-Samhället.

Badak, A. N. (Ed.). (1996–1997). *Vsemirnaia istoriya* [World History] (Vols. 1–24). Minsk: Literatura. (In Russian)

Baily, C. A. (2004). *The Birth of the Modern World: Global Connections and Comparisons, 1780–1914*. Oxford: Oxford University Press.

Beckert, S. (2014). *Empire of Cotton: A Global History*. New York: Alfred Knopf.

Bentley, J. H. (Ed.). (2011). *The Oxford Handbook of World History.* Oxford: Oxford University Press.

Bentley, J., Ziegler, H., & Streets Salter, H. (2015). *Traditions and Encounters: A Brief Global History* (Vols. 1–2). (4th ed.). New York: McGraw-Hill.

Bertrand, R. (2013). Histoire globale, histoires connectées:un «tournant» historiographique? [Global History, Connected Histories: a Historiographical "Turn"?]. In A. Caillé, & S. Dufoix (Eds.). Le «tournant global» des sciences sociales [The "Global Turn" in Social Sciences] (pp. 44–66). Paris: La Decouverte. (In French)

Braudel, F. (1958). La longue durée. *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*, 4, 725–753.

Braudel, F. (1967–1979). *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe-XVIIIe siècle* [Material Civilization, Economy and Capitalism, 15th–18th Centuries] (Vols. 1–3). Paris: Armand Colin. (In French)

Broodbank, C. (2013). *The Making of the Middle Sea: A History of the Mediterranean from the Beginning to the Emergence of the Classical World*. Oxford: Oxford University Press.

Chakrabarty, D. (2000). *Provincializing Europe — Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton (N. J.): Princeton University Press.

Christian, D. (2004). *Maps of Time: An Introduction to Big History*. Berkeley (Ca.): University of California Press.

Christian, D. (2010). The Return of Universal History. *History and Theory*, *49*, 4, 6–27.

Chubaryan, A. O. (Ed.). (2012–2016). *Vsemirnaia istoriya* [World History] (Vols. 1–6). Moscow: Nauka. (In Russian)

Conrad, S. (2013). *Globalgeschichte: Eine Einführung* [Global History: A Study]. München: Beck. (In German)

Conrad, S., & Osterhammel, J. (Eds.). (2016). *Wege zur modernen Welt, 1750–1870*. München: Beck. (In German)

Curtis, K. R., & Bentley, J. H. (Eds.). (2014). *Architects of World History: Researching the Global Past*. Malden (Ma.): Wiley Blackwell.

De Vito, C. G., & Lichtenstein, A. (2013). Writing a Global History of Convict Labour. *International Review of Social History, 58*, Pt. 2, 285–325.

De Vito, C. G., & Lichtenstein, A. (Eds.). (2015). *Global Convict Labour*. Leiden: Brill.

Diamond, J. (1997). *Guns, Germs and Steel: The Fates of Human Societies*. New York: W. W. Norton.

Durant, W., & Durant, A. (1935–1975). *The Story of Civilization*. (Vols. 1–11). New York: Simon & Schuster.

Dyakonov, I. M. (1994). *Puti istorii. Ot drevneyshego cheloveka do nashikh dney* [Paths of History. From the Prehistoric Human to the Present]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Foucault, M. (1969). *L'archéologie du savoir* [The Archaeology of Knowledge]. Paris: Gallimard. (In French)

Ginzburg, C. (2015). Microhistory and World History. *The Cambridge World History, 6*, Pt. 2, 446–473.

Glebov, S. (2014). *Postwar Russian Eurasianism's Anticolonial Critique of Eurocentrism and Modernity*. In E. Lohr, V. Tolz, & A. Semyonov (Eds.), *The Empire and Nationalism at War* (pp. 217–240). Bloomington (Ind.): Indiana University Press.

Goody, J. (2007). *The Theft of History*. Cambridge: Cambridge University Press.

Greene, J. D., & Morgan, P. D. (Eds.). (2009). *Atlantic History: A Critical Appraisal*. Oxford: Oxford University Press.

Guenther, H., Koselleck, P., Meyer, K., & Engels, O. (2014). Istoriya (Geschichte, Historie) [History] (2014). In R. Koselleck (Ed.), Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatiy: Izbrannye statyi [Basic Historical Terms: Selected Articles] (Vols. 1–2). (Vol. 1, pp. 189–196). Moscow: NLO. (In Russian)

Guldi, J., & Armitage, D. (2014). *The History Manifesto*. Cambridge: Cambridge University Press.

Harari, Y. N. (2014). *Sapiens: A Brief History of Humankind*. London: Harvill Secker.

Haupt, H.-G. (2007). Comparative History — a Contested Method. *Historisk Tidskrift, 127*, 4, 697–716.

Histoire globale, histoires connectées [Global History, Connected Histories] (2007). *Revue d'histoire moderne et contemporaine, 5*, 7–109. (In French)

Hughes-Warrington, M. (Ed.). (2005). *Palgrave Advances in World Histories*. New York: Palgrave.

Iggers, G. G., & Wang, Q. E. (2008). *A Global History of Modern Historiography*. Harlow: Pearson.

Inglebert, H. (2014). *Le Monde, l'Histoire. Essai sur les histoires universelles* [The World, History. An Essay on Universal Histories] Paris: Presses universitaire françaises. (In French)

Ionov, I. N. (2015a). *Mirovaia istoriya v global'niy vek: novoe istoricheskoe soznanie* [World History in the Global Age: A New Historical Consciousness]. Moscow: Aquilon. (In Russian)

Ionov, I. N. (2015b). Problemy sovremennoy macroistorii. Statya 1. Shag vpered, dva shaga nazad [Challenges of Contemporary Macrohistory. Article 1. A Step Forward, Two Steps Backward]. *Dialog so vremenem*, *50*, 34–58. (In Russian)

Iriye, A. (2005). Global History. In P. Finney (Ed.), *Palgrave Advances in International History*. Houndmills: Palgrave.

Iriye, A. (2007). The Transnational Turn. *Diplomatic History, 31*, 3, 373–376.

Iriye, A. (2013a). *Global and Transnational History: The Past, Present and Future*. New York: Palgrave.

Iriye, A. (Ed.). (2013b). *Die globalisierte Welt 1945 bis Heute* [Global Interdependence: The World after 1945]. München: Beck. (In German)

Jones, E. (1981). *The European Miracle: Environments, Economies and Geopolitics in the History of Europe and Asia*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kondratyev, S. V., & Kondratyeva, T. N. (2003). *Nauka "ubezhdat", ili Spory sovetskikh istorikov o franzuzskom absolutisme i klassovoy bor'be (20-e — nachalo 50-kh XX veka)* [The Skill of "Persuasion", or the Debate of Soviet Historians about French Absolutism and Class Struggle (1920s — early 1950s)]. Tyumen': Mandr i Ka. (In Russian)

Lieven, D. (2009). *Russia against Napoleon: The Battle for Europe, 1807 to 1814*. London: Penguin Books.

Littrup, L. (2013). *World History in China as Seen in the Historiography of Ma Keyao*. In Feudalism from Different Angles (pp. 639–665). Beijing: Chinese Academy of Sciences Press. (In Chinese)

Magnússon, S. G. (2010). *Wasteland with Words. A Social History of Iceland*. London: Reaktion Books.

Magnússon, S. G., & Szijártó, I. (2013). *What is Microhistory? Theory and Practice*. New York: Routledge.

Margaryan, E. G. (2016). Sovremennye nomotheticheskie podhody k analizu dinamiki vsemirnoy istorii: "pereORIENTaziya" ili "orientalizatsiya" sovremennogo istoricheskogo soznaniya? [Contemporary Nomothetic Approaches to the Analysis of the World History Dynamics: "ReORIENTation or "Orientalisation" of the Contemporary Historical Consciousness]. *Dialog so vremenem, 55*, 173–193. (In Russian)

Matsuda, M. K. (2012). *Pacific Worlds: A History of Seas, Peoples, and Cultures*. Cambridge: Cambridge University Press.

Mazlish, B., & Buultjens, R. (Eds.), (1993). *Conceptualizing Global History*. Boulder (Co.): University of Colorado Press.

McNeill, W. H. (1963). *The Rise of the West: A History of the Human Community*. Chicago (Ill.): University of Chicago Press.

McNeill, W. H. (1976). *Plagues and Peoples*. Garden City (N. Y.): Anchor Books.

McNeill, W. H. (1982). *The Pursuit of Power: Technology, Armed Force, and Society since A.D. 1000*. Chicago (Ill.): University of Chicago Press.

McNeill, W. H. (2005). *Berkshire Encyclopedia of World History* (Vols.1–5). Great Barrington (Ma.): Berkshire Publishing.

McNeill, W. H., & McNeill, J. R. (2003). *The Human Web: A Bird's-eye View of World History*. New York: W. W. Norton.

Miller, J. C. (2012). *The Problem of Slavery as History: A Global Approach*. New Haven (Ct.): Yale University Press.

Müller-Karpe, H. (1998). *Grundzüge früher Menschenheitsgeschichte* [Foundations of the Early History of Humankind] (Vols. 1–5). Darmstadt: Konrad Theiss. (In German)

Nehru, J. (1934–1935). *Glimpses of World History* (Vols. 1–2). Allahabad: Kitabistan.

Northrup, D. (1995). *Indentured Labor in the Age of Imperialism, 1834–1922*. New York: Cambridge University Press.

Northrop, D. (Ed.). (2012). *A Companion to World History*. Malden (Ma.): Wiley Blackwell.

Osterhammel, J. (2009). *Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts* [The Transformation of the World. A History of the 19th Century]. München: Beck. (In German)

Pearson, M. (2003). *The Indian Ocean*. New York: Routledge.

Picard, Ch. (2015). *La Mer des califes: Une histoire de la Méditerranée musulmane (VIIe — XIIe siècle)* [The Sea of Caliphs. A History of the Muslim Mediterranean, 7th to 12th Centuries]. Paris: Seuil. (In French)

Pomeranz, K. (2000). *The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy*. Princeton (N. J.): Princeton University Press.

Radkau, J. (2000). *Natur und Macht: Eine Weltgeschichte der Umwelt* [Nature and Power. A World History of the Environment]. München: Beck. (In German)

Ranke, L., von. (1881–1888). *Weltgeschichte* [World History] (Pts. 1–9, Vols. 1–16). Leipzig: Duncker & Humblot. (In German)

Reinhard, W. (Ed.). (2014). *Weltreiche und Weltmeere 1350–1750* [Empires and Encounters 1350–1750]. München: Beck. (In German)

Roberts, J. M., & Westad, O. A. (2013). *The Penguin History of the World*. (6th ed.). London: Penguin.

Rosenberg, E. (Ed.). (2012). *Weltmärkte und Weltkriege, 1870–1945* [A World Connecting: 1870–1945]. München: Beck. (In German)

Said, E. (1978). *Orientalism*. New York: Pantheon Books.

Sakharov, A. N. (Ed.). (2003–2005). *Istoriya chelovechestva: nauchnoe i kulturnoe razvitie* [History of Humanity: Scientific and Cultural Development] (Vols. 1–8). Moscow: Magistr. (In Russian)

Semyonov, Yu. I. (1997–2001). *Vvedenie vo vsemirnuyu istoriyu* [An Introduction to World History]. (Parts 1–3). Moscow: MFTI. (In Russian)

Stanley, A. (2016). Maidservants' Tales: Narrating Domestic and Global History in Eurasia, 1600–1900. *The American Historical Review, 121*, 2, 437–460.

Stanziani, A. (2014). *Bondage: Labor and Rights in Eurasia from the Sixteenth to the Early Twentieth Centuries*. New York: Berghahn Books.

Stenogramma obyedinennogo zasedaniya sektora istorii srednikh vekov Instituta istorii AN SSSR i kafedry istorii srednikh vekov Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta 23 marta 1949 [Transcript of the Joint Session of the Mediaeval History Sector of the Institute of History of the Russian Academy of Sciences and Mediaeval History Department of Moscow State University, March 23, 1949] (2007). In A. Ya. Gurevich (Ed.), *Odyssey: chelovek v istorii* (pp. 253–341). Moscow: Nauka. (In Russian)

Subrahmanyam, S. (1997). Connected Histories: Notes towards a Reconfiguration of Early Modern Eurasia. *Modern Asian Studies, 31*, 3, 735–762.

Subrahmanyam, S. (2005). *Explorations in Connected History: From the Tagus to the Ganges*. New Delhi: Oxford University Press.

Tignor, R., Adelman, J., Aron, S., et al. (2011). *Worlds Together, Worlds Apart*. (3rd ed.) New York: W. W. Norton.

Tikhvinsky, S. L. (2006). Zavershenie izdaniya UNESCO "Istoriya chelovechestva. Nauchnoe i kulturnoe razvitie" [The Conclusion of the UNESCO Publication *History of Humanity. Scientific and Cultural Development*]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, *4*, 91–97. (In Russian)

Tolz, V. (2008). European, National, and (Anti-)Imperial: The Formation of Academic Oriental Studies in Late Tsarist and Early Soviet Russia. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History, 9*, 1, 53–81.

Toynbee, A. (1934–1961). *A Study of History* (Vols. 1–12). Cambridge: Cambridge University Press.

Trivellato, F. Is There a Future for Italian Microhistory in the Age of Global History. *California Italian Studies, 2*, 1. Retrieved from http://escholarship.org/uc/item/0z94n9hq#page-16

Uvarov, P. Yu. (2015). Vot tut vse i konchilos... ili Fraktaly rossiyskoy istoriografii [And here It All Ended... or the Fractals of Russian Historiography]. In P. Yu. Uvarov, *Mezhdu «ezhami» i «lisami»* [Between "Hedgehogs" and "Foxes"] (pp. 148–164). Moscow: NLO. (In Russian)

Vasil'ev, L. S. (2007–2013). *Vseobshaia istoriya* [General History]. Moscow: Vysshaia shkola. (In Russian)

Wallerstein, I. (1974). *The Modern World-System. Vol. 1: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century.* New York: Academic Press.

Wallerstein, I. (1980). *The Modern World-System. Vol. 2: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750*. New York: Academic Press.

Wallerstein, I. (1989). *The Modern World-System. Vol. 3: The Second Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730–1840's*. San Diego (Ca.): University of California.

Wallerstein, I. (2011). *The Modern World-System. Vol. 4: Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914*. Berkeley (Ca.): University of California.

Wells, H. G. (1920). *The Outline of History: Being a Plain History of Life and Mankind*. New York: Macmillan.

Werner, M., & Zimmermann, B. (2002). Vergleich, Transfer, Verflechtung. Der Ansatz der Histoire croisée und die Herausforderung des Transnationalen [Comparison, Transfer, Interdependence. The Approach of Histoire Croisée and the Challenge of the Transnational]. *Geschichte und Gesellschaft, 28,* 4, 607–636. (In German)

Werner, M., & Zimmermann, B. (Eds.). (2004). *De la comparaison à l'histoire croisée* [From Comparison to Histoire Croisée]. Paris: Maison des Sciences de l'Homme. (In French)

Werner, M., & Zimmermann, B. (2006). Beyond Comparison. Histoire Croisée and the Challenge of Reflexivity. *History and Theory, 45*, 1, 30–50.

Wiesner-Hanks, M. E. (Ed.). (2015). *The Cambridge World History* (Vols. 1–7, Books 1–9). Cambridge: Cambridge University Press.

Zhukov, E. M. (Ed.). (1955–1983). *Vsemirnaia istoriya* [World History]. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit.; Mysl'. (In Russian)

Received on 10 August, 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.4.076
УДК

Д. С. Боровков
Уральский юридический институт
МВД России
Екатеринбург, Россия

ВИЗАНТИЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ЗНАТЬ В X–XI вв.: ЭКСАКИОНИТЫ*

Статья посвящена истории византийской семьи Эксакионитов, которая принадлежала к столичной служилой аристократии. На основании анализа нарративных и сфрагистических источников автором были выявлены десять представителей этого клана, которые служили в гражданской администрации и вооруженных силах Византии в середине X — второй половине XI в. Наибольшего могущества Эксакиониты достигли в 960-е гг. Магистр Никифор Эксакионит принимал активное участие в мятеже 963 г., который завершился приходом к власти Никифора II Фоки (963–969). Впоследствии Никифор Эксакионит служил стратигом Фессалоники, а наивысшей точкой его карьеры следует считать должность катепана Италии. По мнению автора статьи, катепанат Италия был создан в 965 г., и Никифор Эксакионит являлся его первым правителем. После 969 г. Эксакиониты, как и многие другие сторонники клана Фок, были лишены возможности служить в вооруженных силах. По этой причине большинство Эксакионитов, известных по источникам XI в., служили в столичной и провинциальной гражданской администрации. Примером может служить *cursus honorum* Льва Эксакионита, который занимал должности протонотария в «армянской феме», в феме Халдия и Деркcена, а также в феме Опсикий. Карьера протонотария Льва является типичной для представителей семьи Эксакионитов в XI в. Последние свидетельства об Эксакионитах относятся к 1060-м гг. Автор статьи приходит к выводу, что история этой семьи противоречит теории А. П. Каждана о постепенном переходе провинциальных военных семей на гражданскую службу. Среди Эксакионитов, принадлежавших к столичной гражданской знати, были военачальники высокого ранга.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Византия; Эксакиониты; просопография; гражданская знать; военная аристократия; сфрагистика.

Просопографические изыскания являются одним из наиболее актуальных и перспективных направлений исследования в современном византиноведении. Публикация новых сфрагистических источников позволяет проследить *cursus honorum* военачальников или придворных сановников, а также изучить историю отдельных родов провинциальной военной или столичной гражданской знати. Данная работа посвящена семье Эксакионитов, представители которой во второй половине X — XI в. служили как в гражданских структурах управления, так

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-31-00027 «Византийская армия в VIII–XI вв.: организационные структуры, командный состав, повседневная жизнь».

© Боровков Д. С., 2016

и в императорской армии. До настоящего времени в историографии не было специальных исследований, посвященных Эксакионитам. В первом издании фундаментального исследования А. П. Каждана, посвященном «господствующему классу» Византийской империи, они не упоминаются [Каждан]. Во втором, итальянском, издании исследователь писал: «Наиболее вероятно предположить, что Эксакиониты, военачальники в X в., стали гражданскими чиновниками в XI в., но материалов в нашем распоряжении еще слишком мало для однозначного заключения» [Kazhdan, Ronchey, p. 364]. Однако за последние два десятилетия было опубликовано несколько моливдовулов Эксакионитов, что делает возможным проведение исследования истории этой семьи.

Родовое имя Эксакиониты происходит от названия одного из районов в юго-западной части Константинополя — Эксакион (τό Ἑξακιώνιον, «шестой холм», совр. *Altı Mermer*), который располагался рядом со стеной Константина [Janin, p. 327–328]. Это обстоятельство позволяет уверенно говорить о принадлежности семьи к жителям византийской столицы.

Первые свидетельства об Эксакионитах относятся к середине X в. Однако для более раннего времени известны случаи использования топонима τό Ἑξακιώνιον в качестве антропонима (прозвища). Феофан в «Хронографии», критикуя религиозную политику Никифора I (802–811), упоминал о том, что в 810 г. в Эксакионе обосновался некий «лжеотшельник Николай со своими последователями, которые богохульствовали против православной веры и святых икон; император же покровительствовал им, огорчая патриарха и всех истинно верующих» [Theophanes, 488.32–489.3]. Манихеи, павликиане, афингане и другие еретики беспрепятственно селились в Константинополе, пользовались всеми правами столичных жителей, и свободно проповедовали свои учения. Только при Михаиле I (811–813) власти стали их преследовать. В 812 г. по распоряжению императора «заблудшего лжепустынника» Николая Эксакионита (τῶν ἐμπεριάκτων ψευδερημίτην Νικολάου τοῦ Ἑξακιονίτου) провели по городу, заставляя каяться перед народом в своем нечестии, а потом сослали в монастырь [Ibid., 496.30–497.2].

В константинопольском Синаксаре Эксакионитом назван св. Евдоким (Εὐδόκιμος ὁ ἐν Ἑξακιονίῳ) [Synaxarium, p. 857.34]. В Житии св. Евдокима Праведного сообщается, что его родители построили в Эксакионе часовню, где в 844 г. были погребены мощи святого [Мохов, с. 138–139]. Таким образом, в приведенных выше свидетельствах речь не идет о членах семьи Эксакионитов. Еретик Николай прибыл в столицу из Ликаонии, а св. Евдоким принадлежал к знатной столичной семье Мегасов (Εὐδόκιμος ὁ Μέγας) [Prosopographie..., Bd. 3, S. 462, Nr. 5578; Bd. 1, S. 524–525, Nr. 1640].

Наиболее известным представителем рода Эксакионитов является военачальник Никифор. Впервые он упоминается в источниках как участник мятежа восточной армии против паракимомена Иосифа Вринги. Лев Диакон и Иоанн Скилица писали, что после смерти Романа II (959–963) малоазийские аристократические кланы выдвинули претендентом на престол доместика схол

Востока магистра Никифора Фоку. В начале июля 963 г. в военном лагере у Кесарии Каппадокийской он был провозглашен императором [Leonis Diaconis, p. 40.8–41.16; Ioannes Scylitzes, p. 256.92–3]. В ватиканской рукописи хроники Симеона Логофета это событие освящено подробно. В частности, в ней упоминается, что наиболее активно за признание Фоки выступали патрикий Иоанн Цимисхий, патрикий Роман Куркуас и патрикий Никифор Эксакионит. Вслед за ними нового самодержца поддержали все стратиги и командиры тагм восточной армии (ὁ πατρίκιος Ἰωάννης ὁ λεγόμενος Τζιμισχῆς καὶ ὁ πατρίκιος Ρωμανὸς ὁ τοῦ Κουρκούα καὶ ὁ πατρίκιος Νικηφόρος ὁ Ἐξακιονίτης καὶ οἱ λοιποὶ στρατηγοὶ σὺν τοῖς ταγματικοῖς ἄρχουσι βουλεύονται) [Markopoulos, p. 100, 23.19–25]. Обратим внимание, что к 963 г. выходец из Константинополя Никифор Эксакионит сумел сделать карьеру на службе в императорской армии. Известно также, что многие семьи столичной знати поддерживали в борьбе за престол не Иосифа Врингу, а его политического противника Василия Лакапина, союзника Фок [Ibid., p. 118–119]. Эксакионитов, по нашему мнению, следует причислить именно к этой группировке константинопольской аристократии.

Следующий этап карьеры Никифора Эксакионита известен по документальному источнику — акту Ивирского монастыря на Афоне, который датируется 995 г. Текст составлен от имени судьи Стримона и Фессалоники протоспафария Николая (Νικολάος πρωτοσπαθάριος καὶ κριτὴς Στρυμόνος καὶ Θεσσαλονίκης) [Actes d'Iviron, p. 154–163, no. 9]. В нем говорится об имущественной тяжбе между императорским монастырем Колову (βασιλικης μονῆς τοῦ Κολοβοῦ) и сельской общиной Сидерокавсия (τοῦ χωρίου Σιδηροκαυσιτῶν), которая продолжалась с начала X в. Жители Сидерокавсии обвиняли афонских монахов в незаконном присвоении земли в долине р. Арсиникия (τοῦ Ἀρσινικείας), где насельниками монастыря была построена водяная мельница и разбит фруктовый сад. Отвергая претензии, монахи Колову подтверждали свое право на владение землей документами, полученными в разное время от столичных чиновников и должностных лиц фемы Фессалоника. Среди них упоминался сигиллий, выданный «Никифором, анфипатом, патрикием и стратигом Фессалоники... который позже был удостоен титула магистра, отправился в итальянскую фему, где и расстался с жизнью» (Νικηφόρου ἀνθυπάτου πατρικίου καὶ στρατηγοῦ Θεσσαλονίκης… πρὸς τὸ μεῖζον ἀξίωμα τοῦ μαγιστράτου ἀναχθείς ἐν ἰταλικοῖς θέμασι τον βίον ἀπέλιπεν) [Actes d'Iviron, p. 161, no. 9.25–26].

Судья Николай постановил разделить спорные земли в долине реки между сторонами конфликта. Однако ни монастырь, ни община не были удовлетворены этим компромиссным решением, и тяжба между ними продолжилась. В процитированном документе патроним стратига Никифора не указан, однако не вызывает сомнения, что речь идет именно о Никифоре Эксакионите. Это позволяют утверждать свидетельства сразу нескольких источников, происходящих из Южной Италии.

Посол германского императора Оттона I (936–973) епископ Лиутпранд Кремонский в сочинении, составленном после его миссии в Константинополь

в 968 г., упомянул о нескольких поражениях византийской армии от арабов в Южной Италии. По его словам, командующим императорскими войсками являлся «магистр Эксаконт» (*magistro Exacontae*). «Спустя малое время на магистра и его войско напали сарацины, обратили его в бегство и полностью разгромили» [Liudprand, p. 155]. Об этих событиях говорится также в так называемой Кембриджской сицилийско-сарацинской хронике: в июле 965 г. греческий флот во главе с магистром Никифором (Νικηφόρος ὁ μάγιστρος) был обращен мусульманами в бегство в сражении у города Регий (совр. *Reggio di Calabria*, Реджио-ди Калабрия) [Schreiner, p. 339, nr. 45.55]. Упомянем также свидетельство латинского хрониста Лупа Протоспафария. Он писал, что в город Бари, административный центр византийских владений в Южной Италии, прибыл магистр Никифор (*introivit Nichoforus magister in civitatem Bari*). Данное событие датировано автором 966 г. [Lupus Protospatarius, p. 55].

Наиболее подробный рассказ о пребывании магистра Никифора Эксакионита в Южной Италии содержится в Житии св. Нила Нового. Следует отметить, что в этом источнике сохранились уникальные сведения о военно-административном устройстве византийских владений в Италии. По словам автора Жития, магистр Никифор должен был обеспечить оборону побережья от нападений арабов. С этой целью, а также для проведения набегов на Сицилию, жителям города Россано было приказано построить несколько кораблей, вооружить их и набрать экипажи. Когда распоряжение было исполнено, флот получил приказ выйти в море. Однако горожане, боявшиеся воевать против сарацин, взбунтовались, сожгли построенные за их счет корабли и убили капитанов (πρωτοκαράβους). Разъяренный известием о бунте, магистр Никифор поспешил в Россано для подавления мятежа. Укрывшиеся за крепкими городскими стенами жители просили св. Нила вступиться за них. Святой отшельник решил помочь своим землякам, встретился с магистром и сумел существенно смягчить наказание для горожан. В итоге, Никифор обязал их выплатить денежный штраф. Повинность по строительству кораблей для Россано была уменьшена, но одновременно ее распространили на другие крупные прибрежные города — Регий, Тропею и Амантею [Vita St Nili, p. 105–109].

Приведенные свидетельства нуждаются в комментарии. Прежде всего, отметим, что сопоставление данных источников позволяет с уверенностью утверждать, что речь в них идет об одном человеке — магистре Никифоре Эксакионите. Однако требуют уточнения вопросы о времени его пребывания в Южной Италии, а также обстоятельствах гибели Никифора. Можно предположить, что он погиб во время морского боя у Регия, который состоялся, согласно «Сицилийско-сарацинской хронике», в июле 965 г. Лиутпранд Кремонский писал, что Эксакионит правил «недолгое время». Житие св. Нила косвенно подтверждает эти сведения, так как разгромленный византийский флот должен был включать в свой состав корабли, построенные после бунта жителей Россано в прибрежных городах Калабрии. Однако по хронике Лупа Протоспафария правление Никифора Эксакионита в Италии началось только в 966 г. Кроме того, ни в одном

источнике прямо не говорится о гибели магистра в морском сражении у Регия. Не исключено, что строительство и оснащение новых кораблей потребовалось для экстренного пополнения сил византийского флота, понесшего значительные потери в Мессинском проливе. По нашему мнению, Никифор Эксакионит мог погибнуть позже и при иных обстоятельствах. Отметим также, что любые версии его гибели гипотетичны. Бесспорным является только тот факт, что после 1 сентября 966 г. он больше в источниках не упоминается.

Данные источников о командовании Никифора Эксакионита в Южной Италии имеют большое значение для исследования истории византийской военно-административной системы в этом регионе. В частности, в Житии св. Нила говорится: «В прошлом каждая провинция, Италия и Калабрия, управлялись отдельно, но магистра Никифора наши благочестивые императоры первого наделили властью во всех этих провинциях» (ἐκράτει ποτὲ ἀμφοτέρων τῶν χωρῶν, Ἰταλίας τε καὶ τῆς καθ' ἡμᾶς Καλαβρίας Νικηφόρος ὁ μάγιστρος πρῶτος καὶ μόνος τῷ μεγίστῳ ἀξιώματι τούτῳ παρὰ τῶν εὐσεβῶν βασιλέων ἐπὶ ταῖς ρηθείσαις χώραις ἀποσταλείς) [Vita St Nili, p. 105, 60A]. Данный отрывок подтверждает, что под властью Никифора Эксакионита находились, как минимум, две фемы: Лонгобардия (Италия) и Калабрия. Ранее в каждую из них назначался свой стратиг. Следовательно, в 965/966 г. в византийской Италии была проведена реформа провинциальных органов управления. Впервые на это обратил внимание Э. Эйкхофф, который предположил, что Никифора Эксакионита следует считать первым катепаном Италии. По его мнению, после сдачи арабам последних византийских крепостей на Сицилии командование всеми военными силами в Южной Италии было объединено. Слабые в экономическом и военном отношении фемы Калабрия и Лонгобардия были ликвидированы, а вместо них создано крупное территориальное командование — катепанат Италия. Резиденцией катепана являлся город Бари [Eickhoff, S. 357–358; Falkenhausen, S. 81–82].

В 960-х гг. опасность для византийских владений на Апеннинах исходила не только от арабов, с которыми в 967 г. был подписан мирный договор, но и от правителей Германии. Катепанат должен был обеспечить оборону побережья от пиратских набегов, а также защиту северной границы провинции от нападений лангобардских князей, вассалов германских императоров. Судя по данным источников, в 965/966 г. магистр Никифор Эксакионит начал осуществлять мероприятия по организации обороны побережья. Прежде всего, для этого требовалось формирование боеспособного военного флота. Упоминаемое в Житии св. Нила восстание жителей Россано, важного оборонительного пункта на побережье Калабрии, было вызвано введением «корабельной повинности». Этот же источник утверждает, что после подавления бунта в Россано обязанность строить корабли для провинциального флота была распространена на другие приморские города [Eickhoff, S. 358].

Таким образом, на основании данных письменных источников можно восстановить *cursus honorum* Никифора Эксакионита. к лету 963 г. он был патрикием и являлся одним из архонтов восточной армии. В 963–964 гг. Никифор

занимал должность стратига Фессалоники, получив титул анфипата. В 965 г. Никифор II Фока пожаловал Эксакиониту титул магистра и назначил его катепаном Италии. На этой должности он находился вплоть до своей гибели, предположительно в 966 г.

Другие представители рода Эксакионитов известны по данным сфрагистики. Одна из опубликованных печатей принадлежала Сисинию Эксакиониту, императорскому протоспафарию и стратигу Пелопоннеса (Θεοτόκε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Σισιννίῳ, βασιλικῷ πρωτοσπαθαρίῳ καὶ στρατηγῷ Πελοποννήσου τῷ Ἐξακιονίτῃ). Моливдовул с двусторонней надписью датируется издателями X в. [Catalogue of Byzantine seals, vol. 2, p. 74, no. 22.35].

На лицевой стороне печати Никифора Эксакионита помещено изображение св. Петра. Надпись на оборотной стороне указывает, что владелец моливдовула являлся императорским протоспафарием и ἐπὶ τοῦ μαγγλαβίου (Νικηφόρῳ βασιλικῷ πρωτοσπαθαρίῳ καὶ ἐπὶ τοῦ μαγγλαβίου τῷ Ἐξακιονίτῃ). Так как булла датируется первой половиной XI в., она не могла принадлежать катепану Италии магистру Никифору Эксакиониту, отражая один из ранних этапов его карьеры. Должность владельца данной печати неизвестна, в легенде указаны только его титулы. Один из них — ἐπὶ τοῦ μαγγλαβίου — являлся почетным. В XI в. его могли получать как военачальники, так и гражданские чиновники. Со службой в дворцовой страже обладатели этого титула связаны не были [Sceaux byzantin..., p. 136].

Следует обратить внимание на печать Иоанна Эксакионита. В легенде моливдовула с двусторонней надписью перечислены его титул и должности: протоспафарий, тесмофилакс, асикрит и судья (Σφραγὶς Ἰωάννου πρωτοσπαθαρίῳ θεσμοφυλάκῃ ἀσικρῖτης καὶ κριτοῦ Ἐξακιονίτου) [Cheynet, Theodoridis, p. 100–101, no. 86]. Должность тесмофилакса («страж закона») упоминается только в «Эскориальском тактиконе», печати этих чиновников также редки. Это были должностные лица низкого ранга, служившие при трибунале ипподрома и подчиненные друнгарию виглы. Предположительно, тесмофилакс отвечал за проведение досудебного расследования [Oikonomidès, p. 271.29; Laurent, p. 449, 485]. Должность асикрита (лат. *a secretis* ‘секретарь’), напротив, была очень распространена в византийских бюрократических структурах. Они упоминаются в источниках с VI в. как служащие императорской канцелярии, подчиненные протоасикрита. Ко второй половине XI в. асикриты служили во многих гражданских ведомствах, включая судебные коллегии [Oikonomidès, p. 310–311]. По нашему мнению, данная печать отражает типичную для XI в. карьеру византийского чиновника. Иоанн Эксакионит одновременно занимал три должности в столичных судебных структурах. Несмотря на это, положение Иоанна в бюрократической иерархии было невысоким, так как занимаемые им посты не предполагали большого объема полномочий, власти и влияния.

Можно предположить, что в первой половине XI в. семья Эксакионитов была тесно связана со столичными судебными коллегиями. Об этом свидетельствует, в частности, печать с двусторонней надписью, принадлежавшая Льву Эксакиониту, анфипату, патрикию и судье вила (Κύριε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ

Λέοντι, ἀνθυπάτῳ πατρικίῳ κριτῇ τοῦ βήλου τῷ Ἐξακιονίτῃ) [Laurent, p. 446, no. 844]. Как и Иоанн Эксакионит, Лев служил в Константинополе. Однако его титулы свидетельствуют о более высоком положении в иерархии судебного ведомства.

Значительный интерес представляет *cursus honorum* другого Льва Эксакионита. Опубликовано три моливдовула, которые отражают различные этапы карьеры этого гражданского чиновника. Самой ранней по времени следует считать печать с легендой: «Господи, помоги своему рабу Льву Эксакиониту, протонотарию армянской фемы» (Κύριε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Λέοντι, πρωτονοταρίῳ τῶν Ἀρμενικῶν θεμάτων τῷ Ἐξακιονίτῃ) [Seibt, S. 137, Nr. 24; Catalogue of Byzantine seals..., vol. 4, p. 147, no. 56.14]. Надпись следующей буллы имеет два варианта прочтения: Лев Эксакионит «спафарокандидат и протонотарий Халдии и Дерксены» или «спафарокандидат и судья Халдии и Дерксены» (Κύριε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Λέοντι, σπαθαροκανδιδάτῳ καὶ πρωτονοταρίῳ (κριτῇ) Χαλδίας καὶ Δερξηνῆς τῷ Ἐξακιονίτῃ) [Catalogue of Byzantine seals..., vol. 4, p. 151–152, no. 61.4].

Судя по легенде третьей печати Льва Эксакионита, на заключительном этапе своей карьеры он был протонотарием Опсикия (Θεοτόκε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Λέοντι, πρωτονοταρίῳ τοῦ Ὀψικίου τῷ Ἐξακιωνίτῃ). Опубликовано четыре таких моливдовула, оттиснутых одним буллотирием. Три из них хранятся в собрании Думбартон Окс, еще один принадлежит к коллекции А. Сейрига [Catalogue of Byzantine seals..., vol. 3, p. 71, no. 39.44; Sceaux byzantin..., p. 135–136, no. 190]. Необходимо отметить, что все перечисленные печати Льва Эксакионита принадлежат к одному сфрагистическому типу (буллы с двусторонней надписью) и датируются первой половиной XI в.

Сфрагистические данные о Льве Эксакионите также нуждаются в комментарии. Судя по легендам печатей, он служил в должности протонотария фемы: «армянская фема», фема Опсикий и, предположительно, фема Халдия и Дерксена. Институт фемных протонотариев мало исследован в историографии. Известно, что в IX–XI вв. в каждой феме было по одному протонотарию. В иерархии должностей провинциальной администрации они занимали второе место после стратига [Oikonomidès, p. 315]. Обязанности протонотариев заключались в снабжении продовольствием фемных контингентов, а также проходящих через территорию провинции войск. Главным источником продовольственных поставок являлась натуральная повинность синона. Податное население было обязано продавать государству зерно и другие продукты по фиксированным ценам [Haldon, p. 116–153]. Таким образом, *cursus honorum* Льва Эксакионита является примером службы в одной должности, но в разных фемах. По мере продвижения по карьерной лестнице Лев становился протонотарием в более значимой и, одновременно, более близкой к столице провинции. Начав служить в одной из пограничных «армянских фем», он оказался в итоге на весьма престижной и доходной должности протонотария Опсикия [Боровков].

Одной из провинций, где служил Лев Эксакионит, была фема Халдия и Дерксена. Это административное образование, которое не упоминается в письменных источниках, известно только по данным сфрагистики. В историографии

преобладает мнение, что объединение старой провинции Халдия и небольшой фемы Дерксена произошло вскоре после присоединения Василием II (976–1025) армянских и грузинских территорий в 1021/1022 г. Тогда же в Закавказье был создан катепанат Иверия с центром в Феодосиополе. На протяжении нескольких десятилетий в Иверии размещались и вели активные боевые действия регулярные войска восточной армии [Юзбашян, с. 163–169]. Крупная военная группировка нуждалась в постоянном снабжении продовольствием и другими ресурсами. В данной ситуации значение фемы Халдия и Дерксена существенно возросло, так как на ее территории находился порт Трапезунд и проходили важнейшие дороги, соединявшие Закавказье с побережьем Черного моря и Малой Азией. Данная фема существовала до 70-х гг. XI в. и была ликвидирована в результате сельджукского завоевания [Bryer, p. 316].

В заключение упомянем о двух частных печатях, принадлежавших представителям рода Эксакионитов. Первый моливдовул XI в., плохой сохранности, принадлежал Елене Эксакионитиссе [Sceaux byzantin..., p. 136]. Вторая булла датируется третьей четвертью XI в.; на ее лицевой стороне помещено изображение св. Димитрия, а на оборотной стороне — св. Георгия. Судя по легенде, владельцем буллы являлся Авксентий Эксакионит (Σφραγὶς Αὐξεντίου Ἑξακιονίτου) [Cheynet, p. 178, no. 983]. Несмотря на то, что на печати изображены святые воины, нет оснований утверждать, что она принадлежала военачальнику.

Подводя итоги, отметим, что большая часть печатей Эксакионитов относятся к первой половине XI в. В основном, они принадлежали гражданским чиновникам, служившим в столичных и провинциальных органах власти. В отличие от Эксакионитов X в. (магистр Никифор, протоспафарий Сисиний), в XI в. представители этого рода занимали весьма скромное положение в административных структурах империи. По нашему мнению, Эксакионитов следует отнести к тем семьям византийской аристократии, которые утратили влияние после гибели императора Никифора II Фоки. Известно, что Иоанн I Цимисхий (969–976) и Василий II последовательно вытесняли сторонников Фок с высших должностей в армии и гражданской администрации. В целом, историю рода Эксакионитов можно расценивать как исключение из теории А. П. Каждана о постепенном переходе провинциальной военной аристократии в состав столичной гражданской знати. Будучи семьей столичного происхождения, Эксакиониты со второй половины X в. служили в вооруженных силах и провинциальной администрации.

Боровков Д. С. Протонотарии фем в Византии IX–X вв.: происхождение института и основные функции // Античная древность и средние века. 2014. Вып. 42. С. 90–100.

Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса в Византии XI–XII вв. М. : Наука, 1974.

Мохов А. С. «Житие св. Евдокима Праведного» как источник по военно-административной истории Византии IX в. // Sacrum et Profanum. 2007. Вып. 3. С. 137–146.

Юзбашян К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия в IX–XI вв. М. : Наука, 1988.

Actes d'Iviron. Première partie: Des origines au milieu du XIe siècle / éd. par J. Lefort, N. Oikonomidès, D. Papachryssanthou. Paris : P. Lethielleux, 1985.

Bryer A. The Byzantine monuments and topography of the Pontos. Washington, D. C. : Dumbarton Oaks Research Libr. and Coll., 1985.

Catalogue of Byzantine seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of art / ed. by J. Nesbitt, N. Oikonomides, E. McGeer. Washington, D. C. : Dumbarton Oaks Research Libr. and Coll., 1994, 1998, 2001. Vol. 2 : South of the Balkans, the Islands, South of Asia Minor ; Vol. 3 : West, Northwest, and Central Asia Minor and the Orient ; Vol. 4 : The East.

Cheynet J.-Cl. Catalogue of Auctions (2002–2006) // Studies in Byzantine sigillography. 2010. Vol. 10. P. 155–195.

Cheynet J.-Cl., Theodoridis D. Sceaux byzantins de la collection D. Theodoridis: les sceaux patronymiques. Paris : Assoc. des Amis du Centre d'histoire et civilisation de Byzance, 2010.

Eickhoff E. Seekrieg und Seepolitik zwischen Islam und Abendland. Das Mittelmeer unter byzantinischer und arabischer Hegemonie (650–1040). Berlin : De Gruyter, 1966.

Falkenhausen V. von. Untersuchungen über die byzantinische Herrschaft in Süditalien vom 9. bis ins 11. Jahrhundert. Wiesbaden : Harrassowitz Verl., 1967.

Haldon J. F. Synônê: Re-Considering a Problematic Term of Middle Byzantine Fiscal Administration // Byzantine and Modern Greek studies. 1994. Vol. 18. P. 116–153.

Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / rec. I. Thurn. Berlin ; New York : De Gruyter, 1973.

Janin R. Constantinople byzantine: développement urbain et répertoire topographique. Paris : Inst. français d'études byzantines, 1950.

Kazhdan A., Ronchey S. L'aristocrazia bizantina: dal principio dell'XI alla fine del XII secolo. Palermo : Sellerio, 1997.

Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin. Paris : Centre nat. de la rech. sci., 1981. T. 2 : L'administration centrale.

Leonis Diaconi Caloënsis historiae libri decem et liber de velitatione bellica Nicephori Augusti / rec. C. B. Hase. Bonn : Ed. Weber, 1828.

Liudprandi episcopi Cremonensis Opera omnia / rec. E. Dümmler. Hannover : Bibliopolii hahniani, 1877.

Lupi Protospatarii annales a. 855–1102 // Monumenta Germaniae Historica: Scriptores / ed. G. H. Pertz. Hannover : Bibliopolii hahniani, 1844. T. 5 : Annales et chronica aevi Salici.

Markopoulos A. Le témoignage du Vaticanus gr. 163 pour la période entre 945–963 // Byzantina Symmeikta. 1979. T. 3. P. 83–119.

Oikonomidès N. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. Paris : Centre nat. de la rech. sci., 1972.

Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Erste Abteilung (641–867) / hrsg. von F. Winkelmann, R.-J. Lilie, Cl. Ludwig u. a. Berlin ; New York : De Gruyter, 1999, 2000. Bd. 1, 3.

Sceaux byzantin de la collection Henri Seyrig / éd. par J.-Cl. Cheynet, C. Morrison, W. Seibt. Paris : Publ. par Bibl. nat., 1991.

Schreiner P. Chronica byzantina breviora. Wien : Verl. der Österreichischen Akad. der Wiss., 1975. 1. Teil.

Seibt W. Ἀρμενικὰ θέματα als terminus technicus der byzantinischen Verwaltungsgeschichte des 11. Jahrhunderts // Byzantinoslavica. 1993. T. 54. S. 134–141.

Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae: e Codice Sirmondiano nunc Berolinensi adiectis synaxariis selectis / ed. H. Delehaye. Bruxellis : Soc. Bollandianos, 1902.

Theophanis Chronographia / rec. C. de Boor. Lipsiae : B. G. Teubnneri, 1883. Vol. 1.

Vita St Nili uonioris // Patrologiae cursus completus, Series graeca. Paris : J.-P. Migne, 1864. T. 120. P. 15–165.

Статья поступила в редакцию 13.08.2016 г.

Боровков Дмитрий Сергеевич
кандидат исторических наук, преподаватель, кафедра общей психологии, гуманитарных и социальных дисциплин
Уральский юридический институт МВД России
620057, Екатеринбург, ул. Корепина, 66
E-mail: dpalochkinskij@yandex.ru

Borovkov, Dmitry Sergeevich
PhD (History),
Chair of General Psychology, the Humanities and Social Sciences
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
66, Korepin Str., 620057 Yekaterinburg, Russia
E-mail: dpalochkinskij@yandex.ru

BYZANTINE CIVIL ARISTOCRACY IN THE 10TH AND 11TH CENTURIES: THE HEXAKIONITOI

The article is devoted to the history of the Byzantine family of the Hexakionitoi, which belonged to the metropolitan civil aristocracy. Following an analysis of narrative and sigillographic sources, the author identifies ten members of this clan, who served in civil administration and the armed forces of the Byzantine Empire between the mid-10th and the second half of the 11th century. The Hexakionitoi reached the greatest power in the 960s. Magistros Nikephoros Hexakionites actively participated in the rebellion in 963, which culminated in the coming to power of Nikephoros II Phokas (963–969). Subsequently, Nikephoros Hexakionites served as a strategos of Thessaloniki, and a post of katepano of Italy should be considered as the highest point of his career. According to the author, the katepanate of Italy was founded in 965, and Nikephoros Hexakionites was its first ruler. After the year of 969 the Hexakionitoi, as well as many other supporters of the family of Phokas, were deprived of the opportunity to serve in the armed forces. And most Hexakionitoi, known fromthe sources of the 11th century, served in the civil administration of the capital and the provinces for this reason. An example is the *cursus honorum* of Leon Hexakionites, who held the positions of a protonotarios in the Armenian theme, in the theme Chaldia and Derxene, as well as in theme Opsikion. Protonotarios Leon's career is typical for members of the Hexakionitoi family in the 11th century. The last evidence of the Hexakionitoi refers to the 1060s. The author concludes that the story of this family is contrary to the theory of A. P. Kazhdan about the gradual transition of the provincial military families to civil service. Among Hexakionitoi, who belonged to the metropolitan civil nobility, there were high-ranking military leaders.

K e y w o r d s: Byzantium; Hexakionitoi; prosopography; civil aristocracy; military aristocracy; sigillography.

Acknowledgments

The article is sponsored by the *Russian Foundation for the Humanities*, project #16-31-00027 "The Byzantine Army between the 8th and 11th Centuries: Organisational Structure, Command of the Armed Forces, Everyday Life".

Borovkov, D. S. (2014). Protonotarii fem v Vizantii IX–X vv.: proiskhozhdenie instituta i osnovnye funktsii [Thematic Protonotarioi in the Byzantine Empire: On the Origins and Main Functions of the Institution]. *Antichnaia drevnost' i srednie veka, 42*, 90–100. (In Russian)

Bryer, A. (1985). *The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos.* Washington, D. C.: Dumbarton Oaks Research Libr. and Coll.

Cheynet, J.-Cl. (2010). Catalogue of Auctions (2002–2006). *Studies in Byzantine sigillography, 10*, 155–195.

Cheynet, J.-Cl. (Ed.), Morrison, C., & Seibt, W. (Re-ed.). (1991). *Sceaux byzantin de la collection Henri Seyrig* [Byzantine Seals of Henri Seyrig's Collection]. Paris: Publ. par Bibl. nat. (In French)

Cheynet, J.-Cl., Theodoridis, D. (2010). *Sceaux byzantins de la collection D. Theodoridis: les sceaux patronymiques* [Byzantine Seals Collection of D. Theodoridis: Patronymic Seals]. Paris: Assoc. des Amis du Centre d'histoire et civilisation de Byzance. (In French)

De Boor, C. (Ed.). (1883). *Theophanis Chronographia* (Vol. 1). Lipsiae: B. G. Teubnneri. (In Greek)

Delehaye, H. (Ed.). (1902). *Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae: e Codice Sirmondiano nunc Berolinensi adiectis synaxariis selectis.* Bruxellis: Soc. Bollandianos. (In Greek)

Dümmler, E. (Ed.). (1877). *Liudprandi episcopi Cremonensis Opera omnia*. Hannover: Bibliopolii hahniani. (In Latin)

Eickhoff, E. (1966). *Seekrieg und Seepolitik zwischen Islam und Abendland: Das Mittelmeer unter byzantinischer und arabischer Hegemonie (650–1040)* [Warfare and Politics at Sea between Islam and the West: The Mediterranean Sea under Byzantine and Arabian Hegemony (650–1040)]. Berlin: De Gruyter. (In German)

Falkenhausen, V. von, (1967). *Untersuchungen über die byzantinische Herrschaft in Süditalien vom 9. bis ins 11. Jahrhundert* [Studies on the Byzantine Rule in Southern Italy between the 9th and the 11th Centuries]. Wiesbaden: Harrassowitz Verl. (In German)

Haldon, J. F. (1994). Synônê: Re-Considering a Problematic Term of Middle Byzantine Fiscal Administration. *Byzantine and Modern Greek studies, 18*, 116–153.

Hase, C. B. (Ed.). (1828). *Leonis Diaconi Caloënsis historiae libri decem et liber de velitatione bellica Nicephori Augusti*. Bonn: Ed. Weber. (In Greek)

Janin, R. (1950). *Constantinople byzantine: développement urbain et répertoire topographique* [Byzantine Constantinople: The Development of the City and a Topographical Catalogue]. Paris: Inst. français d'études byzantines. (In French)

Kazhdan, A. P. (1974). *Sotsial'nyi sostav gospodstvuiushchego klassa v Vizantii XI–XII vv.* [The Social Composition of the Ruling Class in Byzantium between the 11th and 12th Centuries]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Kazhdan, A., & Ronchey, S. (1997). *L'aristocrazia bizantina: dal principio dell'XI alla fine del XII secolo* [Byzantine Aristocracy: From the Early11th until the Late 12th Centuries]. Palermo: Sellerio. (In Italian)

Laurent, V. (1981). *Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin* [The Corpus of Seals of the Byzantine Empire] (Vol. 2). Paris: Centre nat. de la rech. sci. (In French)

Lefort, J. (Ed.), Oikonomidès, N., & Papachryssanthou, D. (Re-ed.). (1985). *Actes d'Iviron. Première partie: Des origines au milieu du XIe siècle* [Acts of Iviron. Part 1: Origins in the middle of the 11th century]. Paris: P. Lethielleux. (In French)

Markopoulos, A. (1979). Le témoignage du Vaticanus gr. 163 pour la période entre 945–963 [The Testimony of Vaticanus Gr. 163 for the Period between 945 and 963]. *Byzantina Symmeikta, 3*, 83–119. (In French)

Migne, J.-P. (Ed.). (1864). Vita St Nili uonioris. *Patrologiae cursus completus, Series graeca*, *120*, 15–165. (In Latin)

Mokhov, A. S. (2007). «Zhitie sv. Evdokima Pravednogo» kak istochnik po voenno-administrativnoi istorii Vizantii IX v. [*Life of St Eudokimos the Righteous* as the Source of the Military-Administrative History of 9th Century Byzantium]. *Sacrum et Profanum, 3*, 137–146. (In Russian)

Nesbitt, J. (Ed.), Oikonomides, N., & McGeer, E. (Re-ed.). (1994, 1998, 2001). *Catalogue of Byzantine seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of art* (Vols. 2, 3, 4). Washington, D. C.: Dumbarton Oaks Research Libr. and Coll.

Oikonomidès, N. (1972). *Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles* [Byzantine Precedence Lists the 9th and 10th Centuries]. Paris: Centre nat. de la rech. sci. (In French)

Pertz, G. H. (Ed.). (1844). Lupi Protospatarii annales a. 855–1102. *Monumenta Germaniae Historica: Scriptores*, 5, 52–63. (In Latin)

Schreiner, P. (Ed.) (1975). *Chronica byzantina breviora* (Vol. 1). Wien: Verl. der Österreichischen Akad. der Wiss. (In Greek)

Seibt, W. (1993). Armenikā thēmata als terminus technicus der byzantinischen Verwaltungsgeschichte des 11. Jahrhunderts [Armenikā Thēmata as a Technical Term of the Byzantine Administrative History of the 11th Century]. *Byzantinoslavica 54*, 134–141. (In German)

Thurn, I. (Ed.). (1973). *Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum*. Berlin; New York: De Gruyter. (In Greek)

Winkelmann, F. (Ed.), Lilie, R.-J., & Ludwig, Cl. (Re-ed.). (1999, 2000). *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit: Erste Abteilung (641–867)* [Prosopography of the Middle Byzantine Period: First Part (641–867)] (Vols. 1, 3). Berlin; New York: De Gruyter. (In German)

Yuzbashian, K. N. (1988). *Armianskie gosudarstva epokhi Bagratidov i Vizantiia v IX–XI vv.* [Armenian States of the Bagratuni Era and Byzantium between the 9th and 11th Centuries]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Received on 13 August, 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.4.077
УДК

И. В. Починская
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

«ЗАПИСКА О РАСКОЛЬНИКАХ ГЛАЗОВСКОГО УЕЗДА» В. А. МИНХА*

Статья посвящена анализу документа, обнаруженному в Государственном архиве Кировской области — «Записке о раскольниках Глазовского уезда», составленной старшим помощником правителя канцелярии Вятского губернатора, титулярным советником В. А. Минхом. Информация, приведенная в записке, выходит за географические рамки, обозначенные в ее названии. Она вносит значительный вклад в наши представления об особенностях формирования и существования старообрядческих общин в регионе, который принято называть Верхокамьем. Он включает наряду с вятскими и территории Пермской губернии. Материалы Минха дают сведения о системе взаимосвязей, контактов в рамках двух основных старообрядческих согласий региона, поморцев и «белокриницких». Эти материалы ярко демонстрируют особенности взаимоотношений старообрядцев и местных властей, которые не всегда отвечали требованиям центральной власти. Записка, содержащая, казалось бы, узко региональную информацию о конкретных персонажах является одним из тех фрагментов истории, на основании совокупности которых формируется целостная картина, дающая возможность объяснять жизнеспособность старообрядчества, его укрепление независимо от степени жесткости государственной политики по отношению к нему. Для полноты картины сведения «Записки» Минха дополнены информацией, почерпнутой из отчета о поездке по тем же местам М. Е. Салтыкова-Щедрина, который проводил следствие по делам старообрядцев.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Россия; Вятская губерния; Верхокамье; история; православие; старообрядчество; скиты.

Церковная реформа в России середины XVII в., внешне направленная на реформирование обрядовой практики и фиксирующей ее литературы, была призвана решить ряд политических задач по укреплению позиций государства как внутри страны, так и на международной арене. Однако на деле эта реформа привела русское общество к расколу на два непримиримых лагеря, противостояние между которым не прекратилось и по сей день. Возникшее движение старообрядчества стало хранителем и носителем древнерусских культурных традиций. Старообрядчество не только сохранило основы традиционной

* Статья подготовлена при поддержке гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.A12.31.0004 от 26.06.2013 г.

© Починская И. В., 2016

культуры (иконопись, песнопения, бытовые особенности), но и дало новый импульс развитию демократической литературы, оставив после себя огромнейший комплекс переписанных и переизданных памятников Средневековья, оригинальных сочинений, отразивших как общероссийские проблемы существования старообрядчества, так и региональные особенности. Наконец, неоспорима роль старообрядчества в развитии экономики страны, в формировании русской буржуазии. Этими обстоятельствами объясняется все возрастающий интерес к истории старообрядчества. Культурно-исторический феномен старообрядчества в настоящее время является одной из наиболее привлекательных областей исследования не только для отечественных ученых, но и для западной исторической науки.

Большой опыт мировой историографии в исследовании старообрядчества демонстрирует эффективность познания этого явления через углубленное изучение его региональных особенностей. Являясь сторонником такого подхода к изучению проблемы, я сосредоточилась на анализе материалов Вятской губернии, которая принадлежала к числу регионов Российской империи, наиболее плотно заселенных старообрядцами. Изучение механизмов выживания ревнителей старины в условиях неблагоприятной государственной политики, определение своеобразия проявлений этих механизмов в различных регионах страны позволит воссоздать целостную картину адаптивных процессов, сопровождающих всю историю старообрядчества.

В Государственном архиве Кировской области был обнаружен рапорт старшего помощника правителя канцелярии Вятского губернатора, титулярного советника Владимира Александровича Минха от 31 декабря 1854 г. о его поездке в Глазовский уезд для исследования вопроса о состоянии там старообрядчества [ГАКО, ф. 582, оп. 84, д. 56, л. 8–34]. К рапорту приложена «Записка о раскольниках Глазовского уезда». Однако информация В. А. Минха выходит за географические рамки, обозначенные в названии записки. Она вносит значительный вклад в наши представления об особенностях формирования и существования старообрядческих общин в регионе, который принято называть Верхокамьем. Этот регион включает, наряду с вятскими, и территории Пермской губернии. Записка В. А. Минха содержит сведения о системе взаимосвязей, контактов в рамках старообрядческих согласий всего региона, о взаимоотношениях старообрядцев и местных властей. Конечно же, такого рода материалы дают далеко не полные сведения, они носят в известной степени субъективный характер: составитель документа фиксирует только то, что он видит и слышит, воспринимая информацию через призму своего мировоззрения. Однако сопоставление и сравнение с другими источниками, касающимися тех же аспектов, позволяют оценить как значение информации рассматриваемого документа, так и своеобразие взглядов его составителя.

Отчет В. Минха о поездке в Глазовский уезд Вятской губернии вызывает интерес и тем, что содержит целый ряд подробностей о старообрядчестве указанного региона, и тем, что дает сравнительный и дополнительный материал

к сведениям, сообщенным в другом деле, которое также храниться в ГАКО [Починская, 2003, с. 231–245]. Это материалы масштабного расследования по делам старообрядцев с эпицентром в Вятке, охватившего несколько российских губерний. Оно проводилось в 1854–1855 гг. писателем М. Е. Салтыковым-Щедриным, который находился в вятской ссылке (1848–1855) и служил советником губернского правления. Писатель был отправлен в Вятку за публикацию в «Отечественных записках» повестей «Противоречия» и «Запутанное дело», которые, как было сформулировано в обвинении, содержат «вредный образ мыслей и пагубное стремление к распространению идей, потрясающих Западную Европу и ниспровергших власти и общественное спокойствие» [Кропотин, с. 25].

Оба чиновника, М. Е. Салтыков и В. А. Минх, практически одновременно находились в одном месте, и каждый излагал свое видение ситуации. Фактологическая информация, сообщаемая ими, нередко перекликается, но документы отражают существенные различия в отношении авторов к старообрядчеству, в оценке сути этого движения. М. Е. Салтыков испытывал большой страх перед старообрядцами, считая их «фанатиками, изуверами», темной невежественной силой. Это априори определило его негативное отношение к тем людям, с которыми он сталкивался в ходе следствия. Кроме того, им двигало желание заслужить благосклонность активнейшего борца со старообрядчеством Николая I. Писатель надеялся, что наградой за его антистарообрядческую деятельность может стать досрочное возвращение из ссылки. Всё это не могло не отразиться в его действиях и отчетах. Изложение В. А. Минха не имеет выраженной эмоциональной окраски, а местами даже проскальзывают близкие к позитивным, хотя и весьма сдержанные, оценки человеческих качеств старообрядцев, что нечасто встретишь в высказываниях чиновников того времени. Беспристрастность записки В. А. Минха особенно заметна на фоне множества отчетов и записок, составлявшихся православными миссионерами, которые смотрели на старообрядцев как на врагов не только церкви, но и государства.

Одновременность поездок двух чиновников в одни и те же центры вятско-пермского староверия, думается, может быть объяснена поднадзорным состоянием следователя М. Е. Салтыкова. Возможно, отправка губернатором близкого и преданного ему человека по следам М. Е. Салтыкова имела целью проверить обоснованность его действий или проконтролировать их. Свидетельством определенного недоверия властей ссыльному писателю, являются, например, тот факт, что Министерство внутренних дел запретило ему осуществлять следственные действия на территориях Войска Донского, Тулы, Шуи, куда вели нити следствия [Починская, 2003, с. 244].

В своей статье о розыске, проводившемся М. Е. Салтыковым, возмущаясь отношением Михаила Евграфовича к оппозиционному религиозному течению, я писала: «Он видел в старообрядцах государственное зло. Они явно не входили в ту часть категории “народ , о благополучии которой он радел, а составляли маргинальную прослойку, укоренявшую в этом народе темноту и невежество» [Починская, 2003, с. 232]. И далее отметила, что менее просвещенный коллега

писателя В. А. Минх уловил и оценил такое качество старообрядцев, как свободолюбие «и готовность сопротивляться всякой власти» [Починская, 2003, с. 232]. Позднее более подробное знакомство с историей семьи В. А. Минха заставило усомниться в правомерности определения его как менее просвещенного. Возможно, именно образовательный, культурный уровень семьи и несомненное наличие элементов демократических настроений повлияли на оценки старообрядчества, данные В. А. Минхом. Его родословная, думается, не совсем типична для мелкого провинциального чиновника.

По отцовской линии В. А. Минх происходил из древнейшего ганноверского рода фон Мюннхов, к которому, кстати, принадлежал и российский генерал-фельдмаршал Христофоор Антонович Минних (Бурхард Кристоф фон Мюнних). Родоначальником русской линии Минхов был дед Владимира Александровича, врач, приглашенный в Россию Екатериной II [Астафьев, Плешаков]. Все члены этой фамилии имели хорошее образование. Несколько человек в разных поколениях продолжали дело своего родоначальника, были врачами. Двоюродный брат Владимира Александр Николаевич Минх — историк, краевед, этнограф, археолог, писатель и художник, член Императорского Русского географического общества и Московского археологического общества, Саратовской, Нижегородской, Тамбовской и Владимирской архивных комиссий, а также Саратовского губернского статистического комитета, был корреспондентом Министерства земледелия [Летопись Саратовской губернии].

По материнской линии В. А. Минх принадлежал к роду голландских дворян Бодиско, которые в конце XVII в. приехали в Россию [Цветкова]. Его дед по этой линии был директором Московского ассигнационного банка. В семье бабки и деда было более 20 детей, и судьба их сложилась по-разному. Например, один дядя Владимира, Александр Андреевич, был дипломатом, в частности, несколько лет служил русским посланником в Северо-Американских Соединенных Штатах, другой — Николай Андреевич, контр-адмирал. Еще два дяди, Борис и Михаил, — морские офицеры, участвовали в восстании декабристов [Бодиско].

На службе в Вятке Владимир Минх оказался, вероятно, как раз благодаря тесным родственным связям. С 1851 по 1857 г. вятским губернатором был Николай Николаевич Семенов, который до этого служил директором рязанской гимназии [Воробьева, Земцова, Колотов]. К слову, он был дядей известного русского географа и путешественника Петра Петровича Семенова-Тянь-Шанского. Жена губернатора, Любовь Андреевна, в девичестве Минх, родная тетка и крестная мать Владимира Минха, опекая своего крестника, видимо, содействовала его трудоустройству.

Записка В. А. Минха о раскольниках Глазовского уезда состоит из двух частей. Первая из них посвящена Петуховской волости, вторая — Порубовской. Свой рассказ он начинает следующими словами: «Край Петуховская волость известен под названием Кулиг, с восточной стороны граничит с имением гр Строганова в Пермской губернии, которое населено преимущественно раскольниками» [ГАКО, ф. 582, оп. 84, д. 56, л. 8]. И далее перечисляет «сельские

общества», где особенно велика доля старообрядцев: Юсовское, Карсавайское, Гординское, Созиновское, а также указывает Попоговское общество соседней с Петуховской Верхлюмской волости.

Государственные чиновники, миссионеры, во множестве фиксировавшие в XIX в. состояние старообрядчества, даже пытавшиеся проводить исторические изыскания по этой проблеме, как правило, основывали свое повествование на устной традиции, почерпнутой в ходе поездок, и иногда привлекали следственные дела, осевшие в местных органах власти. Поэтому их рассказы о старообрядцах, за редким исключением, начинались с недалекого прошлого. В этом отношении Минх не стал исключением. Он пишет, что «в Кулигах раскол получил свое начало в 1832 г.» [ГАКО, ф. 582, оп. 84, д. 56, л. 8], хотя специалистам известно, что его корни на этой территории уходят в XVII в., а развитие тесно связано с Поморьем. Далее В. А. Минх приводит подробности о распространении староверия в период 1830–1850-х гг. Надо сказать, что в «Вятских епархиальных ведомостях» за 1880 г. были опубликованы материалы отчета за 1879 г. миссионера М. Фармаковского [Раскол в северной полосе..., с. 239–247], при составлении которого, вероятно, использовалась записка В. А. Минха. При этом, с одной стороны, священник вносит некоторые новые данные и уточнения, а с другой — описывает сюжеты, зафиксированные чиновником, очень кратко и без указания имен участников.

«Начало раскола» в Кулигах В. Минх связывает с деятельностью Анастасии Михайловны Власовой, урожденной Сабуровой [ГАКО, ф. 582, оп. 84, д. 56, л. 8–10]. В девичестве она бежала из дома отца, казенного крестьянина, и поступила в служанки к холостому офицеру, поручику Власову, за которого вышла замуж. После смерти мужа[1] Анастасия с двумя сыновьями вернулась в Кулигинский край и поселилась в починке Юса-Верх-Речка. Как пишет В. А. Минх, здесь «она начала обнаруживать две противоположности: разврат и набожность. <...> начала сама изъяснять тексты Священного Писания и совершать богослужение сначала по собственным мыслям, а потом и по руководству всеволодских раскольников (вероятно, речь идет о старообрядцах во владениях Александра Всеволодовича Всеволожского в Соликамском уезде Пермской губернии. — *И. П.*)» [ГАКО, ф. 582, оп. 84, д. 56, л. 9–9 об.]. Установлению прочных связей между кулигинскими и «всеволодскими» старообрядцами способствовал открытый в трех верстах от границы с Пермской губернией торжок в починке Гримашском. Приезжавшие туда под видом торговли староверы собирались в доме Варлаама Гавшина, мужа сестры Анастасии Власовой [Там же, л. 10].

Дом Анастасии Власовой находился в довольно глухом месте, куда не было проложено дорог. В нем была устроена моленная, которую власти уничтожили уже после смерти хозяйки. «Потворствовал» Власовой, по словам В. А. Минха,

---

[1] Эта информация расходится с сообщенной М. Фармаковским. Священник пишет, что Власова приехала в Верх-Юса-Речку в 1837 г. вместе с чиновником, который будучи индифферентным к религии, «безмятежно доживал свои дни в деревне» [Раскол в северной полосе..., с. 242].

глазовский земский исправник Рогаль-Левицкий, этим чиновник и объясняет быстрое «уклонение» людей из православия в раскол. Позднее исправник был уволен. По данным Минха, за период 1830-х — начало 1850-х гг. «в раскол уклонилось» 2544 человека [ГАКО, ф. 582, оп. 84, д. 56, л. 10].

Из записки В. А. Минха следует, что Анастасия Власова перешла в старообрядчество в период ее замужества, за пределами Верхокамья. М. Фармаковский пишет, что она вернулась на родину из Казани [Раскол в Северной полосе..., с. 242]. Следует заметить, что Казань была тем центром беспоповского старообрядчества, который на протяжении всего времени его существования оказывал большое влияние на вятское старообрядчество [Починская, 2000; 2005; 2008]. Однако информация Минха заставляет усомниться в том, Анастасия стала старообрядкой после отъезда из родительского дома. В списке активных старообрядцев, перечисленных чиновником, упомянуты два брата и, видимо, сестра Анастасии Власовой (Алексей, Евстафий и Анна Сабуровы), а также Ульян Сидоров, Семен Алексеев, Влас Силин Сабуровы, степень родства которых не определена, но с большой долей вероятности их можно считать родственниками Анастасии. Определенные сомнения вызывает вероятность обращения в старообрядчество за очень короткое время большой семьи, ближних и дальних родственников, только одним из ее представителей. Скорее всего, семья Сабуровых гораздо раньше перешла на позиции старообрядчества и являлась лидером местной общины.

Особенно активным членом общины, по сведениям В. А. Минха, был Алексей Сабуров, который за свои убеждения отсидел в тюрьме. Во время пребывания там перешел в единоверие, но по освобождении «уклонился назад». Позднее он был делегирован одноверцами в Петербург с прошением на высочайшее имя [ГАКО, ф. 582, оп. 84, д. 56, л. 11, 16].

В. Минх определяет согласие старообрядцев Петуховской волости, это поморцы: «Таинство причастия совсем отвергнуто, — пишет он, — крестят вне церкви, а крещенных в ней перекрещивают, таинство брака ограничено одним обручением домашним и благословением родственников. Не поклоняются иконам новой живописи, они безраздельно употребляют их медные...». Исходя из этого, В. Минх делает вывод о том, что описываемых им старообрядцев «можно отнести к беспоповской поморской секте. Здешние раскольники молятся за царя и другие власти, но и готовы... воспротивиться всякой» [ГАКО, ф. 582, оп. 84, д. 56, л. 18 об.–19].

Более интересными и насыщенными подробностями являются сведения о старообрядцах Порубовской волости, в обиходе именующейся Зюздинским краем. В. Минх начинает рассказ об этой территории так же, как и о Петуховской, с указания мест их наиболее плотного проживания: «Раскольники обнаружены в Зюзденских селениях: в приходах Воскресенском и Афанасьевском» [ГАКО, ф. 582, оп. 84, д. 56, л. 20]. Воскресенский приход: деревни Конькова, Русская, Гусиновская, Поломская, Ошегинская, Булычевская, Вежашерская, Бисеровская, Кувакужская, Верх-Зюздино, Омшенская и поч. Чусовской.

Афанасьевский приход: деревни Сюзевская, Порубовская, Кышмановская, Ваулинская и др. «Все эти селения между собою смежны и составляют как бы одно гнездо. К северу оно граничит с ненаселенными и неумеренными лесами Вологодской губернии и прежде бывшаго г. Кая Вятской губернии, а с востока с Оханским и Чердынским уездами Пермской губернии» [ГАКО, ф. 582, оп. 84, д. 56, л. 20 об.].

Крайне любопытна характеристика особенностей хозяйствования этого региона, повлиявшая на распространение старообрядчества. По мнению В. А. Минха, одной из важнейших причин распространения старообрядчества являются «самовольные переселения семейных дворов в леса и другие малонаселенные места», которые происходят с попустительства местных властей. Из-за непригодности большинства земель к возделыванию крестьянам разрешалось в поисках более удобных участков выезжать из своих селений, строить дома на выбранных ими землях. «Жители приходов Воскресенский и Афанасьевский большей частью только по документам числятся в своих селениях, тогда как дворы их раскиданы по лесам, полям и болотам и отделены от главных селений иногда большим пространством», — пишет помощник правителя канцелярии Вятского губернатора [ГАКО, ф. 582, оп. 84, д. 56, л. 20 об.–21]. Он указывает на то, что разбросанность и удаленность этих дворов от властей ослабляла контроль за ними как гражданской администрации, так и официальной церкви. В ходе этих перемещений жители Вятской губернии переходили на территорию Пермской.

В. Минх отмечает особую склонность порубовских крестьян «к бродяжничеству». Причем те, кого он называет бродягами, далеко от своих домов не уходили, жили в создаваемых ими скитах. «Местность Зюздинская способствовала созданию скитов и жительству в лесах, вне лесов, так называемых тайниках, где скрываются беглые. Эти тайники образуются самой местностью, а иногда и специально» [ГАКО, ф. 582, оп. 84, д. 56, л. 28–29 об.]. В качестве примера Минх называет такой тайник, устроенный в пчельнике за лугом, принадлежавшим одному из старообрядческих лидеров Иосифу Емелеву. Насельники скитов, главным образом мужчины, не обзаводились хозяйством. Летом они трудились со своими семьями или нанимались на работу и тем обеспечивали себе пропитание зимой. «Причина бродяжничества не только в расколе, в противном случае они бы не бродили вокруг своих домов, многие не переходили в раскол. Причина все тот же дух свободы» — в очередной раз подчеркивает чиновник [Там же, л. 31 об.–32].

В. Минх сообщил также о наличии скитов на прилежащих территориях Вологодской и Пермской губерний, которые, в отличие от вятских, населены семьями, ведущими свои хозяйства. Крестьяне, проживавшие в «скитах» (по терминологии В. А. Минха), расположенных в лесах всех трех губерний, связаны между собой [ГАКО, ф. 582, оп. 84, д. 56, л. 28–30]. Однако данные розыска М. Е. Салтыкова дополнили сведения В. А. Минха, в пограничных с Вяткой пермских и вологодских лесах находились не только «семейные скиты». Так, например, рядом с деревней Верх-Лупья Чердынского уезда Пермской губернии

при содействии местной полиции М. Е. Салтыков-Щедрин обнаружил мужской скит, большая часть насельников которого была выходцами из Порубовской волости Вятской губернии. Рядом с мужским располагался женский скит, среди его обитательниц были выходцы из Глазовского уезда [Починская, 2003, с. 234–235, 240–242].

Говоря о взаимодействии старообрядцев трех губерний, чиновник указывает направления и формы этой связи. У зюздинцев на востоке есть сообщение через р. Ивку с Соликамским уездом, но отношения их с поселенцами тех мест не известны. В тоже время установлено, что в Оханском уезде бродяжничает 19 человек из Афанасьевского прихода. Старообрядцы северо-востока вятской губернии контактируют с чердынскими в д. Омшенской и Кавакужской, расположенных в 20 верстах от Пермской губернии и в пермских деревнях Мыс Мухоморка и Кладова, расположенных по Чердынскому тракту, ведущему в д. Ныроб, куда зюздинцы ходят на поклон иконе Николая Чудотворца. По замечанию В. А. Минха, чем ближе к Ныробу, тем больше «раскольников». Общение с ними повлияло на распространение старообрядчества в Зюздинском крае, однако значительно большую роль в вовлечении их «в раскол» сыграли старообрядцы Омутнинского завода [ГАКО, ф. 582, оп. 84, д. 56, л. 23–24 об.].

Минх упоминает о том, что «раскольники» Омутнинского завода приезжают в Порубовскую и другие северо-восточные волости в качестве надзирателей за копкою руды. В свою очередь в зимнее время старообрядцы Зюздинского края ездят в Омутнинский завод заниматься перевозкой и добычей руды [ГАКО, ф. 582, оп. 84, д. 56, л. 25]. К числу активных распространителей «раскола» В. А. Минх относит работника Омутнинского завода Егора Игнатьева Чодаева, Чодаев, по сведениям В. Минха, в 1849 г. увлек в свои сети жителей ряда деревень: Василия Иосифова Емелева, Никона Яковлева Сидорова, Дея Зюзева, Наума Белева, которые с присоединившимся к ним другим работником завода Порфирием Чодаевым приняли монашеский чин и стали старообрядческими миссионерами [Там же, л. 26].

Во многих зажиточных домах старообрядцев Зюдинского края были устроены моленные: у Иосифа Емелева, Михаила Тутыгина, Ивана Сюзева, Ильи Порубова. Собрания, как правило, проходили в доме Иосифа Емелева в д. Омшенской [ГАКО, ф. 582, оп. 84, д. 56, л. 34].

В. Минх пишет, что определить согласие «по неизвестности и новости» его трудно. Сначала старообрядцы Зюздинского края «придерживались собственно заводской поморской секты, тогда как в настоящее время подчиняются лжемудрствованиям своих наставников. Это произошло оттого, что в последнее время сами заводские разделились на разные новые секты» [ГАКО, ф. 582, оп. 84, д. 56, л. 32 об.–33].

Не будучи специалистом по старообрядчеству, В. А. Минх, видимо, не смог соотнести информацию о новом согласии с его адептами на северо-востоке Вятской губернии. В том, что описываемые им зюздинские старообрядцы были австрийцами, нет никаких сомнений. Спустя 25 лет о старообрядчестве

этих мест писал упоминавшийся выше миссионер М. Фармаковский [Раскол в северной полосе..., с. 241, 244–247]. Он отмечал, что поповщина появилась там в 1850 г. Конечно, определение четкой даты связано не с появлением поповцев на этой территории, а с появлением первого австрийского священника. М. Фармаковский отмечает, что поставлен он был по инициативе тех монахов, которые появились в Порубовской волости в результате деятельности Егора Чодаева. Кстати, он пишет о том, что «эти монахи работали во вред православию» в течение тридцати лет. К 1880 г. их число увеличилось до 25. «Как пустынники, в иноческих одеждах, они бродили по деревням, развращали народ, привлекали в свой скит, на домах отправляли службу, требы и все, в чем нуждается христианин» [Там же, с. 244]. И только 25 января 1880 г. трое из монахов были пойманы полицией, остальные бежали в Пермскую губернию. Но миссионер делает не лишенный оптимизма вывод: «...само собой, возвратятся в свой скит, и снова будут пропагандировать. Но в данном случае и то хорошо, что теперь известно стало, кем распространен и держится раскол и против кого вести борьбу» [Там же, с. 245].

Возвратимся к сведениям М. Фармаковского о том, что появление первого австрийского священника связано с деятельностью монахов. Миссионер не называет имени этого священника, указывая только инициал «I», а также пишет о предположении православного населения, что он С[арапульск]ий мещанин И. Г. Г., бежавший из тюрьмы. Будучи священником, он «не стеснял себя правилами нравственности», а потом и вовсе сбежал. После него священником стал И. С. Р., сын крестьянина С. Д. Р., человека богатого и влиятельного, родившегося в 1821 г. в православной семье. В 1852 г. он перешел в старообрядчество и стал пристанодержателем монахов. В 1845 г. у него родился сын И., которого с 5 лет монахи обучали грамоте. Достигнув юношеского возраста, он стал дьячком при священнике I. и исполнял эти обязанности до 32 лет. Достигнув этого возраста И. С. отправился в Москву, где был рукоположен во священники известным лидером австрийского согласия епископом Антонием (Шутовым), а затем вернулся в Зюздинский край [Раскол в северной полосе..., с. 246].

Таким образом, записка В. Минха, содержащая, казалось бы, узко региональную информацию о конкретных лицах, является одним из тех фрагментов истории, на основании которых формируется целостная картина, дающая возможность объяснять жизнеспособность старообрядчества, его укрепление независимо от степени жесткости государственной политики по отношению к нему. Напомню, что хронологически время поездки В. Минха относится к последнему периоду, так называемой «николаевской реакции», характеризующейся, в том числе, активными мерами по «искоренению раскола». Записка В. Минха ярко демонстрирует корпоративное единство староверов, основанное не только на общности обрядовой практики, но и укрепленное родственными связями, совместной трудовой деятельностью, коллективным пассивным противодействием политике светских и духовных властей (уход в леса). При этом важнейшим моментом выживания старообрядцев, сохранения своего вероисповедания

в условиях враждебной к ним политической системы стало умение находить общий язык с представителями местных властей.

Источники

ГАКО. Ф. 582. Оп. 84. Д. 56.

Исследования

Астафьев Е. В., Плешаков И. Н. Российский дворянский род Минх [Электронный ресурс]. URL: http://zadocs.ru/istoriya/28343/index.htm (дата обращения: 25.11.2015).

Бодиско // Русский биографический словарь : в 23 т. / ред. А. А. Половцов. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1907. Т. 3. С. 159–160.

Воробьева И. С., Земцова Г. А., Колотов А. В. и др. Биографические справки на вятских наместников и губернаторов (1780–1917) [Электронный ресурс]. URL: kirovgako.ru›out/biograf_list_gub.rtf (дата обращения: 01.12.2015).

Кропотин В. Салтыков-Щедрин. М. : Сов. писатель, 1948.

Летопись Саратовской губернии [Электронный ресурс]. URL: http://elsso.ru/cont/ppl/214.html (дата обращения: 01.12.2015).

Починская И. В. Из истории старообрядчества Вятского края. Федосеевцы (вторая половина XVIII — начало XX вв.) [Электронный ресурс] // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий / ред. И. В. Починская. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. URL: http://hist.igni.urfu.ru/lai/ocherki/ocherki.html (дата обращения: 01.12.2015).

Починская И. В. «Дело по ведению следствия о раскольнике Ситникове А. ...» (М. Е. Салтыков и старообрядцы) // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 5 / ред. И. В. Починская. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 231–245.

Починская И. В. Об издательском репертуаре типографии Л А. Гребнева в Старой Тушке // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 6 / ред. И. В. Починская. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 137–173.

Починская И. В. Из истории старообрядчества Вятского края XVII в. [Электронный ресурс] // Россия и мир: панорама исторического развития : сб. науч. ст., посвящ. 70-летию исторического факультета уральского государственного университета им. А. М. Горького / ред. Д. А. Редин. Екатеринбург : Изд. Урал. ун-та, 2008. С. 242–247. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/19573/1/rim-2008-29.pdf (дата обращения 08.01.2016).

Раскол в северной полосе Глазовского уезда (Из отчета глазовского миссионера протоиерея М. Фармаковского за 1879 год) // Вятские епархиальные ведомости. 1880. № 10. С. 239–247.

Цветкова Н. Братья-декабристы Бодиско [Электронный ресурс] // Морская газета. URL: http://gazetam.ru/no240301/st06.htm (дата обращения: 01.12.2015).

Статья поступила в редакцию 18.09.2016 г.

Починская Ирина Викторовна
доктор исторических наук, заведующая Лабораторией археографических исследований
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: poirvi12@gmail.com

Pochinskaya, Irina Viktorovna
Dr. Hab. (History), Head of the Laboratory of Studies in Archaeography
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
E-mail: poirvi12@gmail.com

AN ESSAY ABOUT THE SCHISMATICS OF GLAZOV UYEZD BY V. MINKH

The paper is devoted to the analysis of a document found in the State Archive of Kirov Region, *An Essay about the Schismatics of Glazov Uyezd*, written by senior assistant of the head of Vyatka Governor's Chancellery, titular counsellor V. A. Minkh in 1854. The information provided in this essay goes beyond the geographical limits reflected in the title. It expands our knowledge about the establishment and existence of the Old Believer communities in the region known as Verkhokamye (it includes some territories of Vyatka and Perm Governorates). Minkh's materials provide information about the system of links and contacts among the two Old Believer denominations of the whole region, Pomorian and Belokrinitsky Old Believers. The materials inчquestion demonstrate the peculiarities of the relations between the Old Believer communities of the region and the local authorities which did not always comply with the requirements of the central authorities. The essay, which seems to only include local information about certain characters, is actually a history fragment, which creates a complete picture that allows us to explain the vitality of Old Belief, and its consolidation, which took place regardless of the strictness of the state policy towards them. To complete the study, the paper gives a comparative analysis of the information of V. Minkh's essay and materials collected by writer Saltykov-Shchedrin who carried out an enquiry into the cases of Old Believers.

K e y w o r d s: Russia; Vyatka Governorate; Verkhokamye; history; Orthodox Christianity; Old Believers; sketes.

Acknowledgements

The article is supported by a grant of the Russian Federation Government aiming to attract leading scholars and scientists to Russian higher educational establishments and educational establishments of the state academies of sciences, as well as academic centres of the Russian Federation (Laboratory of Publication Archaeography, Ural Federal University). Agreement #14.A12.31.0004 as of 26 June, 2013.

Astafyev, E. V., & Pleshakov I. N. *Rossijskij dvorjanskij rod Minh* [Russian Noblemen Minkh]. Retrieved from http://zadocs.ru/istoriya/28343/index.htm. (In Russian)

Bodisko (1907). In A. A. Polovtsov (Ed.), *Russkij biograficheskij slovar'* [Russian Biographical Dictionary] (Vol. 3, pp. 159–160). Moscow: Tip. I. N. Skorochodova. (In Russian)

Kropotin, V. (1948). *Saltykov-Shchedrin*. Moscow: Sovetskij pisatel'. (In Russian)

Letopis' Saratovskoj gubernii [Annals of Saratov Governorate]. Retrieved from http://elsso.ru/cont/ppl/214.html. (In Russian)

Pochinskaya, I. V. (2000). Iz istorii staroobrjadchestva Vjatskogo kraja. Fedoseevcy (vtoraja polovina XVIII — nachalo XX vv.) [From the History of Old Believers of Vyatka Region. Fedoseevtsy (Second Half of the 18th — Early 20th Centuries)]. In I. V. Pochinskaya (Ed.), *Ocherki istorii staroobrjadchestva Urala i sopredel'nyh territorij* [Essays on the History of Old Believers of the Urals and Adjacent Territories]. Yekaterinburg: Ural University Press. Retrieved from http://hist.igni.urfu.ru/lai/ocherki/ocherki.html. (In Russian)

Pochinskaya, I. V. (2003). «Delo po vedeniju sledstvija o raskol'nike Sitnikove A....» (M. E. Saltykov i staroobrjadcy) [*The Case of Schismatic A. Sitnikov...* (Saltykov and Old Believers)]. In I. V. Pochinskaya (Ed.), *Ural'skij sbornik. Istorija. Kul'tura. Religija* [Ural Collection. History. Culture. Religion] (Vol. 5, pp. 231–245). Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Pochinskaya, I. V. (2005). Ob izdatel'skom repertuare tipografii L. A. Grebneva v Staroj Tushke [On the Publication Repertoire of L. A. Grebnev's Typography in Staraya Tushka]. In I. V. Pochinskaya

(Ed.), *Ural'skij sbornik. Istorija. Kul'tura. Religija* [Ural Collection. History. Culture. Religion] (Vol. 6, pp. 137–173). Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Pochinskaya, I. V. (2008). Iz istorii staroobrjadchestva Vjatskogo kraja XVII v. [From the History of Old Believers in Vyatka Region in the 17th Century]. In D. A. Redin (Ed.), *Rossija i mir: panorama istoricheskogo razvitija. Sbornik nauchnyh statej, posvjashhennyj 70-letiju istoricheskogo fakul'teta ural'skogo gosudarstvennogo universiteta im. A. M. Gor'kogo* [Russia and the World: A Panorama of Historical Development. A Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of the Faculty of History of Ural State University] (pp. 242–247). Yekaterinburg: Ural University Press. Retrieved from http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/19573/1/rim-2008-29.pdf. (In Russian)

Raskol v severnoj polose Glazovskogo uezda (Iz otcheta glazovskogo missionera protoiereja M. Farmakovskogo za 1879 god) [The Schism in the Northwest of the Glazov Uyezd (From the report of Glazov Missionary Archpriest M. Farmakovsky for 1879)]. (1880). *Vjatskie eparhial'nye vedomosti*, 10, 239–247. (In Russian)

Tsvetkova, N. Brat'ja-dekabristy Bodisko [The Bodisko Decembrist Brothers]. *Morskaja gazeta*. Retrieved from http://gazetam.ru/no240301/st06.htm. (In Russian)

Vorobyova, I. S., Zemtsova, G. A., Kolotov, A. V. et al. *Biograficheskie spravki na vjatskih namestnikov i gubernatorov (1780–1917)* [Biographical Information on Vyatka Vicegerents and Governors (1780–1917)]. Retrieved from kirovgako.ru›out/biograf_list_gub.rtf. (In Russian)

Received on 18 September, 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.4.078
УДК

А. Н. Старостин
Е. М. Главацкая
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

МУСУЛЬМАНСКАЯ ОБЩИНА ЕКАТЕРИНБУРГА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.: ЧИСЛЕННОСТЬ И ИНСТИТУТЫ*

В статье рассматривается история мусульманской общины г. Екатеринбурга во второй половине XIX — начале XX в. На основе анализа законодательных и делопроизводственных источников, материалов статистического учета, периодической печати и фотодокументов выявлены и локализованы институты общины, определена динамика численности и гендерный состав мусульманского сообщества города. В результате проведенного исследования установлено, что мусульманская община с присущими ей институтами сформировалась лишь к 1890-м гг., когда в Екатеринбурге был официально зарегистрирован приход, имелось отдельное кладбище, два молельных дома, имам и муэдзин, действовали мусульманские образовательные учреждения. Согласно материалам Первой Всероссийской переписи 1897 г., проводившейся по принципу *de facto*, сообщество мусульман могло одномоментно достигать почти 700 человек и являлось самым многочисленным неправославным религиозным меньшинством в городе. Большая его часть была представлена татарами, занимавшимися торговлей. В начале XX в. мусульманская община Екатеринбурга переживала бурное развитие: действовали благотворительные организации и проекты для поддержки нуждавшихся мусульман, однако, собственной мечети в городе построено не было, что связано, по нашему мнению, с недостаточным числом постоянно проживавших в Екатеринбурге мусульман-мужчин. Благодаря позиции своих духовных и светских лидеров мусульманская община смогла органично вписаться в городское сообщество, внеся свой вклад в развитие Екатеринбурга.

К л ю ч е в ы е с л о в а: мусульманская община; Урал; город; Россия; мечеть; татары; башкиры; перепись.

Екатеринбург со дня своего основания формировался как поликультурный город, включавший различные этнорелигиозные группы. История некоторых не православных городских сообществ в конце XIX — начале XX в., в том числе католиков, евреев и лютеран, уже привлекла внимание исследователей [Главацкая, 2015а; 2015б; Прощенок; Антропова, Оштрах]. Отдельные сюжеты ранней истории мусульман Екатеринбурга получили освещение в ряде работ по истории

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 15-06-08541 «Религиозное разнообразие евразийского города: статистический и картографический анализ (на примере Екатеринбурга в конце XIX — начале XXI вв.)».

© Старостин А. Н. , Главацкая Е. М., 2016

города и истории мусульман края [Корепанов; Ислам на Урале и др.]. Эволюция исламских институтов Екатеринбурга в конце XIX — начале XX в. была затронута в исследовании, проведенном на более широком по географическому охвату материале [Старостин, 2010] и публикациях, посвященных известным екатеринбургским купцам Агафуровым [Корепанова, 1999; 2003; Бикбов, 2009]. Однако история институализации мусульманской общины Екатеринбурга, ее численность и состав не становились предметом специального изучения. Данная статья посвящена эволюции численности и гендерного состава мусульманской общины Екатеринбурга, а также формированию ее институтов в условиях доминирующего православного ландшафта. В качестве источников использованы законодательные и делопроизводственные материалы, статистические данные конца XIX — начала XX в., периодическая печать и фотодокументы.

Впервые мусульмане поселились в Екатеринбурге (Екатеринске) во время Башкирского восстания 1735–1740 гг. Это были пленные, беженцы и аманаты из числа знатных людей, съехавшиеся или отправленные в город на проживание башкирскими аулами с тем, чтобы продемонстрировать лояльность властям и тем самым защитить сородичей от нападения воинских формирований [Корепанов, 2005, с. 40]. Беженцы-татары, в том числе абызы (муллы) группировались в городе вокруг служилого мещеряка Махмата Мемеделина и казанского ясачного татарина, абыза и муаллима (*муаллим* ‘учитель’) Заита Семенова. Муаллим Семенов с мая 1736 г. начал обучать оказавшихся в городе пленных башкирских и татарских мальчиков грамоте на арабице, используя в качестве учебника Коран. Однако после года обучения пленников отправили в Москву и Петербург, а вновь прибывших сразу раздавали в услужение городским офицерам. После подавления восстания большую часть проживавших в городе башкир отдали в крепостные, многих при этом насильно обращали в христианство [Корепанов, 2005, с. 43–44]. Муаллим Заит Семенов вынужден был покинуть город, аманаты вернулись по аулам и только что зародившаяся община Екатеринбурга распалась. Вплоть до второй половины XIX в. мусульмане — жители татарских и башкирских деревень Екатеринбургского уезда и торговцы, приезжавшие из казахских степей и среднеазиатских ханств, — лишь временно находились в городе.

Постоянная мусульманская община Екатеринбурга начала складываться во второй половине XIX в. и постоянно увеличивалась, достигнув в 1887 г. 223 человек (см. табл. 1).

Таблица 1

*Динамика численности мусульманской общины г. Екатеринбурга в 1860–1887 гг.**

Год	Мужчины	Женщины	Всего	% от числа жителей
1860	—	—	47	0,2
1873	65	39	104	0,2
1887	144	79	223	0,6

*Источники: [Мозель, с. 727; Город Екатеринбург, с. 60–61, 79].

Рост числа мусульман в Екатеринбурге в пореформенный период был связан с тяжелым экономическим положением на селе и развитием индустриализации, в результате чего татаро-башкирское крестьянство потянулось в города и заводские поселки. Сначала их присутствие имело сезонный характер, однако, со временем в уральских городах стало появляться постоянное мусульманское население. Согласно данным переписи 1897 г., мусульмане стали первой по численности из неправославных деноминаций города, значительно превысив число лютеран и католиков, которые существовали здесь на протяжении двух столетий и были встроены в структуру города. При этом число зарегистрированных в городе мусульман значительно превышало число мусульманок (см. табл. 2).

Таблица 2

*Численность религиозных деноминаций Екатеринбурга в 1897 г.**

Деноминация	Мужчины	Женщины	Всего	%
Православие**	19 304	22 235	41 539	96,1
Ислам	386	292	678	1,6
Лютеранство	179	205	384	0,9
Католицизм	167	156	323	0,7
Иудаизм	150	153	303	0,7
Всего	20 186	23 041	43 227	100,0

* Источник: [Первая всеобщая перепись..., с. 109].
** Включая единоверцев и старообрядцев.

Оценивая численность мусульманской общины на основе данных Переписи 1897 г., надо иметь в виду, что проводилась она, как и было рекомендовано международными статистическими конгрессами, по принципу *de facto*. В условиях высокой мобильности населения, а именно это было характерно для мусульман в конце XIX в., результаты переписи, проведенной по принципу *de facto*, не дают возможности оценить реальную численность населения и его демографические особенности [Торвальдсен, с. 21]. Учитывая, что проведение переписи (28 января) приходилось на период ярмарок, а большинство мусульман традиционно были заняты в торговле, не удивительно, что их число оказалось таким высоким. Это, однако, не означало, что все они действительно были жителями Екатеринбурга.

Косвенным подтверждением этого предположения может быть тот факт, что, несмотря на высокую численность мусульман в городе, своей мечети у них не было. Согласно сведениям, указанным в «Ведомостях мечетей и духовных лиц Оренбургского магометанского духовного собрания», спустя всего три года после Переписи 1897 г. в числе прихожан Екатеринбургского молельного дома состояло только 170 мужчин и 148 женщин [ЦГИА РБ, ф. и-295, оп. 2,

д. 8, л. 647], т. е. всего 318 человек. Это в два раза меньше, чем число мусульман, зарегистрированных в Екатеринбурге в день переписи! Видимо, то, что численность мусульман-мужчин не дотягивала до 200 человек, необходимых для разрешения строительства мечети, и было причиной того, что верующие собирались на молитву в одном из домов купцов Агафуровых по адресу ул. Студеная, 8 (современная ул. Маршала Жукова). Само здание не сохранилось, однако в одном из документов есть его описание. Это было одноэтажное каменное здание, состоявшее из четырех комнат, прихожей и коридора [ГАСО, ф. р-575, оп. 1, д. 9, л. 182]. Помимо этого, домашняя молельня имелась в доме второй известной купеческой семьи – Богатиевых, расположенном по ул. Коробковской (совр. Октябрьской революции) [Свод памятников..., с. 363] (см. ил. 1).

При отсутствии мечети основным мусульманским маркером в городском религиозном ландшафте являлось отдельное кладбище для мусульман, которое находилось на участке между современными улицами Репина, Заводская и Черкасская и сохранилось до наших дней как памятник истории мусульманской общины [Старостин, Бикбов, с. 246—247] (см. ил. 2).

Своего имама до 1894 г. в городе тоже не было, и мусульмане Екатеринбурга пользовались услугами имама из д. Татарская Караболка, расположенной в 105 км к югу от города. Имам Караболки периодически приезжал в Екатеринбург и регистрировал акты гражданского состояния местных мусульман, занося их в метрические книги. Эти связи сохранялись и в начале XX в., поскольку многие мусульмане Екатеринбурга были выходцами именно из этой деревни и часто обращались к своему имаму [ЦГИА РБ, ф. и-295, оп. 6, д. 1769, л. 9–10]. Кстати, самые ранние собственные метрические книги мусульмане Екатеринбурга начали вести, судя по всему, лишь с 1891 г. [Боровик и др., с. 67].

Первый имам, Габдул Хаким Абдул Латипов, служил в Екатеринбурге с 1894 до 1908 гг. [ЦГИА РБ, ф. и-295, оп. 2, д. 8, л. 647]. В городе имелся и муэдзин – Хатхил Ислам Шагимарданов, который проживал в доме Агафуровых на ул. Усольцевской, 36 (современная ул. Сакко и Ванцетти) [Город Екатеринбург, с. 943]. В дни мусульманских праздников Агафуровы устраивали богатое угощение в своих загородных домах по Сибирскому тракту и на Верх-Исетском пруду и щедро раздавали деньги нуждающимся мусульманам. Члены этой семьи являлись наиболее яркими представителями мусульманской общины Екатеринбурга. Хисаметдин Агафуров, основатель династии, имел статус купца II гильдии, а его сыновья Камалетдин ([1853]—1922), Зайнетдин (1861—1924) и Кашафетдин (1870—?) зарегистрировали «Торговый дом Бр. Агафуровы», который имел филиалы в Тюмени, Перми и других крупных городах Российской империи [Корепанова, 1999, с. 81]. Братья Агафуровы считались одними из богатейших людей Екатеринбурга и входили в его политическую и экономическую элиту. До настоящего времени сохранилось три здания, принадлежавших Агафуровым. Это два деревянных особняка на ул. Сакко и Ванцетти (прежнее название Усольцевская), в одном из которых находится филиал Свердловского областного краеведческого музея (см. ил. 3), а в другом — постоянное представительство

Республики Татарстан на Урале (см. ил 4). В третьем, кирпичном здании на ул. Вайнера, 16 (прежнее название Успенская), располагался магазин Агафуровых (см. ил. 5).

Менее крупными предпринимателями, но весьма заметными членами мусульманской общины Екатеринбурга были представители семьи Богатиевых. Основателем династии являлся Фахрутдин Шаффигуллович, который организовал «Товарищество Ф. Ш. Богатиев с сыновьями», специализировавшееся на торговле бакалейными товарами. Как и братья Агафуровы, молодые Богатиевы активно участвовали во всех благотворительных и образовательных проектах, направленных на развитие мусульманской общины Екатеринбурга [Бикбов, 2009, с. 66–67].

Мусульмане Екатеринбурга активно занимались созданием и развитием системы образования для своих детей. С 1895 г. в городе работали мектебе и медресе, дававшие образование на уровне младшей и средней школы для мальчиков-мусульман. В Екатеринбургском медресе в 1909 г. обучалось 60 детей [Земское собрание]. Кроме того, в Екатеринбурге существовала и пятиклассная школа для мусульманок, окончив которую девочки могли продолжить обучение в учительской семинарии в Троицке [Корепанова, 2003, с. 96—105]. В конце XIX – начале XX в. в мусульманской среде развернулась дискуссия о методах преподавания. Кадимисты (от араб. قديم ‘старый’), сторонники подхода, основанного на заучивании материала (в основном религиозных текстов), настаивали на сохранении этого принципа и критиковали джадидов (от араб. جديد ‘новый’), которые вводили в мектебе и медресе классно-урочную систему и преподавание общеобразовательных предметов: математики, астрономии, геометрии и языков, в том числе русского. Именно такого подхода придерживался имам Екатеринбурга Гирфан Шайхильмарданович Рахманкулов (1874 — не ранее 1942), который прибыл в Екатеринбург в 1910 г. Выходец из семьи имама, он получил образование в медресе «Усмания» в Уфе, а затем продолжил обучение в Казани. Гирфан Рахманкулов имел опыт преподавания, участвовал в русско-японской войне в качестве муллы и был награжден орденом Св. Анны 3-й степени. После войны путешествовал по Ближнему Востоку, слушал лекции в Каирском университете «аль-Азхар», обучался в Бейруте, посетил Мекку, Медину, Иерусалим и Стамбул. Вернувшись на Родину Гирфан Рахманкулов сначала преподавал арабский язык и этику в оренбургском медресе «Хусаиния», затем в мектебе в Екатеринбурге. В 1910 г. Гирфан Рахманкулов был избран мусульманами Екатеринбурга на должность первого муллы, а указом Пермского губернского правления утвержден в званиях имама-хатыба и мударис[1]. Гирфан Рахманкулов стал одним из инициаторов открытия русско-мусульманской библиотеки-читальни, прекрасно понимал необходимость для мусульман знания русского языка и старался убедить в этом членов мусульманской общины Екатеринбурга [Старостин, 2012].

[1] Духовное и педагогическое звания, дающие право произносить пятничную проповедь — хутбу — и преподавать духовные предметы.

В связи с изменением законодательства в области религии, мусульмане смогли создать свою общественную организацию – Екатеринбургское мусульманское благотворительное общество (ЕМБО). По его инициативе выдавались разовые денежные пособия, некоторое время финансировалась работа врача для оказания мусульманам бесплатной медицинской помощи, ассигновались деньги на покупку одежды и обуви для бедных учащихся мусульманских школ, выплачивались стипендии студентам. Так, в августе 1913 г. слушательницам акушерских курсов г-жи Ибрагимовой ежемесячно выдавали денежное пособие. Во время Первой мировой войны общество оплачивало учебу юных мусульман, чьи отцы были призваны в армию. Источниками финансирования служили не только личные взносы членов общества, но и организация спектаклей, проведение беговых дней на городском ипподроме, аренда кинотеатров и др. 17 июля 1915 г. на базе ЕМБО был образован филиал петроградского «Временного мусульманского комитета по оказанию помощи воинам и их семействам» под председательством имама Г. Ш. Рахманкулова при содействии Агафуровых и Богатиевых. В том же году Гирфан Рахманкулов получил почетное звание ахуна[2], что делало его лидером всех мусульман Екатеринбургского уезда [ЦГИА РБ, ф. и-295, оп. 2, д. 8, л. 647]. Он активно занимался патриотическим воспитанием солдат-мусульман, расквартированных в Екатеринбурге, проводил с ними беседы на религиозные темы. Тем не менее, мусульманское сообщество не сохранило единства: элита города ориентировалась на национально-культурную автономию мусульман, а значительная часть рядовых мусульман города поддержала большевиков, создав Первый мусульманский революционный батальон Урала.

После смены власти в России семьи Агафуровых и Богатиевых эмигрировали в Манчжурию и Японию, мусульманский молельный дом, мектебе и медресе были закрыты в течение 1920-х гг., мусульманские религиозные практики, в том числе намаз, пятничные молитвы, традиция проведения праздников продолжали сохраняться на семейном уровне.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что Екатеринбургская мусульманская община стала формироваться во второй половине XIX в. из числа сельских мусульман, в основном татар и башкир, прибывших в Екатеринбург в поисках средств к существованию. Численность мусульман Екатеринбурга динамично росла и к концу XIX в. мусульмане стали одним из заметных городских религиозных сообществ. Вместе с тем следует критически оценивать сведения о численности мусульман, содержащиеся в материалах Переписи 1897 г. (678 человек), которая проводилась по принципу *de facto*. Учитывая характер занятий мусульман (торговля), значительная часть зарегистрированных в переписи людей находилась в Екатеринбурге временно. Реально горожан-мусульман было значительно меньше (около 300 человек),

[2] Старшее духовное лицо определенного района, которому подчинялись все имамы окрестных мечетей.

а мужчин — менее 200. Именно поэтому соборной мечети в Екатеринбурге так и не было построено, несмотря на то, что мусульмане-предприниматели вполне могли профинансировать ее строительство.

Мусульмане селились довольно компактно, заняв сегмент в северо-западной части Екатеринбурга, где в собственности купцов Агафуровых и Богатиевых находились дома и частные предприятия. Именно в этой части города мусульмане постарались воспроизвести привычный религиозный ландшафт. Прежде всего создали места для проведения обрядов согласно шариату: обустроили участок для захоронений и молитвенные помещения; создали школы для обучения детей и трансляции религиозных знаний и ценностей; избрали собственного духовного наставника; создали систему социальной защиты. Уже в конце XIX в. мусульманское сообщество Екатеринбурга соответствовало всем признакам классической городской мусульманской общины — махалли. Она складывалась вокруг светских лидеров — купцов, которые поддерживали духовных лидеров — имамов и другие религиозные институты. Представители купеческих династий Агафуровых и Богатиевых входили в городскую элиту, активно отстаивали интересы мусульманской общины в диалоге с представителями государственной власти. Как светские, так и духовный лидер Екатеринбургской мусульманской общины — ахун Гирфан Рахманкулов — были людьми передовых взглядов и активно поддерживали продвижение светского образования, изучение русского языка и литературы среди мусульман, что способствовало их интеграции в городское сообщество. В целом же махалля (мусульманская община) Екатеринбурга смогла занять определенную экономическую нишу и стать органичной частью городского культурного пространства.

Источники

ГАСО. Ф. р-575. «Горадмотдел». Оп. 1. Д. 9.

ЦГИА РБ. Ф. и-295. «Административный отдел Исполнительного комитета Свердловского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов “Горадмотдел”, г. Свердловск». Оп. 2. Д. 8; Оп. 6. Д. 1769.

Исследования

Антропова И. Е., Оштрах М. И. История евреев на Урале: каталог документов архивов Свердловской, Пермской и Тюменской областей. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002.

Бикбов Р. З. Богатиевы // Ислам на Урале : энциклопедический словарь / сост. А. Н. Старостин ; отв. ред. Д. З. Хайретдинов. М. ; Н. Новгород : Медина, 2009. С. 66–67.

Боровик Ю. В., Заболотных А. А., Коркодинова А. В., Попова Н. Ю. Опыт создания комплексной базы данных «Население Уральского города» на основе документов метрического учета // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2016. № 45 (спецвып.). С. 66–68.

Главацкая Е. М. «...В весьма изящном, готическом стиле»: история католической традиции на Среднем Урале до середины 1930-х гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015а. № 2 (33). С. 218–237.

Главацкая Е. М. Лютеране Среднего Урала в XVIII — второй половине XIX в.: институты, расселение, численность // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2015б. № 2 (139). С. 112–119.

Город Екатеринбург : сб. ист.-стат. и справ. сведений по городу с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринб. уезду / сост. И. И. Симанов. Екатеринбург : Тип. газ. «Екатеринб. неделя», 1889.

Земское собрание 41-й сессии // Уральская жизнь. 1910. 10 октября.

Ислам на Урале : энциклопедический словарь / сост. А. Н. Старостин ; отв. ред. Д. З. Хайретдинов. М. ; Н. Новгород : Медина, 2009.

Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005.

Корепанова С. Братья Агафуровы // Научно-информационный вестник истории и этнографии татарского населения Урала. 1999. Вып. 1. С. 78–83.

Корепанова С. Агафуровы : «Между правдой и поэзией» // Новый град. 2003. № 3. С. 96–105.

Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния. Ч. 2. СПб. : Изд-во Ген. штаба, 1864.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XXXI. Пермская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого ; Изд. центр. стат. комитета М-ва внутр. дел. СПб. : Слово, 1904.

Прощенок Т. В. Еврейское население Урала в XIX–XX вв. (демографическое и этнокультурное развитие) : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000.

Свод памятников истории и культуры Свердловской области. Т. 1 / отв. ред. В. Е. Звагельская. Екатеринбург : Сократ, 2007.

Старостин А. Н. Мусульманское сообщество Среднего Урала в конце XIX – начале XXI вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010.

Старостин А. Н. Зам. директора медресе «Хусаиния» Гирфан Рахманкулов – жизнь во имя ислама // Исламское образование. История, современное состояние и перспективы развития : материалы междунар. науч.-богослов. конф. (г. Оренбург, 5.10.2011). Оренбург : Газпромпечать : Оренбурггазпромсервис, 2012. С. 242–251.

Старостин А. Н., Бикбов Р. З. Мусульманское кладбище Екатеринбурга // Ислам на Урале : энциклопедический словарь / сост. А. Н. Старостин ; отв. ред. Д. З. Хайретдинов. М. ; Н. Новгород : Медина, 2009. С. 246–247.

Торвальдсен Г. Т. Номинативные источники в контексте всемирной истории переписей: Россия и Запад // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2016. Т. 18. № 3 (154). С. 9–28.

Статья поступила в редакцию 21.10.2016 г.

Старостин Алексей Николаевич
кандидат исторических наук,
зав. кафедрой теологии
Уральский горный университет
620144 Екатеринбург, ул. Куйбышева, 39
E-mail: alisheria@mail.ru

Главацкая Елена Михайловна
доктор исторических наук,
профессор кафедры археологии
и этнологии
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: elena.glavatskaya@urfu.ru

Starostin, Aleksey Nikolaevich,
PhD (History), Associate Professor,
Head of the Theology Chair
Ural State Mining University
39, Kuibyshev Str., 620144 Yekaterinburg,
Russia
E-mail: alisheria@mail.ru

Glavatskaya, Elena Mikhailovna,
Dr. Hab. (History), Professor,
Chair of Archaeology and Ethnology,
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg,
Russia
E-mail: elena.glavatskaya@urfu.ru

THE MUSLIM COMMUNITY OF YEKATERINBURG BETWEEN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURY: SIZE AND INSTITUTIONS

The article discusses the history of Yekaterinburg city's Muslim community between the late 19th and early 20th centuries. The analysis made with reference to archival sources, statistics, periodicals, and documentary photographs allows the authors to define the Muslim community's population dynamics and gender composition as well as to distinguish and localise its main religious institutions. It is shown that by the 1890s, the Yekaterinburg Muslim community was officially registered as a parish and established all the necessary institutions, such as a separate cemetery, and two sites to conduct communal services and prayer. They had their own imam and muezzin and founded Muslim primary and secondary schools. According to the First All-Russian census of 1897, the city's Muslim community reached almost 700 persons and was the largest religious minority in Yekaterinburg. Most of them were ethnic Tatars engaged in trade.

In the early 20th century, the Yekaterinburg Muslim community experienced a rapid development and was running several charity projects. However, they were unable to build their own mosque. The authors argue that the main reason was the relatively low number of male Muslims permanently living in the city — under the required 200. The *de facto* principle of registration during the 1897 Census as well as its fair time schedule entailed significant overestimation. Nevertheless, due to the position of their spiritual and secular leaders, the Muslim community was able to blend in with the rest of the city's population, and contributed to its urban development.

K e y w o r d s: Muslim community; Urals; city; Russia; Mosque; Tatars; Bashkirs; census.

Acknowledgements

The work is sponsored by the *Russian Foundation for Basic Research*, Grant #15-06-08541 "The Religious Diversity of a Eurasian City: Statistical and Cartographic Analysis (with Reference to Yekaterinburg in the Late 19th — Early 21st Centuries)".

Antropova, I. E., & Oshtrakh, M. I. (2002). *Istoriia evreev na Urale: katalog dokumentov arkhivov Sverdlovskoi, Permskoi i Tiumenskoi oblastei* [History of the Jews in the Urals: A Catalogue of Documents from Regional Archives of Sverdlovsk, Perm and Tyumen]. Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Bikbov, R. Z. (2009). Bogatievy [The Bogatievs]. In D. Z. Khairetdinov, & A. N. Starostin (Eds.), *Islam na Urale: entsiklopedicheskii slovar'* [Islam in the Urals: An Encyclopaedia] (pp. 66–67). Moscow; N. Novgorod: Medina. (In Russian)

Borovik, Iu. V., Zabolotnykh, A. A., Korkodinova, A. V., & Popova, N. Iu. (2016). Opyt sozdaniia kompleksnoi bazy dannykh «Naselenie Ural'skogo goroda» na osnove dokumentov metricheskogo ucheta [*A Ural City Population*: A Database of Parish Books Records: A Project in Process]. *Informatsionnyi biulleten' Assotsiatsii «Istoriia i komp'iuter», 45* (special issue), 66–68. (In Russian)

Glavatskaya, E. M. (2015a). «...V ves'ma iziashchnom, goticheskom stile»: istoriia katolicheskoi traditsii na Srednem Urale do serediny 1930-kh gg. ["...In a Very Elegant Gothic Style": A History of the Catholic Tradition in the Middle Urals from the Late 1600s until the Late 1930s]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 2 (33), 218–238. (In Russian)

Glavatskaya, E. M. (2015b). Liuterane Srednego Urala v XVIII — vtoroi polovine XIX v.: instituty, rasselenie, chislennost' [Lutheran Communities in the 18th–19th Centuries Urals: Institutions,

Distribution, Statistics]. *Izvestia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriia. 2. Gumanitarnye nauki*, 2 (139), 112–119. (In Russian)

Khairetdinov D. Z., & Starostin A. N. (Eds.). (2009). *Islam na Urale: entsiklopedicheskii slovar'* [Islam in the Urals: An Encyclopaedia] (pp. 246–247). Moscow; Nizhny Novgorod: Medina. (In Russian)

Korepanov, N. S. (2005). Pervyi vek Ekaterinburga [The First Century of Yekaterinburg]. Yekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii. (In Russian)

Korepanova, S. (1999). Brat'ia Agafurovy [The Agafurov Brothers]. *Nauchno-informatsionnyi vestnik istorii i etnografii tatarskogo naseleniia Urala*, l, 78–83. (In Russian)

Korepanova, S. (2003). Agafurovy: «Mezhdu pravdoj i poehziej» [The Agafurovs: "Between the Truth and Poetry"]. *Novyj grad,* 3, 96–105. (In Russian)

Mozel, Kh. (1864). *Materialy dlia geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Permskaia guberniia* [Materials on Russia's Geography and Statistics, Collected by the General Head Quarter's Officers on Perm Governorate] (Pt. 2). Saint Petersburg: General'nyi Shtab. (In Russian)

Proshchenok, T. V. (2000). *Evreiskoe naselenie Urala v XIX–XX vv. (demograficheskoe i etno-kul'turnoe razvitie)* [The Jewish Population of the Urals between the 19th and 20th Centuries. (Demographic and Ethno-cultural Development)] (doctoral dissertation). Yekaterinburg.

Simanov, I. I. (Ed.). (1889). *Gorod Yekaterinburg. Sbornik istoriko-statisticheskikh i spravochnykh svedenii po gorodu s adresnym ukazatelem i s prisoedineniem nekotorykh svedenii po Yekaterinburgskomu uezdu* [Yekaterinburg City. A Collection of Historical and Statistical Data on the City, with Addresses, Some Additional Data on Yekaterinburg Uyezd]. Yekaterinburg: Yekaterinburgskaia nedelia. (In Russian)

Starostin, A. N. (2010). *Musul'manskoe soobshchestvo Srednego Urala v konce XIX — nachale XXI vv.* [The Muslim Community of the Middle Urals between the Late 19th and Early 20th Centuries] (doctoral dissertation abstract). Yekaterinburg. (In Russian)

Starostin, A. N. (2012). *Zam. direktora medrese «Husainiya» Girfan Rahmankulov — zhizn' vo imya islama* [Deputy Director of the Husaynia Madrasah Girfan Rakhmankulov — A Life for Islam]. In *«Islamskoe obrazovanie. Istoriia, sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia»: materialy mezhdunarodnoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii* ["Islamic Education. History, Current State and Prospects for Development": Materials of the International Scholarly and Theological Conference]. (pp. 242–251). Orenburg: Gazprompechat': Orenburggazpromservis. (In Russian)

Starostin, A. N., & Bikbov, R. Z. (2009). Musul'manskoe kladbishche Ekaterinburga [Muslim Cemetery in Yekaterinburg]. In D. Z. Khairetdinov, & A. N. Starostin (Eds.), *Islam na Urale: entsiklopedicheskii slovar'* [Islam in the Urals: An Encyclopaedia] (pp. 246–247). Moscow; Nizhny Novgorod: Medina. (In Russian)

Thorvaldsen, G. T. (2016). Nominativnye istochniki v kontekste vsemirnoi istorii perepisei: Rossiia i Zapad [Nominative Sources and Global Census History: Russia and the West]. *Izvestia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriia. 2. Gumanitarnye nauki, 18*, 3 (154), 9–28.

Troinitskii, N. A. (Ed.). (1904). *Pervaia vseobshchaia perepis' naseleniia Rossiiskoi imperii, 1897 g.* [The 1st National Census of the Russian Empire, 1897] (Vol. XXX). *Permskaia guberniia. Izdanie tsentral'nogo statisticheskogo komiteta ministerstva vnutrennikh del* [Publication of Perm Province Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs]. Saint Petersburg: Slovo. (In Russian)

Zemskoe sobranie 41-i sessii [The 41th Provincial Assembly of Zemstvo] (1910, October 10). *Ural'skaia zhizn'*. (In Russian)

Zvagel'skaya, V. E. (Ed.). (2007). *Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Sverdlovskoj oblasti* [Corpus of Historical and Cultural Monuments of Sverdlovsk Region] (Vol. 1). Yekaterinburg: Socrat. (In Russian)

Received on 21 October, 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.4.079
УДК

Е. А. Брюханова
Д. Е. Сарафанов
В. Н. Владимиров
Д. В. Колдаков
Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СИБИРСКОГО ГОРОДА НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв. (по материалам метрических книг Барнаула)*

Статья посвящена рассмотрению одной из основных тенденций, характерной для современных историко-демографических исследований, связанной с изучением социальных процессов на базе исторических источников о народонаселении. Целью работы является изучение особенностей фиксации социальной информации у горожан в сибирских метрических книгах и возможных подходов к реконструкции социальной структуры городского сообщества на примере населения Барнаула конца XIX в. В качестве основных источников выступают материалы метрических книг четырех приходов Барнаула. Данные клировых ведомостей и однодневной переписи населения 1895 г. находят применение в качестве дополнительных.

Привлечение методов информатики и социологии позволяет сегодня исторической демографии активно «вторгаться» в социальную историю. Практическая часть работы направлена на изучение латентной информации метрических книг о социальном положении людей. Апробированы приемы извлечения информации из метрических книг и способы дальнейшей обработки этих сведений для получения конкретных выводов. На основе HISCO кодифицирована социально-профессиональная информация, содержащаяся в метрических книгах Барнаула конца XIX в. Проведен анализ социального состава на основе стратификационного и классового подходов. Показана огромная ценность метрических книг для исследования в рамках социальной истории.

К л ю ч е в ы е с л о в а: социальная история; компьютерные технологии в исторических исследованиях; базы данных; метрические книги; профессиональная структура населения; статус.

Период второй половины XIX — начала XX в. традиционно рассматривается исследователями как время быстрых социально-экономических преобразований, повлекших разрушение сословной структуры и формирование новых

* Исследование поддержано РГНФ, грант № 15-11-22008а(р) «Сибирское городское сообщество в конце XVIII — начале XX в.: структура семьи, жизненный цикл, социальная статика и социальная динамика», РФФИ и Администрацией Алтайского края в рамках научного проекта 16-46-220374 р_а «Создание информационной системы “Социально-демографические процессы на Алтае в материалах церковного учета XVIII — начала XX вв.”»).

© Брюханова Е. А., Сарафанов Д. Е., Владимиров В. Н., Колдаков Д. В., 2016

общественных классов. В отечественной историографии можно выделить два подхода к изучению социальной структуры городского населения: традиционный подход, основанный на сословной иерархии городских жителей, и стратификационный, предусматривающий анализ социального статуса и/или занятия каждого человека. Метрические книги содержат не только указание на сословие, но и сведения о социальном статусе человека, что позволяет применять эти источники в рамках обсуждаемых подходов.

Целью работы является изучение, во-первых, особенностей фиксации социальной информации о горожанах в сибирских метрических книгах и, во-вторых, возможных подходов к реконструкции социальной структуры городского сообщества на примере населения Барнаула конца XIX в.

В качестве основных источников выступают материалы метрических книг четырех приходов Барнаула за 1895 г. Использовались данные клировых ведомостей и сведения однодневной переписи населения Барнаула, проведенной Обществом любителей исследования Алтая 26 марта 1895 г. Перепись имела широкую программу, включавшую не только учет населения по полу, возрасту, состоянию и др., но и сбор сведений о жилищах, промышленных заведениях и занятиях населения [Швецов, с. 1]. Первичные материалы переписи не сохранились, а из обширной программы разработки результатов переписи в Алтайском сборнике были опубликованы только основные демографические показатели и сведения о жилых помещениях. Кроме того, для сравнения ряда показателей использовались сведения Первой всеобщей переписи 1897 г. по городу Барнаулу. Вместе с тем, стоит отметить, что при разработке материалов переписи 1897 г. в число горожан не были включены жители, проживающие на кабинетских землях. По подсчетам исследователей, численность населения Барнаула в 1897 г. составила не 21 073 человека [Первая Всеобщая перепись..., с. 1], а 29 331 человек [Скубневский, Гончаров, с. 59].

В конце XIX в. Барнаул был центром одноименного округа (уезда) и административным центром кабинетских земель в Западной Сибири — Алтайского округа в составе Томской губернии. Город активно развивался и, после свертывания горнозаводского производства, стал торговым центром сельскохозяйственного региона.

Половозрастная структура представлена на графике (рис. 1). Можно отметить довольно ровное соотношение мужчин и женщин во всех возрастных группах.

Достаточная стабильность, даже с некоторыми колебаниями, средней возрастной группы во многом обусловлена переселенческим потоками. По сведениям переписи 1895 г., из взрослого населения старше 16 лет 10 593 человека, т. е. 70,4 % родились вне Барнаула, более того, 48 % из них (5 076 человек) переселились в Барнаул в десятилетие, предшествовавшее переписи. Наиболее распространенными регионами выхода были губернии Западной Сибири, прежде всего, сама Томская губерния, в состав которой входил Алтайский горный округ [Швецов, с. 41, 57], т. е. для рассматриваемого периода были характерны внутренние миграции, в том числе переселение из сельской местности в город.

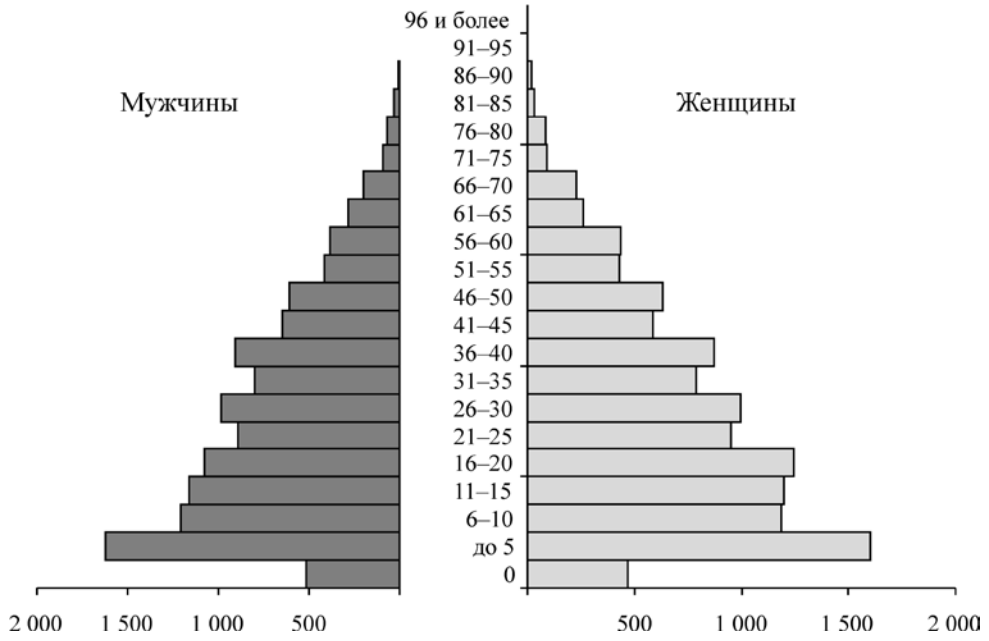


Рис. 1. Половозрастная структура города Барнаула
по материалам однодневной переписи 1895 г. [Швецов, с. 34–39]

Количество переехавших в 1895 г. и гостей города составило 741 человек, т. е. почти 5 % взрослого населения.

В конце XIX в. в Барнауле действовало четыре православных церкви, прихожанами которых, по материалам клировых ведомостей, были 16 134 человека (табл. 1), что составляло 67 % от зафиксированных разработчиками переписи 1895 г. 23 064 человек [Швецов, с. 31, 46].

Таблица 1

Численность православного населения г. Барнаула на 1895 г.,
*по материалам клировых ведомостей**

Приход	Мужчины	Женщины	Всего
Петропавловский	3 421	3 552	6 973
Покровский	2 052	108	4 160
Одигитриевский	536	555	1 091
Знаменский	1 986	1 924	3 910

*Источники: данные по приходам приведены по [ГАТО, Ф. 170, оп. 1, д. 2324, л. 26 об., 40 об., 54 об., 72 об.], сведения по числу православных по [Швецов, с. 46].

Доля православных по данным городской переписи составила 96,7 % (22 290 человек). Общее число лиц других вероисповеданий в Барнауле составляло чуть более 3 % (табл. 2), из них 461 старообрядец, 112 католиков

и протестантов, 179 магометан и 19 иудеев. Жители Барнаула в основной массе исповедовали православие.

Таблица 2

*Религиозный состав населения г. Барнаула по переписям 1895 и 1897 гг.**

Вероисповедание	Численность по годам	
	1895	1897
Православное и единоверческое	22 290	20 237
Раскольники / старообрядцы	461	395
Римско-католическое	55	88
Протестантское	57	63
Иудейское	19	25
Магометанское	179	265
Без вероисповедания	3	–
Всего	23 064	21 073

*Источники: данные на 1895 г. [Швецов, с. 46], данные на 1897 г. [Первая Всеобщая перепись..., с. 68–69]

По материалам метрических книг г. Барнаула за 1895 г. было сделано 1 795 обрядовых записей, при этом число участников составило 7 801 человек (учитывались все принимавшие участие — крестные родители, поручители и пр.). Удельный вес взрослого населения (6 210 человек) к общему числу прихожан составил 41 %. В Покровской церкви этот показатель составил 49,8 %, в Одигитриевской — 47,9 %, в Знаменской — 39,4 %, в Петропавловском соборе – 29,8 %.

Как видно из табл. 3, регистрация обрядов имела гендерные особенности. Если в обряде венчания наблюдалось количественное доминирование мужчин, а число женщин ограничивалось в основном невестами, то в обряде крещения женщин всегда было больше, так как всегда присутствовали мать и крестная, кроме того, не во всех случаях записывался отец (незаконнорожденный, вдова, отец отсутствовал и другие причины). В отпеваниях также чаще участвовал родственник мужского пола, женщина присутствовала на отпевании в случае отсутствия мужа.

Таблица 3

*Число обрядовых записей и их участников по данным метрических книг Барнаула за 1895 г. (население старше 15 лет)**

	Петропавловский			Покровский			Одигитриевский			Знаменский		
	обр.	м	ж	обр.	м	ж	обр.	м	ж	обр.	м	ж
Венчание	75	434	79	77	457	77	17	98	19	45	266	47
Крещение	389	718	778	330	643	660	90	172	180	275	524	550
Отпевание	69	51	16	229	203	31	50	42	12	149	1320	21
Всего	533	1203	873	636	1303	768	157	312	211	469	922	618

*Источники: данные по метрическим книгам [ГААК, ф. 144, оп. 5, д. 620].

Для реконструкции социального состава необходимо из общего числа участников обрядов исключить повторные записи о человеке (в том случае, если он был зафиксирован в источнике более одного раза). Люди могли присутствовать на двух свадьбах, или женились и в тот же год у них рождался ребенок, человек мог быть поручителем на свадьбе, а затем крестным для ребенка, в связи с достаточно большой детской смертностью довольно часто встречались похожие по составу участников записи о рождении и об отпевании. Проведенная работа показала, что повторные записи были сделаны для 427 человек (6,9 % от общего числа взрослых участников, регистрируемых метрическими книгами). Таким образом, общее число людей, принявших участие в обрядах, составило 5 659 человек (без учета детей и повторных записей), или 24,5 % от числа жителей города, фиксируемых переписью 1895 г.

Законодательство Российской империи (IX том Свода законов, Законы о состояниях) определяло четыре главных сословия — дворяне, духовенство, городские обыватели и сельские обыватели (крестьяне). Каждое из них, в свою очередь, делилось на разряды. По подсчетам исследователей к 1861 г. в России насчитывалось 68 сословных групп [Миронов, 2009, с. 84]. Так, среди дворянства выделяются дворяне потомственные и личные. С дворянским сословием имела тесную связь особая социальная категория — чиновники. Нередко анализ динамики численности дворян и чиновников проводят, объединив эти две группы, так как значительная часть дворян находилась на гражданской либо военной службе. Служилый характер дворянства проявлялся в Сибири более заметно, чем в Европейской России в силу отсутствия здесь дворянских имений.

Духовенство делилось на белое и черное. Городские обыватели также подразделялись на несколько сословных групп: личные и потомственные почетные граждане (с 1832 г.), купцы, мещане, цеховые ремесленники. Существовало также особое воинское сословие, куда входили нижние чины, бессрочноотпускные и отставные солдаты с их семьями. Особой категорией сельских обывателей являлось казачье сословие.

Значительная часть населения обозначалась термином *разночинцы*. В Сибири под эту категорию (до ее упразднения в 1841 г.) подпадали не только люди переходного состояния, обязанные в течение известного срока приписаться к какому-нибудь сословию, а все те, кого нельзя было отнести к какому-либо из известных разрядов населения [Ивонин, с. 146–147]. Фиксирование этой сословной группы барнаульским духовенством продолжалось вплоть до конца XIX в., что было обусловлено специфическим составом населения города – наличием значительного числа служащих по горному ведомству и на плавильном заводе. В составе разночинцев в клировых ведомостях Барнаула учитывались отставные разного рода чины (в том числе отставные военные и вдовы военных с семейством), заводские служители, мастеровые и другие лица, имеющие отношение к горно-металлургическому делу.

Стоит отметить существование различий в фиксации категорий населения в церковном и гражданском учете. Так, клировые ведомости ни в одном

из городских приходов не регистрируют дворян, однако источниками фиксируются «статские» — лица, состоящие на гражданской службе. Как уже отмечено выше, иногда учитывалась категория «разночинцев», упраздненная еще в первой половине XIX в. Материалы переписи регистрируют горнозаводских крестьян. В метрических же книгах таких записей как «статский», «разночинец», «горнозаводской крестьянин» обнаружено не было.

В соответствии с гражданским законодательством указание на сословие было обязательным, тем не менее, это требование не всегда выполнялось: в среднем в 16 % записей метрических книг не указывается сословие. В 1895 г. сословие не было указано для 468 человек, из них для 212 не содержалось никакой информации о социальном положении. Стоит отметить, что в ряде случаев сословие можно восстановить — при наличии повторной записи о человеке (6,9 %). Например, в записях об отпевании указывается минимум социальной информации, тогда как записи о венчании или крещении более информативны.

Данные метрических книг охватывают только 24,5 % населения, тем не менее, сопоставление сведений о сословном составе с информацией других источников, дающих реальную «картину» состава населения, может выявить как особенности источников, так и конкретные исторические реалии.

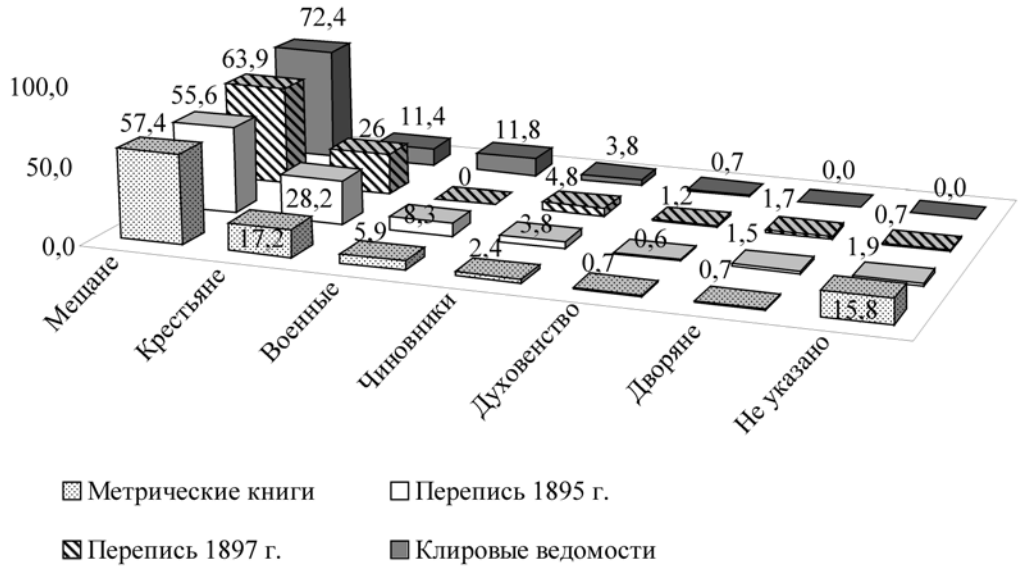


Рис. 2. Сословный состав населения города Барнаула и участников церковных обрядов (по метрическим книгам [ГААК, ф. 144, оп. 5, д. 620], по переписи 1895 г. [Швецов, с. 46], по переписи 1897 г. [Первая Всеобщая перепись..., с. 40–41], по клировым ведомостям [ГАТО, ф. 170, оп. 1, д. 2324, л. 26 об., 40 об., 54 об., 72 об.]

Из рис. 2 видно, что доминирующим сословием в Барнауле были мещане, которые составляли по метрическим книгам 57,4 %, а по клировым

ведомостям – 72,4 %. Высокой была доля крестьянского населения (17,2 % по данным метрических книг и 28,2 % — по переписи 1895 г.), что было связано с активными переселенческими процессами. Несколько ниже по сравнению с другими источниками оказалась относительная численность военного сословия (5,9 % по метрическим книгам). Следует учитывать, что в 1699–1874 гг. армия формировалась за счет рекрутских наборов. Городские обыватели и крестьяне, призывавшиеся в солдаты, переходили в состав военного сословия и передавали это состояние своим женам и детям. С введением всеобщей воинской повинности (1874) военное сословие перестало существовать, поскольку призывавшиеся в армию на время службы и после нее сохраняли прежнее сословное звание [Миронов, 1999, с. 131]. Также необходимо отметить разные подходы к формированию сословных групп в материалах переписей. Например, в материалах переписи 1897 г. военное сословие в отдельную группу не выделено. Кроме того, в материалах переписи 1897 г. одну группу составляют чиновники и личные дворяне, тогда как в переписи 1895 г. личные дворяне подсчитаны вместе с потомственными.

Отметим, что в Барнауле во второй половине XIX в. структура общества претерпевала существенные изменения. В частности, по данным административного учета населения в 1864 г. — конце 1870-х гг. наблюдается существенный рост удельного веса военных в городе. Это связано с тем, что нижние и рабочие чины Алтайских горных заводов, получив статус отставных, с 1860-х гг. стали фиксироваться в составе военного сословия. Их правовое положение было схожим. Так, согласно «Горному уставу» 1857 г. нижние и рабочие чины Алтайских заводов приравнивались, соответственно, к унтер-офицерам и рядовым военной службы. Они должны были содержаться в порядке и повиновении по Воинскому Уставу, а за нарушение порядка судились военным судом. К тому же рабочие чины пополнялись посредством набора рекрутов из приписных крестьян. В начале 1880-х гг. количество военных снизилось с 4 000 до 900 человек, при этом существенно увеличилась численность населения трех категорий (мещан, крестьян и «прочих») [Сарафанов, с. 205]. Последствия реформ сказывались и на материалах церковного учета. Небольшой процент военных, отраженный на графике (рис. 2), обусловлен тем, что учитывались записи, напрямую указывающие принадлежность к военному сословию. В случаях, когда у человека указывалось другое сословие, например, крестьянин или мещанин, однако содержались сведения о бывшей воинской службе, он был отнесен нами к указанному им сословию.

Существенную долю лиц в группе, не указавших сословие, составляли родственники умерших и крестные (в обряде крещения).

Идентифицировать чиновников и членов их семей по материалам метрических книг возможно, главным образом, по записям о чинах и званиях в соответствии с «Табелью о рангах». В течение XVIII — начала XX в. Табель претерпевала постоянные изменения. Встречаются записи как с «прямым» указанием чина или звания человека, так и с указанием на чин в прошлом («отставной коллежский асессор»), записью чина (звания) человека через «семейную связь» («дочь титулярного советника»).

Сословие в большинстве случаев отражало юридический статус человека, а не его фактическое социальное положение. В таком контексте интерес представляет изучение зафиксированной в метрических книгах информации о «бывшем» и настоящем занятиях, чинах, а также родственных связях, содержащих указание на профессиональную занятость отца или мужа. К сожалению, обязательным для ведения метрических книг было указание лишь на сословную принадлежность, тогда как записи о занятиях делались значительно реже. Интересно отметить, что сведения о занятиях наиболее часто приводились для представителей тех сословий, принадлежность к которым определялась профессиональной деятельностью. Например, 45 % записей о лицах военного сословия имели указание на прошлую или настоящую службу, 30 % (с учетом членов семей) духовенства были священниками, псаломщиками или работали в духовной семинарии.

В свое время авторами настоящей статьи была предложена схема систематизации социально-профессиональных сведений метрических книг. Отмечалось, что в источнике встречаются определенные разновидности социально-профессиональной информации: сведения о сословии; данные о чине или звании; указание профессии; информация о статусе индивида (вдова, девица / девка, незаконнорожденный(ая), подкидыш и пр.). Способы представления указанных разновидностей информации, как правило, различны:

а) встречается «прямая» фиксация сословия, профессии, чина или звания человека, когда лицо, участвующее в обряде, является непосредственным «носителем» этих социальных категорий. Примером таких записей могут служить такие формулировки как «межевщик Алтайской межевой экспедиции», «городской фельдшер», «ветеринарный врач», «помощник архитектора, «учительница барнаульской женской прогимназии» и пр.;

б) в источнике могут быть указаны бывшее сословие, профессия, чин или звание человека (по причине отставки, увольнения и пр.). Человек, участвующий в обряде, является «носителем» профессии (сословия, чина и пр.), однако, его социальное положение в обществе на момент фиксации в источнике является иным («временная» связь). К таким записям относятся: «отставной фельдшер», «отставной титулярный советник», «уволенный почтальон» и пр.;

в) указание профессии, чина или звания отца (либо мужа), т. е. человека не участвующего в обряде. Лицо, участвующее в обряде, не является «носителем» профессии, чина или звания. В таких записях присутствует указание семейной связи (например, «сын канцелярского служителя», «сын инженера-технолога, надворного советника», «дочь военного цирюльника», «мастеровская жена» и пр.) [Владимиров, Сарафанов, с. 65–66].

В 1895 г. в метрических книгах Барнаула содержалось 5 659 записей о персоналиях (из анализа были исключены дети младше 15 лет). Распределение социально-профессиональной информации выглядело следующим образом:

— 4 639 персон без указания на профессиональную занятость, но с указанием сословия (1 888 женщин и 2 751 мужчина);

— 210 персон без указания профессии или сословия;

— 265 человек, имеющих сведения о занятии (в том числе всего 1 женщина);

— 316 военных и чиновников в отставке или в запасе;

— 229 женщин, для которых имелось указание на занятие или чин мужа или отца.

В дальнейших подсчетах использовались данные последних трех групп. Очевидны были гендерные различия в фиксации как социального, так и профессионального статуса. Для женщин указывали сословие по мужу или отцу, самостоятельное занятие было указано только для одной женщины — акушерки. В связи с тем, что данные о занятии практически не фиксировались, «прямые» записи о профессии встречаются только в 5 % случаев, а с учетом «прошлых» занятий и родственных связей — в 14 %. Тем не менее, анализ имеющихся записей о профессиональной деятельности прихожан — жителей города — позволит, с одной стороны, отразить источниковые особенности метрических книг, с другой — опробовать разные подходы к реконструкции социальной структуры сибирского города.

С целью изучения профессионального состава участников обрядов и их социальной стратификации все имеющиеся записи с профессиональной информацией, в том числе для членов семей, были закодированы с помощью Международной исторической классификации профессий (HISCO) [Leeuwen, Maas, Miles; Брюханова, Владимиров, с. 145–219]. Согласно принципам HISCO, для реконструкции профессионального состава участников обрядов использовались только «прямые» записи о занятии [Leeuwen, Maas, Miles, p. 28–29]. Результаты представлены на рис. 3.

Определенная диспропорция в профессиональном составе прихожан обусловлена тем, что для духовенства (группа 0/1), военнослужащих (группа 5), а также для чиновников (группы 0/1 и 2/3) профессиональная деятельность была определяющей и указывалась чаще, чем для представителей других сословий. В свою очередь, для крестьян и мещан, составлявших группы сельскохозяйственных (группа 6) и производственных работников (группа 7/8/9), занятие указывалось менее чем в 1,5 % случаев. Особенностью состава профессиональных групп является небольшой перечень профессий, встречающихся в метрических книгах. Так, группа 4 была представлена исключительно купцами, а в доминирующую группу 5 вошли только военнослужащие. Показательно, что в 1895 г. не было сделано ни одной записи о занятии в сфере обслуживания.

Существенное количество записей, отражающих бывшую или действительную военную службу, возможно, указывало на отношение человека к всеобщей воинской повинности, не изменявшей его сословного положения и не всегда отражавшей реальное социальное положение. Вместе с тем, служба в армии могла способствовать получению новых профессий, имевших более высокий социальный статус. Например, в метрических книгах встречались следующие записи: «на действительной военной службе писарем», «служит военным фельдшером». В этом случае, кодировалось его основное занятие — писарь (3–21.20), фельдшер (0–62.10).

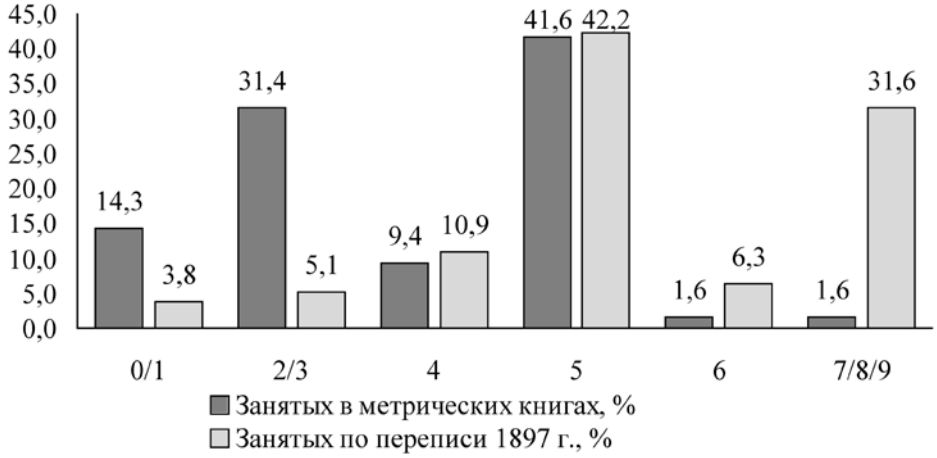


Рис. 3. Профессиональный состав участников обрядов, зафиксированных в метрических книгах города Барнаула в 1895 г., в сравнении с профессиональными группами переписи 1897 г., закодированные в соответствии со схемой HISCO[1]

Как уже отмечалось, занятие человека отражало его социальный статус. Анализ социальной структуры на основе данных о занятости населения является относительно новым подходом в отечественной историографии. Одним из примеров является методика социальной стратификации населения российского провинциального города, предложенная группой исследователей под руководством В. В. Канищева. Социальная стратификация, базирующаяся на теории П. Сорокина, предполагала разделение населения на основе сведений о профессиональной занятости, чине, сословии и т. д. на следующие социальные страты: элита, высшая, средняя и низшая страты средних слоев, социальные низы [Зайцева, Канищев, Орлова, Стрекалова].

В соответствии с этой методикой, на основе материалов метрических книг города Барнаула нами было произведено следующее разделение:

— к элите отнесены представители купеческого сословия, священнослужители и военнослужащие в ранге полковника;

— к высшей страте средних слоев — дворяне и почетные граждане, начальник почтово-телеграфной конторы, чиновники, имеющие чин надворного советника или коллежского асессора;

[1] Группы HISCO: 0/1 – квалифицированные специалисты и работники интеллектуального труда (по переписи 1897г. входят группы 3–12, 36, 63); 2/3 – административные, управление и конторские служащие (по переписи 1897г. входят группы 1, 2, 45); 4 – работники сферы торговли (по переписи 1897г. входят группы 46–59); 5 – работники сферы обслуживания, в том числе военнослужащие (по переписи 1897г. входят группы 4, 13, 60–62, 64); 6 – работники сельского хозяйства, животноводства, лесных промыслов, охотники и рыболовы (по переписи 1897 г. входят группы 17–21); 7/8/9 – работники сферы производства, транспорта, неквалифицированные рабочие (по переписи 1897 г. входят группы 22–37, 38–44).

— в среднюю страту средних слоев были включены учителя, фельдшеры, почтово-телеграфные и канцелярские служащие, чиновники в чине титулярных советников и коллежских секретарей и регистраторов;

— к низшей страте средних слоев были отнесены унтер-офицеры, отставные и запасные чиновники и их жены и вдовы;

— в состав социальных низов вошли рядовые и отставные военнослужащие, а также члены их семей.

При реконструкции социального состава прихожан учитывались не только «прямые» указания на занятие, но и временные, и родственные связи, т. е. сведения о «бывшей» профессиональной деятельности и указание на занятие мужа или отца. Результаты социальной стратификации участников обрядов барнаульских церквей представлены на рис. 4. Несмотря на то, что большинство самозанятых по профессиональной деятельности были отнесены к группам 0/1, 2/3 и 5, по своему социальному положению они были включены в средние слои или даже социальные низы. С учетом членов семей существенно возросла доля социальных низов, так как большинство женщин, имевших некий социальный идентификатор, были детьми, женами, вдовами отставных или запасных чиновников или военнослужащих. Обращает на себя внимание высокая доля средних слоев, что отражает, скорее, особенности фиксации социальной информации в метрических книгах, в которых за 1895 г. не встретилось записей о чернорабочих, прислуге, строителях или истопниках. Как уже отмечалось, сведения о настоящей профессиональной деятельности, вероятно, могли заменяться информацией о военной службе, что часто соответствовало социальному положению человека.

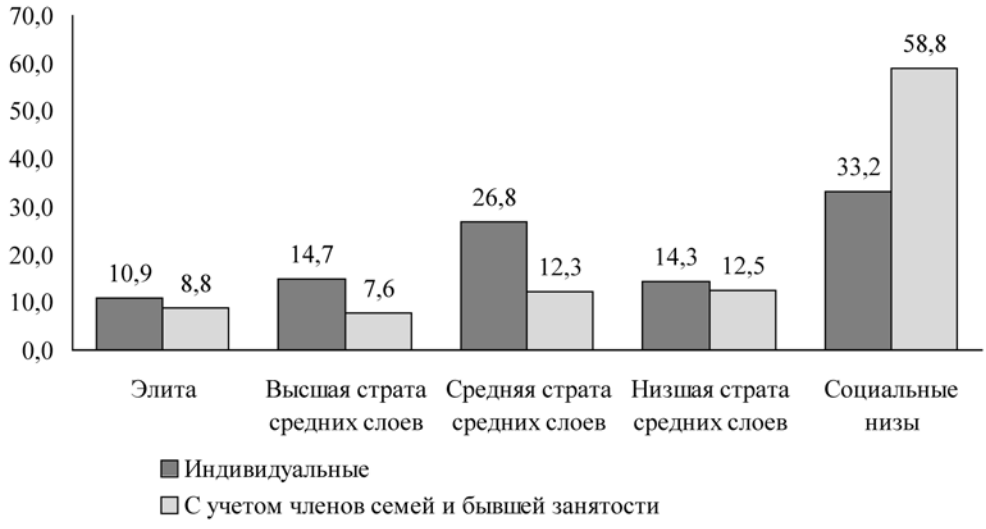


Рис. 4. Социальная стратификация участников обрядов церквей города Барнаула (по материалам метрических книг 1895 г.)

При разработке следующего подхода к анализу социальной структуры прихожан церквей Барнаула использовалась международная схема социальных классов (HISCLASS), разработанная Международным институтом социальной истории [HISCLASS]. Социальный класс, по мнению разработчиков, представляет собой «совокупность людей, имеющих схожие жизненные возможности» [Leeuwen, Maas]. Социальный класс определяется характером труда (физический или интеллектуальный труд), уровнем квалификации, ответственности, контроля, сектором экономики. Кроме того, для определения социального класса возможно учитывать профессиональный статус: работодатель, работник, работающий собственник и т. д. Такая информация редко указывается в исторических источниках, тем не менее, в некоторых записях метрических книг города Барнаула за 1895 г. она встречается.

Методологической основной HISCLASS выступила схема HISCO, позволяющая использовать данные о занятиях для реконструкции социальных классов. Полная схема HISCLASS включает 12 социальных классов, но в связи с «малочисленностью» или «непредставленностью» отдельных классов разработчики предложили сокращенную схему, состоящую из 7 классов: 1 + 2 – руководители и специалисты высшего звена; 3 + 4 + 5 – руководители и специалисты среднего звена, канцелярские служащие и специалисты в сфере торговли; 6 + 7 – бригадиры и квалифицированные рабочие; 8 – фермеры и рыбаки; 9 – низко-квалифицированные рабочие; 11 – неквалифицированные рабочие; 10 + 12 – низкоквалифицированные и неквалифицированные рабочие в сельском хозяйстве [Брюханова].

Распределение участников обрядов церквей города Барнаула (по материалам метрических книг 1895 г.) в соответствии со схемой HISCLASS представлено на рис. 5. При определении социальных классов учитывались не только данные о «чистой» занятости, но и сведения о «бывшей» должности и указания на занятость мужа или отца, что, на наш взгляд, отражает социальный класс женщины. Результаты продемонстрировали доминирование двух классов: объединенной социальной группы руководителей и специалистов среднего звена (3 + 4 + 5) и низкоквалифицированных рабочих (9). Заметно высокой является доля руководителей и специалистов высшего звена (1 + 2), для которых, как и для руководителей и специалистов среднего звена, характерно указание на личную и действительную занятость, тогда как более 75 % класса 9 составляют записи с временными или родственными связями о профессиональной деятельности. В целом, распределение по социальным классам сопоставимо с результатами стратификации и отражает источниковедческие особенности метрических книг, фиксирующих ограниченное количество профессиональной информации.

Метрические книги имеют ряд особенностей в фиксации социальной информации об участниках церковных обрядов. Законодательно закреплялась обязанность фиксировать сословия прихожан, что выполнялось в 82 % случаев, и только для 14 % участников обрядов указывалась дополнительная информация о социальном статусе. Очевидны гендерные различия фиксации социальной

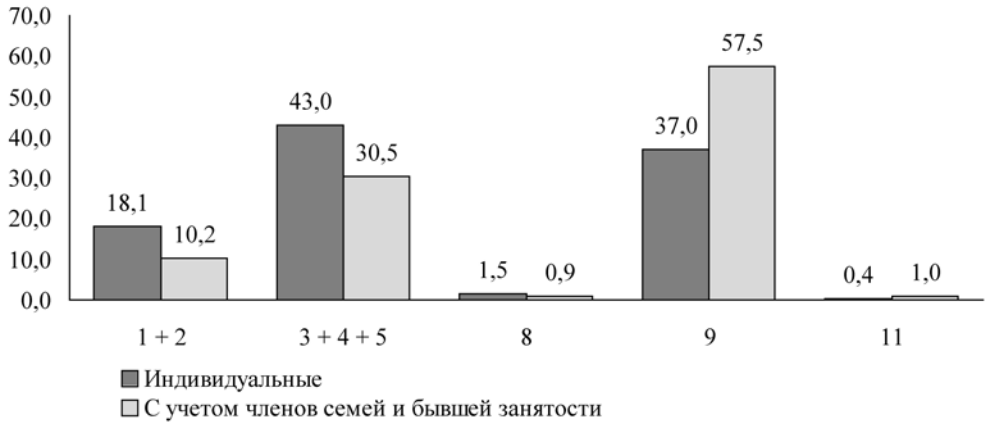


Рис. 5. Распределение участников обрядов церквей города Барнаула (по материалам метрических книг 1895 г.) в соответствии со схемой HISCLASS

информации: для женщин указывалась информация о занятости или социальном статусе мужа или отца. Тем не менее, имеющиеся сведения позволили получить предварительные результаты по реконструкции социального состава прихожан церквей города Барнаула.

Традиционный сословный подход к анализу социального состава прихожан позволил сопоставить данные метрических книг со сведениями гражданской статистики (материалами переписей населения) и отразить преобладание мещанского и крестьянского сословия среди горожан, а также заметную долю сословной группы военных. Вместе с тем, особый интерес представляют подходы, позволяющие оценить реальный социальный статус участников обрядов как на основе сведений о занятии, так и на основе данных о социальном положении человека. Интересно, что имеющий ряд методологических ограничений подход международной классификации HISCO, а именно возможность учета только самостоятельных занятий, на которые есть «прямое» указание (5 % участников обрядов), отразил особенности фиксации в метрических книгах сведений о занятии или чине. Такие сведения указывались для представителей тех сословий, чье социальное положение (сословие) определялось профессиональной деятельностью (духовенство, военные), а также для лиц, имеющих социально значимые или «общественно одобряемые» занятия (чиновники, служащие), достаточно часто указывалось отношение человека к воинской повинности (отставной, в запасе).

Стратификационный подход и подход, основанный на международной схеме социальных классов (HISCLASS), позволили учитывать не только «прямое» указание на занятие, но и другие социальные маркеры, например, чин, звание, сословие, семейные связи или занятость в прошлом. Указанные подходы продемонстрировали схожие результаты и позволили восстановить социальную

структуру участников обрядов. Можно отметить, что даже при учете членов семей и «бывшей» занятости высокой остается доля высших и средних социальных слоев. Некоторая диспропорция в социальной структуре прихожан барнаульских приходов обусловлена как особенностями метрических книг, весьма редко фиксировавших профессиональную деятельность мещан и крестьян, так и административным статусом самого города, в котором была заметна доля военного сословия (по данным переписи 1895 г. — 8,3 %) и чиновничества (по переписи 1897 г. — 4,8 %)

Таким образом, несмотря на всесословный характер, метрические книги более подробно (занятие, чин, звание) отражали сведения о представителях высших и средних слоев общества, тогда как для большинства участников обрядов указывались только сословие. Вместе с тем, фиксация сведений о занятиях в метрических книгах, возможно, была следствием происходивших изменений как в церковном, так и в гражданском учете: действительная социальная структура общества находила отражение не в юридически закрепленном сословии человека, а в его реальной профессиональной деятельности и соответствующем социальном статусе.

Источники

ГААК. Ф. 144. Оп. 5. Д. 620.
ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 2324.

Исследования

Брюханова Е. А. HISCLASS как метод изучения социальной структуры общества // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2014. № 42. С. 45–46.

Брюханова Е. А., *Владимиров В. Н.* Кодирование исторических профессий. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2015.

Владимиров В. Н., *Сарафанов Д. Е.* Информационные технологии в изучении метрических книг (население Барнаула в конце XVIII — начале XX в.): Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013.

Зайцева О. М., *Канищев В. В.*, *Орлова В. Д.*, *Стрекалова Н. В.* Изменения социальной стратификации городского населения Центрального Черноземья в конце XIX — начале XX в. // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири / под ред. В. А. Скубневского. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 30–71.

Ивонин А. Р. Западносибирский город в последней четверти XVIII — 60-х гг. XIX вв. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начала XX в.) : в 2 т. Т. 1. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999.

Миронов Б. Н. Историческая социология России : учеб. пособие. СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та ; Интерсоцис, 2009.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 79 : Томская губерния. СПб. : Изд-во Центр. стат. комитета МВД, 1905.

Сарафанов Д. Е. Изучение численности военного сословия Барнаула в XIX в. (по данным церковного и административного учетов населения) // Изв. Алт. гос. ун-та. 2015. № 3/2 (87). С. 201–206.

Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Ч. 1 : Население. Экономика. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003.

Швецов С. П. Город Барнаул по переписи 26 марта 1895 года. Вып. 1 : Население. Барнаул : Изд. О-ва любителей исследования Алтая, 1898.

HISCLASS: A Historical International Social Class Scheme / by M. H. D. van Leeuwen and I. Maas. Leuven : Leuven Univ. Press, 2011.

Leeuwen M. H. D. van, Maas I. A short note on HISCLASS [Electronic resource]. URL: historyofwork.iisg.nl/docs/hisclass-brief.doc (accessed: 25.10.2016).

Leeuwen M. H. D. van, Maas I., Miles A. HISCO: Historical International Standard Classification of Occupations. Leuven : Leuven Univ. Press, 2002.

Статья поступила в редакцию 28.10.2016 г.

Брюханова Елена Александровна
кандидат исторических наук,
доцент кафедры документоведения,
архивоведения и исторической
информатики
Алтайский государственный университет
656049, Барнаул, пр. Ленина, 61
E-mail: brelenochka@mail.ru

Сарафанов Дмитрий Евгеньевич
кандидат исторических наук,
доцент кафедры документоведения,
архивоведения и исторической
информатики
Алтайский государственный университет
656049, Барнаул, пр. Ленина, 61
E-mail: d_sarafanov@mail.ru

Владимиров Владимир Николаевич
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой документоведения,
архивоведения и исторической
информатики
Алтайский государственный университет
656049, Барнаул, пр. Ленина, 61
E-mail: vlad@hist.asu.ru

Колдаков Дмитрий Валерьевич
кандидат исторических наук,
доцент кафедры документоведения,
архивоведения и исторической
информатики
Алтайский государственный университет
656049, Барнаул, пр. Ленина, 61
E-mail: dima@hist.asu.ru

Bryukhanova, Elena Aleksandrovna
PhD (History), Associate Professor,
Chair of Documentation Science,
Archival Science and Historical Informatics
Altai State University
61, Lenin Ave., 656049 Barnaul, Russia
E-mail: brelenochka@mail.ru

Sarafanov, Dmitry Yevgenyevich
PhD (History), Associate Professor,
Chair of Documentation Science,
Archival Science and Historical Informatics
Altai State University
61, Lenin Ave., 656049 Barnaul, Russia
E-mail: d_sarafanov@mail.ru

Vladimirov, Vladimir Nikolayevich
Dr. Hab. (History), Professor,
Head of the Chair of Documentation
Science, Archival Science and Historical
Informatics
Altai State University
61, Lenin Ave., 656049 Barnaul, Russia
E-mail: vlad@hist.asu.ru

Koldakov, Dmitry Valeryevich
PhD (History), Associate Professor,
Chair of Documentation Science,
Archival Science and Historical Informatics
Altai State University
61, Lenin Ave., 656049 Barnaul, Russia
E-mail: dima@hist.asu.ru

APPROACHES TO THE STUDY OF THE SIBERIAN CITY'S SOCIAL STRUCTURE AT THE TURN OF THE 20TH CENTURY (With Reference to Barnaul Parish Register Books)

The article examines one of the main tendencies characteristic of modern historico-demographic research and related to the study of social processes on the basis of historical sources on population. This paper aims to study the way social information was registered in Siberian parish register books as well as possible approaches to the social structure reconstruction study with the example of Barnaul population of the late 19th century. The source base of the research is parish registers of four Barnaul parishes. Additionally, the authors use clerical statements and one-day census data of 1895.

The employment of sociological and computer science methods allows historical demography to actively "intrude" into social history. The practical part of the work deals with the study of latent parish register information about individuals' social standing. The authors use approbated techniques to withdraw information from parish registers and further process these data as well as draw conclusions. The socio-occupational information of Barnaul parish registers of the late 19th century has been coded on the basis of the HISCO. The analysis of social structure based on stratification and class approaches has been carried out. The article emphasises the great value of parish registers for studies in the framework of social history.

K e y w o r d s: social history; computer technologies in historical research; databases; parish register books; occupational structure of population; status.

Aknowledgements

The article is supported by the *Russian Foundation for the Humanities*, project #15-11-22008a(p) "Siberian Urban Community between the Late 18th and Early 20th Centuries: Family Structure, Life Cycle, Social Statics, and Social Dynamics", the *Russian Foundation for Basic Research* and Altai Krai local authorities within the research project #16-46-220374 p_a "The Creation of an Information System 'Social and Demographic Processes in Altai in the Materials of the Church Records of the 18th — Early 20th Centuries'").

Bryukhanova, E. A. (2014). HISCLASS kak metod izuchenija social'noj struktury obshhestva [HISCLASS as a Method of Studying of the Social Structure of Society]. *Informacionnyj bjulleten' associacii «Istorija i komp'juter»*, 24, 45–46. (In Russian)

Bryukhanova, E. A., & Vladimirov, V. N. (2015). *Kodirovanie istoricheskih professi* [Coding of Historical Occupations]. Barnaul: Izd-vo AltGU. (In Russian)

Ivonin, A. R. (2000). *Zapadnosibirskij gorod v poslednej chetverti XVIII — 60-h gg.* XIX vv. [The Western Siberian City between the Last Quarter of 18th Century and the 1860s]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (In Russian)

Leeuwen, M. H. D. van, Maas I., & Miles, A. (2002). *HISCO: Historical International Standard Classification of Occupations*. Leuven: Leuven University Press.

Leeuwen, M. H. D. van, & Maas, I. (comp). (2011). *HISCLASS: A Historical International Social Class Scheme*. Leuven: Leuven University Press.

Leeuwen, M. H. D. van, & Maas, I. *A Short Note on HISCLASS*. Retrieved from historyof-work.iisg.nl/docs/hisclass-brief.doc.

Mironov, B. N. (1999). *Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII nachala XX v.)* [Social History of Russia of the Empire Period (18th — Early 20th Centuries)] (Book 1). Saint Petersburg: Dmitrij Bulanin. (In Russian)

Mironov, B. N. (2009). *Istoricheskaja sociologija Rossii: uchebnoe posobie* [Historical Sociology of Russia: A Manual]. Saint Petersburg: Izdatel'skij dom S.-Peterburgskogo gos. un-ta; Intersocis. (In Russian)

Pervaja Vseobshhaja perepis' naselenija Rossijskoj imperii 1897 g. [The First All-Russian Census of the Russian Empire in 1897] (Book LXXIX. Tomsk Province). (1905). Saint Petersburg: Izd-vo Centr. Stat. Komiteta MVD. (In Russian)

Sarafanov, D. E. (2015). Izuchenie chislennosti voennogo soslovija Barnaula v XIX v. (po dannym cerkovnogo i administrativnogo uchetov naselenija) [The Study of Military Population Dynamics of Barnaul in the 19th Century (on the Basis of Church and Administrative Count of the Population)]. *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3/2 (87), 201–206. (In Russian)

Shvetsov, S. P. (1898). *Gorod Barnaul po perepisi 26 marta 1895 goda* [The City of Barnaul according to Census of March 26, 1895] (Vol. 1). Barnaul: Izdanie Obshhestva lyubitelej issledovanija Altaja. (In Russian)

Skubnevskij, V. A., & Goncharov, Ju. M. (2003). *Goroda Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX — nachale XX v. Chast' 1: Naselenie. Ekonomika* [Western Siberian Cities between the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries. Part I: Population. Economy]. Barnaul: Altay University Press. (In Russian)

Vladimirov, V. N., & Sarafanov, D. E. (2013). *Informacionnye tehnologii v izuchenii metricheskih knig (naselenie Barnaula v konce XVIII — nachale XX v.)* [Information Technologies in Studying of Parish Register Books (the Population of Barnaul between the Late 18th and Early 20th Centuries)]. Barnaul: Altay University Press. (In Russian)

Zaytseva, O. M., Kanishhev, V. V., Orlova, V. D., & Strekalova, N. V. (2005). Izmenenija social'noj stratifikacii gorodskogo naselenija Central'nogo Chernozem'ja v konce XIX — nachale XX v. [Changes in the Social Stratification of the Urban Population of Central Chernozem Region between the Late 19th and Early 20th Centuries]. In V. A. Skubnevskij (Ed.), *Processy urbanizacii v Central'noj Rossii i Sibiri* [Urbanization Processes in Central Russia and Siberia] (pp. 30–71). Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (In Russian)

Received on 28 October, 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.4.080
УДК

Ю. М. Галкина
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ПОЗИЦИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЕННОЙ МИССИИ В РОССИИ В СОБЫТИЯХ МАРТА-АВГУСТА 1918 Г.*

В статье рассматривается взгляд руководителей французской военной миссии (преимущественно генералов Нисселя и Лаверня) на ключевые события российской истории марта-августа 1918 г.: заключение Брестского мира, возможности и перспективы сотрудничества с властью Советов, выступление чехословацкого корпуса, необходимость проведения союзнической интервенции. Автор приходит к выводу, что позицию сотрудников миссии отличало отсутствие единства мнений по вышеописанным ключевым вопросам: часть французского военного представительства (в лице Нисселя) была непримиримо настроена по отношению к большевикам, другая его часть (в лице Лаверня, а также французских социалистов) выражала сочувствие власти Советов. Тем не менее, руководство военной миссии оценивало советскую власть по критерию ее боеспособности и возможности продолжать военные действия против Центральных держав, что и обусловило единодушие миссии в необходимости интервенции. На основе рапортов Нисселя и Лаверня подтверждается точка зрения о том, что члены французской военной миссии были непричастны к организации чехословацкого выступления в мае 1918 г. Данное исследование основано на документах фондов Ж. Клемансо, русской секции Второго бюро и французской военной миссии в России Архива Министерства обороны Франции.

К л ю ч е в ы е с л о в а: французская военная миссия; Первая мировая война; русско-французские отношения; союзническая интервенция.

Одной из отличительных черт Первой мировой войны стало развертывание военных миссий в странах-союзниках. Цели подобных миссий были разнообразными: от получения разведывательных данных и координации действий союзнических войск до поставок стратегически важных материалов [Pénicaut, p. 41]. Деятельность французской военной миссии в России до сих пор остается малоизученной страницей истории, в то время как ее исследование могло бы существенно обогатить представления о событиях Первой мировой войны, Русской революции и Гражданской войны в России. Создав миссию как орган коалиционного взаимодействия, французы безуспешно пытались использовать этот опыт в российских событиях 1918–1920 гг. В данном контексте целесообразно

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.A12.31.0004 от 26.06.2013 г.

© Галкина Ю. М., 2016

рассмотреть деятельность миссии в переломный момент — после заключения Брест-Литовского мира и проследить отношение французов к событиям весны-лета 1918 г. в России.

Заключенный 3 марта 1918 г. Брестский мир поставил перед Францией проблему краха Восточного фронта, который Жорж Клемансо стремился восстановить любой ценой, чтобы не оставить Германии возможности перебрасывать на Западный фронт освободившиеся силы. Выход России из войны поставил вопрос о статусе французской миссии и французских военнослужащих, а также о военном имуществе Антанты, находящемся на территории России.

Своеобразие данной политической и военной ситуации нашло свое отражение в рапортах генералов Нисселя и Лаверня, последовательно возглавлявших французскую военную миссию в России[1]. Несмотря на то, что сразу после прихода к власти большевиков некоторые представители миссии перестали рассматривать Россию в качестве союзницы [Janin, p. 242], в январе-феврале 1918 г. генерал Ниссель был полон оптимизма, что выразилось в готовности незамедлительно помогать военным усилиям Советского правительства, если оно решится восстановить армию против внешнего врага [SHD/T, 7, № 760]. При этом Ниссель неоднократно подчеркивал, что именно мотив классовой борьбы может послужить основанием для возрождения антигерманского фронта:

> [Большевистские руководители] это, прежде всего интернационалисты, идеалисты и фанатики. Как следствие, заботы о спасении России для них не существует. Учитывается только одно: классовая борьба, торжество мирового пролетариата. Если когда-либо, что кажется весьма невероятным, они смогут возобновить настоящую войну против Германии, то это будет единственно в надежде, что такое возобновление ускорит или подтолкнет движение германских народных масс [SHD/T, 6, № 224].

Естественным образом сотрудникам французской военной миссии приходилось решать вопрос, с какими политическими силами имеет смысл взаимодействовать в ситуации «революционного хаоса». Поскольку на повестке дня стоял вопрос дальнейшей борьбы с Германией, французские военные рассматривали политический спектр революционной России именно с точки зрения способности воевать против Центральных держав. В конце марта 1918 г. генерал Лаверн писал:

> Анархисты кажутся прогерманской партией, монархисты являются такими в большинстве, только правые эсеры типа Савинкова видят интересы России в продолжении войны в согласии с союзниками. Это очень сомнительно — добиваться падения правительства большевиков. Чтобы вызвать его падение, достаточно немногого – и тогда есть большой шанс, что его наследие достанется прогерманской партии. Если большевистское правительство хочет создать армию, то можно ли из этого вывести, что оно решило воевать? [SHD/T, 7, № 761].

---

[1] Ген. Ниссель являлся главой французской военной миссии с августа 1917 г. по май 1918 г., ген. Лаверн — с мая 1918 г. по октябрь 1918 г.

Немногие французы симпатизировали большевикам, однако в условиях германской угрозы и отсутствия серьезного сопротивления новым властям большевики казались им меньшим злом. Залог боеспособности большевиков глава французской миссии усматривал в их стремлении вернуть утраченные территории [Ibid.].

Что же касается главного предмета взаимодействия — реорганизации армии, к процессу которой Троцкий привлек генерала Лаверня, подчеркивается отсутствие армейского законодательства, декрета, устанавливающего на какой базе должны быть созданы новые вооруженные силы России. Попутно французский генерал скептически оценил замысел Троцкого в скором времени набрать полмиллиона добровольцев [SHD/T, 7, № 761]. Можно с уверенностью сказать, что Лаверн хорошо понимал ситуацию экономической и политической катастрофы, в которой находилась Россия, и считал, что Троцкий, несмотря на желание вникать во все вопросы, не способен полностью контролировать ситуацию в стране, где в целом можно констатировать слабое взаимодействие центра и периферии. Сомнения относительно создания добровольческой армии выражались главой миссии и далее, в апреле: «С точки зрения военной, они очень бы хотели восстановить армию. Но большевистская революция совершалась против идеи войны. Как в этих условиях добиться принятия обязательной воинской повинности? Делается ставка на добровольцев, это дает посредственные результаты» [SHD/T, 7, № 761]. В этом отразилось противоречие, возникшее между бывшими союзниками: большевики хотели любым способом выйти из войны, французы — вернуть «русскому фронту» антигерманское значение. В условиях «вырождения экономической жизни» и неспособности власти Советов предпринять энергичные меры в области внешней и внутренней политики [Ibid.] единственным средством против немецкого наступления, по мысли Лаверня, могла стать «быстрая и значительная» союзническая интервенция. Он указывал, что «в массах было создано чрезмерное чувство ненависти к правительствам империалистов и капиталистов, какими бы они не были, чтобы сейчас можно было совершить полный поворот [к союзникам]» [Ibid.], однако интервенция — это единственное средство избежать превращения России в «германскую колонию» [Ibid.].

Отношение к большевизму и к вопросу необходимости проведения интервенции силами Антанты среди первых лиц французской военной миссии не было единым. Генерал Ниссель после заключения Брестского мира сделался непримиримым по отношению к советскому правительству и считал интервенцию единственно верным решением: «...сами по себе отрицающие идею Отечества, имя которого они не желают произносить, измучив население своими насилиями и беспорядком и основывая свою программу на отказе сражаться, они неспособны сплотить защитников против кого бы то ни было, пытающегося принести порядок в Россию» [SHD/T, 6, № 224]. Более того, он полагал, что союзная интервенция в Сибири встретит горячую поддержку местного населения, жаждущего восстановить порядок, «а если союзники позаботятся заявить о своем намерении уважать целостность русской территории, то он [русский

народ] будет рассматривать их не как враждебных завоевателей, а как реставраторов порядка» [Ibid.].

Любопытным в этом контексте является ощущение положения России во франко-германском конфликте: французский журналист Робер Воше в сборнике очерков «Большевистский ад» привел следующие слова посла Франции в России Жозефа Нуланса: «Россия не может спасти сама себя, ей, как и всегда, нужен иностранец. Она должна определиться между Германией и Союзниками...» [Vaucher, p. 87]. В рапортах глав французской миссии также просматривается ощущение России как «второстепенного», неполноценного участника конфликта, не способного на самостоятельную позицию, но склонного примкнуть к какой-либо из «основных сторон». Так, Ниссель пишет:

> Все русские согласны считать, что социальный порядок может быть восстановлен только при внешней поддержке. Если Антанта не предложит такой помощи, Центральные державы предложат ее, как только сочтут момент благоприятным. Так они обеспечат себе признательность, которая даст им в России преобладающее влияние [SHD/T, 6, № 224].

Если генерал Лаверн замечал, что в России не сложилось силы, способной сколько-нибудь серьезно противостоять большевикам, Ниссель пылко рапортовал, что «Сибирь не является и не может быть большевистской, потому как за правило там почитается частная собственность. Единственными большевистскими островками являются Иркутск и Владивосток по причине их рабочего населения» [Ibid.].

Позиция Лаверня по вопросу интервенции и отношения к Советской власти была менее категоричной: он признавал, что у большевиков есть политические и партийные причины не желать интервенции. На протяжении мая-июня 1918 г. генерал Лаверн, ссылаясь на слова В. И. Ленина, характеризовал политику большевиков как «лавирование между двумя равно опасными коалициями». Он справедливо полагал, что «большевистское правительство боится интервенции, которая, во-первых, приведет в Россию войну, избавлением от которой оно гордится, и, главное, заставит выбирать между двумя сторонами, исключив возможность лавирования» [SHD/T, 7, № 761]. Лаверн представляется руководителем, склонным действовать с согласия большевиков, описывая ситуацию в России, он всякий раз старается посмотреть на нее глазами советского правительства. Специфика его отношения к российской действительности заключается в том, что, в отличие от многих своих коллег, он, несмотря на недоверие к советской власти, не видел и приемлемых альтернатив, способных противостоять ей. В связи с чем, скорее, был склонен искать с большевиками *modus vivendi*.

Новым направлением в политической и военной деятельности французской миссии стало повышенное внимание к национальному вопросу. В составленной генералом Нисселем «Программе французского влияния» в России бросается в глаза, что военная и политическая пропаганда Франции была обращена,

в первую очередь, к национальным меньшинствам (полякам, украинцам, чехам, сербам, и др.) [SHD/T, 6, № 224].

Хорошо организованной и боеспособной силой на территории Советской России оставался чехословацкий армейский корпус, чья судьба была подчинена интересам Третьей республики, в связи с чем предполагалось его участие в боевых действиях на Западном фронте. Перемещение чехословацких частей с территории Украины во Владивосток по Транссибирской магистрали осуществлялось по согласию с большевиками при содействии уполномоченного Французской республики при армейском корпусе чехословацкой армии майора Арсена Верже.

История чехословацкого корпуса и его конфликт с советской властью подробно рассматривался как отечественной, так и зарубежной историографией. Поэтому не будем акцентировать внимание на развитии данного вооруженного противостояния. Однако в связи с чехословацким корпусом представляется важным обратить внимание на ряд деталей, описанных генералом Лавернем в специальном рапорте «Чехословацкий конфликт» [SHD/T, 7, № 761].

Лаверн отмечает, что тревожные события, случившиеся 14 мая в Челябинске, связанные со ссорой между мадьярскими пленными и чехословацкими военнослужащими, дошли до Москвы в искаженном виде и совпали с известиями, касающимися подъема контрреволюционного движения на Урале и в Сибири. После беседы с представителями Национального Совета при армейском корпусе, генерал Лаверн предпринял попытку помочь чешским представителям, и 17 мая 1918 г.[2] направил в расположение корпуса майора Гине и лейтенанта Паскаля, «с приказом объехать железную дорогу от Омска до Пензы и побывать во всех чешских эшелонах, чтобы дать им ясное впечатление, что мы занимаемся ими и что последние решения [по отправке на Север] были приняты по согласию с нами» [SHD/T, 7, № 761].

Любопытным является появление на Урале Альфонса Гине[3]. Между Румынией и Центральными державами начались переговоры, по итогу которых стало невозможным присутствие военных контингентов Антанты на территории Румынии. По приказу генерала Бертело, главы французской миссии в Румынии, майор артиллерии Гине, помощник подполковника Бегу, прикомандированного ко II русской армии в Буковине, 3 апреля 1918 г. вместе с другими офицерами получил назначение в Самару [SHD/T, 6, № 220]. Сотрудником французской военной миссии в России Гине, в отличие от Пьера Паскаля, не являлся.

В тот момент, когда Гине и Паскаль выехали в Омск, Троцкий выдвинул новое требование — о подчинении передвижения чехословацкого корпуса предварительной декларации французского и английского военных атташе, обязующихся добиться безотлагательной транспортировки этих войск во Францию [SHD/T, 7,

---

[2] Пьер Паскаль приводит другую дату — 15 мая 1918 г. [см.: Паскаль, с. 486].

[3] Альфонс Гине, капитан артиллерии, род. 17.04.1876, поступил на службу 29.03.1895. Получил временное повышение в воинском звании (brevet promotion) во время пребывания в России [см.: SHD/T, 7, № 1551].

№ 761]. Новое требование советского правительства весьма осложнило командировку двух французских офицеров, прибывших в Омск 23 мая. Пьер Паскаль описывает это так:

> Встречи с чехами проходили непросто: я был не слишком осведомлен об инструкциях майора Гине. Сам я знал одно: чехи должны быть как можно скорее отправлены в Архангельск. Однако, не переставая жаловаться, что советские власти чинят проволочки (разумеется, в угоду немцам), они явно были более склонны включиться в активную борьбу с этими властями здесь, нежели грузиться на корабли. На наши слова о том, что это не их задача, они возражали ссылками на прямо противоположные указания посла Нуланса. К моменту нашего прибытия их мятеж против советского правительства был уже в разгаре, что, как мне показалось, не было предусмотрено генералом Лавернем [Паскаль, с. 494][4].

Существование подобных указаний от Жозефа Нуланса не кажется удивительным: он являлся креатурой министра иностранных дел Стефана Пишона, пылкого приверженца идеи противостояния большевикам силами национальных меньшинств [Lunet, p. 54–55]. В данном контексте «белым пятном» остается вопрос о предполагаемых посредниках Нуланса, взаимодействовавших с чехословацким корпусом[5] и вдохновивших его на вооруженное сопротивление. Вероятно, разрешить эту проблему помогли бы бумаги французского слависта Поля Буайе, известного своим стремлением направлять в Россию обученных агентов (выпускников Школы восточных языков) с миссиями разведки и организации пропаганды. Услугами Буайе, входившего в Комиссию по отправке французского персонала в Россию[6], созданную Пишоном в 1917 г., пользовался и Жозеф Нуланс [Pondopoulo, p. 358].

27 мая 1918 г. [Серапионова, с. 369] представители Чехословацкого национального совета (ЧНС) ознакомились с приказом Троцкого о разоружении корпуса и его переброске на Север. Таким образом, предполагалось, что чешские и сербские части должны будут располагаться в районе Мурманска – Архангельска на случай военных действий против Германии или союзных ей финских войск. Ранее генерал Лаверн подчеркивал, что деятельность по обороне северных портов могла бы способствовать оказанию «серьезного влияния на восстановление русской армии, каким бы ни был ее цвет: белым, красным, черным» [SHD/T, 7, № 761]. В начале июня конфликт чехословацкого войска с большевиками вылился в открытое военное противостояние, в ходе которого

---

[4] Следует отметить, что данный текст является более поздней вставкой мемуарного характера, и был воспроизведен автором по памяти перед публикацией «Дневника» в 1975 г., что, в частности, отражено в используемой им терминологии. Так, например, автор характеризует выступление чехословацкого корпуса как «мятеж», но в момент возникновения советско-чехословацкого конфликта в 1918 г. в практике французской военной миссии этот термин не употреблялся.

[5] Некоторые исследователи полагают, что 1 мая 1918 г. Ж. Нуланс встречался с представителями антибольшевистских сил, которые уверяли его в том, что чехословацкий корпус поддержит решение выступить против власти Советов [см.: Swain, p. 167–168].

[6] Примечательно, что в Комиссию входили также Э. Бенеш и М. Штефаник [см.: Pondopoulo, p. 357].

представители французской военной миссии потеряли возможность контролировать действия корпуса: 1 июня 1918 г. Лаверн направляет майора Юрстеля «с заданием оказать чехам поддержку нашим авторитетом и советами. В согласии с г-ном Послом, инструкции, даваемые французским офицерам, были следующими:

1. Мы рассматриваем чехов как союзную армию, которая имеет право, поскольку война в России закончилась, покинуть ее территорию со своим оружием.

2. Французские офицеры должны собирать сведения, поддерживать чехов, защищать их права, благоприятствовать заключению перемирия и не принимать решения на будущее» [Ibid.].

Ситуация уже не благоприятствовала французам: «Капитан Борд, который был остановлен в Сызрани первыми большевистскими эшелонами, при отправке чехов безуспешно пытался вступить в контакт с последними, комендантом и советскими войсками были созданы всякого рода препятствия. Майор Юрстель, прибывший в Сызрань в ночь с 3 на 4 июня столкнется с теми же самыми трудностями» [Ibid.]. В результате, 7 июня майор Юрстель был отправлен в Москву, не получив возможности выполнить свою задачу [Ibid.]. В этот же день в Екатеринбурге был арестован лейтенант Паскаль — сотрудники французской военной миссии оказались под угрозой. Таким образом, все миротворческие усилия членов французской военной миссии были сведены на нет.

Майор Гине, расставшись с Пьером Паскалем 5 июня [Паскаль, с. 495], очевидно, оставался в Челябинске, по меньшей мере, до 22 июня, когда получил шифрованную телеграмму от посла Нуланса о необходимости поблагодарить от имени союзников чехословацкий корпус за их выступление [Unterberger, p. 211].

Оказавшись поставленным перед фактом выступления корпуса, французское руководство попыталось вернуть контроль над ситуацией, найдя выход в формировании так называемой «второй миссии генерала Жанена»[7], назначенного командующим чехословацкими войсками в России в июле 1918 г. [SHD/T, 17, № 594, c. 2, d. 3]. Более того, когда Жанену 28 августа 1918 г. было предписано покинуть Францию [Ibid.], для того чтобы направиться в расположение подчиненных ему войск в рамках военной миссии в Сибири, обстановка на западном фронте окончательно изменилась в пользу Антанты. Таким образом, актуальность вопроса восстановления фронта на востоке значительно снизилась, и перед «второй миссией Жанена» встали совсем другие задачи.

В результате проведенного исследования можно констатировать, что до эскалации конфликта с чехословацким корпусом руководство французской военной миссии оценивало советскую власть по критерию ее боеспособности и возможности продолжать военные действия совместно с союзниками, а также вести активные преобразования в политической и экономической сферах. Ее идеологическая сущность не являлась фактором, формирующим отношение к ней.

[7] Данное понятие впервые введено Арсеном Верже [Verge].

Особенно острым является вопрос, связанный со степенью влияния французских офицеров и их предполагаемым участием в выступлении чехословацкого корпуса. Французские источники, как документальные, так и источники личного происхождения, демонстрируют единодушие французских военных в оценке выступления чехословацкого корпуса. Как это видел генерал Лаверн*ь*: «Большевики очень хотели бы успокоить бурю, которую сами развязали» [SHD/T, 7, № 761]. Его рапорт о чехословацком конфликте полон миротворческих инициатив и не оставляет впечатления о французских военных как об организаторах выступления: генерал сообщает, что он заверял чехов в добром расположении к ним держав Антанты и в поддержке их желания поскорее отправиться на Западный фронт; майор Верже писал:

> Я всегда считал обреченной на неудачу всякую (не поддержанную союзниками) попытку выступлении против воли Советов, которые располагают всеми возможностями, чтобы перерезать снабжение, железные дороги, и которые, если это им необходимо, могут добиться выступления тысяч военнопленных и запросить помощи у Центральных держав [SHD/T, 17, № 622, с. 30, d. 3. doc. 27].

Таким образом, с точки зрения французской военной миссии, чехословацкий конфликт вменяется в вину большевикам, сделавшим все, чтобы усилить и без того напряженную обстановку в корпусе. Можно с определенной долей уверенности утверждать, что подчиненные Военного министерства Франции были заинтересованы в скорейшей переброске чехов на Западный фронт и, как следствие, не были склонны усложнять эту процедуру. Представляется вероятным, что противником военных, желавшим «задержать» корпус в России, было Министерство иностранных дел Франции. С начала 1918 г. на линию поведения французской военной миссии и французского дипломатического корпуса оказывает влияние так называемый «министерский кризис», сущность которого заключалась в противостоянии двух ведомств: Военного министерства и Министерства иностранных дел. Если первое выступало за поиск компромисса в отношениях с большевиками, Министерство иностранных дел было против любого сближения с советским правительством [Carley, p. 417]. Подобная ситуация нашла отражение и в источниках. Рене Маршан, журналист, аккредитованный при французской миссии, отмечал, что по вопросу фронта против Германии существовало две точки зрения: интервенция при поддержке большевиков и интервенция против воли большевиков, допускающая свержение их правительства. Первая точка зрения поддерживалась капитаном Садулем, являвшимся своеобразным «политическим медиатором» между левым спектром французской политической элиты и большевиками, вторая — послом Жозефом Нулансом [Marchand, p. 30–32].

Таким образом, документы Архива Министерства обороны Франции (Service historique de la Défense), свидетельствуют о том, что члены французской военной миссии в России не имели прямого отношения к чехословацкому выступлению, а также о том, что представители Французской республики, работавшие

на территории России, не были едины в своей неприязни к большевикам или желании свергнуть их власть. Поле идей французского представительства отражало ситуацию хаоса в революционной России — это была «совокупность разных политик» в рамках миссии, растянутой от Москвы до Петрозаводска [SHD/T, 7, № 760]. Кроме того, вышеописанное многообразие совпало с политическим противостоянием внутри самой Франции.

Источники

SHD/T. 6. № 220, 224; 7. № 760, 761, 1551; 17. № 594, 622.

Исследования

Паскаль П. Русский дневник 1916–1918. Екатеринбург : Гонзо, 2014.

Серапионова Е. П. Человек-легенда Милан Растислав Штефаник: ученый, политик, генерал // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе / ред. А. Л. Шемякин М. : Индрик, 2009. С. 356–374.

Carley M. J. The Origins of the French Intervention in the Russian Civil War, January-May 1918: A Reappraisal // The Journal of Modern history. 1976. № 3. P. 413–439.

Janin M. En mission dans la Russie en guerre (1916–1917). Paris : L'Harmattan, 2015.

Lunet P. L'intervention française en Russie méridionale en 1918–1919 // Revue historique des armées. 1992. № 1. P. 54–55.

Marchand R. Pourquoi je me suis ralliè à la formule de la revolution sociale. Petrograd : International communiste, 1919.

Pénicaut E. Missions militaires françaises auprès de puissance alliées // Archives de la Grande Guerre. Guide des sources conservées par le Service historique de la Défense relatives à la Prèmiere Guerre mondiale / ed. A. Prost. Paris : Service historique de la Défense, 2014. P. 41–43.

Pondopoulo A. Paul Boyer, ses liens avec la Russie et les enjeux politiques de la réforme de l'École des langues orientales dans les années 1910 // La France et les Français en Russie. Nouvelles sources et approches (1815–1917) / eds. A. Le Goff, A. Charon. Paris : École national des chartes, 2011. P. 341–360.

Swain G. The Origins of the Russian Civil War. New York : Routlege, 2013.

Unterberger B. M. The United States, Revolutionary Russia, and the Rise of Czechoslovakia. Texas : Texas A & M Univ. Press, 2014.

Vaucher R. L'enfer bolshevik. Paris : Perrin et Companie, 1919.

Verge A. Avec les Tchécoslovaques. Paris : Editions René Guillon, 1926.

Статья поступила в редакцию 17.05.2016 г.

Галкина Юлия Михайловна
младший научный сотрудник лаборатории эдиционной археографии УрФУ
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
E-mail: galkinskaya@gmail.com

Galkina, Yulia Mikhailovna
Junior researcher
Laboratory for the Primary Sources Studies
Ural Federal University
4, Turgenev Str., 620000 Yekaterinburg, Russia
E-mail: galkinskaya@gmail.com

THE VIEWPOINT OF THE FRENCH MILITARY MISSION IN RUSSIA OF THE SITUATION IN MAY-AUGUST 1918

The article is devoted to the viewpoints of the leaders of the French military mission (especially generals Niessel and Lavergne) on the key events of Russian history during March-August 1918, such as the conclusion of the Brest-Litovsk treaty, the possibility of cooperation with Soviet Russia, the revolt of the Czechoslovak Legion, and the necessity for an Allied intervention. The author comes to the conclusion that the officers' perception of key issues differed considerably: one part of the French military mission (represented by Nissel) felt hostility to the Bolsheviks, and theother part (represented by Lavergne) sympathised with Soviet power. Nevertheless, the leaders of the French military mission judged the Soviet regime by its military capacity and the ability to sustain military activity against the Central Powers. Referring to the reports of Generals Nissel and Lavergne, the author confirms the opinion that the members of the French military mission were not involved in the organization of the Czechoslovak revolt in May 1918. This paper is based on documents from G. Clemenceau's collection, as well as from the Russian section of the General Staff's Second Bureau and of the French Military Mission in Russia, and the French Ministry of Defense Archive.

K e y w o r d s: French military mission; First World War; Russian-French relations; Allied intervention.

Acknowledgements

The article is supported by a grant of the Russian Federation Government aiming to attract leading scholars and scientists to Russian higher educational establishments and educational establishments of the state academies of sciences, as well as academic centres of the Russian Federation (Laboratory of Primary Sources Studies, Ural Federal University). Agreement #14.A12.31.0004 as of 26 June, 2013.

Carley, M. J. (1976). The Origins of the French Intervention in the Russian Civil War, January-May 1918: A Reappraisal. *The Journal of Modern history, 3*, 413–439.

Janin, M. (2015). *En mission dans la Russie en guerre (1916–1917)* [On a Mission in Russia during the War (1916–1917)]. Paris: L'Harmattan. (In French)

Lunet, P. (1992). L'intervention française en Russie méridionale en 1918–1919 [French Intervention in South Russia in 1918–1919]. *Revue historique des armées, 1*, 54–55. (In French)

Marchand, R. (1919). *Pourquoi je me suis rallié à la formule de la revolution sociale* [Why I Agreed with the Formula of Social Revolution]. Petrograd: International communiste. (In French)

Pascal, P. (2014). *Russkii dnevnik 1916–1918* [Russian Diary 1916–1918]. Yekaterinburg: Gonzo. (In Russian)

Pénicaut, E. (2014) *Missions militaires françaises auprès de puissance alliées* [French Military Missions with the Allied Forces]. In A. Prost (Ed.), *Archives de la Grande Guerre. Guide des sources conservées par le Service historique de la Défense relatives à la Prèmiere Guerre mondiale* [Archives of the Great War. Guide to the Sources of the First World War Kept by the Historical Service of the French Ministry of Defense] (pp. 41–43). Paris: Service historique de la Défense. (In French)

Pondopoulo, A. (2011). *Paul Boyer, ses liens avec la Russie et les enjeux politiques de la réforme de l'École des langues orientales dans les années 1910* [Paul Boyer, His Links with Russia and the Goals and Objectives of the Reform of the School of Oriental Languages in the 1910s]. In A. Le Goff & A. Charon (Eds.), *La France et les Français en Russie. Nouvelles sources et approches (1815–1917)* [France and French People in Russia. New Sources and Approaches (1815–1917)] (pp. 341–360). Paris: École national des chartes. (In French)

Serapionova, E. P. (2009). *Chelovek-legenda Milan Rastislav Shtefanik: uchenyi, politik, general* [Legendary Man Milan Rastislav Štefánik: A Scientist, a Politician, a General]. In A. L. Shemyakin (Ed.), *Do i posle Versalia. Politicheskie lidery i ideia natsional'nogo gosudarstva v Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evrope* [Before and after Versailles. Political Leaders and the Idea of National State in Central and Southeast Europe] (pp. 356–374). Moscow: Indrik. (In Russian)

Swain, G. (2013). *The Origins of the Russian Civil War*. New York: Routlege.

Unterberger, B. M. (2014). *The United States, Revolutionary Russia, and the Rise of Czechoslovakia*. Texas: Texas A & M University Press.

Vaucher, R. (1919). *L'enfer bolshevik* [Bolshevik Hell]. Paris: Perrin et Companie. (In French)

Verge, A. (1926). *Avec les Tchécoslovaques*. Paris: Editions René Guillon. (In French)

Received on 17 May, 2016

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.15826/izv2.2016.18.4.081
УДК

В. В. Борисова
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
Уфа, Россия

С. В. Мотин
Уфимский юридический институт МВД России
Уфа, Россия

«АКСАКОВЫ: СЕМЕЙНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»: PROS ET CONS

Рец. на кн.: Аксаковы: семейная энциклопедия / под ред. С. М. Каштанова. — М. : Полит. энциклопедия, 2015. — 536 с.

В рецензии рассматривается содержание и структура семейной энциклопедии «Аксаковы», подготовленной коллективом московских историков. Цель отзыва — выявить значение данного энциклопедического справочника в контексте развития генеалогической науки, а также отечественного и зарубежного аксаковедения. Издание энциклопедии оценивается как большое событие в культурной и научной жизни России. Методологическая направленность рецензии определяется ее целью: Аксаковская энциклопедия характеризуется в сопоставлении с аналогичными изданиями справочного типа с учетом достижений современной гуманитарной науки и с использованием историко-культурного и историко-функционального методов. В рецензии наряду с несомненными достоинствами анализируемой работы отмечены требующие коррекции словарные статьи, при этом особое внимание обращено на материалы о семье С. Т. Аксакова.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Аксаковы; род; генеалогия; семейная энциклопедия; аксаковедение.

© Борисова В. В., Мотин С. В., 2016

На рубеже 2015–2016 гг. произошло большое событие в культурной и научной жизни России: вышла в свет семейная энциклопедия «Аксаковы» [Аксаковы][1]. Это историко-генеалогическое издание[2] подготовлено А. С. Кулешовым[3] и О. Н. Наумовым[4] при участии акад. РАН И. А. Соколова, д. и. н. Б. Г. Буркова, д. и. н. В. В. Журавлёва, д. и. н. Н. И. Цимбаева, д. и. н. В. В. Шелохаева, к. и. н. А. Ю. Морозова и др. Оно восстанавливает русскую генеалогическую традицию, заложенную еще трудами дореволюционных историков, но прерванную в XX в. Хотя в литературоведении аналогичные издания есть [Хроника рода Достоевских], для современного аксаковедения это первый опыт универсального справочника подобного типа.

Подготовке энциклопедии предшествовало длительное исследование многочисленных материалов из архивов и личных собраний как в России, так и за рубежом о представителях древнего рода Аксаковых[5]. Результатами их изучения стали прежде всего монография А. С. Кулешова «Аксаковы. История разбитых судеб» [Кулешов] и поколенная роспись «Аксаковы», составленная А. С. Кулешовым и О. Н. Наумовым [Кулешов, Наумов].

Именно в книге А. С. Кулешова реализованы те принципы изучения дворянских семей, которые нашли отражение в рецензируемой энциклопедии. Здесь же обоснована необходимость создания родословия Аксаковых в полном объеме, особенно в рамках XX в. И, надо сказать, в энциклопедии многие пропуски и фактические ошибки в генеалогическом описании аксаковского рода исправлены.

В ней раскрываются судьбы Аксаковых от первого представителя рода Африкана, «князя варяжского» в XI в., до современных потомков. Несомненным достоинством энциклопедии является то, что в ее статьях описана не только история древнейшего рода Аксаковых, но и его геральдика, родовые связи, служба его представителей в государственных учреждениях и полках, владение земельной собственностью, пожалование наградами, участие в крупных исторических событиях и мн. др.

---

[1] Далее энциклопедия цитируется с указанием страниц в тексте в круглых скобках.

[2] Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-16066д «Аксаковы: семейная энциклопедия».

[3] См. о нем: [Аксаковы, с. 252–253]. А. С. Кулешов женат на Т. М. Аксаковой, принадлежащей к московско-калужской ветви рода Аксаковых. В 2005 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Исторические судьбы рода Аксаковых в XX в.», в 2010 г. – докторскую диссертацию по теме «Род Аксаковых в истории России: социогенеалогическое исследование», опубликовал книгу «Аксаковы: История разбитых судеб» [Кулешов].

[4] См. о нем: [Аксаковы, с. 286]. В соавторстве с А. С. Кулешовым О. Н. Наумов подготовил обобщающее исследование о роде Аксаковых — поколенную роспись, охватившую историю семьи с конца XV до начала XXI в. [Кулешов, Наумов].

[5] Большая часть разнообразных источников из архивов ГАРФ, РГАЛИ, ЦГИА РБ и др. вводится в научный оборот впервые. Использованы также сведения из Киево-Печерского патерика, Тысячной книги 1550 и Дворовой тетради 50-х гг. XVI в., жалованные грамоты XVI–XVII вв., росписи 1686 г., поданные Аксаковыми в Разрядный приказ после отмены местничества, метрические записи, послужные и формулярные списки XIX–XX вв., мемуары, в том числе воспоминания Т. А. Аксаковой (урожденной Сиверс) и др.

В энциклопедии представлен обширный и исключительный по своему историко-культурному и источниковедческому значению иллюстративный материал: большинство фотографий заимствовано из семейных архивов Аксаковых (с. 4).

В структуру энциклопедического справочника вошли: вступительная статья профессора В. В. Журавлева «Аксаковы: взгляд через столетия» (с. 5–11); 537 статей (от «Абрамцево» до «Ярославский уезд»), в том числе 109 персональных статей, посвященных представителям рода Аксаковых (с. 13–456), а также поколенная роспись (с. 457–477), родословная таблица рода (с. 478–479), семейный фотоальбом Аксаковых (с. 481–523), списки сокращений (с. 525–526) и аббревиатур (с. 527), алфавитный указатель статей (с. 528–534).

Энциклопедия позволяет хорошо представить всю историю древнего рода Аксаковых. В ней раскрыт процесс его генеалогического формирования, который начался в конце XV в. и продолжался до конца XVI в., когда определился его социальный статус и положение в структуре служилого сословия, окончательно установилась фамилия, был избран семейный духовный центр (Богоявленский монастырь в Москве) и началось выделение трех ветвей (с. 346): московской (с XIX в. — московско-калужской), арзамасской (с XVIII в. — уфимско-самарской), тульско-рязанской, которая образовалась из двух семей, находившихся в дальнем родстве. Каждая из ветвей рода имела своего родоначальника. Основной ветвью рода Аксаковых считается московская. Согласно традиционным представлениям, из нее в XVI в. выделилась арзамасская ветвь, а в XVIII в. — тульско-рязанские ветви. Родство между московской и арзамасской ветвями рода документально окончательно не доказано и оспаривается в историографии Аксаковых (с. 124).

Родоначальник Аксаковых, Вельяминовых, Воронцовых и других родов – Шимон (Симон) Африканович жил в XI в. Достоверность его существования подтверждается историческими источниками. Прямой родоначальник Аксаковых — Иван Федорович Вельяминов, по прозвищу Аксак (Оксак), жил в конце XV в. Он — родоначальник московской (в XIX–XX вв. московско-калужской) ветви рода. Родоначальником арзамасской (в XVIII–XX вв. уфимско-самарской) ветви Аксаковых явился боярский сын Михаил Юрьевич Аксаков, живший в середине XVI в. Родоначальником 1-й тульско-рязанской ветви рода Аксаковых стал статский советник Петр Дмитриевич Аксаков (конец XVII — 1-я пол. XVIII в.), родоначальником 2-й тульско-рязанской ветви — гвардии капитан Николай Иванович Аксаков (конец XVIII — 1-я пол. XIX в.) (с. 347).

Аксаковы внесены в родословные книги семи губерний: Калужской, Московской, Оренбургской (Уфимской), Рязанской, Самарской, Симбирской и Тульской. Первым из рода Аксаковых о внесении в родословные книги просил представитель уфимско-самарской ветви Степан Михайлович Аксаков, который 11 декабря 1791 г. был записан «вместе с родом» в 6-ю часть. Чуть позже, в 1796 г. произошло правовое признание дворянского достоинства рязанских Аксаковых — поручика А. П. Аксакова и его сына С. А. Аксакова. В ноябре 1799 г.

братья В. Н. и С. Н. Аксаковы просили причислить их к московской дворянской корпорации (с. 347).

В 1-й пол. XVIII в. Аксаковы появились в Уфимской провинции, когда П. Д. Аксаков [Биккулов], родоначальник тульско-рязанской ветви рода, был исполняющим обязанности воеводы провинции (с 17 апреля 1738 г. по март 1739 г.), а затем вице-губернатором (с 7 ноября 1740 г. — Уфимской провинции, в 1743–1744 гг. — Уфимской губернии). В Оренбургской губернии Аксаковы поселились после того, как С. М. Аксаков 5 октября 1767 г. купил у бомбардира Грязева землю в Бугульминском уезде. На территории Оренбургской губернии Аксаковы жили до начала XX в. Со 2-й пол. XVIII в. они владели землями на территории Оренбургской и Уфимской губерний (в Белебеевском, Бугульминском, Бузулукском, Стерлитамакском и Уфимском уездах). Именно в этих губерниях сформировалась уфимско-самарская ветвь рода (бывшая арзамасская). Аксаковы сыграли заметную роль в общественной жизни этих губерний, служили в местных государственных учреждениях (с. 427). Так, Г. С. Аксаков в 1852–1853 гг. был оренбургским вице-губернатором, в 1861–1865 гг. – оренбургским гражданским губернатором, в 1865–1867 гг. – уфимским губернатором, а также в 1867–1872 гг. – самарским губернатором (с. 27–29).

Таким образом, налицо усиление уфимско-самарской ветви аксаковского рода, ставшей в конце XVIII в. дворянской и подарившей России и миру самых выдающихся своих представителей.

Однако, на наш взгляд, удельный вес и статус этой ветви Аксаковых в энциклопедии принижен, что явилось следствием благородного стремления возвысить другие семьи однородцев, которые ранее изучались недостаточно. По мнению А. С. Кулешова, эта тематическая и хронологическая неравномерность сказалась, в частности, на преимущественном внимании к вопросу происхождения фамилии Аксаковых в древности и к XIX в. как периоду наибольшей активности и известности его представителей. «Другие периоды существования, в том числе и XX век, самостоятельному и целенаправленному изучению не подвергались», – справедливо замечает ученый [Кулешов, с. 5].

Действительно, сведения об Аксаковых в XX столетии исчерпывались краткими биографиями в справочниках и популярных журналах, воспоминаниями Т. А. Аксаковой (урожденной Сиверс), а также небольшими экскурсами в историю рода Аксаковых в отдельных работах.

А. С. Кулешову удалось и в монографии, и в энциклопедии в полной мере «реабилитировать» и восстановить калужско-московскую ветвь Аксаковых, представители которой остались в России, осели в США, Болгарии, Германии, Югославии, Франции, Аргентине, Австралии и других странах.

Но в результате произошел обратный крен: вторая половина XIX в. представлена в энциклопедии менее ярко и репрезентативно, хотя именно в это время семья С. Т. Аксакова сыграла максимально заметную роль в общественной и культурной жизни России. Совпадение двух «золотых веков» — в русской культуре XIX столетия и в истории рода Аксаковых — еще требует своего

осмысления. Именно в этот период русская культура без Аксаковых стала немыслима.

Судя по всему, это закономерный исторический и культурный феномен. История многих дворянских родов наглядно демонстрирует постепенную аккумуляцию черт гениальности в отдельных их представителях, для чего требуется многовековое проживание в родовом месте и неуклонный отбор и наследственная передача способностей от одного потомка к другому.

Так, Н. Н. Богданов, следуя в этом плане за немецким ученым Э. Кречмером, обнаружил поразительное подтверждение данной генеалогической закономерности в фамильной истории Достоевских, которые после накопления «родовой энергии» удачно соединились с купеческим родом Куманиных, дав миру литературного гения [Богданов, с. 7–8]. О механизме семейного наследования талантов и способностей пишет и А. С. Кулешов, отмечая, что еще в 1920-е гг. была предпринята попытка дать характеристику роду Аксаковых с медико-биологической точки зрения. В «Русском евгеническом журнале» была опубликована статья генетика А. С. Серебровского о семействе Аксаковых [Кулешов, с. 6].

Однако, статьи, посвященные в энциклопедии членам самой знаменитой аксаковской семьи, имея небольшой объем (за исключением статьи об И. С. Аксакове), не раскрывают всей уникальности и многогранности их деятельности. Так, при всей полноте биографических фактов о С. Т. Аксакове (с. 63–65) недостаточной представляется характеристика его как выдающегося культурного деятеля своего времени. Например, этапный в его творчестве и в русской литературе XIX в. в целом очерк «Буран», с которым связано становление нового художественного метода в отечественной словесности — реализма, — ошибочно представлен как произведение, обозначившее мемуарное направление в прозе С. Т. Аксакова, хотя поворот к нему произошел гораздо позже — в абрамцевский период жизни и творчества. Созданные в это время произведения строятся как воспоминания, охватывающие почти целое столетие, включая изложение семейных преданий о жизни деда с середины XVIII в., рассказ о родителях, о себе, доходящий до 50-х гг. XIX столетия.

Без учета современного состояния отечественного и зарубежного аксаковедения в указанной статье характеризуются лучшие произведения писателя. А ведь его «охотничий цикл» («Записки об уженье рыбы» (1847), «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (1852), «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» (1855), «Пояснительная заметка к “Уряднику сокольничья пути”» (1855), «Замечания и наблюдения охотника брать грибы» (1856), «Несколько слов о раннем весеннем и позднем осеннем уженье» (1858), «Собирание бабочек» (1858)) является самым обширным и многогранным в отечественной литературе.

Не подчеркнуто в статье, написанной О. Н. Наумовым, и новаторство автобиографической дилогии С. Т. Аксакова как подлинного основателя классической традиции русского семейного романа. Ничего не сказано о языке писателя, представляющем собой органичный сплав многих русских говоров

и диалектов Урала и Предуралья, приправленных тюркизмами, и нашедшем отражение в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля. Не в полной мере раскрыта роль С. Т. Аксакова как общественного деятеля своего времени, в московский период оказавшегося в центре идейных споров западников и славянофилов. Весьма скуден библиографический список, в который не вошли важнейшие работы о С. Т. Аксакове[6], не указаны в нем исследования на иностранных языках, не использован богатый материал о жизни и творчестве С. Т. Аксакова, представленный на сайте «ЭНИ С. Т. Аксаков», созданном кафедрой русской литературы Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (URL: aksakov.do.am). Аналогичные замечания касаются недостаточно комплексной характеристики и многогранной личности К. С. Аксакова (с. 42–44).

На этом фоне выделяется самая большая и добротная в энциклопедии статья, посвященная И. С. Аксакову, которую написал профессор МГУ Н. И. Цимбаев (с. 33–41)[7]. Ее отличает подлинно энциклопедический охват фактического материала. То же самое можно сказать о других статьях, написанных Н. И. Цимбаевым, в том числе – о жене И. Аксакова Анне Федоровне Тютчевой (с. 71–74), об имениях Абрамцево (с. 13–15) и Мураново (с. 283–284), в которых жил и неоднократно бывал И. С. Аксаков; о газетах «День» (с. 173–176), «Москва» (с. 274–276), «Русь» (с. 364). О других периодических изданиях Ивана Сергеевича Аксакова («Москвич» (с. 276) и «Парус» (с. 320)) написал О. Н. Наумов. Отрадно, что в отдельной статье Н. И. Цимбаева рассказывается о поэме И. С. Аксакова «Бродяга» (с. 108–109), другим же произведениям И. Аксакова «повезло» меньше.

В частности, не хватает статей, посвященных его книге о Ф. И. Тютчеве — первой фундаментальной биографии в тютчеведении, а также обширному поэтическому, литературно-критическому и публицистическому наследию, огромной переписке И. С. Аксакова, его связям с видными российскими и славянскими деятелями культуры и литературы, о чем много написано в работах Д. А. Бадаляна, В. Н. Грекова, В. А. Китаева, С. В. Мотина, А. А. Тесли[8], Т. Ф. Пирожковой и других современных исследователей жизни и творчества И. С. Аксакова.

Посвятив много страниц основным ветвям рода Аксаковых, авторы энциклопедии не уделили должного внимания окружению С. Т. Аксакова и его семьи (Н. В. Гоголю, Л. Н. Толстому, И. С. Тургеневу, Ф. И. Тютчеву, А. С. Хомякову и др.), их дальним родственникам (М. А. Осоргину, Карташевским, Куроедовым, Нагаткиным и др.), а также продолжателям их творческих традиций

---

[6] Это, прежде всего, исследования Е. И. Анненковой, В. В. Кожинова, В. А. Кошелева, М. А. Чванова, Ю. И. Минералова и многих других авторов.

[7] Н. И. Цимбаев первым в Советском Союзе в 1972 г. защитил диссертацию, посвященную И. С. Аксакову («Иван Аксаков в общественной жизни России 1860-х гг.»), позже изданную в виде монографии. В ней ученый представил биографию и взгляды И. С. Аксакова в контексте развития славянофильства.

[8] См., в частности, его книгу «Последний из “отцов”: Биография Ивана Аксакова» [Тесля]. Это первая в истории отечественной мысли биография Ивана Сергеевича Аксакова.

(М. М. Пришвину, К. Г. Паустовскому, В. А. Солоухину и др.), тем самым значительно сузив и обеднив связи Аксаковых в XIX в. с отечественной и мировой культурой.

Отметим и другие пробелы в энциклопедии: в ней нет статей о Москве, Санкт-Петербурге, Оренбурге, Самаре, Уфе и других аксаковских местах. Несомненно, требуется дополнить энциклопедию следующими статьями: «Аксаковедение» (отечественное и зарубежное), «Аксаковеды» (в том числе нужны отдельные статьи о таких ведущих аксаковедах как Е. И. Анненкова, В. А. Кошелев, Т. Ф. Пирожкова, П. И. Федоров, М. А. Чванов и др.), «Аксаковская литературная премия», «Аксаковские места», «Аксаковское литературоведение», «Аксаковское движение», «Аксаковское славянофильство», «Аксаковские архивы», «Библиография Аксаковых», «Международный Аксаковский фонд», «Аксаковские музеи», «Эпистолярий Аксаковых» и т. д.

Кроме того, в вышедшей семейной энциклопедии недостаточно раскрыта роль православия в жизни и творчестве всего рода Аксаковых. Думается, что следовало уделить больше внимания христианскому фундаменту мировоззрения и творчества семьи С. Т. Аксакова.

И, конечно, невозможно обойти стороной историю аксаковского движения в России, начиная со второй половины 1950-х гг. и заканчивая сегодняшним днем. В этом тематическом блоке наряду с персоналиями должны находиться музеи, вузы, школы, государственные учреждения, общественные организации, газеты, журналы и сайты, занимающиеся изучением и пропагандой творческого наследия семьи Аксаковых.

Таким образом, налицо некоторая тематическая и содержательная ограниченность данного справочного издания, обусловленная, на наш взгляд, в первую очередь тем, что к работе над энциклопедией был привлечен довольно узкий круг специалистов, в то время как для нее необходимы коллективные усилия представителей разных наук.

К большому сожалению, в энциклопедии не нашли должного отражения достижения современного аксаковедения: очень многое не учтено. Так, практически не введены в оборот концептуальные идеи фундаментальной книги В. А. Кошелева «Сто лет семьи Аксаковых», имеющей в высшей степени большое биографическое и историко-культурное значение. В ней на обширном, богатом материале, большей частью извлеченном из архивов и писем, показывается, как история русской национальной жизни в столетний период с 1791 по 1891 гг. преломляется в бытии и делах Аксаковых.

История этой русской семьи, осознавшей и утвердившей «семейственность» принципом культурного существования, рассматривается автором книги в широком контексте эпохи: «Жития этой семьи было *ровно сто лет*: Сергей Тимофеевич Аксаков, ее глава, родился в 1791 году; Григорий Сергеевич, последний из его сыновей, скончался в 1891 году. Конечно, фамилия Аксаковых существовала и до, и после этих крайних дат — но тот культурный взрыв, который поставил эту семью в центр русской национальной жизни, пришелся именно

на этот "аксаковский" век» [Кошелев, с. 13]. «Аксаковы проявили себя в разных сферах жизни: литературной, театральной, журнальной, общественной. Они несли в себе замечательную культуру, отличавшую все XIX столетие» [Там же, с. 14]. «Наконец, "вековая" аксаковская семья представляет особенный интерес еще и потому, что всегда существовала в контакте с напряженной духовной и культурной деятельностью общества, что всегда несла в себе некую "общественную" жилку» [Там же, с. 15].

Неучтенной оказалась и другая книга, составленная историком-краеведом Р. П. Поддубной, — «Самарская хроника Аксаковых» [Поддубная]. Это первая региональная хроника жизни и творчества Аксаковых, при подготовке которой были использованы документы Центрального государственного архива Самарской области. В ней раскрыта история Аксаковых, связанная с Заволжьем, представлен фрагмент родословной, относящейся к поволжско-приуральской ветви, описаны аксаковские места в Самарской губернии в период с 1851 по 1921 гг.

Касаясь источниковедческой и библиографической базы энциклопедии, отметим, что для ее расширения необходимо ввести в активный оборот архив Аксаковых в Рукописном отделе Института русской литературы РАН, который чрезвычайно обширен, но изучен еще в малой степени, а также фактическую информацию, представленную на сайте ЭНИ «С. Т. Аксаков»: это, прежде всего, библиографические указатели литературы о С. Т. Аксакове и его семье (1980–2016), составленные П. И. Федоровым, материалы к Летописям С. Т. Аксакова и И. С. Аксакова, «Аксаковские сборники», в которых, кстати, опубликовано немало интересных сведений о родословии Аксаковых и мн. др. Определенной недооценкой литературно-философского направления (по определению А. С. Кулешова) в изучении истории Аксаковых обусловлены и некоторые фактические ошибки. Так, процитированные строчки из стихотворения М. Волошина «Гражданская война» (1919) приписаны А. А. Блоку [Кулешов, с. 43].

Тем не менее, подводя итоги, можно еще раз подчеркнуть, что вышла в свет действительно уникальная, прекрасно изданная аксаковская семейная энциклопедия, которая все же требует существенного дополнения, касающегося прежде всего уфимско-самарской ветви рода Аксаковых. В истории аксаковского рода, вписавшейся в 1000-летнюю историю Российского государства, «вековая семья» С. Т. Аксакова является центром и фокусом всего родословия. Она заслуживает самостоятельной энциклопедии.

Аксаковы: семейная энциклопедия / под ред. С. М. Каштанова. М. : Полит. энциклопедия, 2015.

Биккулов И. Н. П. Д. Аксаков — воевода и вице-губернатор Уфимской провинции. Уфа : Педкнига, 2009.

Богданов Н. Н. Старые и новые проблемы в изучении родословия Ф. М. Достоевского // Три века русской литературы: актуальные аспекты изучения: Роду Достоевского 500 лет : Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 20 / под ред. Ю. И. Минералова, О. Ю. Юрьевой. М. ; Иркутск : Вост.-Сиб. гос. акад. образования, 2009. С. 3–9.

Кошелев В. А. Сто лет семьи Аксаковых. Бирск : Изд-во Бирск. гос. пед. ин-та, 2005.
Кулешов А. С. Аксаковы. История разбитых судеб. М. : Территория, 2009.
Кулешов А. С., Наумов О. Н. Аксаковы: Поколенная роспись. М. : Территория, 2009.
Поддубная Р. П. Самарская хроника Аксаковых. Самара : Офорт, 2015.
Тесля А. А. Последний из «отцов»: Биография Ивана Аксакова. СПб. : Владимир Даль, 2015.
Хроника рода Достоевских / под ред. И. Л. Волгина. М. : Фонд Достоевского, 2013.

Рецензия поступила в редакцию 19.08.2016 г.

Борисова Валентина Васильевна
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русской литературы
Башкирский государственный
педагогический университет им. М. Акмуллы
450000, Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а
E-mail: borisova@ufacom.ru

Мотин Сергей Витальевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры
истории и теории государства и права
Уфимский юридический институт
МВД России
450103, Уфа, ул. Муксинова, 2
E-mail: motinsergey@mail.ru

Borisova, Valentina Vasilyevna
Dr. Hab. (Philology), Professor,
Head of the Department of Russian
Literature
Bashkir State Pedagogical University
named after M. Akmulla
3a, Oktyabrskaya Revolutsia Str., 450000
Ufa, Bashkortostan, Russia
E-mail: borisova@ufacom.ru

Motin, Sergei Vitalyevich
PhD (Law), Associate Professor,
Chair of History and Theory of State
and Law
Ufa Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
2, Muksinov Str., 450103 Ufa, Russia
E-mail: motinsergey@mail.ru

THE AKSAKOVS: A FAMILY ENCYCLOPAEDIA: PROS ET CONS

Review of Kashtanov, S. M. (Ed.). (2015). *Aksakovy: semejnaya ehntsiklopediya* [The Aksakovs: A Family Encyclopaedia]. Moscow: Politicheskaya ehntsiklopediya. 536 p.

The review deals with the content and structure of the family encyclopaedia *The Aksakovs* prepared by a team of historians from Moscow. Its purpose is to identify the significance of this encyclopedic guide in the context of the genealogical science, as well as domestic and foreign Aksakov study. The publication of the encyclopedia is estimated as a great event in the cultural and scholarly life of Russia. The methodological basis for the study is defined by its purpose: the Aksakov encyclopaedia is compared with similar reference books and with the use of historical and cultural, and historical and functional methods. Along with the undoubted advantages of the reviewed work, the authors point out dictionary entries requiring correction, while special attention is paid to the materials on S.T. Aksakov's family.

K e y w o r d s: The Aksakovs; kin; genealogy; family encyclopaedia; Aksakov study.

Bikkulov, I. N. (2009). *P. D. Aksakov — voevoda i vitse-gubernator Ufimskoj provintsii* [P. D. Aksakov — Voivode and Vice-Governor of Ufa Province]. Ufa: Pedkniga. (In Russian)

Bogdanov, N. N. (2009). Starye i novye problemy v izuchenii rodosloviya F. M. Dostoevskogo [Old and New Issues in the Study of F. M. Dostoevsky's Genealogy]. In Yu. I. Mineralov, & O. Yu. Yurieva (Eds.), *Tri veka russkoj literatury: aktual'nye aspekty izucheniya: Rodu Dostoevskogo 500 let: Mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov* [Three Centuries of Russian Literature: Current Aspects of Study: 500 Years to the Dostoevsky Family: An Inter-University Collection of Scholarly Papers] (Vol. 20, pp. 3–9). Moscow; Irkutsk: East-Siberian State Academy of Education. (In Russian)

Kashtanov, S. M. (Ed.). (2015). *Aksakovy: semejnaya ehntsiklopediya* [The Aksakovs: A Family Encyclopaedia]. Moscow: Politicheskaya ehntsiklopediya. (In Russian)

Koshelev, V. A. (2005). *Sto let sem'i Aksakovykh* [The Aksakov Family Turns 100]. Birsk: Birsk State Pedagogical Institute Press. (In Russian)

Kuleshov A. S. (2009). *Aksakovy. Istoriya razbitykh sudeb* [The Aksakovs. A Story of Broken Lives]. Moscow: Territoriya. (In Russian)

Kuleshov, A. S., & Naumov, O. N. (2009). *Aksakovy: Pokolennaya rospis'* [The Aksakovs: A Genealogical Table]. Moscow: Territoriya. (In Russian)

Poddubnaya, R. P. (2015). *Samarskaya khronika Aksakovykh* [Samara Chronicle of the Aksakovs]. Samara: Ofort. (In Russian)

Teslya, A. A. (2015). *Poslednij iz «ottsov»: Biografiya Ivana Aksakova* [The Last of the "Fathers": A Biography of Ivan Aksakov]. Saint Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russian)

Volgin, I. L. (Ed.). (2013). *Khronika roda Dostoevskikh* [A Chronicle of the Dostoevsky Family]. Moscow: Dostoevsky Fund. (In Russian)

Received on 19 August, 2016

Список сокращений

ГААК	Государственный архив Алтайского края
ГАВО	Государственный архив Волгоградской области
ГАКО	Государственный архив Кировской области
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАСО	Государственный архив Свердловской области
ГАТО	Государственный архив Томской области
ДРЗ	Дом русского зарубежья им. А. Солженицына
НТС	Народно-трудовой союз российских солидаристов
ОР ИМЛИ РАН	Отдел рукописей Института мировой литературы РАН
РГАЛИ	Российский государственный исторический архив литературы и искусства
ЦГИА РБ	Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан
BAR	Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (Бахметьевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры, США, Колумбийский университет)
HIA	Hoover Institution Archive on War, Revolution and Peace (Архив Гуверовского института войны, революции и мира)
SHD/T	Service historique de la Défense, Terre (Архив Министерства обороны Франции)

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
2016. Т. 18. № 4 (157)

Редактор и корректор *А. А. Макарова*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48320 от 27.01.12
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

Подписано в печать ____.12.2016. Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$
Уч.-изд. л. ____. Усл. печ. л. 24, 38. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 430.

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
Отпечатано в ИПЦ УрФУ. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

ПРАВИЛА
направления, рецензирования и опубликования научных статей
в журнале «Известия Уральского федерального университета.
Серия 2. Гуманитарные науки»

I. Информация о журнале

1. Научный журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки» издается с 1999 г. Учредителем и издателем журнала является ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина». Серия «Гуманитарные науки» журнала «Известия Уральского федерального университета» является периодическим изданием (выходит 4 раза в год).

2. Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки»

- зарегистрирован как научное периодическое издание Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-48320 от 27 января 2012 г.);
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227-2283;
- включен в Перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим отраслям наук: исторические науки и археология, филологические науки, искусствоведение;
- включен в Russian Science Citation Index (RSCI), размещенный на платформе Web of Science (WoS);
- включен в объединенный каталог «Пресса России. Газеты и журналы. Т. 1», подписной индекс — 43143;
- материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета (http://urfu.ru/ru/science/scientific-journals/izvestija-urfu/) и на собственном сайте журнала (http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2).

3. Редакционная политика журнала ориентируется на современные гуманитарные исследования, свободные от идеологических штампов, базирующиеся на использовании различных научных парадигм, введении в научный оборот новых источников. Приветствуется академический уровень подачи материала, историографическая полнота и дискуссионность (в рамках проблематики журнала и по заранее выбранным сообществом экспертов проблемам). Редколлегия журнала следует правилам научного либерализма, предусматривающего публикацию мнений вне зависимости от идеологических взглядов.

II. Порядок приема рукописи

1. Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды объемом не более одного учетно-издательского (авторского) листа (40 000 знаков с пробелами). Статьи аспирантов принимаются объемом до 0,5 а. л. (20 000 знаков с пробелами). Публикация в журнале бесплатная.

2. Журнал принимает к публикации научные статьи, научные обзоры, научные рецензии и отзывы, освещающие актуальные вопросы филологии, истории и искусствоведения.

3. К рукописи прилагается одна официальная рецензия (внешнюю рецензию дает специалист соответствующей отрасли знаний, не работающий в одном вузе, на одном факультете или на одной кафедре с автором статьи). Статьи без внешней рецензии не рассматриваются.

4. Авторский оригинал предоставляется в электронной версии и с обязательной распечаткой текста. В статье должны присутствовать следующие метаданные: название статьи; аннотация (в которой указываются тема и цель работы, методология исследования, источники, основные результаты и выводы, объемом не менее 200 слов); ключевые слова (7–10); библиографический список; сведения об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, звание, должность; место работы (с указанием адреса); e-mail). Все метаданные предоставляются на русском и английском языках.

5. Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту. Страницы рукописи нумеруются. Иллюстрации к статье высылаются отдельными файлами в формате JPEG. Все иллюстрации должны быть подписаны и пронумерованы.

6. Статьи принимаются к рассмотрению в течение всего года. Рукописи высылаются по адресу: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51. «Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки».

III. Порядок рецензирования и опубликования научных статей

1. Редколлегия журнала осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Срок рецензирования статей — от 2 до 6 месяцев.

2. В качестве рецензентов выступают признанные специалисты по тематике представленных на экспертизу материалов, имеющие в течение последних 3 лет публикации по проблеме рецензируемой статьи.

3. Редакция журнала хранит рецензии в течение 5 лет. При поступлении в редакцию издания соответствующего запроса она направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации.

4. Редакционная коллегия на основании заключения рецензентов принимает решение о публикации поступивших материалов. Принятые к публикации статьи включаются в ближайший выпуск журнала.

5. Редакция уведомляет автора рукописи о том, принят или не принят к публикации материал, направляет авторам копии рецензий или мотивированный отказ. Рукописи, не принятые редколлегией к изданию, автору не возвращаются.

IV. Требования к авторскому оригиналу

Подготовка электронного варианта рукописи

- **Формат бумаги** — A4 (210 × 297 мм), ориентация книжная.
- **Программа** — Word, **гарнитура** — Times.
- **Поля** — все по 2 см.
- **Размер шрифта** (кегль) — 14 (алгоритм набора: Формат — Шрифт — Размер 14).

- **Межстрочный интервал** — полуторный (Формат — Абзац — Междустрочный — Полуторный).
- **Межбуквенный интервал** — обычный.
- **Абзацный отступ** — 1,25 (Формат — Абзац — Первая строка — Отступ 1,25).
- **Выравнивание текста по ширине** (Формат — Абзац — Выравнивание — По ширине).
- **Нумерация страниц** (Вставка — Номер страницы — Внизу, справа).
- **Переносы** обязательны (Сервис — Язык — Расстановка переносов — Автоматическая расстановка переносов).
- **Квадратные скобки** — на латинской клавиатуре.
- **Межсловный пробел** — один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях *т. е., т. п., т. д.* Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: *М., 1995*. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: *А. С. Пушкин*.
- **Дефис** должен отличаться от тире, например: *Творчество Н. Заболоцкого конца 1920-х — начала 30-х годов*.
- **Тире** должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах, например: *1941—1945 гг., с. 8—61*.
- **Кавычки** должны быть одного начертания по всему тексту («...» — внешние, "..." — внутренние).
- **Точка**, **запятая и точка с запятой** при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски, например: *«Наши дети — энциклопедисты по самому характеру своего мышления», — говорил Маршак*[1].
- **Римские цифры** набираются с помощью латинской клавиатуры.
- **Буква *ё*/*Ё*** заменяется буквой *е*/*Е* за исключением важных для смыслоразличения контекстов, например: *Всем обо всём*.
- При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.
- Не допускаются пробелы между абзацами.

Виды и приемы выделений в тексте

- Основные виды выделений в рукописи — **рубрикационные** (заголовки рубрики) и **смысловые** (термины, значимые положения, логические усиления).
- Смысловые выделения в авторском тексте оформляются разрядкой (Формат — Шрифт — Интервал — Разреженный — 2).
- Короткие примеры в авторском тексте выделяются светлым курсивом, при необходимости используется полужирный курсив, например: «неблагозвучны громоздкие сочетания согласных на стыке слов (*пу**сть встр**еча состоится*)». Отдельные фрагменты цитируемого текста выделяются мелким шрифтом с отбивками от основного текста.

Примечания и библиографические ссылки

- Примечания оформляются с помощью подстрочника и арабской цифры-индекса в качестве знака сноски. Ссылки на литературу в составе примечания приводятся в виде отсылки в квадратных скобках.
- Ссылки — затекстовые, оформляются в соответствии с национальным стандартом РФ ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка», введенным с 1 января 2009 г. Обязательно указание на страницы цитируемых статей. Ссылки на иностранные источники следуют после русскоязычных.
- Отсылки в тексте — в квадратных скобках с указанием фамилий авторов (если документ создан 1–3 авторами) или названий (4 и более авторов, коллективные сборники), а также при необходимости номера тома и страницы при прямом цитировании. Например: [Толстой, т. 4, с. 287]. Год издания указывается лишь в том случае, если есть ссылки на другие книги этого автора.

Примеры оформления ссылок:

Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древние языки / под ред. В. С. Расторгуевой. М. : Наука, 1979. С. 272–346.

Полдников Д. Ю. Этапы формирования цивилистической договорной теории ius commune // Государство и право. 2012. № 6. С. 106–115.

Смирнов М. И. Адмирал Александр Васильевич Колчак (краткий биографический очерк). Париж : Изд. Воен.-Мор. Союза, 1930.

РГАВМФ. Ф. 406, 418, 609, 701, 716. Р-181, Р-183, Р-187.

Ћосић Д. Косово. Београд : Новости, 2004.

Bryson G. Man and Society. The Scottish Inquiry of the Eighteenth Century. Princeton : Princeton Univ. Press, 1945.

Emerson R. The Social Composition of Enlightened Scotland: The Select Society of Edinburgh 1754–1764 // Studies on Voltaire and the Eighteenth Century, CXIV. 1973. P. 291–329.

United States Department of State [Electronic resource] // Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers, 1941. General, The Soviet Union (1941). URL: http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1941v01 (accessed: 12.07.2013).

Список литературы должен быть продублирован в формате APA (American Psychological Association) с обязательной транслитерацией и переводом кириллических названий (за исключением названий периодических изданий).

Названия изданий на языке, использующем не латинский алфавит (например, кириллицу), должны быть транслитерированы и переведены на английский язык, при этом в качестве основного названия используется транслитерация оригинального названия, а после нее в квадратных скобках дается английский перевод.

При транслитерации используются правила Библиотеки Конгресса США (ALA-LC romanization или LC romanization), при этом следует делать исключения для имен собственных и названий периодических изданий, которые необходимо транслитерировать в соответствии со сложившейся традицией (например: В. Янин = V. Yanin, а не V. Ianin; Вопросы языкознания = Voprosy jazykoznanija, а не Voprosy iazykoznaniia и т. п.).

Примеры оформления списка:

Abaev, V. I. (1979). Skifo-sarmatskie narechiia [Scytho-Sarmatian Languages]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), *Osnovy iranskogo iazykoznaniia. Drevneiranskie iazyki* [Elements of Iranian Linguistics. Ancient Iranian Languages] (pp. 272–346). Moscow: Nauka. (In Russian)

Berezovich, E. L. (2007). *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniia* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik. (In Russian)

Coss, P. (1989). Bastard Feudalism Revised. *Past and Present*, *125*, 27–64.

Coss, P. (1991). *Lordship, Knightood and Locality. A Study in English Society, c. 1180-1280*. Cambridge: Cambridge University Press.

Gammeltoft, P. (2005). Islands Great and Small: A Brief Survey of the Names of Islands and Skerries in Shetland. In P. Gammeltoft, C. Hough, & D. Waugh (Eds.), *Cultural Contacts in the North Atlantic Region: The Evidence of Names* (pp. 119–126). Lerwick: NORNA.

Harvalík, M. (2004). *Synchronní a diachronní aspekty české onymie* [Synchronic and Diachronic Aspects of Czech Proper Names]. Praha: Academia. (In Czech)

Kleiber, G. (1992). Quand le nom propre prend l'article: le cas des noms propres métonymiques [When a Proper Name Takes an Article: The Case of Metonymic Proper Names]. *Journal of French Language Studies*, *2,* 185–205. (In French)

Kuznetsov, S. A. (Ed.). (2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [A Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint. (In Russian)

Lysova, E. V. (2002). *Ornitonimiia Russkogo Severa* [Ornithonymy of the Russian North] (doctoral dissertation). Ural State University, Yekaterinburg. (In Russian)

Sprache [Electronic Dictionary of the German Language]. Retrieved from http://www.dwds.de/. (In German)

Zaliznyak, A. A., & Yanin, V. L. (2003). Berestianye gramoty iz novgorodskikh raskopok 2002 g. [Birch Bark Manuscripts from Novgorod Excavations in 2000]. *Voprosy jazykoznanija*, 4, 3–11. (In Russian)

Принципы оформления библиографической записи в формате APA описаны на сайте: http://www.apastyle.org/, а также на многочисленных сайтах библиотек.

Правила транслитерации Библиотеки Конгресса США (ALA-LC romanization) описаны на сайте: http://www.loc.gov/catdir/cpso/roman.html. При транслитерации кириллических названий можно воспользоваться автоматическими системами транслитерации, например: translit.net (в выпадающем меню «Варианты...» выбрать LC).

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество	Surname, name, middle name
Ученая степень, звание, должность	Academic degree, position
Организация	Organization
Почтовый адрес и телефон места работы	Mailing address, phone number
E-mail	E-mail

E-mail: izvestia.2@yandex.ru
Сайт: http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2
Почтовый адрес: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
«Известия Уральского федерального университета.
Серия 2. Гуманитарные науки»